

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
Экономика. Социология. Менеджмент**

**Том 8
№ 1 (26)**

Курск 2018

2018. Т. 8, № 1 (26)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44617
от 15.04.11).

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия Экономика. Социология.
Менеджмент» включен в перечень
ведущих научных журналов ВАК
Минобрнауки России 01.12.2015 г.
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки,
09.00.00 – философские науки,
22.00.00 – социологические науки

Журнал "Известия Юго-Западного государ-
ственного университета. Серия Экономика.
Социология. Менеджмент" индексируется в
международной базе данных Ulrichweb
(Ulrich's Periodicals Directory)

Редакционная коллегия

С. Г. Емельянов (главный редактор),
д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ;
Ю. В. Вертакова (заместитель главного
редактора), д-р экон. наук, профессор, ЮЗГУ;
А. П. Абрамов, д-р социол. наук, доцент;
И. А. Асеева, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Бабкин, д-р экон. наук, профессор;
Н. Г. Багаутдинова, д-р экон. наук,
профессор;
Б. Д. Беспарточный, д-р социол. наук,
профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
В. Г. Буданов, д-р филос. наук, профессор;
И. А. Герасимова, д-р филос. наук,
профессор;

ИЗВЕСТИЯ

ЮГО-ЗАПАДНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия Экономика. Социология. Менеджмент

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМИНАНТЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	8
<i>Гюльалиев М., Казымов Ф.</i>	
Оценка макроэкономических последствий распределения национального дохода в Азербайджане.....	8
<i>Сушко О. П., Вертакова Ю. В.</i>	
К вопросу совершенствования подхода экономической оценки альтернатив освоения углеводородных месторождений арктического шельфа России.....	22
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ	31
<i>Емельянов С. Г., Радзиевская Т. В.</i>	
Направления совершенствования системы государственного регулирования российской экономики.....	31
<i>Шахов О. Ф.</i>	
Стратегическое партнерство государства и бизнеса: особенности, формы, принципы взаимодействия участников.....	38
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ.....	47
<i>Крыжановская О. А., Мальцева И. Ф.</i>	
Особенности российского бренд-менеджмента и его влияние на эффективность стратегического управления территориальным развитием.....	47
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	55
<i>Димаева Ф. В.</i>	
Анализ модернизационного потенциала Чеченской Республики.....	55
<i>Егорушкин В. А., Кулагина Н. А., Чепикова Е. М.</i>	
Инновационный потенциал как фактор обеспечения устойчивости региональной социально-экономической системы.....	62
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОТРАСЛЯМИ.....	71
<i>Ампилов И. С., Рудакова О. В.</i>	
Колебания рыночной конъюнктуры и инновационная активность промышленных предприятий.....	71

Е. Г. Гребенщикова, д-р филос. наук,
профессор;

В. М. Давыдов, д-р экон. наук, профессор,
член-корреспондент РАН;

В. В. Зотов, д-р социол. наук, профессор;

В. С. Мкртчян, д-р техн. наук, профессор
(Австралия);

И. В. Минакова, д-р экон. наук, профессор;

В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор;

Б. Г. Преображенский, д-р экон. наук,
профессор;

И. Е. Рисин, д-р экон. наук, профессор;

И. А. Халий, д-р социол. наук, профессор;

А. В. Харламов, д-р экон. наук, профессор;

Е. В. Харченко, д-р экон. наук, профессор

Адрес редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Телефоны: (4712) 22-25-26

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 21.03.18. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 29,8.

Тираж 1000 экз. Заказ . Цена свободная.

Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

**Плата с аспирантов за публикацию
не взимается.**

**Подписной индекс журнала
«Известия Юго-Западного государственного
университета. Серия Экономика.**

**Социология. Менеджмент»
44284 в объединенном каталоге
«Пресса России»**

Жильников А. Ю., Губертов Е. А.

Оценка инновационно-инвестиционного развития
строительной отрасли.....80

Бабенко И. В., Тинькова Е. В.

Оценка производственной мощности: методики
и практический алгоритм.....89

Шендрикова О. О., Сухоруков В. Н., Волкова С. А.

Предпосылки изменения организационно-производственной
структуры промышленного предприятия при внедрении
новых технологий.....100

**ФИНАНСОВАЯ, НАЛОГОВАЯ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ
ПОЛИТИКА.....108**

Кузьмина В. М.

Анализ формирования и исполнения бюджета
муниципального образования «Новопоселеновский
сельсовет» Курского района Курской области.....108

Мильгунова И. В.

Совершенствование учетного процесса и внутреннего
контроля лизинговых операций.....124

Чимитдоржиева Е. Ц.

Оценка неоднородности поступления налоговых доходов
в консолидированные бюджеты регионов Сибирского
федерального округа.....135

Потапова Ю. Н., Хомутикин Г. С., Черкашнев Р. Ю.

Основные итоги работы коммерческих банков в 2017 году
и перспективы развития.....143

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....153**

Подгорный Б. Б.

Перспективы и механизмы развития регионального
фондового рынка.....153

Белов Е. А.

Факторы, обуславливающие неформальную занятость
на современном этапе.....163

**ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ,
ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА.....169**

Волохова Н. В.

Лев Толстой и его «путь» к синтетической религии:
влияние учения Лао-цзы.....169

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.....177

Облаухова И. В.

Алгоритм формирования и реализации сделки слияния
и поглощения.....177

Евсюков В. Д.

Эволюция взглядов зарубежных экономистов
на содержание цифровой экономики.....184

Байдуллаев В. В., Макаренко В. А.

Экономический анализ деятельности железнодорожной
инфраструктуры: необходимость модернизации и проблема
чрезмерной бюрократизации (на примере центральной
дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД»).....192

Белоногов И. Н.

Теория «Трех миров» Карла Поппера на пути к реализму.
Онтологический статус «Третьего мира».....199

Сучкова Е. Е.

Использование инструментов антикризисного
управления для совершенствования
коммуникационного взаимодействия персонала.....206

Петяев Н. А.

Циклическое, линейное и сетевое время.....212

К сведению авторов.....222

2018. Volume 8, no 1 (26)

Scientific reviewed journal

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST

STATE

UNIVERSITY

Economics, Sociology and Management

Founded in 2011.

Publication frequency: four times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44617 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education of 01.12.2015. Scientific Specialities Groups:

08.00.00 - Economic Sciences,

09.00.00 - Philosophical Sciences,

22.00.00 - Sociological Sciences

Editors

S. G. Yemelianov (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of the Southwest State University;

Y. V. Vertakova (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Economics, Professor, Southwest State University;

A. P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor;

I. A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Associate Professor;

N. G. Bagautdinova, Doctor of Economics, Professor;

CONTENT

DOMINANTS OF WORLD AND NATIONAL ECONOMY..... 8

Gulaliyev M., Kazimov F.

Assessment of National Income Distribution Macroeconomic Impacts in Azerbaijan..... 8

Sushko O. P., Vertakova Yu. V.

To the Question of Improving the Approach of Economic Evaluation of the Alternative for Development of Hydrocarbon Deposits of the Arctic Shelf of Russia..... 22

ECONOMIC POLICY AND MECHANISMS ITS IMPLEMENTATION 31

Emelyanov S. G., Radzievskaya T. V.

Directions of Perfection of System of State Regulation of the Russian Economy..... 31

Shakhov O. F.

The Strategic Partnership of the State and Business: Features, Forms, Principles Interaction Between the Participants..... 38

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR GOVERNANCE.....47

Kryzhanovskaya O. A., Maltseva I. F.

Features of the Russian Brand Management and its Influence on Efficiency of Strategic Management by Territorial Development..... 47

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS.....55

Dimaeva F. V.

The Analysis of the Modernizational Process in the Chechen Republic..... 55

Egorushkin V. A., Kulagina N. A., Chepikova E. M.

Innovative Potential as a Factor in Ensuring the Sustainability of the Regional Socio-economic System..... 62

PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT BY THE ENTERPRISES AND BRANCHES.....71

Ampilov I. S., Rudakova O. V.

Fluctuations of Market Conditions and Innovative Activity of the Industrial Enterprises..... 71

B. D. Bespartochny, Doctor of Sociology, Professor;

S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;

A. V. Bubkin, Doctor of Economics, Professor;

V. G. Budanov, Doctor of Philosophy, Professor;

V. M. Davydov, Doctor of Economics, Professor, Correspondent member of Russian Academy of Sciences;

I. A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor;

E. G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Professor;

I. A. Haliy, Doctor of Sociology, Professor;

E. V. Kharchenko, Doctor of Economics, Professor;

A. V. Kharlamov, Doctor of Economics, Professor;

V. Mkrttchain, Doctor of Engineering, Professor (Australia);

I. V. Minakova, Doctor of Economics, Professor;

V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor;

B. G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor;

I. E. Rysin, Doctor of Economics, Professor;

V. V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor

Zhilnikov A. Yu., Gubertov E. A.

Evaluation of Innovation and Investment Development of the Building Industry..... 80

Babenko I. V., Tinkova E. V.

Assessment of Production Capacity: Methods and Practical Algorithm..... 89

Shendrikova O. O., Sukhorukov V. N., Volkova S. A.

Prerequisites of Changes in the Organizational-production Structure of Industrial Enterprises in Implementation of New Technologies..... 100

FINANCIAL, TAX AND MONETARY POLICY.....108

Kuzmina V. M.

Analysis of the Formation and Execution of the Budget of Municipal Formation "Novopol'tavskiy Sel" Kursk District, Kursk Region..... 108

Milgunova I. V.

Ways of Improvement of Accounting Process and Internal Control of Leasing Operations..... 124

Chimitdorzhieva E. C.

Evaluation of Tax Revenue Stream Non-Uniformity of the Consolidated Budget of the Siberian Federal District Regions..... 135

Potapova Yu. N., Khomutinkin G. S., Cherkashnev R. Yu.

The Main Results of Commercial Banks In 2017 and Prospects..... 143

SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF THE MODERN SOCIETY.....153

Podgorny B. B.

Prospects and Mechanisms for the Regional Stock Market Development..... 153

Belov E. A.

Factors to Determine Unreported Employment at the Present Stage..... 163

PHILOSOPHICAL RESEARCHES OF NATURE, SOCIETY, MAN.....169

Volokhova N. V.

Leo Tolstoy and his "Path" to the Synthetic Religion: the Influence of the Teachings of Lao-tzu..... 169

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS.....177

Oblaukhova I. V.

The Algorithm of Formation and Implementation of Mergers and Acquisitions Transactions..... 177

Evsjukov V. D.

Evolution of Foreign Economists Opinions Towards the Meaning of Digital Economy..... 184

Baidullaev V. V., Makarenko V. A.

Economic Analysis of Railway Infrastructure Activities: Necessity of Modernization and the Problem of Excessive Bureaucratization on the Example of Central Directorate of Infrastructure - Branch of Joint Stock Company "Russian Railways"..... 192

Belonogov I. N.

Karl Popper's Three Worlds Towards Realism. Ontological
Status of World Three..... 199

Suchkova E. E.

Use of Instruments of Crisis Management for Enhancement
of Communication Interaction of Personnel..... 206

Petyaev N. A.

Cyclic, Linear and Network Time..... 212

INFORMATION FOR AUTHORS..... 222

© Southwest State University, 2018

ДОМИНАНТЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 330.341:316.4;330.35:316.4; 330.55; 330.56

М. Гюльалиев, PhD, Институт экономики Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан) (e-mail: Mayis_gulaliyev@yahoo.com)

Ф. Казымов, диссертант, Институт экономики Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан) (e-mail: fail_kazimov@yahoo.com)

ОЦЕНКА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В статье исследуются некоторые макроэкономические последствия уровня неравенства национального дохода домашних хозяйств в Азербайджане. Анализ показывает, что уровень экономического развития Азербайджана и доходы от нефтяного сектора в бюджет страны, наряду с увеличением среднего дохода среди населения, значительно увеличили неравенство. Для оценки уровня неравенства были вычислены коэффициенты Джини, Аткинсона и Тейла. Обоснован тот факт, что уровень распределения доходов домашних хозяйств не характеризует уровень экономического развития. Оценены зависимости уровня неравенства доходов домашних хозяйств от уровня вмешательства фискальной политики в экономике, связь неравенства доходов с экономическим ростом в стране, влияния уровня неравенства в распределении национального дохода на эффективность фискальной политики. Как количественная оценка фискальной политики использован уровень государственных финансов – композитного индекса объема государственного бюджета и налогового бремени. Для сравнения уровней неравенства доходов были использованы индексы Джини, Аткинсона и Тейла. Авторы пришли к заключению, что высокий уровень неравенства доходов связан прежде всего с высоким уровнем неравенства зарплат в различных сферах экономической деятельности и либеральности фискальной политики. Авторами предложена модель для определения зависимости объема ВВП или ВВП на душу населения от объема государственных расходов, индекса Джини, субиндекса государственных финансов. Также предложена модель для взаимосвязи фискальной политики, индекса Джини, объема промышленного производства и численности населения. Анализ показывает, что для зависимости объема ВВП от индекса Джини и суб-индекса государственных финансов гипотеза H_1 верна. Авторы пришли к таким заключениям, что уровень неравенства доходов домашних хозяйств в Азербайджане по различным методам очень высокий и роль фискальной политики для перераспределения доходов невысокая.

Ключевые слова: неравенство доходов, индекс Джини, индекс Аткинсона, индекс Тейла, финансовая политика, индекс государственных финансов.

Ссылка для цитирования: Гюльалиев М., Казымов Ф. Оценка макроэкономических последствий распределения национального дохода в Азербайджане // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 8–21.

Введение

Каждое государство старается не только повысить уровень благосостояния общества, но и уменьшить разность в уровнях жизни населения. Но исключить такую разность невозможно из-за нескольких объективных причин. Прежде всего, люди по уровню способности отличаются. Также отличается оплата труда высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников. С другой стороны, в обществе есть безработные, пенсионеры, учащиеся, студенты и другие группы населения, которые в основ-

ном имеют меньшие доходы. И семьи отличаются по доходам из-за численности работающих, поэтому государства вынуждены вмешиваться в экономику для распределения и перераспределения доходов.

Государство имеет фискальный инструмент для осуществления распределения доходов. Но анализ взаимосвязи фискальной политики и уровня неравенства доходов в различных странах доказывает, что между этими показателями нет однозначной связи. Фискальная политика играет особую роль в перераспределении

национального дохода. Но если уровень неравенства в распределении доходов высокий, то средние расходы домашних хозяйств не отражают адекватно реального воздействия фискальной политики. Политика спроса Кейнса предполагает перераспределение национального дохода среди домашних хозяйств с низким доходом. Политика предложения, стимулируя экономический рост, повышает уровень неравенства.

Вопросы реализации справедливого социального обеспечения с помощью политики распределения доходов всегда привлекают внимание, а это требует вмешательства со стороны государства, которое иногда может привести к ущемлению прав бизнес-структур. Противоречие между решением насущных социальных проблем населения и созданием благоприятного условия для развития бизнеса требует нахождения сбалансированного уровня государственного вмешательства в экономику в целом или в ее отдельные сферы.

Литературный обзор

Связь между распределением национального дохода и некоторыми макроэкономическими показателями стала серьезным объектом исследований в середине века. Кузнец, автор первых исследований по этому вопросу, отмечает, что такие отношения важны и противоречивы [1]. Противоречие состояло в том, что было трудно обосновать теоретическую основу этой связи. С другой стороны, было трудно получить достаточную информацию, чтобы доказать, что такая связь существует эмпирически. Эмпирические исследования, проведенные Лундбергом и Сквайром [2], также не дали однозначных результатов. Положительное или отрицательное влияние на рост неравенства изучали Алезина и Родрик [3], Перссон и Табеллини [4], Перотти [5] и другие исследователи. Некоторые исследования подтвердили, что взаимосвязь между этими двумя показателями

является отрицательной, а некоторые – положительной. Исследования, подтверждающие существование негативных эффектов, в том числе теоретические исследования, проведенные Галором и Зейрой [6], Гилфасоном и Зоге [7], Агионом и Болтоном [8] и др., объясняют, что неравенство в доходах отрицательно влияет на инвестиции в физический и человеческий капитал. А из исследований, проведенных Цзоу [9], Форбса [10] и Барро [11], выясняется, что связь между этими показателями положительная. В исследованиях Барона даже богатые страны отличались от более бедных стран результатами исследований, т. к. в бедных странах наблюдается негативная взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом, а в богатых странах положительная. В исследованиях, проведенных Сен-Полем и Вердье, в качестве причины для позитивной взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом в более богатых странах показывается сопровождение неравенства с высокими налогами и перенаправление дополнительных сбережений в образование и развитие человеческого капитала [12].

Воздействие роста доходов на неравенство может реализоваться с помощью различных механизмов. Одним из таких механизмов является *технологическое и структурное изменение*. По мере развития технологии растут и объем национального дохода. Технологическое развитие может увеличить или уменьшить неравенство между доходами в соответствии с требуемыми знаниями и навыками. *Расширение глобализации* также влияет на неравенство. Расширение трансграничной экономической интеграции влияет на поток людей с более высоким уровнем знаний и навыков из одной страны в другую [13]. *Расширение торговли* может привести к снижению занятости, что также может привести к неравенству доходов [14]. Другой механизм может быть связан с реформами в управлении страной, т. к., различные прави-

тельствственные вмешательства в экономику, в том числе эффективная фискальная политика, могут влиять на распределение доходов за счет развития системы образования и других социальных сфер.

Методология

Оценка некоторых макроэкономических последствий, включая воздействия на экономический рост в Азербайджане, неравенства доходов также имеет научное и практическое значение. Применяя методы, в вышеупомянутых исследованиях, мы рассмотрим связь между неравенством распределения доходов в Азербайджане с фискальной политикой (государственные расходы или доля этих затрат в ВВП). Попробуем пояснить некоторые из методов, которые используются для этой цели.

Следует отметить, что для экономики Азербайджана существует необходимость прояснения нескольких вопросов. Во-первых, как уровень неравенства в экономике Азербайджана зависит от уровня вмешательства фискальной политики в экономику? Во-вторых, какова связь неравенства доходов в экономике Азербайджана с экономическим ростом? В-третьих, влияет ли уровень неравенства в распределении национального дохода в Азербайджане на эффективность фискальной политики положительно или отрицательно?

Мы можем выразить уравнение связи фискальной политики и распределения доходов на длительный период в стране следующим образом:

$$Y_1 = \beta_0 + \beta_1 \cdot X_1 + \beta_2 \cdot X_2 + \beta_3 \cdot X_3 + \beta_4 \cdot X_4 + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где Y_1 – объем ВВП в Азербайджане; X_1 – объем государственных расходов в Азербайджане; X_2 – переменная распределения доходов (коэффициент Джини или индекс Тейла и индекс Аткинсона); X_3 – переменная, характеризующая период взаимодействия и характеризуемая как

$X_3 = X_1 \cdot X_2$; X_4 – государственный финансовый субиндексом Азербайджана; ε_t – случайные ошибки; T – время, $t = 1, 2, 3 \dots T$.

Отметим, что включенный в модель субиндекс X_4 (государственный финансовый субиндекс) был рассчитан в соответствии с методологией «Индекс левизны (правизны) экономики» (ИЛ(П)Э), разработанной в Институте экономики Национальной академии наук Азербайджана [15].

Один из компонентов субиндекса ИЛ(П)Э – субиндекс государственных финансов (ГФ) указывает уровень перераспределения доходов путем вмешательства государства в экономику и, в свою очередь, рассчитывается как математическая середина двух подындексов – *бюджетные расходы* (БР) и *налоговое бремя предприятий* (НБ). Согласно методологии подындекс бюджетных расходов рассчитывается на основе процентной доли бюджетных расходов в ВВП, а необходимая информация берется из статистической базы МВФ. Второй подындекс субиндекса государственных финансов – *налоговое бремя* рассчитывается на основе показателей соотношений налога, уплачиваемого модельной частной компанией за год, и годового дохода, а необходимая информация берется из отчета Группы «Ведение бизнеса» Всемирного банка [16].

Основные вычисления

По мере того, как доходы домашних хозяйств меняются, вес группы домохозяйств, которые можно рассматривать как «средний класс», как правило, снижается. Сравнение диаграмм Лоренса предполагает, что изгибы в конце кривой начинают расти на более низком уровне. Например, в 2009 и 2010 гг. эти изгибы составляли около 60% совокупных доходов, тогда как в 2013–2014 гг. такие изгибы составляли около 45%. Однако за все опрошенные годы 40–55% национального

дохода приходится лишь на 3–5% домашних хозяйств. Это «выпадение» кривой Лоренса указывает на то, что неравенство в распределении национального дохода в Азербайджане имеет серьезный характер. Об этом свидетельствуют коэффициенты Джини, Аткинсона и Тейла, рассчитанные за последние 15 лет.

Таким образом, экономическое развитие в Азербайджане и доходы от нефтяного сектора в страну, наряду с увеличением среднего дохода среди населения, значительно увеличили неравенство. Следует отметить, что резкое изменение коэффициента Джини отражает разницу между распределением доходов населения, но не характеризует уровень экономического развития и общественного благосостояния. Однако есть определенная зависимость между экономическим развитием и коэффициентом Джини. Исследования показывают, что коэффициент Джини в развитых странах относительно невелик по сравнению с развивающимися странами, т. е. уровень неравенства распределения доходов ниже. Другими словами, развитие экономики является необходимым

условием снижения коэффициента Джини, т. е. уровня неравенства в доходах. Но предполагать противоположное невозможно, т. е. снижение неравенства не обеспечивает экономического развития. Лучшим доказательством этого являются бывшие социалистические страны. Например, неравенство между доходами населения СССР было небольшим, но экономическое развитие не было обеспечено.

Динамика коэффициента Джини в Азербайджане за последние 15 лет (рис. 1) показывает, что в период с 2002 по 2005 г. уровень неравенства в Азербайджане несколько снизился, но в последующие годы резко возрос. После 2014 г. также наблюдается снижение. В 2015 г. девальвация маната оказала значительное влияние на доходы населения и разницу между этими доходами. Таким образом, более активное вовлечение широкого слоя населения в сельскохозяйственный сектор в регионах, а также снижение доходов в секторах, связанных с нефтью, и банковском секторе повлияли на заработную плату работающих в этих секторах и, следовательно, на общий уровень неравенства.

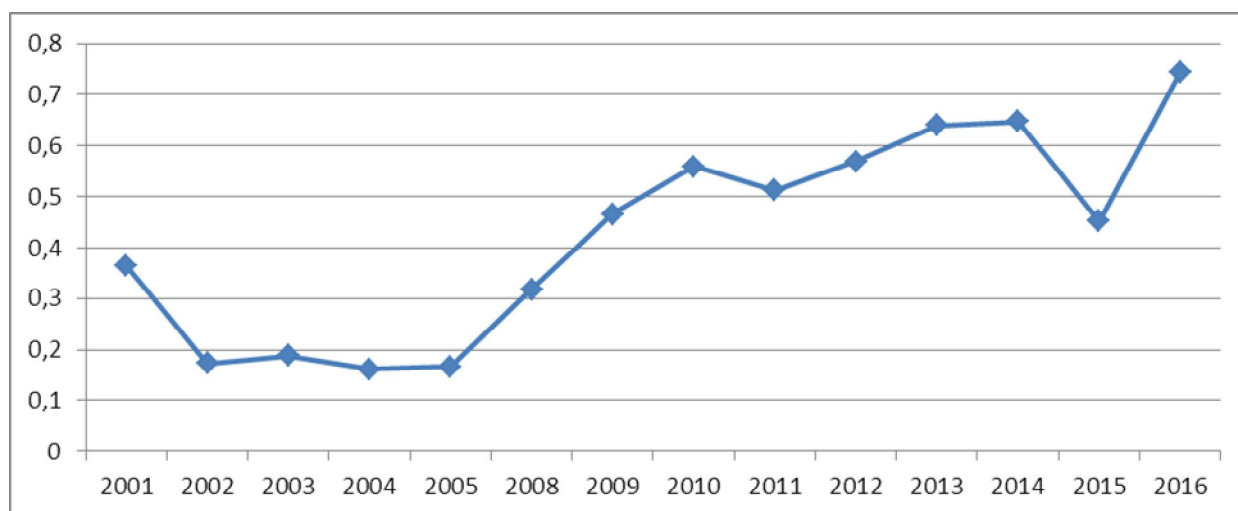

Рис. 1. Динамика индекса Джини в Азербайджане¹

¹ Индекс Джини за 2001–2008 гг. был взят из статистической базы данных Всемирного банка [20], за 2009–2015 гг. – рассчитан авторами.

Как индекс Джини, так и индекс Тэйла, характеризующие распределение доходов, существенно отличаются друг от друга. Следует отметить, что как коэффициент Джини, так и индекс Тэйла имеют тенденцию снижения с 2014 г. Учитывая изменение доходов в результате девальвации, отсутствие влияния на цену индекса при вычислении индекса Тэйла, следует искать причины такого снижения, скорее всего, в повышении рентабельности в наименее прибыльных областях или в эффективности перераспределения доходов в результате фискальной политики. Индекс Аткинсона можно считать нормированной версией индекса Тэйла для вычисления энтропии, характеризующей распределение доходов. Этот индекс также использует параметр веса.

Индекс Аткинсона выражает социальное неравенство, поскольку он основан на функции общественного благосостояния и полезности. Тем не менее, в индексе Аткинсона функция индивидуальной полезности зависит только от доходов. Поэтому социальное неравенство в подходе Аткинсона подразумевается как неравенство доходов.

Сравнение индексов Джини, Тейла и Аткинсона по годам (рис. 2) показывает, что эти индексы значительно отличаются. Даже динамика этих индексов иногда противоречит. Например, с 2009 по 2012 г. динамика индекса Тейла противоположна динамике индекса Джини и Аткинсона. Но динамики последних двух индексов совпадают, хотя значения этих индексов значительно отличаются.

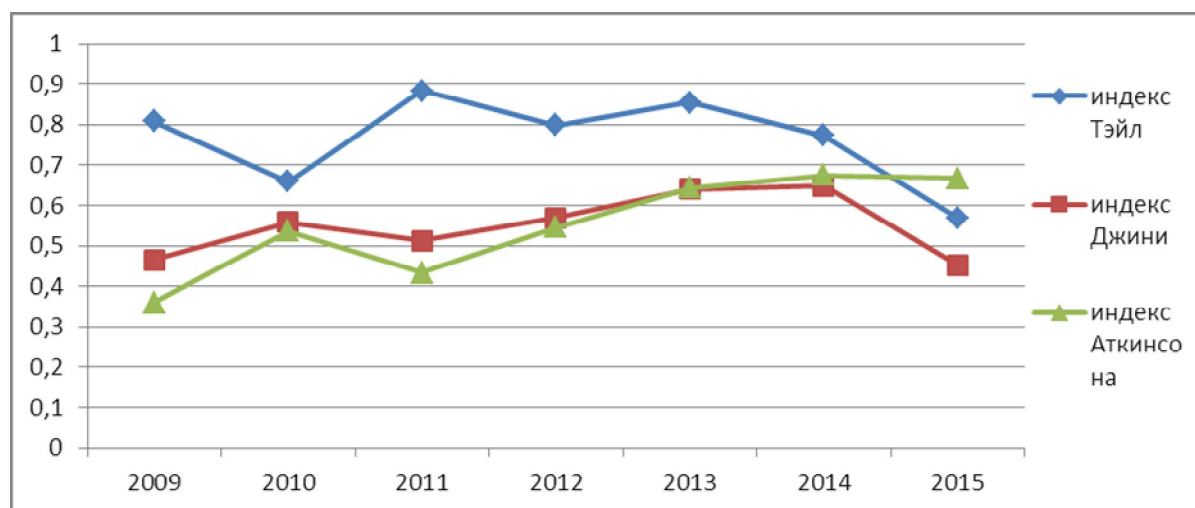

Рис. 2. Сравнительная динамика индексов Джини, Тейла и Аткинсона для Азербайджана

Несмотря на то, что в последние годы все три индекса, показывающие уровень неравенства доходов в Азербайджане, незначительно уменьшились, но существующий уровень неравенства очень высокий. Есть предположение, что такой высокий уровень неравенства доходов связан, прежде всего, с высоким уровнем неравенства зарплаты в различных сферах экономической деятельности и либеральности фискальной политики, т. к. доля работников в Азербайджане, получающих зарплату, одна из очень низких во всем мире.

Анализ зависимости объема ВВП (Y_1) или ВВП на душу населения (Y_2)

от объема государственных расходов (X_1), индекса Джини (X_2), переменной, характеризующей период взаимодействия (X_3), и субиндекса государственных финансов (X_4) позволяет сказать, что объем государственных расходов (X_1) и переменная, характеризующая период взаимодействия (X_3), имеет мультикорреляционную связь с остальными показателями (табл. 1). Таким образом, зависимость объема ВВП (Y_1) или ВВП на душу населения (Y_2) от индекса Джини и субиндекса государственных финансов будет характеризоваться в модели.

Таблица 1

Динамика некоторых макроэкономических показателей

Годы	Объем ВВП	Объем ВВП на д.н., дол.	Объем гос. расходов, млн дол.	Индекс Джини	Индекс Тейла	Индекс Аткинсона	Переменная, характеризующая период взаимодействия			Субиндекс гос. финансов
	Y1	Y2	X1	X2=G	X2=T	X2=A	X3=X1*G	X3=X1*T	X3=X1*A	X4
2000	5272.8	655,10	1098.4	-	-	-	-	-	-	0.3362
2001	5707.7	703,67	1065.1	0.3645	-	-	388.23	-	-	0.3253
2002	6235.9	763,10	1725.7	0.1736	-	-	299.58	-	-	0.3704
2003	7276	883,61	2075.2	0.1881	-	-	390.35	-	-	0.3746
2004	8680.4	1045,03	2245.4	0.1623	-	-	364.43	-	-	0.3613
2005	13238.7	1578,37	3001.2	0.1664	-	-	499.40	-	-	0.3454
2006	20983	2473,09	5638.1	-	-	-	-	-	-	0.3664
2007	33050.3	3851,44	8572.6	-	-	-	-	-	-	0.3407
2008	48852.5	5574,60	15205.3	0.3179	-	-	4833.76	-	-	0.3601
2009	44297	4950,29	14965.7	0.4654	0.8086	0.3595	6965.04	12101.3	5380.17	0.3734
2010	52909.3	5842,81	16758.5	0.5587	0.6588	0.5366	9362.97	11040.5	8992.61	0.3629
2011	65951.6	7189,69	22391.2	0.5119	0.8829	0.4332	11462.06	19769.2	9699.87	0.3743
2012	69683.9	7393,77	25542.6	0.5692	0.7985	0.5448	14538.85	20395.8	13915.61	0.3833
2013	74164.4	7811,62	28159.5	0.6401	0.8543	0.6443	18024.90	24056.7	18143.17	0.3898
2014	75234.7	7886,46	27338.0	0.6475	0.7730	0.6750	17701.36	21132.3	18453.15	0.3807
2015	52996.8	5496,34	20427.1	0.4522	0.5692	0.3595	9237.13	11627.1	7343.54	0.3917
2016	37843	-	15307.1	-	-	-	-	-	-	0.4012

Примечание. Рассчитана и составлена авторами.

Таблица 2

Мультикорреляционная связь между индексом Джини и некоторыми макроэкономическими показателями

	Y1	Y2	X1	X2	X3	X4
Y1	1	0.99883696...	0.99409880...	0.91107994...	0.64607580...	0.95984206...
Y2	0.99883696...	1	0.98821878...	0.90382912...	0.62952479...	0.94817965...
X1	0.99409880...	0.98821878...	1	0.91415221...	0.69280809...	0.97506050...
X2	0.91107994...	0.90382912...	0.91415221...	1	0.48318219...	0.93744854...
X3	0.64607580...	0.62952479...	0.69280809...	0.48318219...	1	0.66858420...
X4	0.95984206...	0.94817965...	0.97506050...	0.93744854...	0.66858420...	1

Примечание. Рассчитана программой Eviews.

Таким образом, вычисление зависимости объема ВВП от индекса Джини и субиндекса государственных финансов методом наименьших квадратов (табл. 2) приводит к тому, что гипотеза H_0 – независимость объема ВВП от этих показате-

телей – неверна. Среди них есть зависимость, т. е. гипотеза H_1 верна.

Коэффициенты взаимосвязи между ВВП и индексом Джини и субиндексами государственного финансирования, t-статистика, стандартная ошибка приведены в таблице 3.

Таблица 3

Регрессионные отношения между объемом ВВП
и индексом Джини и субиндексом государственных финансов

Dependent Variable: R_1_UDM_Y1 Method: Least Squares				
Included observations: 13 after adjustments				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
R_4_CINI_X2_G	119162.5	18652.21	6.388653	0.0001
R_7_DOVL_T_MAL_SUB_X4	412799.8	187984.4	2.195925	0.0528
C	-159628.4	66083.45	-2.415558	0.0363
R-squared	0.885351	Mean dependent var		40402.22
Adjusted R-squared	0.862422	S.D. dependent var		28103.27
S.E. of regression	10423.94	Akaike info criterion		21.54077
Sum squared resid	1.09E+09	Schwarz criterion		21.67115
Log likelihood	-137.0150	Hannan-Quinn criter.		21.51398
F-statistic	38.61148	Durbin-Watson stat		1.334905
Prob(F-statistic)	0.000020			

Примечание. Рассчитано методом наименьших квадратов по программе Eviews.

Коэффициент корреляции $R = 0,941$ указывает на высокую корреляцию между этими переменными. Давайте рассмотрим экономическую сущность этого вывода, который на первый взгляд кажется несколько противоречивым. Как уже упоминалось выше, анализ результатов различных исследований показывает, что существует определенное соотношение между объемом ВВП и доходами населения. Неравенство в распределении национального дохода на более низких уровнях, чем это соотношение, влияет на рост объема ВВП негативно. После определенного уровня соотношения, напротив, ощущается положительная связь. В примере Азербайджана неравенство в распределении национального дохода имеет положительную связь с объемом ВВП. Мы видим такую взаимосвязь также между субиндексом государственных финансов и объемом ВВП.

Таким образом, мы можем установить модель зависимости объема ВВП от государственного финансового

субиндекса и индекса Джини для Азербайджана:

$$Y_1 = -159628,4 + 119162,5 \cdot X_2 + 412799,8 \cdot X_4. \quad (2)$$

Обратите внимание, что в уравнении (2) фискальная политика отражается в субиндексе государственного финансирования.

Можно определить связь между объемом ВВП и неравенством, рассчитанном на основе индекса Тейла и индекса Аткинсона. Мы будем включать три показателя в модель, которая характеризует взаимосвязь между объемом ВВП и индексом Тейла. Эти показатели: индекс Тейла (X_2), переменная, характеризующая взаимодействие (X_3), и субиндекс государственного финансирования (X_4).

Коэффициенты взаимосвязи между объемом ВВП и индексом Тейла и субиндексом государственного финансирования, t-статистика, стандартная ошибка приведены в таблице 4.

Таким образом, вычисление зависимости объема ВВП от индекса Тейла и

субиндекса государственных финансов методом наименьших квадратов приводит к результату, что гипотеза H_0 – независимость объема ВВП от этих показателей – неверна. Среди них есть зависимость, т. е. гипотеза H_1 верна.

Коэффициенты взаимосвязи между объемом ВВП и индексом Тейла и субиндексом государственного финансирования, t-статистика, стандартная ошибка приведены в таблице 5.

Таблица 4

Мультикорреляционная связь между некоторыми макроэкономическими показателями и индексом Тейла

	Y1	Y2	X1	X2	X3	X4
Y1	1	0.99369590...	0.96883336...	0.47965171...	0.40907439...	0.93907877...
Y2	0.99369590...	1	0.93832020...	0.54928040...	0.31981222...	0.94726067...
X1	0.96883336...	0.93832020...	1	0.38364071...	0.61805277...	0.91859904...
X2	0.47965171...	0.54928040...	0.38364071...	1	-0.0665050...	0.71469786...
X3	0.40907439...	0.31981222...	0.61805277...	-0.0665050...	1	0.42755542...
X4	0.93907877...	0.94726067...	0.91859904...	0.71469786...	0.42755542...	1

Примечание. Рассчитана программой Eviews.

Таблица 5

Регрессионные отношения между объемом ВВП и индексом Тейла и субиндексом государственных финансов

Dependent Variable: GDP Method: Least Squares				
Sample: 2009 2015 Included observations: 7				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
Theil index	-63691.17	9556.193	-6.664910	0.0069
Public finance sub-index	-309380.4	81706.66	-3.786477	0.0323
Variable for relationship	3.292985	0.218178	15.09311	0.0006
C	171695.6	33045.05	5.195802	0.0138
R-squared	0.992531	Mean dependent var		62176.81
Adjusted R-squared	0.985062	S.D. dependent var		12073.82
S.E. of regression	1475.666	Akaike info criterion		17.72717
Sum squared resid	6532774.	Schwarz criterion		17.69626
Log likelihood	-58.04508	Hannan-Quinn criter.		17.34514
F-statistic	132.8885	Durbin-Watson stat		2.656602
Prob(F-statistic)	0.001093			

Примечание. Рассчитана методом наименьших квадратов по программе Eviews.

Неравенство в национальном доходе также влияет на фискальную политику. Если фискальная политика принимается за соотношение государственных расходов или изменения ВВП к изменению государственных расходов ($\Delta Y1/\Delta X1$), то

$$\Delta Y1/\Delta X1 = \beta_0 + \beta_1 \cdot X2. \quad (3)$$

Чтобы определить влияние неравенства национального дохода на фискальную политику, давайте примем как исходную гипотезу (H_0), что нет таких эффектов. Если гипотеза H_0 не оправдывает себя, мы примем гипотезу H_1 , т. е. существует зависимость между фискальной политикой ($\Delta Y1/\Delta X1$) и неравенством в распределении доходов ($X2$) (табл. 6).

Таблица 6

Динамика изменения ВВП и государственных расходов

Годы	Изменение ВВП	Изменение госрасходов	Соотношение изменения ВВП к изменениям госрасходов	Индекс Джини	Индекс Тейла	Индекс Аткинсона
	ΔY_1	ΔX_1	$\Delta Y_1 / \Delta X_1$	X2	X2	X2
2009	8612.3	1792.8	4.803826417	0.4654	0.8086	0.3595
2010	13042.3	5632.7	2.315461502	0.5587	0.6588	0.5366
2011	3732.3	3151.4	1.184330774	0.5119	0.8829	0.4332
2012	4480.5	2616.9	1.712140319	0.5692	0.7985	0.5448
2013	1070.3	-821.5	-1.302860621	0.6401	0.8543	0.6443
2014	-22237.9	-6910.9	3.217800865	0.6475	0.7730	0.6750
2015	-52996.8	-20427.1	2.594435823	0.4522	0.5692	0.3595

Примечание. Таблица составлена авторами.

Если $X_2 = 0$, т. е. если не будет неравномерного распределения доходов, то акцент фискальной политики равен β_0 . Но в целом фискальная политика зависит от переменной X_2 , а изменение в X_2 отражается в переменной фискальной политики. Таким образом, период взаимного воздействия контролирует размер переменной фискальной политики. Увеличе-

ние неравенства доходов, т. е. $\beta_1 > 0$, повышает эффективность фискальной политики. Напротив, когда $\beta_1 < 0$, неравенство доходов снижает эффективность фискальной политики.

В равенстве (2) мы можем взять индексы Джини, Тейла и Аткинсона в качестве переменной X_2 .

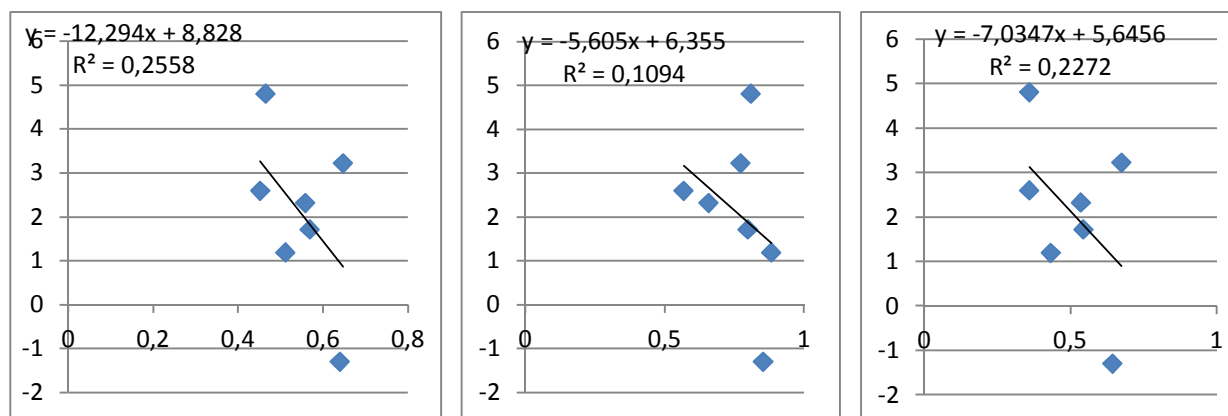

Рис. 3. Взаимосвязь между фискальной политикой и: а – индексом Джини; б – индексом Тейла; в – индексом Аткинсона

Диаграммы, приведенные на рисунке 3, показывают, что фискальная политика в Азербайджане не зависит от уровня неравенства в доходах. Для всех трех аспектов переменной X_2 фискальная политика в стране не зависит от X_2 . Можно предположить, что основной причиной этого является то, что доходы

от нефти являются основным источником доходов в Азербайджане. Объем включения этих доходов обеспечивается нефтяным Соглашением о разделении продукции и не связан с фискальной политикой.

Уравнение регрессии (1) недостаточно для оценки взаимосвязи между

формированием фискальной политики и распределением доходов, т. к. необходимо оценивать роль объема промышленного производства, численности населения и безработицы в определении этих отношений. Таким образом, уравнение регрессии, включающее эти переменные, можно выразить следующим образом:

$$Y2_t = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot Z1_t + \alpha_2 \cdot X2_t + \alpha_3 \cdot Z2_t + \alpha_4 \cdot Z3_t + \mu_t, \quad (4)$$

где $Y2$ – государственные расходы; $Z1$ – промышленное производство; $Z2$ – численность населения; $Z3$ – степень безработицы.

Как и в уравнении регрессии (1), в уравнении (2) $X2$ является показателем неравенства доходов. Здесь мы будем использовать коэффициент Джини, индекс

Тейла и индекс Аткинсона. α_2 показывает влияние распределения доходов на фискальную политику. Если $\alpha_2 > 0$, то это значит, что большее неравенство доходов требует увеличения государственных расходов для роста ВВП. Если $\alpha_2 < 0$, то это значит, что при распределении доходов большее неравенство требует меньше государственных расходов для роста ВВП.

Следует отметить, что получение необходимой информации для обоих уравнений регрессии не вызывает серьезных проблем в Азербайджане, как и в любой стране. Данные по всем переменным в уравнениях (1) и (3) можно получить из базы данных Государственного статистического комитета Азербайджана и Всемирного банка (табл. 7).

Таблица 7

Динамика дополнительных переменных для уравнения (3)

Годы	Объем госрасходов, млн дол.	Индекс Джини	Индекс Тейла	Индекс Аткинсона	Субиндекс гос. финансов	Объем промышленного производства, млн дол. [18]	Численность населения [19]	Степень безработицы [20]
	$Y2$	$X2=G$	$X2=T$	$X2=A$	$X4$	$Z1$	$Z2$	
2000	1098.4	-	-	-	0.3362	3999.56	8032.8	6.59
2001	1065.1	0.3645	-	-	0.3253	3967.368	8114.3	6.18
2002	1725.7	0.1736	-	-	0.3704	4101.531	8191.4	6.91
2003	2075.2	0.1881	-	-	0.3746	5032.424	8269.2	7.68
2004	2245.4	0.1623	-	-	0.3613	6083.061	8349.1	7.36
2005	3001.2	0.1664	-	-	0.3454	10118.26	8447.4	8.44
2006	5638.1	-	-	-	0.3664	17866.67	8553.1	8.25
2007	8572.6	-	-	-	0.3407	26780.48	8666.1	7.46
2008	15205.3	0.3179	-	-	0.3601	37216.63	8779.9	6.98
2009	14965.7	0.4654	0.8086	0.3595	0.3734	28204.5	8897.0	7.91
2010	16758.5	0.5587	0.6588	0.5366	0.3629	34972.75	8997.6	8.29
2011	22391.2	0.5119	0.8829	0.4332	0.3743	44337.85	9111.1	7.14
2012	25542.6	0.5692	0.7985	0.5448	0.3833	44314.1	9235.1	7.54
2013	28159.5	0.6401	0.8543	0.6443	0.3898	43458.97	9356.5	8.43
2014	27338.0	0.6475	0.7730	0.6750	0.3807	41166.67	9477.1	8.52
2015	20427.1	0.4522	0.5692	0.3595	0.3917	25113.33	9593.0	8.48
2016	15307.1	-	-	-	0.4012	20838.71	9705.6	-

Примечание. Составлена на основе данных ГКСРА и расчетов авторов.

Таблица 8

Проверка мультикорреляционной связи между показателями уравнения (3)

	_1_Y2	_2_X2_G	_5_X4	_6_Z1	_7_Z2	_8_Z3
_1_Y2	1	0.91415221...	0.69280809...	0.95220874...	0.94919392...	0.48620954...
_2_X2_G	0.91415221...	1	0.48318219...	0.86071921...	0.83959479...	0.38921549...
_5_X4	0.69280809...	0.48318219...	1	0.55653831...	0.73468020...	0.55840326...
_6_Z1	0.95220874...	0.86071921...	0.55653831...	1	0.85120299...	0.36226826...
_7_Z2	0.94919392...	0.83959479...	0.73468020...	0.85120299...	1	0.63609443...
_8_Z3	0.48620954...	0.38921549...	0.55840326...	0.36226826...	0.63609443...	1

Примечание. Рассчитана программой Eviews.

Таблица 9

Зависимость госрасходов от индекса Джини
и некоторых макроэкономических показателей

Dependent Variable: _1_Y2 Method: Least Squares				
Sample: 2001 2015 Included observations: 13				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
_2_X2_G	13544.01	4713.412	2.873505	0.0239
_5_X4	73400.01	33062.56	2.222470	0.0617
_6_Z1	0.253916	0.052768	4.811934	0.0019
_7_Z2	0.950599	2.419221	2.875554	0.0238
_8_Z3	-532.1924	750.4751	-0.709141	0.5012
C	-82375.93	13743.42	-5.993840	0.0005
R-squared	0.990958	Mean dependent var		13915.42
Adjusted R-squared	0.984500	S.D. dependent var		10616.66
S.E. of regression	1321.783	Akaike info criterion		17.51539
Sum squared resid	12229773	Schwarz criterion		17.77613
Log likelihood	-107.8500	Hannan-Quinn criter.		17.46179
F-statistic	153.1342	Durbin-Watson stat		1.061529
Prob(F-statistic)	0.000001			

Примечание. Рассчитана программой Eviews.

Как видно из таблицы 8, взаимная мультикорреляционная связь между показателями, которые мы взяли для модели, практически отсутствует. Вот почему мы сохраняем все эти показатели для последующих расчетов.

Из таблицы 9, которая показывает уровень регрессионной связи между этими показателями, видно, что отношения между X_2 (индекс Джини), Z_1 (объем промышленного производства), Z_2 (численность населения) и государственными расходами действительны, и гипотеза H_0 для этих показателей не подходит. Для отношений степени безработицы и госу-

дарственных расходов гипотеза H_0 оправдывает себя.

Таким образом, на основе уравнения (3) модель взаимосвязи фискальной политики, индекса Джини, объема промышленного производства и численности населения может быть сформулирована так:

$$Y_2 = 82375,93 + 0,2539 \cdot Z_1 + 13544,01 \cdot X_2 + 0,9566 \cdot Z_2. \quad (5)$$

Заключение

Анализ неравенства доходов домашних хозяйств в Азербайджане различными методами показывает, что уровень не-

равенства очень высокий и роль фискальной политики для перераспределения доходов невысокая.

Список литературы

1. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review*. 1955. Vol. 45. P. 1–28.
2. Lundberg M., Squire L. The Simultaneous Evolution of Growth and Inequality // *Economic Journal*. 2003. Vol. 113. P. 326–344.
3. Alesina, Rodrik. Distributive Politics and Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1994. Vol. 109. P. 465–490.
4. Persson T., Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth? // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. P. 600–621.
5. Perotti R. Growth, Income Distribution, and Democracy: What the Data Say // *Journal of Economic Growth*. 1996. Vol. 1. P. 149–187.
6. Galor O., Zeira J. Income Distribution and Macroeconomics // *Review of Economic Studies*. 1993. Vol. 60. P. 35–52.
7. Gylfason T., Zoega G. Inequality and Growth: Do Natural Resources Matter? // *Inequality and Growth: Theory and Policy Implications* / T. S. Eicher and S. J. Turnovsky (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
8. Aghion P., Bolton P. A Trickle-Down Theory of Growth and Development with Debt Overhang // *Review of Economic Studies*. 1997. Vol. 64. P. 151–72.
9. Li H. Y., Zou H. F. Income Inequality is not Harmful to Growth: Theory and Evidence // *Review of Development Economics*. 1998. Vol. 2. P. 318–334.
10. Forbes K. A Reassessment of the Relationship between Inequality and Growth // *American Economic Review*. 2000. Vol. 90. P. 869–887.
11. Barro R. J. Inequality and Growth in a Panel of Countries // *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol. 5. P. 5–32.
12. Saint-Paul G., Verdier T. Education, Democracy, and Growth // *Journal of Development Economics*. 1993. Vol. 42. P. 399–407.
13. Feenstra R., Hanson G. Foreign Investment, Outsourcing and Relative Wages // NBER Working Paper, No. 5121 (Massachusetts: National Bureau of Economic Research).
14. Helpman E., Itskhoki O., Redding S. J. Inequality and Unemployment in a Global Economy // *Econometrica*. 2010. Vol. 78, no. 4. P. 1239–1283.
15. Индекс левизны (правизны) экономики [Электронный ресурс] / Институт Экономики НАНА. URL: <http://economics.com.az/ru/index.php/metodologiya.html> (дата обращения: 20.11.2017).
16. Гюльалиев М. Г. Оценка зависимости экономического роста от государственных финансов (сравнительный анализ Азербайджана и Грузии) // *Інноваційна економіка*. 2017. N 1-2.
17. GINI index (World Bank estimate) [Electronic resource]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV> (дата обращения: 20.11.2017).
18. Demographic indicators [Electronic resource] / Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: <https://www.azstat.org/MESearch/details?lang=az&type=2&id=15&departament=2> (дата обращения: 20.11.2017).
19. Population [Electronic resource] / The Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: <http://www.stat.gov.az/source/demography/> (дата обращения: 20.11.2017).
20. Unemployment, total (% of total labor force) (national estimate) [Electronic resource] / The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UE.M.TOTL.NE.ZS> (дата обращения: 20.11.2017).

Поступила в редакцию 18.01.18

UDC 330.341:316.4;330.35:316.4; 330.55; 330.56

M. Gulaliyev, PhD, Institute of Economics, Azerbaijan National Academy of Sciences, head of the department (Baku, Azerbaijan) (e-mail: Mayis_gulaliyev@yahoo.com)

F. Kazimov, Candidate for degree, Institute of Economics of Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan) (e-mail: fail_kazimov@yahoo.com)

ASSESSMENT OF NATIONAL INCOME DISTRIBUTION MACROECONOMIC IMPACTS IN AZERBAIJAN

In article some macroeconomic consequences of the households' national income level in Azerbaijan have been researched. The analysis shows that the level of the Azerbaijani economic development and the income from oil sector into the country along with the increase of the average income among population have significantly increased inequality. To assess the level of the inequality there have been calculated Gini, Atkinson and Theil coefficients. The facts, that households' income distribution level don't characterize the economic development level have been justified. The dependence of households' income inequality level on the extent of the state interference into the economy by fiscal policy, the correlation between income inequality and economic growth in the country, the impact of the inequality level of the national income distribution on the efficiency of the fiscal policy have been assessed. The extent of the government finances - composite index of the state budget volume and tax burden - has been given as quantitative assessment. To compare income inequality levels there have been used Gini, Atkinson and Theil indices. The authors came to the conclusion that the high level of the income inequality, first of all, depends on the high level of the wage inequality in different areas of the economic activity and liberalism of the fiscal policy. The authors offered the model to identify the dependence of GDP or GDP per capita volume on the volume of the government expenditures, Gini index and government finances sub-index. The model to identify the correlation between fiscal policy, Gini index, the volume of the industrial production also have been offered. The analysis shows that for the identification of the GDP volume's dependence on the Gini index and on the state finances sub-index H1 hypothesis is correct. The authors also came to the conclusion that households' income inequality level in Azerbaijan on various methods is very high, the role of the fiscal policy in income distribution isn't high.

Key words: inequality, index Gini, index Atkinson, index Theil, financial policy, index state's finance.

For citation: Gulaliyev M., Kazimov F. Assessment of national income distribution macroeconomic impacts in Azerbaijan. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 8–21 (in Russ.).

References

1. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality. American Economic Review, 1955, vol. 45, pp. 1–28.
2. Lundberg M., Squire L. The Simultaneous Evolution of Growth and Inequality. Economic Journal, 2003, vol. 113, pp. 326–344.
3. Alesina, Rodrik. Distributive Politics and Economic Growth. Quarterly Journal of Economics, 1994, vol. 109, pp. 465–490.
4. Persson T., Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth? American Economic Review, 1994, vol. 84, pp. 600–621.
5. Perotti R. Growth, Income Distribution, and Democracy: What the Data Say. Journal of Economic Growth, 1996, vol. 1, pp. 149–187.
6. Galor O., Zeira J. Income Distribution and Macroeconomics. Review of Economic Studies, 1993, vol. 60, pp. 35–52.
7. Gylfason T., Zoega G. Inequality and Growth: Do Natural Resources Matter? Inequality and Growth: Theory and Policy Implications; T. S. Eicher and S. J. Turnovsky (eds.). Cambridge, MA, MIT Press, 2003.
8. Aghion P., Bolton P. A Trickle-Down Theory of Growth and Development with Debt Overhang. Review of Economic Studies, 1997, vol. 64, pp. 151–72.
9. Li H. Y., Zou H. F. Income Inequality is not Harmful to Growth: Theory and Evidence. Review of Development Economics, 1998, vol. 2, pp. 318–334.
10. Forbes K. A Reassessment of the Relationship between Inequality and

Growth. American Economic Review, 2000, vol. 90, pp. 869–887.

11. Barro R. J. Inequality and Growth in a Panel of Countries. Journal of Economic Growth, 2000, vol. 5, pp. 5–32.

12. Saint-Paul G., Verdier T. Education, Democracy, and Growth. Journal of Development Economics, 1993, vol. 42, pp. 399–407.

13. Feenstra R., Hanson G. Foreign Investment, Outsourcing and Relative Wages. NBER Working Paper, No. 5121 (Massachusetts: National Bureau of Economic Research).

14. Helpman E., Itskhoki O., Redding S. J. Inequality and Unemployment in a Global Economy. Econometrica, 2010, vol. 78, no. 4, pp. 1239–1283.

15. Indeks levizny (pravizny) ehkonomiki. Institut Ehkonomiki NANA. URL: <http://economics.com.az/ru/index.php/meto-dologiya.html> (accessed 20.11.2017).

16. Gyul'aliev M. G. Ocenka zavisimosti ehkonomicheskogo rosta ot gosudarstvennyh finansov (sravnitel'nyj analiz Azerbajdzhana i Gruzii). Innovacijna ekonomika, 2017, no. 1-2.

17. GINI index (World Bank estimate). URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV> (accessed 20.11.2017).

18. Demographic indicators. Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: <https://www.azstat.org/MESearch/details?lang=az&type=2&id=15&departament=2> (accessed 20.11.2017).

19. Population. The Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: <http://www.stat.gov.az/source/demography/> (accessed 20.11.2017).

20. Unemployment, total (% of total labor force) (national estimate). The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.NE.ZS> (accessed 20.11.2017).

УДК 330.12

О. П. Сушко, канд. экон. наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск, Россия) (e-mail: o.sushko@narfu.ru)

Ю. В. Вертакова, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: vertakova7@yandex.ru)

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДХОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ АЛЬТЕРНАТИВ ОСВОЕНИЯ УГЛЕВОДОРОДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА РОССИИ

В статье показана актуальность разработки месторождений арктического шельфа России, несмотря на дисбаланс на нефтяном рынке и неопределённость прогнозов на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Сегодня констатируется снижение добычи углеводородов в европейской части России и на острове Сахалин. Одновременно с этим ухудшается качество сырьевой базы, поскольку доля трудноизвлекаемых запасов превысила 55%. Третья часть запасов нефти имеет низкую степень выработки (70–80%), поэтому российские нефтяные компании расширяют свою деятельность в Тимано-Печорской нефтегазовой провинции с запасами нефти и газа от 360 до 1063 млн т н. э. Дальнейшее продвижение и реализация новых проектов данного региона связана с развитием транспортной инфраструктуры в условиях высоких экологических и экономических рисков Северного макрорегиона, что требует совершенствования методов оценки экологических и экономических рисков будущей эксплуатации, разработки алгоритмов для определения эффективных маршрутов транспортировки нефти. В работе предложен алгоритм определения наиболее оптимальной транспортной структуры освоения и эксплуатации месторождения арктического шельфа. Произведена оценка суммарного эффекта освоения трёх альтернатив транспортировки нефти и газа месторождения Тимано-Печорской провинции: Усинск, Варандей, Индига с учётом основных факторов. В результате анализа получен паритет экономических факторов более 65% (текущие и капитальные затраты, доходы) над эколого-природными факторами, что объясняется их высокой неопределённостью и значимым риском, оказывающим непосредственное влияние на эффективность проекта. Интегральный коэффициент оценки значимости факторов, влияющих на развитие нефтяной транспортной инфраструктуры добычи арктической нефти и оценку месторождений, определяется на основе формирования интегрированной эколого-экономической модели.

Ключевые слова: конъюнктура рынка нефти, эксплуатация месторождений, Северо-Арктический регион, альтернативы транспортировки нефти, анализ и значимость факторов, интегрированная оценка эффективности проекта.

Ссылка для цитирования: Сушко О. П., Вертакова Ю. В. К вопросу совершенствования подхода экономической оценки альтернатив освоения углеводородных месторождений арктического шельфа России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 22–30.

Актуальность исследования и краткий анализ научных публикаций

Актуальность исследования связана с тем, что нефтяная промышленность в России является одной из главных составных частей экономики и её стабильность определяет развитие страны и геополитическую значимость в мировом сообществе, но при этом основная часть разведанных запасов нефти (91%) уже передана недропользователям, и на долю вертикально интегрированных нефтяных компаний приходится около 77% запасов нефти [1; 2; 3; 4]. Россия сохраняет позиции на мировом энергетическом рынке. Добыча нефти в 2017 г. составила

547,5 млн т и снизилась на 0,1% по сравнению с 2016 г. (546,8 млн т или 10,981 млн баррелей в сутки). В условиях высокой конкуренции и дисбаланса добычи и потребления Россия удерживает ведущие позиции среди нефтегазодобывающих стран-экспортеров. Российский экспорт нефти за последние два года составил 254 и 257 млн т (около 46–47% от объёма добычи нефти). Уже сегодня сырьевая база углеводородов России, которая была сформирована в эпоху советского периода, испытывает проблемы воспроизводства, а выработанность запасов в целом по России достигла около 50% [2; 3]. В связи с этим нарастает тре-

вога за поддержание объёма добычи углеводородов, рентабельной эксплуатации нефтяных месторождений. Одним из перспективных направлений развития добычи нефти и газа является освоение запасов арктического шельфа, которые оцениваются в 66 млрд т нефтяного эквивалента [5; 6]. Освоение северно-арктических углеводородных ресурсов сопряжено с множеством природно-климатических и технико-технологических факторов, которые влияют и определяют экономическую эффективность разработки и эксплуатации месторождений. Поэтому темой нашего исследования является определение наиболее оптимальной транспортной структуры освоения и эксплуатация месторождения арктического шельфа Тимано-Печорской провинции с учётом основных факторов.

ОПЕК проводит регулярные исследования конъюнктуры рынка нефти и публикует прогнозы развития, как для всего рынка, так и для разных нефтедобывающих стран. Независимое агентство Министерства энергетики США (EIA) осуществляет систематический мониторинг запасов углеводородов с публикацией статистического баланса производства и потребления углеводородов. Фундаментальным изучением вопросов регулирования нефтяной промышленности занимается Американский институт нефти (API), прогнозирующий ослабление роста крупнейших развивающихся экономик (Китая, России, Бразилии). В прогнозах Всемирного банка указывается, что устойчивый рост добычи нефти сохранится в США и странах ОПЕК. Институтом энергетических исследований Российской академии наук осуществляется мониторинг энергетических рынков и разработка прогнозов на базе геополитических и макроэкономических тенденций. Институтом подготовлен масштабный научный проект «Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года».

Цели и методы исследования

Информационно-эмпирическую базу исследования составили источники международных статистических организаций (ФАОСТАТ, ОПЕК, EIA), российской службы статистики, научно-информационные ресурсы, отчёты нефтяных компаний и научно-исследовательских организаций. Экономическая оценка ресурсов нефти, газа и конденсата арктического шельфа России проводится с учетом технических и технологических ограничений, нормами и стандартами проведения геологических работ, требованиями окружающей среды и другими факторами [7; 8; 9]. Расчет экономического эффекта разработки и эксплуатации углеводородных северно-арктических месторождений определяется по всем этапам разработки и эксплуатации ресурсов: от подготовки месторождения к поисковому бурению и до доставки сырья потребителям [10].

На основе базы данных проведён сравнительный анализ и прогнозирование технико-экономических показателей освоения и эксплуатации запасов арктических месторождений углеводородов, а также определены направления транспортировки углеводородов с выявлением приоритетного варианта доставки до потребителей.

Полученные результаты и дискуссия

Согласно энергетической стратегии России добыча углеводородного сырья будет развиваться не только в эксплуатируемых нефтегазодобывающих районах, но и в новых районах Дальнего Востока, Восточной Сибири и на шельфе России [2; 3]. Сегодня констатируется снижение добычи углеводородов в европейской части России и на острове Сахалин. Так, нефтедобыча в основном регионе (Западная Сибирь) (рис. 1) при условии вовлечения в эксплуатацию разведываемых нефтяных месторождений достигнет наибольшего уровня добычи около 220 млн т. Далее прогнозируется снижение добычи до 175 млн т в 2020 г. и 145 млн т в 2030 г. [3; 11].

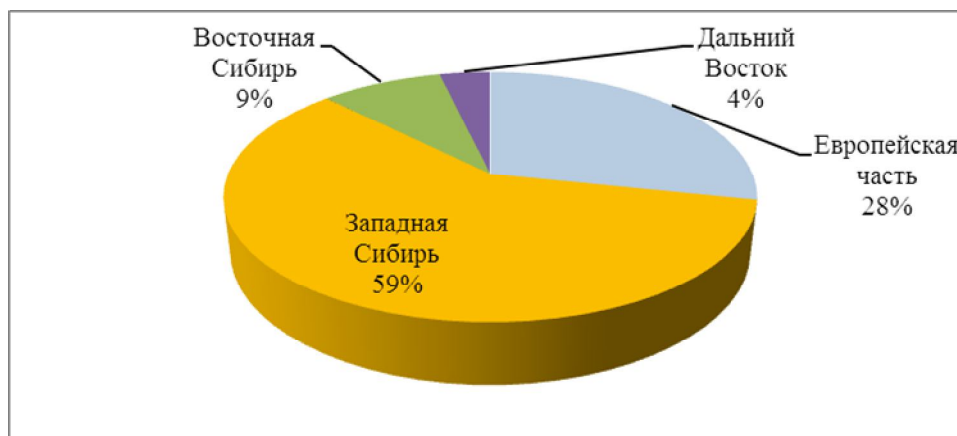

Рис. 1. Региональный разрез добычи нефти в России

Недостаточное финансирование геолого-разведочных работ не позволяет проводить масштабные изыскания, что привело к сокращению новых углеводородных месторождений. Процесс поддержания добычи и запасов нефти в настоящее время всё более обостряется, т. к. в России длительное время наблюдалось снижение запасов нефти, которые не компенсировали добычу нефти. Одновременно с этим ухудшается качество сырьевой базы, поскольку доля трудноизвлекаемых запасов превысила 55%. Третья часть запасов нефти имеет низкую степень выработки (70–80%). Это в первую очередь касается европейского региона, где сегодня добывается третья часть (около 155 млн т) российской нефти страны: Урал и Поволжье, Северный Кавказ, Тимано-Печорское месторождение. Добыча нефти в европейской части России постепенно сокращается, что связано с «выходом России на «плато» нефтедобычи, а также увеличением доли добычи трудноизвлекаемых запасов нефти» [12; 13].

Соответственно, для поддержания планируемого уровня добычи нефти и её качества с целью лидирования на мировом нефтяном рынке на период после 2018 г. открытие новых месторождений и ввод их в разработку становится всё более актуальным. Добыча нефти в России

до 10,8 млн бар в сутки, а в последующем увеличение добычи нефти до 565 млн т в год будет возможна за счёт реализации новых проектов и разработки новых месторождений добычи нефти. Возможность поддержания добычи нефти будет удовлетворяться не только за счет более доступных источников, но и нефти малопроницаемых коллекторов, среди которых выделяют северо-арктические месторождения. Северо-Арктический регион рассматривают как важный центр добычи углеводородов, требующий масштабных инвестиций в инфраструктурное развитие и развитие транспортных коммуникаций Севера. Объёмы нефти, по оценке американских специалистов, в арктической тундре сегодня более 2,5 млрд т. Несмотря на рост напряжения на нефтяном рынке российские нефтедобывающие компании расширяют свою деятельность в труднодоступных районах. Одним из перспективных центров добычи нефти и газа становится Тимано-Печорская провинция в Республике Коми. Сегодня на территории данной провинции выявлено более 180 углеводородных месторождений с объёмом нефтегазонакоплений в 360 до 1063 млн т н. э. Разработка ресурсов прибрежной транзитной зоны Тимано-Печорской провинции станет первоначальным этапом широкомасштабного освоения нефтяных морских ресурсов

России [14]. На российском арктическом шельфе сконцентрировано почти 80% потенциальных запасов углеводородов России [7; 14]. Первоначальные общие ресурсы углеводородов шельфа России составляют около 100 млрд т нефтяного эквивалента (из них 13,5 млрд т нефти и более 73 трлн куб. м газа) [8; 15]. Экономическая оценка углеводородных ресурсов основывается на расчёте суммарного эффекта освоения трёх альтернатив транспортировки нефти и газа месторождения Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции (Кортаихинская впадина): Усинск, Варандей, Индига с учётом основных факторов. При расчёте эффекта анализируются неравномерные затраты всех стадий освоения и эксплуатации месторождений, заканчивающегося поставкой нефти потребителям. Период расчёта оценки углеводородных месторождений включает время от начала освоения до полного исчерпания запасов месторождения. Время поисково-разведочных работ определяется принятыми методиками, в которых учитываются количество скважин, их глубина и скорость бурения и другие параметры. Экономическая оценка добычи углеводородов проводится на основе обеспечения максимизации суммарного эффекта освоения и эксплуатации с учётом влияния эколого-экономических факторов. Общий расчёт стоимостной величины суммарного эффекта оценки углеводородных ресурсов трёх вариантов разработки месторождения сводится к следующей классической формуле:

$$\mathcal{E} = \sum_t^T (Z_t - S_{\text{поиск}} - S_{\text{добыча}} - S_{\text{инфрастр}}) \cdot (1 + E)^{-t}, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}$ – экономический эффект, ден. ед.; Z_t – ценность углеводородов (нефти и газа) в t -м году, ден. ед.; $S_{\text{поиск}}$ – затраты на поисково-разведочные работы, ден. ед.; $S_{\text{добыча}}$ – затраты на добычу нефти (газа), ден. ед.; $S_{\text{инфрастр}}$ – затраты на создание

промышленной инфраструктуры, ден. ед.; E – норматив приведения (дисконтирования) затрат разных периодов; T – срок освоения углеводородных ресурсов 1, 2, 3 месторождения, лет; t – расчётный период освоения ресурсов объекта, лет.

Распространённый вариант расчёта экономического эффекта дохода не учитывает влияния разных эколого-экономических факторов, в связи с этим нами разработана следующая оценка экономического результата:

$$\mathcal{E}_{\text{абс}} = \sum_t^T (C_t - Z_{\text{тек}} - Z_{\text{кап}}) \cdot (1 + E)^{-t} \cdot k_{\text{интг}}, \quad (2)$$

где $\mathcal{E}_{\text{абс}}$ – экономический эффект, усл. ден. ед.; C_t – совокупная стоимость углеводородов (нефти и газа) в t -м году, ден. ед.; $Z_{\text{тек}}$ – сумма текущих затрат на эксплуатацию углеводородных ресурсов, ден. ед.; $Z_{\text{кап}}$ – сумма капитальных затрат на эксплуатацию углеводородных ресурсов, ден. ед.; E – норматив приведения (дисконтирования) затрат разных периодов; T – срок освоения углеводородных ресурсов 1, 2, 3 месторождения, лет; t – текущий период, лет; $k_{\text{интг}}$ – интегральный коэффициент количественной оценки значимости факторов.

Интегральный коэффициент оценки значимости факторов, влияющих на развитие нефтяной транспортной инфраструктуры добычи арктической нефти и оценку месторождений, определяется на основе формирования интегрированной эколого-экономической модели. Данная модель позволила нам провести системный анализ оценки семи групп факторов с разработкой и анализом матриц. Экспертный анализ матриц показывает планируемую вероятность появления внешних стратегических факторов и степень их потенциального влияния при разработке месторождений. Количественные оценки факторов получают путём нахождения их весовых коэффициентов, кото-

рые рассчитывались используемым в задачах многокритериального оценивания методом анализа иерархий. Для количественного определения влияния факторов использовался метод анализа иерархий. В результате получены весовые коэффициенты, сумма которых равняется единице (или 100%) [15]. Получен паритет экономических факторов более 65% (текущие и капитальные затраты, доходы) над эколого-природными факторами, что объясняется их высокой неопределённостью и значимым риском, оказывающим непосредственное влияние на эффективность проекта [15].

Финансово-экономические факторы, колеблющиеся в широких пределах в зависимости от конъюнктуры рынка, геополитической ситуации, изменения законодательства и других условий, могут кардинальным образом повлиять на доходность и рентабельность проекта. Суммарный вклад этих факторов равен всего лишь 5,1%. Всего вклад природно-экологических факторов составляет 39% (2,17% в среднем). К наименее значимым факторам (в порядке возрастания) относятся: ветровой режим, режим осадков, степень загрязнения природной среды, уровеньный режим и температурный режим. Все эти показатели относятся к природно-экологическому блоку, причём трое из них климатические, что не удивительно, принимая во внимание низкую оценку экспертов значимости климатических факторов. Причём сравнение абсолютных значений весовых коэффициентов, приведённых к единому масштабу, показывает, что вклад некоторых из них в конечный результат невелик – порядка 1% и менее, и следовательно, частью факторов при разработке экспертно-аналитических систем можно пренебречь. Этот вывод имеет практическое приложение, поскольку позволяет отказаться от сбора

информации по характеристикам этих факторов. Интегральный коэффициент рассчитывался по схемам альтернативных маршрутов транспортировки нефти и газа месторождения Тимано-Печорской НГП Коротаихинская впадина: Усинск, Варандей, Индига.

Учитывая волатильность цен на нефть и газ, на последнем этапе исследования запланированы многовариантные расчёты показателей экономической оценки в диапазоне от минимального до максимального уровня цен. Для оперативного определения доходности месторождений углеводородов целесообразно использовать номограммы, позволяющие выяснить наиболее рентабельные месторождения в зависимости от уровня цен поставок углеводородов потребителям. Себестоимость добычи нефти достаточно сильно варьируется по мировым регионам. Самая низкая себестоимость добычи нефти составляет на Ближнем Востоке (Иран, Саудовская Аравия) 4-5 дол. за бар., а максимальный уровень приходится на добычу сланцевой нефти (США), которая достигает 32–35 дол./бар. Россия находится на пятом месте по себестоимости добычи нефти (16 дол./бар.). Но следует учитывать, что рентабельность добычи нефти может продолжить падение, а следовательно, следует изыскивать пути оптимизации себестоимости добычи углеводородов, больше половины которой идёт на оплату налога на добычу полезных ископаемых, акцизов и таможенных пошлин (рис. 2). Остальная часть себестоимости распределяется более равномерно и состоит из следующих расходов: доставка по нефтепроводу, закупка сырья и переработка – до 9%; исследования и разработка месторождений, установки и наладки оборудования – 10%; амортизация – 7% от общей прибыли.

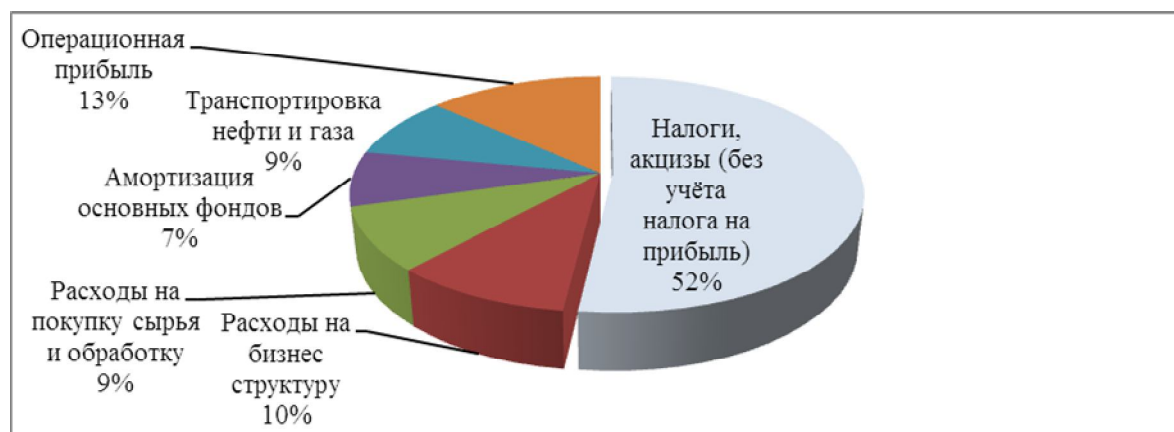

Рис. 2. Структура себестоимости добычи нефти (расчёт на основании данных годового отчёта «Роснефть»)

На стоимость и некоторое снижение рентабельности добычи нефти арктического шельфа России, кроме общих экономических факторов, оказывают влияние такие, как: удаленность месторождения от потребителей или морских путей, большая доля амортизации и обслуживания оборудования, высокая экологическая составляющая [16].

Выводы и направления дальнейших исследований

Дальнейшее продвижение и реализация новых проектов, связанных с развитием транспортной инфраструктуры в условиях высоких экологических и экономических рисков освоения и эксплуатации месторождений углеводородов арктического шельфа, требует совершенствования методов оценки экологических и экономических рисков будущей эксплуатации, разработки алгоритмов для определения эффективных маршрутов транспортировки нефти, газа и конденсата. Основные задачи настоящего исследования заключаются в разработке эколого-экономической оценки освоения и эксплуатации месторождений углеводородов Тимано-Печорской провинции арктического шельфа с учётом основных факторов в развитии нефтя-

ных ресурсов территории. Проведенные исследования позволяют использовать основные результаты и выводы как теоретическую и методологическую основу для разработки других новых нефтяных месторождений арктического шельфа России. Наши исследования проведены для трёх вариантов разработки Тимано-Печорского месторождения: Усинск, Варандей, Индига, из которых производится выбор наиболее приоритетного варианта. Для учёта инвестиционных рисков освоения и эксплуатации месторождений разработан и вводится в расчёты интегральный коэффициент оценки значимости факторов, влияющих на развитие нефтяной транспортной инфраструктуры добычи нефти и оценки вариантов эксплуатации месторождения. Коэффициент определяется на основе формирования интегрированной эколого-экономической модели.

Следующим этапом наших исследований по совершенствованию подхода экономической оценки освоения углеводородных месторождений Северо-Арктического региона является расчёт нескольких вариантов доходности с учётом волатильности цен углеводородов на базе прогнозной конъюнктуры рынка нефти и газа.

Список литературы

1. Фрай М.Е. Оценка современного состояния нефтяной промышленности России // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 75–85.
2. Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/18360> (дата обращения: 26.12.2017).
3. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года, ИНЭИ РАН, АЦ 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eriras.ru/files/prognoz-2040.pdf> (дата обращения: 26.12.2017).
4. Экономика регионов: тенденции развития / И. Л. Авдеева, И. Г. Акчурина, Е. С. Алехина [и др.]. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2013. 329 с.
5. Ресурсно-инновационное развитие экономики России / под ред. А. М. Мастепанова, Н. И. Комкова [и др.]. М.: Институт компьютерных исследований, 2013. 736 с.
6. Куранов А. В. Невостребованные нефтегазовые объекты Тимано-Печорской провинции, их углеводородный потенциал и перспективы вовлечения в освоение: автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Ухта, 2015. 28 с.
7. Моделирование разливов нефти в западном секторе Российской Арктики / под ред. проф. М. Г. Губайдуллина. Архангельск: САФУ, 2016. 219 с.
8. Стратегические приоритеты регионального развития / А. Н. Михайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов [и др.]. М.: Альфа-М, 2011. 480 с.
9. Дифференциация регионов в соответствии с фазами развития: модифицированная методика оценки структурного цикла / Ю. В. Вертакова, М. Г. Клевцова, Ю. С. Положенцева [и др.] // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3 (93). С. 15–19.
10. Назаров В. И. О совершенствовании методологии геолого-экономической оценки ресурсов нефти и газов // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2013. Т. 8, № 3. С. 36–45.
11. Мастепанов А. Перелом энергетической философии // Нефть России. 2014. № 11–12. С. 17–24.
12. Успенская О. И., Солдатов И. Н. Оценка уровня энергетической безопасности России в современных условиях // Вестник Ивановского государственного университета. 2017. Вып. 2 (32). С. 52–61.
13. Lui K. M., Chong T. T.L. Do Technical Analysts Outperform Novice Traders: Experimental Evidence // Economics Bulletin. 2013. Vol. 33(4). P. 3080–3087.
14. Конопляник А. А. Мировой рынок нефти: эволюция механизма ценообразования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications> (дата обращения: 26.12.2017).
15. Sushko O., Plastinin A., Sarychev V. Trends in the northern Russian oil fields in the light of global changes // Petroleum & Coal, International Journal. VÚRUP. 2017. Vol. 59(4). P. 543–552.
16. Горячева А. О. Прогнозирование развития мировых рынков жидкого топлива до 2040 г. с использованием оптимизационной модели // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2014. № 2. С. 34–41.

Поступила в редакцию 20.01.18

UDC 338.2

O. P. Sushko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia) (e-mail: o.sushko@narfu.ru)

Yu. V. Vertakova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: vertakova7@yandex.ru)

TO THE QUESTION OF IMPROVING THE APPROACH OF ECONOMIC EVALUATION OF THE ALTERNATIVE FOR DEVELOPMENT OF HYDROCARBON DEPOSITS OF THE ARCTIC SHELF OF RUSSIA

The article shows the topicality of the Arctic shelf development in Russia, despite the imbalance in the oil market and the uncertainty of the forecasts for the medium and long-term prospects. Today, there is a decrease in hydrocarbon production in the European part of Russia and on the island of Sakhalin. At the same time, the quality of the raw materials base is deteriorating, as the share of hard-to-recover reserves has exceeded 55%. The third part of the oil reserves has a low production rate (70–80%). Therefore, Russian oil companies expand their activities in the Timan-Pechora oil and gas province with oil and gas reserves from 360 to 1063 million tons. e. Further promotion and implementation of new projects in this region is related to the development of transport infrastructure in the face of high environmental and economic risks of the Northern macroregion, which requires improved methods for assessing the environmental and economic risks of future exploitation, developing algorithms for determining efficient routes for oil transportation. An algorithm for determining the optimal transport structure for the development and operation of the Arctic offshore deposit is proposed. The total effect of the development of three alternatives for the transportation of oil and gas from the Timan-Pechora province is estimated: Usinsk, Varandey, Indiga, taking into account the main factors. As a result of the analysis, a parity of economic factors of more than 65% (current and capital costs, incomes) over environmental and natural factors was obtained, which is explained by their high uncertainty and significant risk directly affecting the efficiency of the project. The integral coefficient for assessing the significance of factors affecting the development of the oil transport infrastructure for the extraction of Arctic oil and evaluation of deposits is determined on the basis of the formation of an integrated ecological and economic model.

Key words: conjuncture of the oil market, exploitation of deposits, Northern Arctic region, oil transportation alternatives, analysis and significance of factors, integrated assessment of project efficiency.

For citation: Sushko O. P., Vertakova Yu. V. To the question of improving the approach of economic evaluation of the alternative for development of hydrocarbon deposits of the arctic shelf of Russia. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 22–30 (in Russ.).

References

1. Fraj M. E. Ocenka sovremennogo sostoyaniya neftyanoj promyshlennosti Rossii. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i pravo, 2015, vol. 25, is. 2, pp. 75–85.

2. Strategiya razvitiya arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda. URL: <http://government.ru/info/18360> (accessed 26.12.2017).

3. Prognoz razvitiya ehnergetiki mira i Rossii do 2040 goda, INEHI RAN, AC 2013. URL: <https://www.eriras.ru/files/prognoz-2040.pdf> (accessed 26.12.2017).

4. Avdeeva I. L., Akchurina I. G., Alekhina E. S., eds. Ehkonomika regionov: ten-

dencii razvitiya. Voronezh, Voronezh. gos. un-t Publ., 2013. 329 p.

5. Resursno-innovacionnoe razvitie ehkonomiki Rossii; ed. by A. M. Mastepanova, N. I. Komkova, eds. Moscow, Institut komp'yuternyh issledovanij Publ., 2013. 736 p.

6. Kuranov A. V. Nevostrebovannyye neftegazovyye ob"ekty Timano-Pechorskoj provincii, ih uglevodorodnyj potencial i perspektivy vovlecheniya v osvoenie. Avtoref. dis. kand. geol.-mineral. nauk. Uhta, 2015. 28 p.

7. Modelirovanie razlivov nefti v zapadnom sektore Rossijskoj Arktiki; ed. by prof. M. G. Gubajdullin. Arhangel'sk, SAFU Publ., 2016. 219 p.

8. Mihajlov A. N., Zubarev A. S., Emel'yanov S. G., eds. *Strategicheskie priority regional'nogo razvitiya*. Moscow, Al'fa-M, 2011. 480 p.
9. Vertakova Yu. V., Klevcova M. G., Polozhenceva Yu. S., eds. *Differenciaciya regionov v sootvetstvii s fazami razvitiya: modifitsirovannaya metodika ocenki strukturnogo cikla*. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta, 2015, no 3 (93), pp. 15–19.
10. Nazarov V. I. O sovershenstvovanii metodologii geologo-ehkonomicheskoy ocenki resursov nefi i gazov. *Neftegazovaya geologiya. Teoriya i praktika*, 2013, vol. 8, no. 3, pp. 36–45.
11. Mastepanov A. Perelom ehnergeticheskoy filosofii. *Neft' Rossii*, 2014, no. 11–12, pp. 17–24.
12. Uspenskaya O. I., Soldatov I. N. Ocenka urovnya ehnergeticheskoy bezopasnosti Rossii v sovremennykh usloviyakh. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, vol. 2(32), pp. 52–61.
13. Lui K. M., Chong T. T.L. Do Technical Analysts Outperform Novice Traders: Experimental Evidence. *Economics Bulletin*, 2013, vol. 33(4), pp. 3080–3087.
14. Konoplyanik A. A. Mirovoj rynek nefi: ehvolyuciya mekhanizma cenoobrazovaniya. URL: <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications> (accessed 26.12.2017).
15. Sushko O., Plastinin A., Sarychev V. Trends in the northern Russian oil fields in the light of global changes. *Petroleum & Coal, International Journal*. VÚRUP, 2017, vol. 59(4), pp. 543–552.
16. Goryacheva A. O. Prognozirovanie razvitiya mirovyyh rynkov zhidkogo topliva do 2040 g. s ispol'zovaniem optimizacionnoy modeli. *Problemy ehkonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*, 2014, no. 2, pp. 34–41.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

УДК 338.2

С. Г. Емельянов, д-р техн. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: rector@swsu.ru)

Т. В. Радзиевская, канд. экон. наук, Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Воронеж, Россия) (e-mail: tt-06@yandex.ru)

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

На современном этапе государственное регулирование экономики должно иметь избирательный характер и отличаться обоснованным выбором объектов и степени воздействия на них со стороны государства. Предлагаемая организация государственного регулирования экономики, основанная на сочетании прямого и косвенного воздействия, отвечает принципам планово-рыночного и регулируемого рыночного управления развитием хозяйства и социальной сферы и согласованности методов селективного планирования с избирательным характером государственного регулирования. На основе выявления основных трендов качества регулирования установлена недостаточная эффективность государственного регулирования при модернизации ведущих отраслей производства и при создании инноваций. Определены основные факторы формирования «новой экономики»: органы государственного регулирования должны сохранить важную роль в развитии будущих социально-экономических отношений, запрашиваемых обществом; критерии эффективности государственного регулирования экономики на основе количественных и качественных индикаторов должны сочетать прагматические и моральные составляющие прогресса; воспринимаемый обществом уровень государственного регулирования должен динамически изменяться в соответствии с колебаниями экономического роста и иметь циклический характер; увеличится значение методов фильтрации информации для выделения данных о рисках возникновения кризисных явлений и конфликтов; расширятся области и повысится результативность использования инновационных практик, порождающих проблемы при сохранении экономического суверенитета и оборонной безопасности; возрастет роль концентрации усилий государства с учетом ресурсных ограничений на главных направлениях социально-экономического развития; составляющие социально-экономического прогресса с помощью регулирующих инструментов должны максимально неконфликтно совмещаться с интересами других государств и обществ; эффективное функционирование механизма государственного регулирования экономики не реализуемо без выдвижения руководителей, способных принимать адекватные состоянию внутренней и внешней среды решения. Для совершенствования государственного регулирования экономики предложено создать координирующий орган в Правительстве РФ, ответственный за обеспечение уровня перспективного государственного регулирования. Сформулированы задачи этого органа.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики, планирование, эффективность, институты.

Ссылка для цитирования: Емельянов С. Г., Радзиевская Т. В. Направления совершенствования системы государственного регулирования российской экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 31–37.

При обосновании направлений совершенствования системы государственного регулирования экономики (ГРЭ) будем исходить из следующего. Во-первых, предложений по развитию современной системы государственного планирования, включающих прогнозирование и программирование рыночной экономики. Эти предложения определяют содержание процесса синхронизации планирова-

ния и регулирования на всех уровнях государственного управления, причем трансформация подходов к планированию влечет за собой изменение структуры и пропорций при регулировании. Во-вторых, из достигнутой на современном этапе результативности государственного регулирования экономики в РФ.

В работах [1; 2; 3; 4; 5] предложены способы развития селективного планиро-

вания, отвечающего принципам планово-рыночного и регулируемо-рыночного хозяйства и социальной сферы. Соответственно, организация ГРЭ, основанная на сочетании прямого и косвенного воздействия, будет иметь более избирательный характер и отличаться обоснованным выбором объектов и степенью вмешательства в их деятельность со стороны государства. Необходимым условием при осуществлении прямого воздействия является поддержка общества, а также обязательное выполнение решений по регулированию государственными органами в сферах, определяющих состояние и перспективы развития отечественной экономики: базовые производства, инновационные технологии, человеческий капитал, собственность, социальные приоритеты. Более ограниченное по используемым методам косвенное воздействие на главный объект – отечественный рынок направлено на его стимулирование и обеспечение экономического порядка. Соотношение между прямым и косвенным воздействием с течением времени может изменяться в сторону снижения значения первой компоненты при одновременном развитии действия второй. В любом случае ГРЭ должно являться менее жестким, чем при директивном планировании в СССР, но, учитывая современное состояние российской экономики, более активным, чем при индикативном планировании.

Результативность ГРЭ оценим на основе выявления основных трендов качества регулирования на современном этапе модернизации российской экономики. Используем подход к определению индикаторов эффективности механизма регулирования, базирующийся на критерии в виде отношения, числитель которого является максимумом некоторой функции, характеризующей в стоимостном выражении объем произведенного продукта (услуги) на фиксированном временном интервале, к минимуму другой функции в знаменателе, соотнесенной с затратами государства на регулирование. Под ресурсом регулирования ниже понимается

совокупность действий государства с применением форм, методов и инструментов, соответствующих основным регулирующим подфункциям [6]. В этом случае показатель эффективности можно представить в виде

$$\Xi = \frac{Q}{\sum_{i=1}^n \lambda_i a_i}, \quad (1)$$

где Q – объем произведенного продукта (услуги), имеющий стоимостное выражение или представленный в относительных единицах; a_i – i -й фактор регулирования, оцениваемый с позиций затрат, связанных с содержанием регулирующих органов и выполнением регулирующих действий в рамках управления экономикой; λ_i – значение нормировочного весового коэффициента, учитывающего относительную роль каждого фактора; n – количество факторов при расчете общих затрат. По аналогии с использованием эконометрических моделей производственных функций введенная производственно-регулирующая функция $f\left(\sum_{i=1}^n \lambda_i a_i\right)$ характеризует связь

выбранного показателя с суммой используемых с соответствующими «весами» факторов регулирования.

Если на удовлетворение общественных потребностей из-за недостатков регулирования направляется лишь часть объема произведенного продукта, а также имеет место противодействие ГРЭ, то формула (1) уточняется и приобретает вид

$$\Xi_{\Pi} = \frac{Q \beta_{\Pi} \gamma_k}{\sum_{i=1}^n \lambda_i a_i} = \frac{Q_0}{\sum_{i=1}^n \lambda_i a_i}, \quad (2)$$

где β_{Π} , $\gamma_k \leq 1$ – коэффициенты, которые в общем случае меньше единицы и характеризуют потери в эффективности из-за невостребованности произведенной продукции (услуги) и противодействия регулированию. Коэффициенты β_{Π} , γ_k

могут рассчитываться либо на основе создания специальных моделей конфликта, типичного для государственного регулирования экономики, либо на основе выявленных путем экспертного опроса влияний отдельных факторов, учитываемых со своими «весами».

При оценке результатов эффективности ГРЭ в качестве исходных использовались данные Федеральной службы государственной статистики, а также показатель «Общегосударственные вопросы» Федеральных законов об исполнении бюджета с 2011 г. по 2016 г. [7] Установлено, что суммарные затраты на управление по основным позициям составляют, соответственно по годам: 231, 240, 259, 274, 267, 250 млрд руб., при этом колебания показателя относительно средней величины 253,5 млрд руб. оказываются ме-

нее 10%. Так как система регулирования является составной частью системы государственного управления, логично предположить примерное равенство государственных затрат и на выполнение регулирующих функций. Тогда, основываясь на введенных показателях эффективности (1) или (2) и учитывая незначительность колебаний значений величины знаменателя, считаем, что эффективность регулирования может приближенно оцениваться как величина, пропорциональная изменению анализируемого показателя числителя. Его выбор производился из совокупности основных макроэкономических показателей 1–4-й групп, обычно используемых для оценки экономического развития РФ. Состав показателей, по которым выявлялись характеристики регулирующего тренда, приведен в таблице.

Показатели экономического развития (по отраслям) и характеристики трендов эффективности государственного регулирования в период 2011–2016 гг.

Наименование показателя	Характеристика тренда
1. ВВП (в том числе на душу населения)	–
2. Уровень расходов на оборону	++
3. Уровень инвестиций в НИОКР	+
4. Производительность труда по основным видам производственной деятельности	±
5. Сводный индекс конкурентоспособности стран БРИКС	+
6. Индексы выпуска товаров по базовым видам производственной деятельности:	
– промышленное производство	–
– обрабатывающие производства	–
– грузооборот транспорта	±
– объем различных услуг	–
– розничная торговля	–
– внешнеторговый оборот	–
– инвестиции в основной капитал	–
– потребительские цены	++
– реальная зарплата	–
– численность безработных	+
– здравоохранение и социальные услуги	±
– продукция сельского хозяйства	+
7. Удельный вес организаций, осуществляющих технологическую инновационную деятельность	+
8. Удельный вес инновационных товаров в общем объеме	+

Примечание. ++ – заметный рост характеристики тренда; + – незначительный рост; ± – отсутствие роста; – отрицательный рост.

Анализ данных таблицы подтверждает наличие серьезных проблем в социально-экономическом развитии РФ, а также свидетельствует о недостаточной эффективности государственного регулирования модернизируемой экономики страны и необходимости его совершенствования. Для определения направлений совершенствования перспективной системы ГРЭ сформулируем исходные позиции, которые отчетливо проявляются в настоящее время и, как можно ожидать, окажутся устойчивыми при создании «новой экономики». Основными из них являются:

1. Органы государственного регулирования сохраняют важную роль в развитии будущих социально-экономических отношений, включающих запросы общества, потребности граждан в стремлении к изменениям, способствующим улучшению их жизни.

2. Критерии эффективности ГРЭ на основе количественных и качественных индикаторов должны сочетать прагматические и моральные составляющие прогресса, при этом получаемые оценки предполагают чувствительность в отношении различий в текущих (достигнутых) и будущих (потребных) состояниях экономики и социальной сферы.

3. Имеющие место циклические колебания экономического роста и политическое влияние на экономику останутся факторами, сопровождающими ее развитие, поэтому воспринимаемый обществом уровень государственного регулирования должен динамически изменяться и также иметь циклический характер.

4. Увеличится поток неструктурированной и деструктивной информации и, соответственно, значение методов ее фильтрации для выделения наиболее существенной, в частности данных о рисках возникновения кризисных явлений, локальных и глобальных конфликтов.

5. Расширятся области и повысится результативность использования инновационных практик, порождающих проблемы при сохранении экономического

суверенитета и оборонной безопасности, а также при воздействии на частную жизнь.

6. Возрастет роль концентрации усилий государства с учетом ресурсных ограничений на главных направлениях социально-экономического развития, подразумевающих способность формирования долгосрочных целей и определение приоритетов роста.

7. Воспринятые обществом составляющие социально-экономического прогресса с помощью регулирующих инструментов должны максимально неконфликтно совмещаться с интересами других обществ и государств.

8. Эффективное функционирование механизма ГРЭ нереализуемо без выдвижения отвечающих новым реалиям руководителей, способных принимать адекватные состоянию внутренней и внешней среды решения, учитывать реакцию граждан на прямые и косвенные регулирующие действия.

Не полностью отвечающая целям модернизации российской экономики современная система государственного регулирования может рассматриваться как препятствие на пути сохранения экономического суверенитета и национальной безопасности, инновационного роста, повышения производительности производства и улучшения условий конкуренции. Дополнительным свидетельством сказанного является отечественный опыт деградации ряда важнейших отраслей производства в 1990-е гг., когда основная ставка была сделана на якобы саморегулирующийся рынок. При этом доверие населения к органам власти неизбежно падает, а риски нестабильных состояний возрастают.

Из изложенного следует, что органы государственного регулирования должны периодически корректировать возможности механизма ГРЭ осуществлять свои функции посредством своевременной адаптации форм, методов и инструментов регулирования к реально складывающимся внутренним и внешним условиям.

Наряду с совершенствованием механизма происходящие изменения связаны с укреплением институтов ГРЭ, которые используются для повышения качества регуляторных процедур при реализации проводимой экономической политики. Учитывая недостаточную эффективность государственного регулирования, среди различных способов укрепления институциональных структур [2; 6; 8; 9], на наш взгляд, заслуживает внимания предложение о создании правительственного органа, отвечающего за соответствие текущего уровня регулирования модернизируемой экономики требуемому. Зона ответственности этого органа включает координацию регулирующих действий отдельных министерств и ведомств с целью минимизации возможного дублирования функций и своевременного реагирования на сбои системы регулирования, недопущения роста численности сотрудников и непоследовательности при принятии решений, организацию взаимодействия регуляторов на региональном уровне, информационное обеспечение и контроль результатов, содействие в проведении квалифицированного анализа и поддержке инновационных проектов и нововведений. Сочетание динамичного централизованного и децентрализованного регулирования с опорой на центральный орган правительства позволит более оперативно учитывать данные текущего мониторинга, а также контролировать и оперативно корректировать действия по ГРЭ.

Основные задачи правительственного органа перспективного государственного регулирования можно сформулировать следующим образом:

1. Стимулирование повышения качества регуляторных решений с учетом возможностей своевременной реакции на текущие и будущие риски.

2. Сочетание основных направлений трансформации системы регулирования с долгосрочными социально-экономическими целями развития РФ.

3. Обеспечение устойчивости функционирования регулирующего механизма в условиях внешнего и внутреннего противодействия, способность работать в чрезвычайных ситуациях. Оптимизация функционирования механизма ГРЭ на основе горизонтального процесса взаимодействия регулирующих органов и субъектов регулирования при наличии контроля и обратной связи.

4. Адекватность оценки качества регулирования, способов обработки больших объемов данных, отражающих динамику государственного вмешательства в экономику и воздействия на бизнес.

5. Совершенствование институтов ГРЭ, дополняющих институты рынка с целью формирования единого институционального пространства.

6. Возможность развития системы регулирования, открытость для инноваций в рамках централизованных реформ, внедрение новых моделей регулирования в виде отношений партнерства объектов и субъектов процесса, совместного проектирования предстоящих действий.

7. Формирование инновационного человеческого капитала, включая поколение перспективных сотрудников ГРЭ, обладающих требуемыми компетенциями, опытом работы в структурах государственного управления, мотивацией для профессионального роста.

Таким образом, на основе современных предложений о синхронном развитии систем государственного планирования и государственного регулирования российской экономики, выявленных трендов недостаточной эффективности регулирования по ведущим отраслям производства и в части распространения инноваций, определения исходных позиций для формирования «новой экономики», одно из направлений совершенствования ГРЭ связано с созданием в составе правительства специального органа, ответственного за обеспечение уровня перспективного государственного регулирования требуемому с учетом динамично изменяющихся внутренних и внешних условий.

Список литературы

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок, капитал, общество // Terra Economicus. 2016. Т. 14, № 1. С. 32.

2. Стратегические приоритеты регионального развития / А. Н. Михайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов [и др.]. М.: Альфа-М, 2011. 480 с.

3. Емельянов С. Г., Вертакова Ю. В., Харченко Д. Ф. Тренды экономической динамики: структурные изменения в прогнозной траектории движения регионального хозяйственного комплекса // Экономика и управление. 2011. № 12 (74). С. 23–28.

4. Вертакова Ю. В., Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственная экономическая политика в системе государственного управления: особенности разработки и реализации в России // Управленческое консультирование. 2016. № 12 (96). С. 99–107.

5. Вертакова Ю. В., Якушкина Т. А. Государственная политика стратегического развития территорий // Известия

Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 209–218.

6. Гаврилов В. В., Радзиевская Т. В. Государственное регулирование российской экономики в условиях модернизации и инновационного развития: концепция, механизм, эффективность. М.: Экономика, 2016. 291 с.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели за 2010–2015 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1138623506156 (дата обращения: 20.11.2017).

8. Чарахчян К. К. Государственное регулирование рыночной экономики: институциональные аспекты. Воронеж: Научная книга, 2005. 159 с.

9. Харченко Е. В., Вертакова Ю. В. Система государственного и муниципального управления. М.: КноРус, 2009. 272 с.

Поступила в редакцию 28.01.18

UDC 338.2

S. G. Emelyanov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: rector@swsu.ru)

T. V. Radzievskaya, Candidate of Economic Sciences, Military educational scientific center air force «Military-air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin» (Voronezh, Russia) (e-mail: tt-06@yandex.ru)

DIRECTIONS OF PERFECTION OF SYSTEM OF STATE REGULATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

At the present stage, state regulation of the economy should be selective and differ by a reasonable choice of objects and the degree of impact on them on the part of the state. The proposed organization of state regulation of the economy, based on a combination of direct and indirect effects, meets the principles of planning, market and regulatory management of the development of the economy and social sphere and the consistency of selective planning methods with the selective nature of state regulation. On the basis of identification of the main trends of quality of regulation the insufficient efficiency of state regulation at modernization of the leading branches of production and at creation of innovations is established. The main factors of formation of "new economy" are defined: bodies of state regulation have to keep an important role in development of the future social and economic relations requested by society; criteria of efficiency of state regulation of economy on the basis of quantitative and qualitative indicators should combine pragmatic and moral components of progress; the level of state regulation perceived by society should dynamically change in accordance with fluctuations in economic growth and have a cyclical character; will increase the value of the methods of filtering information, to highlight data about the risks of crises and conflicts; areas will be expanded and the use of innovative practices that create problems while preserving economic

sovereignty and defense security will increase; the role of concentrating the efforts of the state taking into account resource constraints on the main directions of socio-economic development will increase; the components of socio-economic progress with the help of regulatory instruments should be as non-conflict as possible with the interests of other States and societies; the effective functioning of the mechanism of state regulation of the economy is not feasible without the nomination of leaders capable of making decisions adequate to the state of the internal and external environment. For improvement of state regulation of economy it is offered to create the coordinating body in the Government of the Russian Federation responsible for ensuring level of perspective state regulation. The tasks of this body are formulated.

Keywords: *state regulation of the economy, planning, efficiency, institutions.*

For citation: Emelyanov S. G., Radzievskaya T. V. Directions of perfection of system of state regulation of the russian economy. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 31–37 (in Russ.).

References

1. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Politicheskaya ehkonomiya i ehkonomicheskaya politika. Rynok, kapital, obshchestvo. Terra Esonomicus, 2016, vol. 14, no 1, pp. 32.
2. Mihajlov A. N., Zubarev A. S., Emel'yanov S. G., eds. Strategicheskie priority regional'nogo razvitiya. Moscow, Al'fa-M Publ., 2011. 480 p.
3. Emel'yanov S. G., Vertakova Yu. V., Harchenko D. F. Trendy ehkonomicheskoy dinamiki: strukturnye izmeneniya v prognoznnoj traektorii dvizheniya regional'nogo hozyajstvennogo kompleksa. Ehkonomika i upravlenie, 2011, no. 12 (74), pp. 23–28.
4. Vertakova Yu. V., Kurbanov A. H., Plotnikov V. A. Gosudarstvennaya ehkonomicheskaya politika v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: osobennosti razrabotki i realizacii v Rossii. Upravlencheskoe konsultirovanie, 2016, no. 12 (96), pp. 99–107.
5. Vertakova Yu. V., Yakushkina T. A. Gosudarstvennaya politika strategicheskogo razvitiya territorij. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2014, no. 4, pp. 209–218.
6. Gavrilov V. V., Radzievskaya T. V. Gosudarstvennoe regulirovanie rossijskoj ehkonomiki v usloviyah modernizacii i innovacionnogo razvitiya: koncepciya, mekhanizm, ehffektivnost'. Moscow, Ehkonomika Publ., 2016. 291 p.
7. Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli za 2010–2015 gg. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1138623506156 (accessed 20.11.2017).
8. Charahchyan K. K. Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoj ehkonomiki: institucional'nye aspekty. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2005. 159 p.
9. Harchenko E. V., Vertakova Yu. V. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. Moscow, Alfa-M Publ., 2009. 272 p.

О. Ф. Шахов, канд. экон. наук, доцент, Российская академия предпринимательства (Москва, Россия) (e-mail: oshahov@mail.ru)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ОСОБЕННОСТИ, ФОРМЫ, ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ

В статье стратегическое партнерство государства и бизнеса определяется как ориентированное на достижение стратегических целей социально-экономического развития страны, ее регионов долговременное и взаимовыгодное сотрудничество партнеров в экономической и управленческой сферах деятельности, основанное на совместном использовании принадлежащих им ресурсов, реализации общих и согласованных особых интересов, их взаимной ответственности. Обосновано, что в современной практике востребованы различные формы стратегического партнерства государства и бизнеса: государственно-частное партнерство, используемое для производства общественных и частных товаров и услуг в широком спектре видов экономической деятельности; партнерство, связанное с пространственным развитием экономики страны, ее регионов посредством использования таких инструментов, как кластеры, особые экономические зоны, территории опережающего развития; партнерство в сфере стратегического планирования, связанное с разработкой стратегий социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов РФ, государственной экономической политики во всем разнообразии ее видов. Дана содержательная характеристика названных форм стратегического партнерства государства и бизнеса. Предложен авторский подход к трактовке принципов взаимодействия государства и бизнеса как участников стратегического партнерства. Эти принципы определены как правила, следование которым необходимо для формирования и устойчивого воспроизводства отношений между государством и бизнесом, обеспечивающих эффективное достижение целей стратегического партнерства. Обосновано, что объективно существующее разнообразие форм стратегического партнерства государства и бизнеса обуславливает наличие не только общих, но и частных (применительно к каждой форме) принципов взаимодействия его участников. Предложена и содержательно раскрыта авторская версия системы принципов взаимодействия государства и бизнеса, имеющая два уровня. На первом – выделяются общие принципы взаимодействия партнеров, являющиеся инвариантными для любых форм стратегического партнерства. На втором – частные принципы, учитывающие специфику его форм.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, государство, бизнес, формы стратегического партнерства, принципы взаимодействия участников.

Ссылка для цитирования: Шахов О. Ф. Стратегическое партнерство государства и бизнеса: особенности, формы, принципы взаимодействия участников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 38–46.

Введение

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в составе ключевых приоритетов определено стратегическое партнерство государства и бизнеса [1]. Его развитие предполагает формирование адекватной теоретической базы, раскрывающей разнообразие и особенности его форм, необходимый состав принципов взаимодействия партнеров.

Основная часть. Формы стратегического партнерства государства и бизнеса, их особенности. Принципы взаимодействия его участников

Стратегическое партнерство государства и бизнеса определяется как ориентированное на достижение стратегиче-

ских целей социально-экономического развития страны, ее регионов долговременное и взаимовыгодное сотрудничество партнеров в экономической и управленческой сферах деятельности, основанное на совместном использовании принадлежащих им ресурсов, реализации общих и согласованных особых интересов, их взаимной ответственности.

В современной практике востребованы различные формы стратегического партнерства государства и бизнеса:

– государственно-частное партнерство (ГЧП), используемое для производства общественных и частных товаров и услуг в широком спектре видов экономической деятельности;

– партнерство, связанное с пространственным развитием экономики страны, регионов посредством использования таких инструментов, как кластеры, особые экономические зоны, территории опережающего развития;

– партнерство в сфере стратегического планирования, связанное с разработкой стратегий социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов РФ, государственной экономической политики во всем разнообразии ее видов.

Каждая из названных форм имеет особенности, учет которых необходим при обосновании мер, призванных обеспечить развитие стратегического партнерства государства и бизнеса.

Полагаем, что к особым характеристикам государственно-частного партнерства, деятельность которого регулируется Федеральным законом от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» [2], оправданно отнести следующие:

– применение государством механизма конкуренции для выбора частного партнера;

– высокий уровень разнообразия видов ресурсов, совместно мобилизованных и используемых партнерами;

– использование в экономической деятельности партнерства технологических, продуктовых и организационных инноваций, освоенных частным партнером;

– распределение рисков между партнерами;

– юридическое оформление отношений партнеров, регламентирующее их права, обязанности, ответственность.

Стратегическое партнерство государства и бизнеса, связанное с пространственным развитием экономики страны, ее регионов, обеспечиваемым освоением перспективных форм ее организации (особых экономических зон, промышленных парков, кластеров, территорий

опережающего развития), регулируется комплексом федеральных законов, в числе которых: Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» [3], Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [4], Федеральный закон Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития» [5].

К особым характеристикам этой формы стратегического партнерства государства и бизнеса могут быть отнесены следующие:

– разнообразие функций, реализуемых государством, как партнером (в особых экономических зонах и территориях опережающего развития поддержка государством бизнеса представлена в основном налоговыми льготами; участники промышленных парков и кластеров оказываются пользователями принадлежащих государству объектов производственной инфраструктуры, реципиентами инвестиций, выделяемых в том числе из государственного фонда поддержки промышленности);

– наличие управляющей компании, осуществляющей координацию деятельности бизнес-структур, являющихся участниками этих форм.

Потребность в стратегическом партнерстве государства и бизнеса в стратегическом планировании социально-экономического развития страны, регионов в существенной мере актуализирована вводом в действие Федерального закона Российской Федерации от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6].

К особым характеристикам этой формы стратегического партнерства государства и бизнеса могут быть отнесены следующие:

– объединение интеллектуальных ресурсов партнеров, востребованных для реализации функции стратегического

планирования социально-экономического развития страны, регионов;

– институциональное обеспечение участия бизнеса в этой деятельности, представленное сетью различного рода органов, созданных на общественной основе (экспертных, консультативных и иных советов);

– участие представителей бизнеса в обосновании содержания стратегий развития экономики, различных видов государственной экономической политики (постановке целей и задач, определении приоритетов и др.), выборе механизмов их реализации.

Эффективное использование названных форм стратегического партнерства государства и бизнеса обеспечивается соблюдением его участниками необходимого состава принципов.

Федеральный Закон от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» установил принципы, на которых должно основываться партнерство публичной власти и бизнеса. К ним отнесены:

1) открытость и доступность информации о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, за исключением сведений, составляющих государственную тайну и иную охраняемую законом тайну;

2) обеспечение конкуренции;

3) отсутствие дискриминации, равноправие сторон соглашения и равенство их перед законом;

4) добросовестное исполнение сторонами соглашения обязательств по соглашению;

5) справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения;

6) свобода заключения соглашения [2].

В оценке приведенных императивов укажем на следующее.

Открытость и доступность информации имеет отношение не только к процес-

су взаимодействия государства и бизнеса, но и к потребителям общественных и частных благ, а также к институтам гражданского общества как участникам общественной экспертизы ресурсов и результатов проектов ГЧП.

Реализация принципа конкуренции имеет отношение к деятельности только одного партнера – государства, которое должно использовать механизм конкурсного отбора своих партнеров. Поэтому данное положение действует на стадии организации партнерства.

Аналогичный вывод применим и для положения, определяющего свободу заключения соглашения о партнерстве.

Равенство перед законом – это императив, значимый для любого физического и юридического лица, и в силу этого не является показательным для стратегического партнерства государства и бизнеса. Тот же вывод можно сделать и применительно к положению, предписывающему добросовестное исполнение обязательств, распределение рисков, поскольку все это – важные характеристики договорных отношений между любыми субъектами.

Резюмируя, отметим, что этот закон не предлагает избирательного, присущего именно этой форме партнерства государства и бизнеса, состава принципов, на которых основывается их взаимодействие.

Обратимся к работам исследователей, предпринявших попытки определить состав искомых принципов.

С. В. Дорошенко, характеризуя отношения между государством и предпринимательством, фиксирует принципы, на которых они формируются. Предложенный им перечень включает принципы добровольности, обязательности, согласованности, обеспечения развития, целевой ответственности [7, с. 123].

Оценивая эту точку зрения, полагаем необходимым сделать ряд уточнений.

Очевидно, что реализация принципа добровольности предшествует формированию самого партнерства. Речь идет о том, что любой представитель частного бизнеса добровольно участвует в кон-

курсном отборе, проводимом государством. Другое дело, когда он становится партнером государства, принимая на себя вполне определенные обязательства.

Относительно принципа целевой ответственности участников партнерства, состоящего, по мнению автора, в их стремлении к достижению заявленных целей [7, с. 123], отметим, что, стремление и ответственность не одно и то же.

Заслуживает внимания императив, определяющий необходимость развития отношений между партнерами. Однако отсутствие его содержательной интерпретации не позволяет дать ему адекватную оценку.

А. Ю. Никитаева предлагает в качестве принципов эффективного взаимодействия государства и бизнеса:

- дифференцированный подход к построению отношений государства и бизнеса с учетом масштаба, отраслевой и территориальной принадлежности хозяйствующих субъектов [8, с. 243];

- эффективная реализация специфических функций субъектов взаимодействия на основе консенсуса интересов и мотивационного механизма [9, с. 141].

Оценивая предложения указанного автора, полагаем, что состав принципов взаимодействия государства и бизнеса не зависит от масштаба, отраслевой и территориальной принадлежности хозяйствующих субъектов.

Другое дело – формы, в которых осуществляется взаимодействие государства и бизнеса, поэтому корректным был бы акцент на реализацию дифференцированного подхода к установлению частных принципов партнерства названных субъектов, учитывающих специфику его форм.

Что касается другого предложенного ею принципа, то на наш взгляд, его редакция уязвима по ряду причин.

Во-первых, общее согласие (консенсус) является условием формирования партнерства и после согласованного распределения функций, прав и ответственности между его участниками потреб-

ность в сквозном (при решении всего комплекса задач) применении названного метода не возникает. Другое дело, пересмотр условий договора, постановка новых целей и др.

Во-вторых, неясно, какое требование должно быть применено к механизму мотивации, чтобы он обеспечил эффективную реализацию функций каждого из участников взаимодействия.

И. Е. Рисин и Ю. И. Трещевский обосновывают систему принципов взаимодействия государства и бизнеса, имеющую несколько уровней.

На первом – выделяются принципы построения любой государственной политики (например, увязки текущих задач со стратегическими целями экономического развития, системности мер, обеспечивающих достижение поставленных целей и др.).

На втором – общие принципы взаимоотношения государства и бизнеса в общественной системе (дополняющая роль механизма государственного регулирования по отношению к саморегулированию рыночной системы, балансировка интересов субъектов взаимодействия, комплексность воздействия и т. д.).

На третьем уровне появляются принципы, отражающие особенности взаимодействия государства и бизнеса в регионе. К ним названные авторы относят принципы:

- преимущественной поддержки бизнеса, реализующего конкурентные преимущества территории;

- институционализация бизнеса, т. е. формирование некоторого множества взаимосвязанных бизнес-единиц, работающих на выполнение одной задачи;

- содействия созданию и распространению положительных внешних эффектов бизнеса;

- поддержки перспективных видов бизнеса [10, с. 82, 88].

Поддерживая саму идею о принципах разного уровня, полагаем, что ее реализация применительно к стратегическому партнерству государства и бизнеса

должна привести к определению, наряду с общими, частных принципов, имеющих отношение к его конкретным формам.

Продуктивным в анализируемой позиции является и выдвижение балансирующей роли интересов государства и бизнеса в качестве принципа, на котором строится взаимодействие названных субъектов.

Что касается других принципов, предложенных авторами, то считаем необходимым отметить следующее.

Принципы первого уровня фиксируют требования к определенному виду деятельности, совместно осуществляемой партнерами, в данном случае – к планированию (увязка текущих задач со стратегическими целями экономического развития, системность обоснованных мер, обеспечивающих достижение поставленных целей).

Принципы второго уровня имеют отношение к организации экономики страны (дополняющая роль механизма государственного регулирования по отношению к саморегулированию рыночной системы), характеру воздействия на нее государства (комплексность).

Принципы третьего уровня фиксируют в основном требования, которым должно следовать государство, осуществляя выбор партнеров (преимущественной поддержки бизнеса, реализующего конкурентные преимущества территории; приоритетной поддержки перспективных видов бизнеса, бизнес-групп).

Между тем искомые принципы должны определять правила, на которых нужно строить партнерские отношения.

Резюмируя, считаем возможным утверждать, что имеющийся теоретический задел в исследуемой нами предметной области не содержит обоснованной и содержательно раскрытой системной версии принципов взаимодействия государства и бизнеса как участников стратегического партнерства.

Предварим их определение теоретическими положениями, раскрывающими суть авторского подхода к трактовке

принципов взаимодействия государства и бизнеса как участников стратегического партнерства.

1. Принципы взаимодействия государства и бизнеса как участников стратегического партнерства следует определить как правила, следование которым необходимо для формирования и устойчивого воспроизводства отношений между ними, обеспечивающих эффективное достижение целей партнерства.

2. Объективно существующее разнообразие форм стратегического партнерства государства и бизнеса обуславливает наличие не только общих, но и частных (применительно к каждой форме) принципов взаимодействия его участников.

3. Развитие стратегического партнерства государства и бизнеса, проявляющееся в обновлении его экономического и институционального обеспечения, постановке новых целей, расширении спектра решаемых им задач и росте их сложности, сопряжено с изменениями в содержании искомых принципов, не меняющими их сути.

Полагаем возможным предложить системную версию искомых принципов. Эта система имеет два уровня. На первом – выделяются общие принципы взаимодействия партнеров, являющиеся инвариантными для любых форм стратегического партнерства. На втором – частные принципы, учитывающие специфику его форм.

К общим принципам взаимодействия государства и бизнеса как участников стратегического партнерства необходимо отнести следующие принципы:

- ориентации совместной деятельности участников на реализацию стратегических целей партнерства;
- балансирования интересов государства и бизнеса на всех фазах жизненного цикла стратегического партнерства;
- соответствия видов и объемов привлекаемых партнерами ресурсов разнообразию и сложности целей деятельности партнерства;

- самостоятельности и независимости партнеров в пределах своей компетенции;

- обоснованного закрепления согласованных между собой прав, обязанностей и ответственности за участниками партнерства;

- соразмерности ответственности партнеров их полномочиям и правам;

- координации и единства действий партнеров в решении экономических и управленческих задач;

- транспарентности и доступности информации о состоянии и результатах деятельности партнерства, востребованной его участниками;

- развития экономической основы, институционального и организационного обеспечения деятельности партнеров.

К частным принципам взаимодействия участников государственно-частного партнерства следует отнести принципы:

- варьирования роли лидера в проектах ГЧП;

- разнообразия применяемых партнерами инструментов реализации проектов ГЧП;

- разнообразия вариантов установления прав собственности на материальные и нематериальные активы, созданные в процессе реализации проектов ГЧП;

- не ухудшения условий хозяйствования для частных партнеров в течение всего срока реализации проектов ГЧП;

- совместно осуществляемой реализации функций планирования, организации и контроля деятельности партнерства.

К частным принципам взаимодействия участников стратегического партнерства государства и бизнеса, связанного с пространственным развитием экономики страны, ее регионов, могут быть отнесены следующие принципы:

- разнообразия применяемых партнерами инструментов пространственной организации экономики;

- сохранения права собственности на материальные и нематериальные активы,

привлеченные и созданные в процессе деятельности партнерства;

- дополнения имущества, привлеченного партнерами посредством использования инструментов пространственной организации экономики, ресурсной базой проектов ГЧП.

К частным принципам взаимодействия участников, связанного с разработкой стратегий социально-экономического развития России, субъектов Российской Федерации, государственной экономической политики во всем разнообразии ее видов, могут быть отнесены следующие принципы:

- реалистичности;

- согласованности стратегических целей развития страны и ее регионов;

- увязки тактических и стратегических целей социально-экономического развития страны, ее регионов;

- обеспечения общественного обсуждения проектов программных документов.

В содержательной характеристике принципов, предложенных нами впервые, обратим внимание на следующие моменты.

Необходимость балансирования интересов государства и бизнеса на разных фазах жизненного цикла партнерства обусловлена обновлением состава и приоритетов их интересов под воздействием изменений внутренних и внешних условий его функционирования.

Так, например, развитие ресурсной базы партнерства (в результате накопления, привлечения дополнительных источников) может стать объективной основой появления новых интересов участников [11; 12].

Аналогичное воздействие оказывает и расширение экономического пространства партнерства. Так, если на этапе становления ГЧП в России оно было ограничено сферой ответственности государства, то в настоящее время охватывает виды экономической деятельности, обеспечивающей производство не только общественных, но и частных благ и услуг. Такое положение, естественно, продуци-

рует появление у частных партнеров новых интересов.

Потребность в обеспечении соответствия видов и объемов привлекаемых партнерами ресурсов разнообразию и сложности целей деятельности партнерства обусловлена, в первую очередь, тем, что стратегический характер партнерства предопределяет в качестве исходного момента постановку стратегических целей, под которые затем осуществляются определение и мобилизация необходимых для их достижения ресурсов.

Самостоятельность и независимость партнеров, конечно, являются относительными, но они необходимы, поскольку за каждым из них закрепляется определенная сфера ответственности, эффективная деятельность в которой сопряжена с принятием и реализацией решений, не требующих согласования с другим партнером.

Принципы обоснованного распределения согласованных между собой прав, обязанностей и ответственности между участниками партнерства и соразмерности ответственности партнеров их полномочиям и правам относятся к необходимым атрибутам эффективного управления любой социально-экономической системой.

Необходимость развития экономической основы, институционального и организационного обеспечения деятельности партнеров детерминирована объективным процессом возвышения потребностей, реализуемых посредством формирования и функционирования партнерства.

Принцип, предусматривающий варьирование роли лидера в проектах ГЧП, детерминирован, в первую очередь, различием сфер их реализации: инициирование проектов, ориентированных на производство общественных благ и услуг, как правило, осуществляется государством; в сфере производства частных благ инициатива оказывается преимущественно у частного партнера.

Потребность в разнообразии вариантов установления прав собственности на

материальные и нематериальные активы, созданные в процессе реализации проектов ГЧП, обусловлена структурой мотивов их участников. Так, например, переход объекта строительства, находящегося изначально в собственности государства, в собственность частного партнера по истечении определенного периода времени может быть вызвано в том числе повышенной капиталоемкостью проекта для частного партнера, длительностью периода окупаемости осуществляемых им капиталовложений.

Реализация принципа, требующего не ухудшения условий хозяйствования для частных партнеров в течение всего срока реализации проектов ГЧП, позволяет, во-первых, повысить обоснованность прогнозных и плановых оценок ресурсов, необходимых для деятельности партнерства, его результатов; во-вторых, снизить риски предпринимательской деятельности, в том числе связанные с неопределенностью изменений ее внешней среды.

Принцип дополнения имущества, привлеченного партнерами посредством использования инструментов пространственной организации экономики, ресурсной базой проектов ГЧП, обусловлен потребностью в получении синергетического эффекта от взаимосвязанного использования разных форм стратегического партнерства государства и бизнеса.

Полагаем, что сформулированные выше положения, раскрывающие разнообразие и особенности форм стратегического партнерства государства и бизнеса, принципы взаимодействия его участников востребованы в научном обеспечении процессов развития названного феномена.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения: 15.01.2018).

2. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ: [ред. от 03.07.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660 (дата обращения: 15.01.2018).

3. Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ: [ред. от 22.07.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599 (дата обращения: 15.01.2018).

4. О промышленной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 488-ФЗ: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119 (дата обращения: 15.01.2018).

5. О территориях опережающего социально-экономического развития [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 дек. 2014 г. №473-ФЗ: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1729621 (дата обращения: 15.01.2018).

6. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 15.01.2018).

7. Дорошенко С. В. Принцип целевой ответственности в основе институционализации отношений государства и предпринимательства // Журнал экономической теории. 2015. № 4. С. 121–137.

8. Никитаева А. Ю. Взаимодействие государства и бизнеса в контексте разномасштабных экономических субъектов // Terra economicus. 2007. № 2-3. С. 242–248.

9. Никитаева А. Ю. Система взаимодействия государства и бизнеса в региональной экономике: концептуальный подход и инструментальные составляющие // Terra economicus. 2006. Т. 4, № 3. С. 140–145.

10. Рисин И. Е., Трещевский Ю. И. Государство и бизнес в регионе. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 155 с.

11. Вертакова Ю. В., Ватутина О. О. Компаративный анализ современной практики организации частно-государственного партнерства в России и за рубежом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С. 30–34.

12. Vertakova Yu. V., Risin I. E. Clustering of socio-economic space: theoretical approaches and russian experience // Procedia Economics and Finance. 2015. N 27. P. 538–547.

Поступила в редакцию 02.02.2018

UDK 332.142

O. F. Shakhov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Russian Academy of Entrepreneurship (Moscow, Russia) (e-mail: oshahov@mail.ru)

THE STRATEGIC PARTNERSHIP OF THE STATE AND BUSINESS: FEATURES, FORMS, PRINCIPLES INTERACTION BETWEEN THE PARTICIPANTS

The article strategic partnership between the state and business is defined as oriented on the strategic goals of socio-economic development of the country, its regions, long-term and mutually beneficial cooperation partners in the economic and governance spheres, based on the joint use of their resources, implementation of common and coordinated special interests, their mutual responsibility. It is proved that in modern practice, demanded various forms of strategic partnership between the state and business: public-private partnership (PPP) is used to produce public and private goods and services in a wide range of economic activities; the partnership associated with spatial development of the country, its regions through the use of tools such as clusters, special economic zones, territories of priority development; partnership in the strategic planning associated with the development of strategies for socio-economic development of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, state economic policy in a variety of species. Proposed substantial characteristic of these forms of strategic partnership of government and

business. The author's approach to the interpretation of the principles of interaction between the state and business as participants of strategic partnership is offered. These principles are defined as rules, following which is necessary for the formation and sustainable reproduction of relations between the state and business, ensuring the effective achievement of the goals of strategic partnership. It is proved that objectively existing variety of forms of strategic partnership of the state and business causes existence not only the General, but also private (in relation to each form) principles of interaction of its participants. The author's version of the system of principles of interaction of the state and business having two levels is offered and meaningfully opened. On the first – the General principles of interaction of partners, which are invariant for all forms of strategic partnership, are highlighted. On the second – particular principles that take into account the specifics of its forms.

Key words: *strategic partnership between, state, business, form strategic partnerships, collaboration principles.*

For citation: Shakhov O. F. The strategic partnership of the state and business: features, forms, principles interaction between the participants. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 38–46 (in Russ.).

References

1. О Стратегии националь'ной безопасности Россиjsкой Федерации: указ Президента Россиjsкой Федерации от 31 дек. 2015 г. No 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (accessed 15.01.2018).

2. О государственнo-частном партнерстве, муниципал'но-частном партнерстве в Россиjsкой Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. No 224-FZ: [red. ot 03.07.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (accessed 15.01.2018).

3. Об особыh эхкономических зонах в Россиjsкой Федерации: федер. закон от 22 июля 2005 г. No 116-FZ: [red. ot 22.07.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (accessed 15.01.2018).

4. О промышленной политике в Россиjsкой Федерации: федер. закон от 31 дек. 2014 г. No 488-FZ: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (accessed 15.01.2018).

5. О территориях опережающeго социального-экономического развития: федер. закон от 29 дек. 2014 г. No 473-FZ: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (accessed 15.01.2018).

6. О стратегическом планировании в Россиjsкой Федерации: федер. закон от

28 июня 2014 г. No 172-FZ: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed 15.01.2018).

7. Doroshenko S. V. Princip celevoj otvetstvennosti v osnove institucionalizacii otnoshenij gosudarstva i predprinimatel'stva. Zhurnal ehkonomicheskoy teorii, 2015, no. 4, pp. 123.

8. Nikitaeva A. Yu. Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa v kontekste raznomasshtabnyh ehkonomicheskikh sub"ektov. Terra economicus, 2007, no. 2-3, pp. 242–248.

9. Nikitaeva A. Yu. Sistema vzaimodejstviya gosudarstva i biznesa v regional'noj ehkonomie: konceptual'nyj podhod i instrumental'nye sostavlyayushchie. Terra economicus, 2006, vol. 4, no. 3, pp. 140–145.

10. Risin I. E., Treshchevskij Yu. I. Gosudarstvo i biznes v regione. Voronezh, Voronezh gos. un-t Publ., 2003. 155 p.

11. Vertakova Yu. V., Vatutina O. O. Komparativnyj analiz sovremennoj praktiki organizacii chastno-gosudarstvennogo partnerstva v Rossii i za rubezhom. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekhonomika. Sociologija. Menedzhment, 2012, no. 1, pp. 30–34.

12. Vertakova Yu. V., Risin I. E. Clustering of socio-economic space: theoretical approaches and russian experience. Procedia Economics and Finance, 2015, no. 27, pp. 538–547.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338

О. А. Крыжановская, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: morozikolya2008@yandex.ru)

И. Ф. Мальцева, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: irina-fedorovna@inbox.ru)

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БРЕНД-МЕНЕДЖМЕНТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

В настоящее время на фоне глобализации экономического сообщества конкурентная борьба на рынке постоянно усиливается, и особенно актуальными становятся вопросы стратегического управления компаниями и территорией на основе организации и совершенствования брендинговой деятельности, одной из основных сторон которой является развитие процессов формирования торговой марки и её бренда, их продвижение на рынке.

Учитывая присутствие на рынке огромного количества однотипных товаров и услуг и то, что потребитель может воспринять только малую часть из них, эффективно развиваться и вытеснять конкурентов можно только с помощью эффективного процесса брендинга, что непосредственно влияет на эффективность стратегического управления организацией и территорией в условиях нестабильной внешней среды. Данный процесс играет существенную роль в достижении целей организации и территории, поскольку способствует увеличению объема продаж продукции (товаров, услуг или идей). В то же время развитый бренд создаёт новый материальный актив предприятия, стоимость которого зачастую превышает стоимость основных фондов, а его неосязаемый характер определяет сложность адекватной оценки и эффективного управления этим активом.

Актуальность исследуемой проблемы подтверждается еще и тем, что в последние годы маркетологи уделяют проблеме бренд-менеджмента особое внимание в связи с тем, что зарубежные производители активно используют концепцию брендинга и умело создают стойкие конкурентные преимущества своих товарных марок в сознании потребителей на основе создания и эффективного менеджмента брендов. Данные бренды позволяют повысить конкурентоспособность территории присутствия, обеспечивая эффективное развитие территории в стратегической перспективе.

Целью статьи является исследование особенностей российского бренд-менеджмента и анализ его влияния на эффективность стратегического управления территориальным развитием

В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы, в частности обзор литературы, логический и системный анализ, рейтинговый подход.

В результате исследования установлено, что развитие бренд-менеджмента в выявленных в статье направлениях позволит организациям и территориям достичь конкурентные преимущества и обеспечить стратегическое первенство на рынке.

Ключевые слова: бренд-менеджмент, брендинг, стратегическое управление.

Ссылка для цитирования: Крыжановская О. А., Мальцева И. Ф. Особенности российского бренд-менеджмента и его влияние на эффективность стратегического управления территориальным развитием // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 47–54.

По итоговым подсчетам «Первой патентной компании» на начало 2017 г., в Российской Федерации действовало более 370 090 регистраций товарных знаков и знаков обслуживания. В 2016 г. «Роспатент» зарегистрировал 55 191 новинку, из них 28 898 – на имя российских заявителей [1].

Бренд в настоящее время является инструментом повышения стратеги-

ческой конкурентоспособности товаров, услуг, организаций и территорий за счет максимального использования их конкурентных преимуществ и максимальной адаптации к ожиданиям и потребностям покупателей.

На основе проведенных исследований были выявлены особенности российского бренд-менеджмента в современных условиях хозяйствования.

Таблица 1

Особенности российского бренд-менеджмента в современных условиях хозяйствования

Особенность	Интерпретация
Отставание РФ от других стран – лидеров брендинга	Сегодня рынок в России переполнен товарами зарубежных производителей. Иностранные производители появились на рынке раньше, как и реклама этих товаров
Методы брендинга. Точное позиционирование и правильно выбранная стратегия продвижения	Все приемы создания успешного бренда уже давно общеизвестны и используются разными компаниями. Многие предпочитают пользоваться методами создания успешного бренда, которые применяли зарубежные известные компании. Однако отставание России не позволяет быстро адаптировать зарубежную практику под российские реалии. Пока происходит адаптация существующих методов брендинга, лидеры внедряют новые, создавая, тем самым, еще больший разрыв
Конкуренция со стороны сильных иностранных брендов	Зарубежные бренды имеют значительное конкурентное преимущество перед отечественным производителем. Для того чтобы повысить свое конкурентное преимущество, отечественным производителям необходимо вложить определенные средства
Качество российских брендов	Потребитель обычно предпочитает хорошо известную марку товара, особенно если производитель учитывает патриотическое отношение, некоторые секционные ограничения, пропаганду здорового образа жизни и поддержку отечественного производителя
Наполнение российского рынка многочисленными отечественными брендами-двойниками. Снижение лояльности к марке	Потребителю сложно уследить за всеми брендами, а тем более запомнить их, в связи с этим рынок становится наполненным товарами, мало известными потребителю. Появление брендов-двойников приводит к разбросу мнений среди покупателей и, как следствие, к уходу с рынка «поддельных брендов» и снижению продаж «оригинальных брендов»
Нехватка профессиональных бренд-менеджеров	Малое число предприятий может констатировать наличие целостного подхода к брендированию, который включает в себя весь диапазон маркетинговых приемов. Отсутствие концентрации на особенностях брендинга, формировании и реализации маркетинговой политики способно уничтожить всю концепцию бренда
Несовершенство российского законодательства в сфере защиты торговых марок и товарных знаков	Особенности брендинга и правовая защита должны позволить максимально дистанцировать продукцию «добросовестных» брендов от возможных фальсификаций
Принадлежность «российского бренда» иностранной компании	Присутствующие в России продовольственные бренды на самом деле принадлежат иностранным владельцам
Подход к бренд-менеджменту на российских предприятиях	Отсутствие в организациях принципа «марочного управления», а также недоверие некоторых российских менеджеров к технологиям брендинга. Существенная нехватка средств на управление «нематериальным активом» усугубляется еще и тем, что рекламные расходы, а также расходы на создание брендов сверх предельной величины, обусловленной законодательством РФ, увеличивают налогооблагаемую прибыль организаций

Примечание. Составлено авторами по данным [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Несмотря на достаточно сложные условия ведения бизнеса и развития бренд-менеджмента в Российской Федерации многие организации сконцентрированы на управлении своими брендами для достижения стратегического первенства. Данные компании позволяют повысить конкурентоспособность территории присутствия, обеспечивая эффективное развитие территории в стратегической перспективе. Об этом свидетельствуют многочисленные рейтинги самых дорогих, успешных или наиболее эффективно и быстро развивающихся брендов, которые свидетельствуют об эффективности стратегического управления организациями-владельцами бренда [4].

Для того чтобы произвести оценку изменений среди отечественных эмитен-

тов на фондовом рынке, рейтинговое экспертное агентство «РИА Рейтинг» представило результаты очередного ежегодного Рейтинга 100 самых дорогих публичных компаний России по состоянию на начало 2018 года [10] (рис.).

Согласно проведенному рейтингу, суммарная оценка стоимости 100 ведущих российских компаний за 2017 г. выросла на 1,3%, что составило 8,4 млрд дол., в то время как в 2016 г. рост составил 58%, или «плюс» 233 млрд дол.

ТОП-100 самых дорогостоящих компаний по итогам 2017 года составил 318 млн дол., против 267 млн дол. в прошлогоднем рейтинге. По этим данным можно сделать вывод, что число самых дорогих компаний России за два года увеличилась вдвое.

№	ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТ ЗА ГОД	КОМПАНИЯ	ОТРАСЛЬ	КАПИТАЛИЗАЦИЯ НА КОНЕЦ 2017 ГОДА, МЛН ДОЛЛ.	ИЗМЕНЕНИЕ КАПИТАЛИЗАЦИИ ЗА ГОД, %
1	+1 ▲	Сбербанк	≡	84 311	37,9
2	+1 ▲	Газпром	⚡	53 349	-11,0
3	-2 ▼	Роснефть	⚡	53 304	-23,7
4	0	ЛУКОЙЛ	⚡	48 993	1,9
5	0	НОВАТЭК	⚡	35 543	-9,4
6	0	ГМК «Норильский никель»	⚙	29 511	12,6
7	+2 ▲	Газпром нефть	⚡	20 165	19,4
8	+3 ▲	Татнефть	⚡	17 959	18,8
9	-2 ▼	Сургутнефтегаз	⚡	17 191	-5,6
10	+5 ▲	НЛМК	⚙	15 349	35,8

Рис. 1. Рейтинг самых дорогих публичных российских компаний в 2018 г. [10]

По данным рейтинга 10 самых дорогих публичных российских компаний представлены такими компаниями, как Сбербанк, Газпром, Роснефть, ЛУКОЙЛ, НОВАТЭК, Норильский никель, Газпром нефть, Татнефть, Сургутнефтегаз и НЛМК. Две компании, как отмечает «РИА Рейтинг», покинули ТОП-10, что свидетельствует о появлении двух новых компаний в числе лидеров.

Выбыли из десятки крупнейший компаний по капитализации России «Магнит» и Банк ВТБ.

Пик снижения стоимости в 2017 г. наблюдается для такой компании финансового сектора, как ФГ «Будущее». В числе компаний с существенным снижением

стоимости оказались: «АФК «Система», Магнит, Башнефть, Банк ВТБ, Нижнекамскнефтехим, Лента, Челябинский цинковый завод, Русагро, Уралкалий и Полус.

Компания Forbes опубликовала рейтинг 25 самых выгодных франшиз в России в 2017 году [11]. При составлении рейтинга были отобраны компании, продавшие франшизы до декабря 2015 г., а также те, которые открыли не менее 50 точек в России. В остаточной выборке осталась 51 франшиза. Данные были предоставлены компаниями – владельцами франшиз.

Топ-10 самых выгодных франшиз в России по рейтингу Forbes представлены в таблице 2.

Таблица 2

Топ-10 самых выгодных франшиз в России по рейтингу Forbes по итогам 2017 г. [11]

Место	Изменение позиции за год	Наименование компании	Число франчайзинговых точек	Годовая выручка, млн руб.	Стартовые вложения, млн руб.	Годовая прибыль, млн руб.	Итоговый балл
1	=	Лабораторная служба Хеликс	242	23.4	0.7	6.1	64.5
2	+19	Слетать.ру	377	2.3	0.2	1.4	63.38
3	new	IQ007	247	21.6	1.2	7.2	54.53
4	-1	Unibrait	83	7.6	1.7	5.4	53.17
5	=	Samura	407	4.6	0.5	2.5	52.16
6	-4	СДЭК	542	7.5	0.35	2.25	47.9
7	new	GrossHaus	190	6.5	0.4	2.3	47.01
8	-1	Tea Funny	251	6.5	0.8	3.2	46.05
9	-5	Миэль	112	21.8	2.5	8.4	45.23
10	new	Мастерская кухонной мебели «Едим дома!»	99	28	1.2	5.6	44.94

Forbes также представил результаты рейтинга брендов за 2017 г., которые стали заметны на российском рынке [2].

Генеральная совокупность марок упакованных товаров была составлена на основе изучения презентаций товаров или компаний-новинок на сайтах маркетинговых агентств при соблюдении следующих условий:

- это должен быть российский бренд, существующий не менее года, а также не являющийся ребрендингом существующего;
- оценка осуществлялась 10 экспертами, оценивавшими в 12-ти категориях 31 товар;
- концепция и айдентика бренда оценивались отдельно по шкале от 0 до 5

баллов, при этом эксперты не могли отдавать предпочтения и голосовать за «свои» бренды.

В результате проведенных оценочных процедур полученные экспертные оценки были просуммированы и получен средний балл, определяющий место в рейтинге каждого конкретного бренда.

Специфика данного рейтинга состоит не в количественном сравнении проектов по различного рода финансовым, экономическим и иным объективным показателям. Особое внимание при составлении рейтинга было отведено творческому подходу, искусству бренд-менеджмента.

Таблица 3

Рейтинг брендов, которые стали заметны на российском рынке за 2017 г. [1]

Бренд	Владелец	Выручка	Сфера деятельности
Слово мясника	Агропромышленный холдинг «Русагро»	1,31 млрд руб.	Розничный рынок полуфабрикатов
Любо-Зелено	Компания «Русагро-хим»	40 млн руб.	Бренд минеральных удобрений для сада в необычной упаковке
Baikal430	Байкалси	350 млн руб.	Добыча и розлив минеральной воды из природных байкальских скважин

Окончание табл. 3

Бренд	Владелец	Выручка	Сфера деятельности
EPICA	Ehrmann	1,35 млрд руб.	Производство йогуртов
Organika	Organika	140 млн руб.	Новый премиальный бренд водки
Своя	Воловский бройлер	300 млн руб.	Продукция из охлажденного куриного мяса
Халзан	Очаково	5,6 млрд руб.	Пивной бренд в низком ценовом сегменте
Старый доктор	Стрижамент	240 млрд руб.	Новый бренд сладких алкогольных настоек «Старый доктор»
Berezka Lab	Березка лаб	25 млн руб.	Органическая люксовая косметика
Псыж	Аквалайн	69 млн руб.	Производство минеральной питьевой воды

Проведенное исследование свидетельствует о том, что эффективность стратегического управления организацией во многом зависит от уровня развития бренд-менеджмента, который должен учитывать основные тенденции развития в условиях нестабильной и быстро меняющейся среды, что, в свою очередь, влияет на эффективность развития не только организации, но и территории присутствия бренда [2; 3; 5].

В эру цифрового потребления товары и услуги необходимы потребителю «по первому требованию». Потребитель предпочтет бренды по рейтингам и рекомендациям, отзывам в социальных сетях.

Прозрачность способствует коммерции в социальных медиа. Бренды должны сменить ориентацию с имиджевой на коммерческую информацию в социальных сетях. Нанотехнологии позволяют брендам контактировать с каждым клиентом, интересоваться тем, что предпочитает, чем интересуется клиент. Обработка больших массивов информации позволяет персонализировать рекламу. Широкий выбор платформ позволит брендам публиковать собственные истории. Реклама будет расширять медиаконтент.

Взаимодействие через мессенджеры приблизит бренды к клиентам. Боты и

технологии машинного обучения поспособствуют переходу брендов от монолога к диалогу, а технологии виртуальной реальности позволят наиболее быстро и эффективно вовлечь аудиторию эмоционально.

Новая мобильность поменяет привычный подход к поездкам. Каршеринг станет повсеместно распространен, т. к. владение собственным автомобилем будет все менее выгодно. В 2017 г. популярность к каршерингу возросла в 5,5 раз относительно 2016 г. Самая большая интернет-компания «Яндекс-Каршеринг» запустила свой сервис в России. Широкое применение найдут беспилотные автомобили. Совместное потребление коснется не только автомобилей, но и авиации. Для перелета на короткие дистанции пассажиры будут использовать беспилотники. Сокращение личных автомобилей приведет к сокращению парковок, страховых, штрафов. При этом большой вопрос будет уделен таким экологическим вопросам, как расширение и активизация использования альтернативных видов топлива, поскольку потребители пересядут на электромобили [9].

Бренды будут нуждаться не в одноразовых сделках, а в сделках с длительными отношениями с потребителями.

3D-печать и автоматизация производства позволят потребителю выбрать не только дизайн, но и указать опции продукта. «Умная» упаковка будет способна контролировать качество и свежесть продуктов. Инновационные материалы постепенно будут вытеснять привычные стекло и пластик. В связи с этим брендам необходимо будет найти новые эффективные и экологичные способы утилизации.

Технологии блокчейн позволят создать платформу взаимодействия брендов и потребителей, основанную на доверии. Блокчейн сделает проверку на подлинность продукта или товара простой и доступной, что, в свою очередь, повысит доверие к производителям. Сегодня блокчейн уже нашел широкое применение в России. Такая компания, как Сбербанк, в экспериментальном порядке запускает систему документооборота между государственными компаниями на основе блокчейн-технологии. На первом этапе данную технологию планируют использовать ФАС, «Аэрофлот», ОАК, «Русский уголь» и «ФортеИнвест».

Блокчейн создаст новую платформу возможностей для программирования ценностей брендов, а также повлияет на корпоративную социальную ответственность. Технология позволит создавать публичные, проверяемые обязательства в рамках корпоративной социальной ответственности. В настоящее время корпоративная социальная ответственность воспринимается как несущественный фактор дифференциации, но в перспективе он будет иметь достаточно большое влияние [9].

Таким образом, развитие бренд-менеджмента в выявленных направлениях позволит организациям и территориям их присутствия достичь конкурентные преимущества и обеспечить стратегическое первенство на рынке.

Исследование выполнено на основе Государственного задания Министерства образования и науки Российской

Федерации № 26.3546.2017/ПЧ «Развитие фундаментальных основ анализа и прогнозирования структурно-динамических параметров региональной экономики на основе интеграции российского и мирового опыта управления территориальным развитием и современных научных доктрин».

Список литературы

1. Методика рейтинга брендов [Электронный ресурс] // Forbes. 2018. № 01(166). URL: http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/355173-metodika-reytinga-brendov_2018 (дата обращения: 02.02.2018).
2. Кондратова Е. С., Крыжановская О. А. Роль стратегического менеджмента в повышении конкурентоспособности хозяйствующих субъектов // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты / отв. ред. А. А. Горохов. Курск, 2015. С. 155–158.
3. Вертакова Ю. В., Леонтьев Е. Д., Плотников В. А. Оценка влияния конкурентной среды на эффективность стратегического управления развитием малого предприятия: методология и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2 (15). С. 30–36.
4. Крыжановская О. А. Индексный подход к оценке эффективности менеджмента территорий // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. Т. 1, № 4 (61). С. 72–79.
5. Трофимова Е. А., Афанасьев Д. В., Крыжановская О. А. Оценка эффективности менеджмента организации // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Воронеж. экон.-правовой ин-т, 2015. С. 234–237.
6. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в усло-

виях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. 2015. № 10 (120). С. 24–32.

7. Крыжановская О. А., Вертакова Ю. В., Афанасьев Д. В. Обеспечение стратегического равновесия организации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 4 (67). С. 133–141.

8. Андросова И. В. Стратегия управления знаниями и ее влияние на стоимость компании // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4 (55). С. 8–11.

9. Голдман Д. Большие данные вышли из моды. Вам нужны умные данные

[Электронный ресурс] // INC. URL: <https://incrussia.ru/understand/bolshie-dannye-vyshli-iz-mody-vam-nuzhny-umnye-dannye/> (дата обращения: 02.02.2018).

10. ТОП–100 крупнейших по капитализации компаний России – 2018 // РИА Рейтинг. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180130/630080911.html> (дата обращения: 02.02.2018).

11. 25 самых выгодных франшиз в России 2017 [Электронный ресурс] // Forbes. URL: http://www.forbes.ru/rating/346929-25-vygodnyh-franshiz-2017#all_rating (дата обращения: 02.02.2018).

Поступила в редакцию 21.02.18

UDC 338

O. A. Kryzhanovskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: morozikolya2008@yandex.ru)

I. F. Maltseva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: irina-fedorovna@inbox.ru)

FEATURES OF THE RUSSIAN BRAND MANAGEMENT AND ITS INFLUENCE ON EFFICIENCY OF STRATEGIC MANAGEMENT BY TERRITORIAL DEVELOPMENT

Now against the background of globalization of economic community, competitive struggle in the market constantly amplifies, and especially relevant are questions of strategic management by the companies and the territory on the basis of the organization and enhancement of branding activities, one of the main parties of which is development of processes of forming of trademark and its brand, their market promotion.

Considering presence in the market of a huge number of the same goods and services and the fact that the consumer can apprehend only small part of them, effectively it is possible to develop and force out competitors only by means of effective process of branding that directly influences efficiency of strategic management by the organization and the territory in the conditions of the unstable external environment. This process plays an essential role in goal achievement of the organization and the territory as, promotes increase in sales volume of products (goods, services or the ideas). At the same time the developed brand creates a new tangible asset of the entity which cost often exceeds the cost of fixed assets, and its intangible nature determines complexity of adequate assessment and effective management of this asset.

The relevance of the researched problem is confirmed also by the fact that in recent years marketing specialists pay to a brand management problem special attention because foreign producers actively use the concept of branding and skillfully create resistant competitive advantages of the commodity brands in consciousness of consumers on the basis of creation and effective management of brands. These brands allow to raise presence territory competitiveness, providing effective development of the territory in strategic prospect.

Research purpose is the research of features of the Russian brand management and the analysis of its influence on efficiency of strategic management by territorial development

In a research theoretical and empirical methods are used, in particular: overview of literature, logical and system analysis, rating approach.

As a result of a research it is established that in the directions revealed in article competitive advantages will allow the organizations and the territories to reach development of a brand management and to provide strategic superiority in the market.

Key words: brand management, branding, strategic management.

For citation: Kryzhanovskaya O. A., Maltseva I. F. Features of the russian brand management and its influence on efficiency of strategic management by territorial development. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 47–54 (in Russ.).

References

1. Metodika rejtinga brendov. Forbes, 2018, no 01(166). URL: http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/355173-metodika-rey-tinga-brendov_2018 (accessed 02.02.2018).

2. Kondratova E. S., Kryzhanovskaya O. A. Rol' strategicheskogo menedzhmenta v povyshenii konkurentosposobnosti hozyajstvuyushchih sub"ektov. Strategiya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskie, pravovye, hozyajstvennye aspekty; ed. by A. A. Gorohov. Kursk, 2015, pp. 155–158.

3. Vertakova Yu. V., Leont'ev E. D., Plotnikov V. A. Ocenka vliyaniya konkurentnoj sredy na ehffektivnost' strategicheskogo upravleniya razvitiem malogo predpriyatiya: metodologiya i praktika. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2015, no. 2 (15), pp. 30–36.

4. Kryzhanovskaya O. A. Indeksnyj podhod k ocenke ehffektivnosti menedzhmenta territorij. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, vol. 1, no. 4 (61), pp. 72–79.

5. Trofimova E. A., Afanas'ev D. V., Kryzhanovskaya O. A. Ocenka ehffektivnosti menedzhmenta organizacii. Innovacionnye podhody k resheniyu social'no-ehkonomicheskikh, pravovykh i pedagogicheskikh problem v usloviyah razvitiya sov-

remennogo obshchestva: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Voronezh, Voronezh. ehkon.-pravovoj in-t, 2015, pp. 234–237.

6. Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S., Klevcova M. G. Sankcii v usloviyah globalizacii i ih vliyanie na ehkonomicheskoe razvitie Rossii. Ekonomika i upravlenie, 2015, no. 10 (120), pp. 24–32.

7. Kryzhanovskaya O. A., Vertakova Yu. V., Afanas'ev D. V. Obespechenie strategicheskogo ravnovesiya organizacii. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, no. 4 (67), pp. 133–141.

8. Androsova I. V. Strategiya upravleniya znaniyami i ee vliyanie na stoimost' kompanii. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, no. 4 (55), pp. 8–11.

9. Goldman D. Bol'shie dannye vyshli iz mody. Vam nuzhny umnye dannye. INC. URL: <https://incrussia.ru/understand/bolshie-dan-nye-vyshli-iz-mody-vam-nuzhny-umnye-dannye/> (accessed 02.02.2018).

10. TOP–100 krupnejshih po kapitalizacii kompanij Rossii – 2018. RIA Rejting. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180130/630080911.html> (accessed 02.02.2018).

11. 25 samyh Vygodnyh franshiz v Rossii 2017. Forbes. URL: http://www.forbes.ru/rating/346929-25-vygodnyh-franshiz-2017#all_rating (accessed 02.02.2018).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 93.332.07.00

Ф. В. Димаева, канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН (Грозный, Россия)
(e-mail: dimaeva@bk.ru)

АНАЛИЗ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Анализируя восстановительный процесс промышленного комплекса, автор статьи на основе метода сравнительного анализа выявил ряд причин и проблем состояния стагнации в сфере экономики Чеченской Республики, в частности производственных предприятий промышленного сектора. В процессе исследования рассмотрена возможная перспектива развития с указанием целей и задач руководителей производственных предприятий. Промышленный сектор республики преодолел несколько этапов реорганизации, в результате чего выявились сложности в самом процессе модернизации, а также определилась главная причина – мораторий на развитие экономических и производственных процессов на основе новых технологий. У руководителей промышленных предприятий нет финансов на закупку нового оборудования на основе новых технологий, так как начиная с 2014 года федеральный центр приостановил меры государственной поддержки для структурных подразделений Министерства промышленности Чеченской Республики. И результат не заставил себя ждать, это явилось основным стагнирующим фактором на пути развития экономики и промышленности.

Более того, в современный период модернизации новые механизмы налогообложения обернулись современным экономическим «рабством» – налоговое бремя имущественного налога и налог на землю провоцирует споры и санкции из-за несговорчивости муниципальных органов. Тем не менее руководители промышленных предприятий озабочены проблемами и профессиональной подготовки, и подборки специализированного кадрового потенциала.

По мнению автора, современное состояние экономики республики отягощено функциональной зависимостью от федерального финансового обеспечения и региональной безответственностью, так как на местах не предусмотрели такой возможный вариант развития событий. Во всяком случае, данное состояние экономики определяется как экономика переходного периода. В русле президентской программы и майских посланий В. В. Путина Чеченская Республика приступила к приватизации госсектора производственных предприятий.

Ключевые слова: период демократизации, проблемы промышленного сектора, издержки и старое оборудование, кадровая проблема, процесс модернизации, мораторий на экономическое «чудо», налоговое «рабство», модернизационный потенциал.

Ссылка для цитирования: Димаева Ф. В. Анализ модернизационного потенциала Чеченской Республики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 55–61.

За годы социалистического строительства Чечено-Ингушетия превратилась в республику с высокоразвитой промышленностью и многоотраслевым сельским хозяйством. Основа экономики – добыча нефти, нефтеперерабатывающая, нефтехимическая отрасли, энергетика, машиностроение и металлообработка. Значительное развитие получило производство стройматериалов и перерабатывающая промышленность. Объем продукции промышленности в 1976 г. увеличился по сравнению с 1940 г. в девять раз.

В республике работали четыре ТЭЦ, подключенные к энергосистеме Северного Кавказа. Месторождения нефти и газа были сосредоточены в городах: Грозный, Малгобек и Гудермес. Добываемые на территории нефть и газ почти полностью перерабатывались на заводах города Грозного. Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность выпускала моторное топливо, масла, нефтебитум, парафин, синтетический этиловый спирт, фенол, ацетон, полиэтилен и другие [1].

Предприятия машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности производили нефтеаппаратуру, грязевые насосы и цементирующие агрегаты, тракторные прицепы, электрографические машины, приборы, разлилочные линии, электрические и медицинские инструменты. Наиболее крупными являлись заводы «Красный молот», «Трансмаш», опытный завод СПКБ «Нефтегазпромавтоматика» (Грозный), «Электроинструмент» (Назрань), «Мединструмент» (Гудермес), «Пищемаш» (Аргун).

Стройматериалы выпускались заводами: цементным, кирпичным, известковым, железобетонных конструкций, крупнопанельного домостроения.

Пищевая промышленность включала мясную, молочную, сахарную, винодельческую, пивоваренную, мукомольную, хлебопекарную, макаронную, кондитерскую, отрасль консервирования продуктов, розлив минеральных вод. Консервные предприятия располагались в городе Грозном, станице Ассиновской, селе Самашки, сахарный завод – в городе Аргуне.

Лесная и деревоперерабатывающая промышленность была представлена 10 лесными хозяйствами, заготавливающими деловую древесину, мебельным объединением «Терек» и Ермоловским деревообрабатывающим комбинатом.

Наиболее крупные предприятия легкой промышленности – Назрановская трикотажная фабрика, Грозненские швейно-производственное объединение и обувная фабрика.

В Чечено-Ингушетии проживали представители около 100 национальностей [2]. Более того, это был регион с самой развитой промышленностью на Северном Кавказе. Парад суверенитетов разделил территорию ЧИАССР на две республики – Чеченскую и Ингушскую.

Начало положили процессы, начавшиеся в 1980-х гг. в нефтяной отрасли – спад нефтеперерабатывающих мощностей и отток специалистов из республики

в связи с развитием сибирских нефтяных месторождений, что подрывало экономику республики. Дополнительно ухудшающим фактором наметившегося развала в сфере экономики явилось то, что он пришелся на момент парада суверенитета в России, а затем и регионов. В совокупности экономике, и особенно нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности, в лице уже Чеченской Республики был нанесен колоссальный ущерб.

Трагические события, связанные с военными действиями на территории Чеченской Республики, привели к тому, что производственная и обслуживающая структура промышленности в нефтяной отрасли перестала существовать. В советское время буровое и нефтепромысловое оборудование, выпускаемое заводом «Красный молот», было одним из самых востребованных и поставлялось не только на все нефтяные объекты СССР, но и за рубеж в 34 страны мира.

Таким образом, состояние региона на момент окончания военных действий оценивалось как кризисное.

«Определение “кризисный” регион может получить вследствие воздействия различных влияющих и определяющих факторов. В числе таких факторов политические, экономические, правовые, экологические, техногенные, природные катаклизмы и другие.

Индикаторами кризисного региона выступают, например, спад производства, снижение обеспеченности региона жильем, увеличение уровня безработицы, снижение доходов на душу населения, а также темпы названных деструктивных процессов» [3, с. 52].

«Следует отметить, что определение как кризисного – это не приговор, а диагноз, своеобразная точка отсчета, от которой, в идеале, должен начаться целенаправленный процесс его перевода в заданное положительное состояние. В этом смысле антикризисное управление – одна

из самых решительных и радикальных мер выхода из кризиса» [3, с. 53].

Одним из наиболее приоритетных направлений экономического развития ЧР является восстановление промышленного сектора в нефтегазовой отрасли, сохранение и приумножение высококвалифицированного кадрового потенциала.

В Федеральной программе восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики 2001 года отмечалось, что «в результате вооруженного противодействия в ходе разрешения кризисной ситуации на территории Чеченской Республики ее экономика и социальная сфера пришли в упадок и в настоящее время находятся в кризисном состоянии» [4, с. 749].

Министерством промышленности и энергетики Чеченской Республики в рамках Федеральной целевой программы были восстановлены около двадцати производственных площадок: отремонтированы существующие или построены новые производственные цеха, подведены коммуникации, частично приобретены станки, спецтехника и другое оборудование. Период восстановления длился около пятнадцати лет, за это время у многих предприятий была отчуждена земля и заключен договор аренды, зарегистрированы через Росреестр и получены в хозяйственное ведение основные средства, что предполагает исчисление и оплату аренды земельного участка, налога на имущество. Таким образом, предприятия, не приступив к производственной деятельности, были обременены долговыми обязательствами, и как результат – неконкурентные цены и работа в убыток. При отсутствии серийного производства выйти из точки убыточности нереально предприятиям, которые за период военных действий потеряли горизонтальные связи, потребителей готовой продукции и поставщиков сырья и, самое главное, не имеют подготовленных специалистов, в условиях жёсткой конкуренции.

В 2000-х гг. восстановительные процессы в промышленном секторе республики, как образно высказался руководитель ГУП «Оргтехника», «начались с подвала», поэтому процесс налаживания работы требовал не только колоссальных усилий в виде договорных согласований на местном, региональном и федеральном уровнях, но и скрупулезной аналитической работы. Разрушение целой нефтяной отрасли нанесло невосполнимый ущерб экономике республики. Помогло прошлое: учитывая, что наработки и опыт в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отрасли в республике имели основательные базовые закладки и к тому же все необходимое оборудование для всех видов нефтяных работ производилось также в самой республике, это давало надежду на ее возрождение и перспективность отрасли в новом ее назначении.

Послевоенной Чечне досталась часть производственных площадок со старым промышленным оборудованием. Но вся беда в том, что не все оборудование сохранилось в рабочем состоянии, многие из них не имеют полной комплектации, часть оборудования была повреждена и требует реновации. Как мы уже подчеркивали выше, на наш взгляд, алгоритм действий при восстановлении промышленных предприятий был последовательным, а нужно было все решать комплексно; и подготовка площадок, закупка современного оборудования, подготовка кадров и подготовка специального правового и налогового законодательства для возрождающейся экономики Чеченской Республики.

На современном этапе развития в промышленный сектор Министерства промышленности Чеченской Республики входят 16 заводов.

ГУП «Оргтехника» – предприятие с большой историей, это пионер Чечено-Ингушского приборостроения в 1962 г., именуясь «Грозненское производственное объединение «Оргтехника», начало

выпуск первой своей продукции. За годы работы объединение претерпело несколько реорганизаций. Если в первые годы предприятие было нацелено на серийное производство измерительных приборов, то в 1965 г. специализируется на выпуске средств механизации инженерного труда. Новое внедрение нашло применение во всех сферах жизнедеятельности не только тогдашнего СССР, но и в странах зарубежья.

В начале 2000 г., после второй войны, бывшее Грозненское производственное объединение получило свое новое рождение в лице ГУП «Оргтехника» со старым девизом «производить только качественную продукцию». Сегодня это новые современные цеха, реконструированная новая производительная база, новая производственная программа, нацеленная на рыночные отношения.

Профиль назначения предприятия:

- сервис бурового оборудования;
- ремонт и производство запасных частей к нефтепромысловому оборудованию – производство нестандартных металлоконструкций.

Предприятие на сегодняшний день выпускает около 17 наименований продукции.

Для сервисного обслуживания нефтепромыслового оборудования предприятие имеет персонал с высокой квалификацией и многолетним опытом работы, а также необходимое современное оснащение специальным оборудованием и транспорт.

Из разговора с Оздарбиевым Джадалом Магомедовичем, директором ГУП «Оргтехника», выяснилось, что он возглавляет предприятие с 2012 г. За этот период предприятие прошло процедуру аккредитации в ПАО «НК Роснефть» и ООО «РН Бурение». «Наш стратегический партнер и заказчик, – говорит Джадал Магомедович, – это Грозненский филиал “ООО “РН – Бурение”, совместно с ООО “Росгеоинжиниринг” –

предприятие участвовало в строительстве малых ГЭС в республике: Какодойская и Кировская. В текущем году нами подписан договор с АО НПЦ “Недра” об оказании различного вида услуг на Чумпаловской скважине.

Основная доля дохода предприятия – это сервисные услуги. Оборотные возможности предприятия складываются от спроса и сбыта производимой продукции. Цена на продукцию возрастает в разы из-за налогов на арендуемую территорию завода (на землю) и налогов на имущество предприятия, что затрудняет в конечном результате сбыт продукции предприятия. Даже 10% прибыли на нашу продукцию предоставляют нам возможность развития и расширения, что, к большому сожалению, не всегда удается по той простой причине, издержки на возмещение налогов приводят к удорожанию цен продукции, что существенно влияет на себестоимость производимой продукции. В этой ситуации нам *кажется единственным правильным решением будет объявление налоговых каникул для предприятий, входящих в структуру Министерства промышленности Чеченской Республики, или снижение ставки до минимальной величины, что в конечном результате будет способствовать конкурентоспособности продукции выпускаемой на наших предприятиях в частности и повышению инвестиционной привлекательности в общем*» [5].

Одним словом, необходимо определить приоритетные направления и проводить работу поэтапно как по развитию, так и укреплению экономики.

«За очень короткий период предприятие ГУП “Оргтехника” заново воссоздало кадровый потенциал, что тоже немаловажно. Сегодня предприятие укомплектовано высококвалифицированными специалистами требуемых для оказания качественных услуг в нефтедобывающем и нефтеперерабатывающем секторе. Тем не менее, современная ситуация требует

последовательного научного подхода к подготовке кадров в этом секторе промышленности. Мы со своей стороны предприняли все меры по популяризации рабочих и инженерных специальностей.

Наш новый тезис “сила в единстве, успех – в сотрудничестве” не всегда находит понимание, но мы надеемся и уверены, что общими усилиями придем к взаимопониманию и тесному сотрудничеству со всеми партнерами и заказчиками» [5].

ГУП «Оргтехника» не имеет задолженности ни перед фискальными органами, ни перед энергоснабжающими организациями. А если говорить о Гудермесском заводе «Мединструмент» (ГЗМИ), то после военных действий он перепрофилирован и занимается производством анкерных опор и комплектующих изделий. В ближайшем будущем планируется наладить производство композитных опор.

Грозненский филиал «ООО «РН - Бурение» имеет офис в городе Грозном, который располагается на площадке ГУП «Оргтехника» и занимается разведочным бурением во многих регионах, в том числе и Северного Кавказа.

Генеральный директор Грозненского филиала «ООО «РН - Бурение» Шамаев Мухдан Мухидович пояснил, что если в советский период организация «Грознефть» сама оказывала себе все услуги в нефтяном секторе, то в новый демократический период промышленного развития Чечни эти услуги оказывают представители федерального уровня. Вся разница между этими двумя периодами в том, что раньше все финансы от оказания услуг оставались в республике, а сейчас республика имеет только налоговые отчисления от присутствия организаций федерального уровня в республиканский бюджет. Это, конечно, сказалось на состоянии республиканской промышленности и экономике. Если посмотреть вокруг, то ощущается влияние новых технологий на быт и жизнь, что

не скажешь о технологическом процессе в промышленном секторе. На предприятиях министерства промышленности и энергетики не осваиваются новые технологии, приостановлен процесс модернизации. Дело в том, что начиная с 2014 г., федеральным центром приостановлены меры государственной поддержки для структурных подразделений Министерства промышленности Чеченской Республики.

Самое крупное нефтяное объединение на Северном Кавказе «Грознефть» еще в конце 1990-х гг. было оптимизировано, и за Чеченской Республикой оставалось только 50% от выработанной в республике нефти, остальные 50% перегонялись нефтяной компанией «Роснефть». В современный период выяснилось, что республика лишилась и остальных 50% нефтяных ресурсов, т. к. «Грознефть» полностью была передана компании «Роснефть», которая начала частичную распродажу. 19,75% акций «Роснефти» приобрела американская нефтяная компания ВР за 10,2 млрд евро [6].

Информация в Интернете от 11 августа 2017 г. вроде бы приоткрыла завесу над ситуацией вокруг этой проблемы. Заместитель главы аналитического департамента «Альпари» Наталья Мильчакова дала интервью журналистам ФАН: «...запад стремится “задушить” санкциями “Роснефть”. Причина тому – факт громадной прибыли, которая является налогооблагаемой базой, за счет которой происходит существенное наполнение бюджета России. <...> негативное воздействие очередного тура санкционного противостояния больше скажется не на России и ее компаниях, а на западных контрагентах, которые потеряют возможность извлекать прибыль из реализации совместных проектов» [7].

На текущий момент в Чеченской Республике, согласно майским указам Президента России, проводится приватизация в промышленном секторе. Распо-

ряжение «Об условиях приватизации государственного унитарного научно-производственного предприятия «Промавтоматика» уже подписано и опубликовано [8].

Список литературы

1. Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика [Электронный ресурс] // Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article122256.html> (дата обращения: 20.11.2017).
2. Тишков В. А. Чеченская республика [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k/_chechenska.html (дата обращения: 20.11.2017).
3. Оздарбиев Д. М. Государственная кадровая политика в кризисном регионе: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2006. 173 с.
4. О Федеральной целевой программе восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики в 2001 году: постановление Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. №96 // Собр. за-конодательства Рос. Федерации. 2001. № 8, ст. 749.
5. Беседа с директором ГУП «Оргтехника» Оздарбиевым Джаддалом Магомедовичем [Электронный ресурс]. URL: orgteh95.ru (дата обращения: 20.11.2017).
6. Явлинский Г. Продажа «Роснефти» напоминает залоговые аукционы 1990 годов [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/yavlinsky_g/1890770-echo/ (дата обращения: 20.11.2017).
7. Ловушка для Трампа: на примере «Роснефти» эксперт доказал выгоду санкций для РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/898096-lovushka-dlya-trampa-na-primere-rosnefti-ekspert-dokazal-vygodu-sankcii-dlya-rf> (дата обращения: 20.11.2017).
8. Об условиях приватизации государственного унитарного научно-производственного предприятия «Промавтоматика» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Чеченской Республики от 30 мая 2017 г. № 162-р // Вести Республики. 2017. №43 (2936).

Поступила в редакцию 14.12.2017

UDC 93.332.07.00

F. V. Dimaeva, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Complex Scientific Research Institute by H. I. Ibragimov of Russian Academy of Science (Grozny, Russia) (e-mail: dimaeva@bk.ru)

THE ANALYSIS OF THE MODERNIZATIONAL PROCESS IN THE CHECHEN REPUBLIC

Analyzing the restoration process of the industrial complex, the author of the article on the basis of the comparative method proved out a number of causes and problems of the process of stagnation in the sphere of the Chechen Republic economy, in particular in the enterprises of the industrial sector. The research process predicts possible perspective of the process of development with the instructions of targets and aims to the managers of enterprises. The Chechen Republic industrial sector has gone through several stages of reorganization, as a result difficulties in the process of modernization itself revealed. At the same time the main cause has been determined: the moratorium on the development of economic and industrial processes on the basis of new technologies. The managers of the industrial enterprises do not have financial means for purchase of a new equipment on the basis of new technologies, so as start with the year of 2014, the federal center has stopped state support measures to departments of the Ministry of Industry of the Chechen Republic. As a result a process of stagnation is in the economics and industry.

Moreover, in the modern period of the process of modernization new rules of taxing has turned out a modern economical «slavery»: tax burden of the property tax and tax on land provoke controversy and sanctions because of lack of loyalty of the municipal authorities. Nevertheless, the managers of enterprises attend to problems of personnel: courses of higher qualification and problems of recruitment of specialized personnel.

On the author's opinion, dependence to the federal center and regional irresponsibility have burdened the modern state of the Republic economy. In the framework of the presidential program and May message of the president the Republic has started the privatization of the state-owned productive works.

Key words: democratization period, problems of the industrial sector, costs and old machinery, problem of personnel, process of modernization, moratorium for economical «miracle», tax «slavery», modernizational potential.

For citation: Dimaeva F. V. The analysis of the modernizational process in the Chechen Republic. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 55–61 (in Russ.).

References

1. Checheno-Ingushskaya Avtonomnaya Sovetskaya Socialisticheskaya Respublika. Bol'shaya Sovetskaya Ehnciklopediya. URL: <http://bse.scilib.com/article122256.html> (accessed 20.11.2017).
2. Tishkov V. A. Chechenskaya respublika. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/chechenska.html (accessed 20.11.2017).
3. Ozdarbiev D. M. Gosudarstvennaya kadrovaya politika v krizisnom regione. Dis. kand. sociol. nauk. Moscow, 2006. 173 p.
4. O Federal'noj celevoj programme vosstanovleniya ehkonomiki i social'noj sfery Chechenskoj Respubliki 2001 godu: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 9 fevralya 2001g. No 96. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001, no. 8, art. 749.
5. Beseda s direktorom GUP «Orgtehnika» Ozdarbievym Dzhaddalom Magomedovichem. URL: orgteh95.ru (accessed 20.11.2017).
6. Yavlinskij G. Prodazha «Rosnefti» napominaet zalogovye aukciony 1990 godov. URL: https://echo.msk.ru/blog/yavlinsky_g/1890770-echo/ (accessed 20.11.2017).
7. Lovushka dlya Trampa: na primere «Rosnefti» ehkspert dokazal vygodu sankcij dlya RF. URL: <https://riafan.ru/898096-lovushka-dlya-trampa-na-primere-rosnefti-ekspert-dokazal-vygodu-sankcii-dlya-rf> (accessed 20.11.2017).
8. Ob usloviyah privatizacii gosudarstvennogo unitarnogo nauchno-proizvodstvennogo predpriyatiya «Promavtomatika» rasporyazhenie Pravitel'stva Chechenskoj Respubliki ot 30 maya 2017 g. No 162-r. Vesti Respubliki, 2017, no. 43 (2936).

УДК 338

В. А. Егорушкин, канд. сельскохозяйств. наук, доцент, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия) (e-mail: kulaginana2013@yandex.ru.ru)

Н. А. Кулагина, д-р экон. наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия) (e-mail: kulaginana2013@yandex.ru.ru)

Е. М. Чепикова, канд. экон. наук, доцент, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия) (e-mail: kulaginana2013@yandex.ru.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена проблемам социально-экономического развития и решения ряда задач, связанных с активизацией инновационной деятельности в Российской Федерации. Сделан вывод о том, что проблемы устойчивости социально-экономического развития, вне зависимости от различия в подходах, должны рассматриваться прежде всего с позиции научного обоснования источников и резервов развития территории, что позволит сохранить воспроизводственные процессы пространственной среды региона в долгосрочной перспективе. Обозначены основные направления принятия государственных мер по развитию инновационной деятельности и реализации имеющегося инновационного потенциала в России. Рассмотрены особенности формирования действенной стратегии государственной поддержки в целях формирования эффективной инновационной системы, учитывающей уровень инновационного потенциала региона, в частности особенности его производственно-технологического развития. Предложена схема взаимодействия и интеграции интересов государства и бизнеса в целях обеспечения устойчивости региональной социально-экономической системы. Обоснован тезис о том, что активизация инновационной деятельности должна рассматриваться как один из ключевых инструментов социально-экономического развития и решения ряда задач регионального уровня. Обозначено место и роль системы мониторинга в структуре исследования инновационного и социально-экономического развития региона, в частности необходим системный анализ полученной информации с целью выявления дестабилизирующих факторов, а также факторов, положительно влияющих на характер протекания инновационных процессов в целом и состояние инновационного потенциала в частности, в целях адаптивного управления, направленного на активное воспроизводство инновационного потенциала, повышение эффективности использования с максимальной отдачей, выраженной в производстве инновационной продукции. Сделан вывод о том, что основными задачами обеспечения устойчивого регионального развития, способного преодолеть деструктивные внешние воздействия, должны стать развитие научно-технического и человеческого потенциала регионов как базы для возможности повышения и реализации инновационного потенциала, что возможно лишь при создании региональной инфраструктуры как единого экономико-инновационного пространства, способного обеспечить стабильную материально-техническую базу, подготовку научно-технических кадров и функционирование рынка инновационной продукции.

Ключевые слова: инновационный потенциал, инновационное развитие, экономическая система, устойчивость, устойчивое развитие.

Ссылка для цитирования: Егорушкин В. А., Кулагина Н. А., Чепикова Е. М. Инновационный потенциал как фактор обеспечения устойчивости региональной социально-экономической системы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 62–70.

Вторая волна глобального кризиса и состояние геополитической напряженности в мире послужили еще одним толчком к осознанию необходимости пересмотра концептуально-методических подходов к обеспечению устойчивости экономических систем различных уровней, в том числе региональных.

Тем не менее теоретические основы устойчивого развития социально-экономических систем находятся в стадии формирования. Одним из наиболее ост-

рых вопросов является сам факт актуальности самого понятия устойчивости динамичного развития, исходя из соотношения с философским понятием устойчивости как постоянства, противоположности изменению и движению. Другим спорным моментом выступают вопросы соотношения понятий «устойчивое развитие» и «устойчивость системы».

Обратимся к трактованию сущности понятия устойчивости социально-эконо-

мической системы. Современная экономическая наука насчитывает десятки определений данного понятия. Это связано в первую очередь со сложностью и многогранностью понятия и различиями объектов исследований (макро-, мезо- и микро-уровни). Так, например, организация экономического сотрудничества и развития

рассматривает устойчивое развитие с позиции количественных и качественных изменений, выражающихся в динамичном развитии сфер и направлений экономической деятельности и повышении качества жизни населения. В таблице 1 приведен сводный анализ различных подходов и трактовок рассматриваемого понятия [1].

Таблица 1

Подходы к определению понятия «устойчивости социально-экономической системы»

Определение	Автор
Устойчивость как целостность системы	
Устойчивость хозяйственной системы в общем смысле представляет собой свойство данной системы сохранять свою целостность и стабильность относительно заданного вектора развития в долгосрочной перспективе в условиях изменчивой внешней среды	Т. М. Конопляник
Под устойчивостью понимается такое состояние элементов какой-либо экономической, экологической или иной системы, когда их начальные состояния с высокой степенью надежности определяют их будущие состояния	А. Л. Бобров
Устойчивость как стабильность системы, способность сохранения равновесия	
Устойчивость системы – способность оставаться относительно неизменной в течение определенного периода времени вопреки внутренним и внешним возмущениям	Н. Ф. Реймерс
Устойчивость – способность системы возвращаться в исходное состояние после воздействия на нее извне	В. Е. Рохчин
Устойчивость как способность к развитию	
Устойчивость системы – способность динамической системы сохранять движение по намеченной траектории (поддерживать намеченный режим функционирования), несмотря на воздействующие на нее возмущения	Л. И. Лопатников
Устойчивость экономической системы – это «система экономических отношений, обеспечивающих долгосрочное развитие экономической системы с наличием механизмов саморегулирования (стабилизации и равновесия), способных достичь комплексного решения экономических, социальных и экологических проблем в условиях глобализации мировой экономики	Е. В. Макарова

Резюмируя проведенный анализ, отметим, что на современном этапе проблемы устойчивости социально-экономического развития, вне зависимости от различия в подходах, должны рассматриваться прежде всего с позиции научного обоснования источников и резервов развития территории, что позволит сохранить воспроизводственные процессы пространственной среды региона в долгосрочной

перспективе. Эти условия делают первоочередной задачу определения стратегических ориентиров развития, которые будут способствовать преодолению деструктивных процессов в экономике страны. С целью обновления и возрождения экономики необходима скорейшая переориентация экономики Российской Федерации на активизацию инновационных процессов, т. е. инновации должны быть прежде всего

ориентированы на решение актуальных социально-экономических проблем регионального и национального значения.

Усиление технико-технологического отставания Российской Федерации, как

следствие затянувшегося кризисного состояния, наглядно иллюстрируется основными показателями инновационной активности на международном уровне по данным за 2016 г. (табл. 2).

Таблица 2

Международное сравнение основных показателей инновационной активности

Показатель	Россия	Ирландия	Германия	Бельгия	Дания
Совокупный уровень инновационной активности организаций	9,9	58,7	66,9	55,6	51,1
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации	9,1	46,8	55,0	46,5	38,1
Удельный вес организаций, получавших финансирование из средств бюджета в общем числе организаций, осуществлявших технологические инновации	23,9	30,2	23,7	26,4	19,5

Данные таблицы 1 позволяют нам сделать вывод о том, что совокупный уровень инновационной активности в Российской Федерации несоизмеримо мал по сравнению с данными стран Европейского союза. Несмотря на то, что по итогам Европейского обследования инноваций величина удельного веса инновационных товаров и услуг в России с 2006 г. увеличилась более чем в два раза (с 4,7% в 2006 г. до 9,8% по данным на 2016 г.), на международной арене показатели развития инновационной активности Российской Федерации заметно отстают как по качественным, так и по количественным значениям от средних по Европе и миру.

Согласно последним результатам исследований, проводимых по методике международной бизнес-школы INSEAD, в рейтинге стран по индексу инноваций Россия занимает 49 место из 143, с результатом в 39,1. Лидером рейтинга на протяжении последних лет неизменно остается Швейцария [2].

Опираясь на опыт мировой практики, можно с уверенностью говорить о том, что активизация инновационной деятельности должна рассматриваться как один из ключевых инструментов социально-экономического развития и решения ряда задач регионального уровня, таких как по-

вышение наукоёмкости, конкурентоспособности производства, его модернизации, создание новых рабочих мест.

Стоит констатировать тот факт, что в России на данный момент практически отсутствуют предпосылки скорейшего воспроизводства и наращивания инновационного потенциала за пределами государственного сектора экономики. Основные исследования и разработки, нацеленные на создание принципиально новых технологий и продуктов, сосредоточены в оборонно-промышленном комплексе. В остальных же отраслях экономики инновационная активность базируется, прежде всего, на приобретении зарубежных исследований и разработок и их адаптации к специфике развития Российской Федерации [3, 4, 5, 6], поэтому особое внимание необходимо уделять развитию внутренних источников и резервов совершенствования технологий, разработкам отечественной науки, достижениям российских предприятий.

При анализе основ формирования и особенностей перехода к инновационной модели развития необходимо базировать исследования на изменении состояния инновационного потенциала. Перспективы реализации инновационного потенциала в целях обеспечения устойчивости

экономики на данный момент возможны лишь в рамках реализации государственных инновационных программ развития, способных обеспечить прочную связь инновационных составляющих общественного и производственного развития.

В качестве основных направлений принятия государственных мер по развитию инновационной деятельности и реализации имеющегося инновационного потенциала в России нами выделяется:

- разработка механизмов правовой защищенности и ограничение монополизма как одна из предпосылок создания новых предприятий в сфере обрабатывающей промышленности;

- создание благоприятных условий для развития инновационного предпринимательства и бизнес-инкубаторов;

- предоставление «дешевых» кредитов реальному сектору экономики, в особенности наукоемким производствам и высокотехнологичному сектору;

- реализация программ, нацеленных на сглаживание регионального дисбаланса экономики Российской Федерации.

Ниже представлена рекомендуемая схема взаимодействия и интеграции интересов государства и бизнеса в целях обеспечения устойчивости региональной социально-экономической системы (рис. 1).

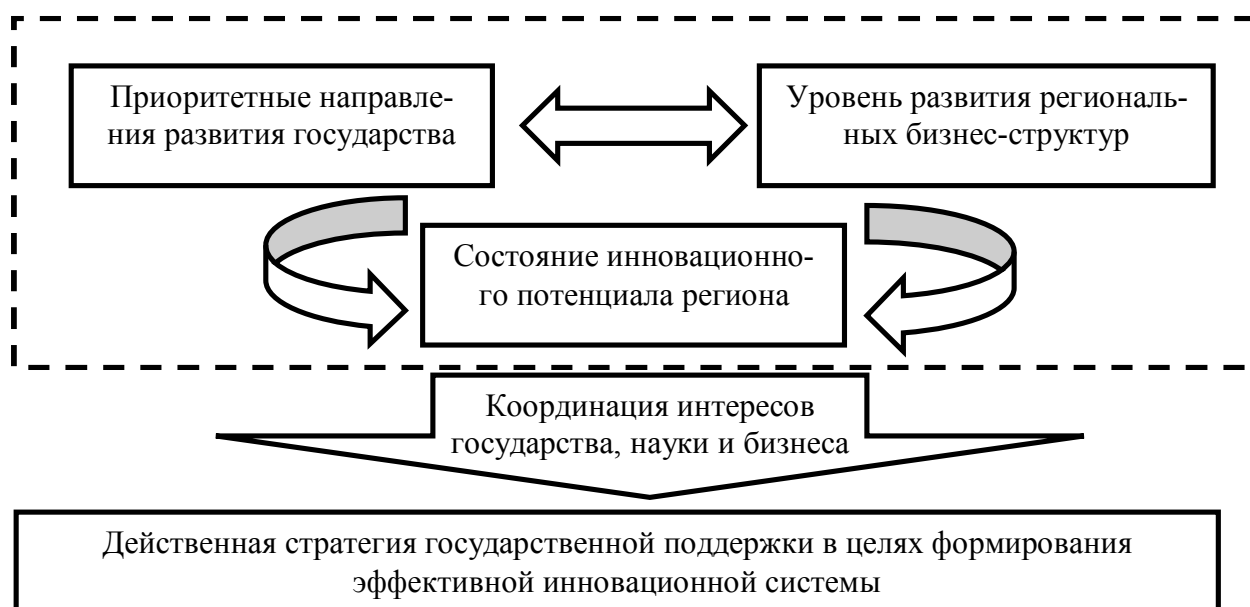

Рис. 1. Алгоритм формирования государственной стратегии поддержки государственных инновационных программ развития

Действенная стратегия государственной поддержки в целях формирования эффективной инновационной системы должна учитывать уровень инновационного потенциала региона, в частности особенности его производственно-технологического развития. Под инновационным потенциалом региона нами понимается особое совокупное состояние внутренних потенциалов региона (человеческого, экологического, инфраструктурного, финансово-инвестиционного, научно-технического и т. д.), которое да-

ет возможность для воспроизводства и накопления национального богатства путем обеспечения непрерывного протекания инновационных процессов, а также осуществления выбора стратегических альтернатив развития, исходя из уровня устойчивости развития региона.

Для регионов с преобладанием высокотехнологичного сектора акцент должен быть сделан на укрепление имеющихся позиций региона путем поддержки фундаментальных исследований с целью создания предпосылок для обеспечения

экономической безопасности страны. Приоритетным направлением здесь является развитие научного потенциала страны в контексте обеспечения устойчивого социально-экономического развития, а также снижения зависимости РФ от импорта.

В регионах с преобладанием производств низкого технического уровня основные мероприятия должны быть направлены на повышение инновационной восприимчивости региона путем повышения человеческого потенциала. Кадровые предпосылки производственной модернизации являются неотъемлемым аспектом расширения ниши инновационной активности региона. Первоочередными целями в регионах данного типа является создание условий для диверсификации производств, повышения уровня конкурентоспособности выпускаемой продукции, улучшение экологической ситуации.

Создание действенных механизмов управления региональными инновационными системами и формирование национальной системы по использованию инновационного потенциала представляет собой задачу, от эффективности решения которой напрямую зависят вопросы обеспечения экономической безопасности страны, для решения которой требуется в первую очередь:

- комплексный аудит текущей инженерной инфраструктуры региона, в особенности учет современных ресурсосберегающих технологий промышленности, ограничений и возможностей природно-географического и экологического характера;

- сочетание концепций и программ развития с политикой конкретных регионов в сфере размещения новых объектов инфраструктуры и высокотехнологичных производств;

- создание базы правового обеспечения развития промышленных территорий региона, т. е. принятие правил, регламентов и т. п., позволяющих инициировать процессы, важные с позиции инноваци-

онного развития территорий, в том числе имеющие градообразующий характер [7].

Стратегия государственной поддержки в целях формирования эффективной инновационной системы будет способствовать оптимизации пространственной организации производительных сил регионов, формированию инновационной инфраструктуры региона, обеспечивая тем самым:

- снижение уровня территориальной дифференциации;

- повышение уровня и качества жизни населения в регионе;

- формирование новой организации экономического пространства на принципах сетевой экономики, способствующих созданию новых конкурентных преимуществ территорий и хозяйствующих субъектов;

- интеграцию экономического пространства регионов России в национальное и мировое экономическое пространство и др. [1; 5]

Однако нельзя не отметить тот факт, что при оценке влияния инноваций на устойчивость социально-экономической системы нельзя ограничиваться односторонним подходом, суть которого сводится к рассмотрению инновации как двигателя прогресса, источнику резервов поступательного развития территории. Нельзя забывать о том, что инновации могут играть и роль дестабилизирующих факторов, нарушая существующее равновесие.

Инновационная деятельность связана, прежде всего, с высокими рисками: риском неудачи научного исследования, финансовыми рисками, рисками неприятия и рядом других. Высокая степень неопределенности практически на каждом этапе реализации инновации делает их по умолчанию косвенной угрозой обеспечения устойчивости и стабильности экономической системы. Особенно остро это выражается при внедрении новшеств принудительно, без учета специфических, исторически сложившихся социально-экономических, политических, природных, экологических и культурных

факторов, способных оказать существенное воздействие на все этапы протекания инновационного процесса. Рассматривая данную проблему на уровне отдельных субъектов бизнеса, можно говорить о том, что непринятие работниками тех или иных нововведений неизбежно ведет к снижению конкурентоспособности фирмы. На более высоком уровне, в том числе на региональном уровне, это грозит потерей потенциала развития как такого и, как следствие, снижением уровня жизни населения. Эта идея объективно сформулирована в трудах И. М. Тенякова: «Само по себе наличие большого числа нововведений еще ничего не говорит о направленности и перспективах национального экономического развития: нововведения могут как положительно влиять на развитие страны, так и тормозить его» [8].

Таким образом, при рассмотрении влияния инновационной активности на устойчивость региональной социально-экономической системы необходимо четко отслеживать как положительные, так и отрицательные моменты влияния, способные, в свою очередь, как способствовать стиму-

лированию и активизации дальнейшего развития, так и его торможению. Следовательно, возрастает актуальность организации мониторинга уровня инновационного потенциала региона, особенно в контексте обеспечения устойчивости региональной социально-экономической системы [9].

Мониторинг уровня инновационного потенциала представляет собой единую информационную систему, предназначенную для составления систематизированной экономической отчетности о значениях показателей инновационного потенциала. Необходим системный анализ полученной информации с целью выявления дестабилизирующих факторов, а также факторов, положительно влияющих на характер протекания инновационных процессов в целом и состояние инновационного потенциала в частности, в целях адаптивного управления, направленного на активное воспроизводство инновационного потенциала, повышение эффективности использования с максимальной отдачей, выраженной в производстве инновационной продукции (работ, услуг) (рис. 2).

Рис. 2. Место системы мониторинга в структуре исследования инновационного и социально-экономического развития региона

Процесс осуществления мониторинга уровня инновационного потенциала региона должен соответствовать следующим критериям:

- достоверность, т. е. использование информации о показателях, наиболее объективно отражающих состояние исследуемых процессов, в области инновационного развития отдельных хозяйствующих структур;

- оперативность, что подразумевает под собой сокращение время сбора, обработки и структуризации данных в целях оперативного реагирования обратной связи на динамику показателей, характеризующих инновационный потенциал и инновационное развитие;

- системный подход, т. е. учет состояния каждого структурного компонента системы инновационного потенциала, его влияние на макро- и микроуровень общей системы мониторинга с позиции перехода одного качественного в другое.

Снижение инвестиционной и деловой активности на фоне усугубляющихся последствий мирового кризиса привело к резкому возрастанию устойчивости развития субъектов региональной экономики от внешнеэкономической ситуации. Несмотря на все сложности и противоречия перехода на инновационный путь развития общемировые тенденции свидетельствуют о том, что именно интеграция региональных систем в национальную и мировую инновационную систему – это ключевой шаг к обеспечению конкурентоспособности экономики страны и, как следствие, возможности ее устойчивого развития. Инновационный потенциал при таком подходе выступает в качестве инструментария выявления объема и значимости экономических ресурсов в инновационном процессе, для осуществления выбора стратегических альтернатив развития, исходя из устойчивости уровня инновационного развития экономической системы.

Таким образом, основной задачей обеспечения устойчивого регионального развития, способного преодолеть деструктивные внешние воздействия, должно стать развитие научно-технического и человеческого потенциала регионов как базы для возможности повышения и реализации инновационного потенциала. Это возможно лишь при создании региональной инфраструктуры как единого экономико-инновационного пространства, способного обеспечить стабильную материально-техническую базу, подготовку научно-технических кадров и функционирования рынка инновационной продукции.

Список литературы

1. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
2. Глобальный индекс инноваций. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info> (дата обращения: 20.12.2017).
3. Михайлов Л. М., Кулагина Н. А. Устойчивость промышленного потенциала региона как основа обеспечения экономической безопасности // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2016. Т. 2, № 66. С. 25–32.
4. Вертакова Ю. В., Греченюк О. Н. Таксономическая оценка инновационного развития отраслей экономики: синтез методических подходов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2 (15). С. 51–59.
5. Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В. Исследование инвестиционной привлекательности региона с целью повышения региональной конкурентоспособности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. Т. 24, № 19-1. С. 55–60.

6. Греченюк А. В., Греченюк О. Н. Современные подходы к оценке эффективности инновационных программ в регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. Т. 1, № 4 (61). С. 65–72.

7. Kazakov O. D., Andriyanov S. V. Mathematical modeling of synergetic aspects of machine building enterprise management // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2016. Vol. 124, No 1. P. 354–359.

8. Теняков И. М. Инновации. Реальные и мнимые // Экономические проблемы инновационного развития: монография. М.: ТЕИС, 2009. С. 283–291.

9. Кулагина Н. А. Инновационный потенциал как стратегический ресурс обеспечения экономической безопасности региона // European Social Science Journal. 2016. № 2. С. 9–17.

Поступила в редакцию 04.02.17

UDC 338

V. A. Egorushkin, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Bryansk State Engineering and Technology University (Bryansk, Russia) (e-mail: kulaginana2013@yandex.ru.ru)

N. A. Kulagina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Bryansk State Engineering and Technology University (Bryansk, Russia) (e-mail: kulaginana2013@yandex.ru.ru)

E. M. Chepikova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Bryansk State Engineering and Technology University (Bryansk, Russia) (e-mail: kulaginana2013@yandex.ru.ru)

INNOVATIVE POTENTIAL AS A FACTOR IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF THE REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

The article is devoted to the problems of social and economic development and the solution of a number of problems related to the activation of innovative activity in the Russian Federation. It is concluded that the problems of sustainability of social and economic development, regardless of the differences in approaches, should be considered primarily from the position of scientific substantiation of the sources and reserves of the development of the territory, which will preserve the reproductive processes of the spatial environment of the region in the long term. The main directions of the adoption of state measures for the development of innovative activities and the realization of the available innovative potential in Russia are outlined. The features of the formation of an effective state support strategy for the formation of an effective innovation system that takes into account the level of the innovative potential of the region, in particular, the features of its production and technological development. The scheme of interaction and integration of interests of the state and business with a view of maintenance of stability of regional social and economic system is offered. The thesis is substantiated that the activation of innovation activity should be considered as one of the key instruments of socio-economic development and the solution of a number of problems at the regional level. The place and role of the monitoring system in the structure of the research of the innovative and socio-economic development of the region is indicated, in particular, a systematic analysis of the information obtained in order to identify destabilizing factors, as well as factors that positively influence the nature of innovation processes in general and the state of innovation potential in particular, for the purpose of adaptive management, aimed at active reproduction of innovative potential, increasing the efficiency of use with a maximum. The conclusion is that the main tasks of ensuring sustainable regional development capable of overcoming destructive external influences should be the development of the scientific, technical and human potential of the regions as a basis for the possibility of increasing and realizing the innovation potential, which is possible only when creating a regional infrastructure, as a single economic and innovative space that can provide a stable material and technical base, training of scientific and technical personnel and functioning of the market of innovative products.

Key words. *innovative potential, innovative development, economic system, sustainability, sustainable development.*

For citation: Egorushkin V. A., Kulagina N. A., Chepikova E. M. Innovative potential as a factor in ensuring the sustainability of the regional socio-economic system. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 62–70 (in Russ.).

References

1. Uskova T. V. Upravlenie ustojchivym razvitiem regiona. Vologda, ISEHRT RAN, 2009. 355 p.
2. Global'nyj indeks innovacij. Gumanitarnaya ehnciklopediya. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info> (accessed 20.12.2017).
3. Mihajlov L. M., Kulagina N. A. Ustojchivost' promyshlennogo potentsiala regiona kak osnova obespecheniya ehkonomicheskoy bezopasnosti. Ehkonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda, 2016, vol. 2, no. 66, pp. 25–32.
4. Vertakova Yu. V., Grechenyuk O. N. Taksonomicheskaya ocenka innovacionnogo razvitiya otraslej ehkonomiki: sintez metodicheskikh podhodov. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2015, no. 2 (15), pp. 51–59.
5. Polozhenceva Yu. S., Vertakova Yu. V. Issledovanie investicionnoj privlekatel'nosti regiona s cel'yu povysheniya regional'noj konkurentosposobnosti. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Informatika, 2012, vol. 24, no. 19-1, pp. 55–60.
6. Grechenyuk A. V., Grechenyuk O. N. Sovremennye podhody k ocenke ehffektivnosti innovacionnyh programm v regione. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, vol. 1, no. 4 (61), pp. 65–72.
7. Kazakov O. D., Andriyanov S. V. Mathematical modeling of synergetic aspects of machine building enterprise management. IOP Conference Series: materials science and engineering, 2016, vol. 124, no. 1, pp. 354–359.
8. Tenyakov I. M. Innovacii. Real'nye i mnimye. Ehkonomicheskie problemy innovacionnogo razvitiya. Moscow, TEIS Publ., 2009, pp. 283–291.
9. Kulagina N. A. Innovacionnyj potentsial kak strategicheskij resurs obespecheniya ehkonomicheskoy bezopasnosti regiona. European social science journal, 2016, no. 2, pp. 9–17.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОТРАСЛЯМИ

УДК 338.1

И. С. Ампилов, аспирант, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (Орел, Россия) (e-mail: 35178378@mail.ru)

О. В. Рудакова, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Среднерусский институт управления – филиал) (Орел, Россия) (e-mail: rudakova71@yandex.ru)

КОЛЕБАНИЯ РЫНОЧНОЙ КОНЪЮНКТУРЫ И ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Современная экономика – это экономика инноваций, а инновационная деятельность является залогом конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. Существует большое количество моделей, описывающих инновационную деятельность предприятия. Балансовая модель инновационного процесса предприятия рассматривает инновационную деятельность, прежде всего, как способ достижения равновесия между воспроизводственными циклами фирмы: ресурсным, циклом воспроизводства правил принятия решений и выбора допустимых методов (организационная культура) и циклом воспроизводства интересов.

В работе предпринята попытка анализа влияния колебания рыночной конъюнктуры на инновационную активность промышленных предприятий. В качестве фактора рыночной динамики использовался курс национальной валюты. В качестве отрасли промышленности выбраны предприятия черной металлургии. На примере производства чугуна за более чем десятилетний период проанализированы экспортные и внутренние цены, объем производства, доля экспорта и их связь с курсом национальной валюты.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что благоприятное влияние девальвации национальной валюты в значительной мере блокируется такими факторами, как инертность производства, конъюнктура на мировых рынках и рядом других факторов. Благоприятное влияние на инновационную активность возможно лишь на очень ограниченных промежутках времени. Сделан вывод о том, что балансовая модель инновационного процесса предприятия, рассматривающая инновационную активность как способ балансировки воспроизводственных процессов компании, при анализе воздействия колебаний рыночной конъюнктуры применима лишь на краткосрочных промежутках. Существенные искажения вносит инерция производственных мощностей и контрактных отношений. В долгосрочном периоде модель не сводится к балансу ресурсов, так как решающими факторами становятся ограниченность информации у лиц, принимающих решения, и факторы институциональной динамики.

Ключевые слова: предприятие, инновации, рыночная конъюнктура, промышленность.

Ссылка для цитирования: Ампилов И. С., Рудакова О. В. Колебания рыночной конъюнктуры и инновационная активность промышленных предприятий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 8, № 1 (26). С. 71–79.

Тезис о том, что современная экономика – это экономика инноваций, а инновационная деятельность является залогом конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, является общепризнанным. Стимулирование инновационной активности является одной из первостепенных задач государства. Вместе с тем при попытке рассмотрения интенсивности воздействия тех или иных рыночных сигналов на инновационную активность организаций довольно трудно получить однозначный ответ, т. к. наличие ресурсного

обеспечения далеко не всегда гарантирует инновационную трансформацию организаций. При этом отсутствие необходимых ресурсов однозначно расценивается как барьер входа на инновационные рынки. Возможно, разрешение данного противоречия заключается в том, что лица, принимающие решения, не рассматривают инновационную активность как априорно выигрышную стратегию. Инновационные решения – это всего лишь один из вариантов обеспечения функционирования предприятия, при этом не самый оче-

видный в отношении точности прогнозирования.

Существует большое количество моделей, описывающих инновационную деятельность предприятия. В большинстве случаев разработчики сосредотачивают свое внимание собственно на инновационной деятельности, анализируя ее как специфический бизнес-процесс. Представленная на рисунке 1 модель инновационного процесса рассматривает инновационную деятельность, прежде всего, как способ достижения равновесия между воспроизводственными циклами фирмы:

ресурсным, циклом воспроизводства правил принятия решений и выбора допустимых методов (организационная культура) и циклом воспроизводства интересов. Последний проявляется в целевых установках, преследуемых различными заинтересованными в деятельности предприятия сторонами и в итоге в виде некоей равнодействующей силы, формирует целевую ориентацию хозяйствующего субъекта. Каждый из этих циклов имеет собственную логику, а также испытывает постоянное воздействие различных факторов как извне, так и изнутри организации.

Рис. 1. Балансовая модель инновационного процесса предприятия [1]

Может создаться впечатление, что данная модель противоречит классическому рассмотрению инновации как источника развития организации. Но если задуматься, то именно так оно и есть. Инновация – всего лишь способ достижения определенных целей, она не может быть самоценной, а развитие организации есть следствие внешних воздействий, чьих-то амбиций и потребностей. К тому же предприятие в силу различных причин достаточно долго может пребывать в сильно неравновесном состоянии.

Рассмотрим, как колебания конъюнктуры рынка воздействовали на инновационную активность предприятий чер-

ной металлургии. Из всей совокупности факторов остановимся на одном из наиболее легко контролируемых и часто обсуждаемых – курсе национальной валюты. Мнения ученых о влиянии динамики обменного курса национальной валюты на развитие экономики довольно противоречивы.

В работе Е. Б. Малых [2] убедительно доказывается угнетающее влияние на экономику девальвации рубля, исходя из динамик прироста валового внутреннего продукта в России 1995–2012 гг. в постоянных ценах 2008 г. Автор отмечает, что «в 2009 г. сокращение внутреннего производства происходило в результате дей-

ствия отрицательного эффекта дохода, при этом положительный эффект замены привел к меньшему снижению внутреннего выпуска по сравнению с импортом». При этом «сделано обоснованное предположение, что изменение относительных цен в 1998 и 2008 гг. позволило экспортерам снижать цены для повышения физических объемов экспорта по многим экспортным позициям».

М. И. Лисина [3] отмечает положительную роль девальвации: «В целом по промышленности эффект улучшения конкурентных позиций за счет девальвации оценивается в 5–6% прироста выпуска и рассматривается как умеренный». При этом отмечается, что «снижение обменного курса рубля при одновременном сжатии спроса на промышленную продукцию существенно усложняет задачу реализации программ модернизации». При этом модернизация является необходимым условием роста, т. к. для расширения производства требуется создание новых производственных мощностей (в отличие от 1998 г. в 2008 г. они практически отсутствуют).

В. Ф. Байнев [4] не просто говорит о негативных сторонах девальвации, но и обосновывает проблемы занижения стоимости национальной валюты в целом. В частности, им отмечается, что «официальные обменные курсы национальных валют всех постсоветских стран искусственно занижены в несколько раз по сравнению со справедливым обменным курсом, который рассчитывается на основе паритета покупательной способности. В то же время развитые страны, наоборот, устанавливают обменные курсы своих денежных единиц существенно (на 10–50%) выше. Недооценка национальной валюты исключительно выгодна западным странам, эмитирующим мировые валюты (доллары, евро и др.), а также отечественным посредникам-экспортерам, вывозящим ресурсы», для отечественной экономики это грозит деиндустриализацией.

Очевидно, необходимо различать краткосрочные и долгосрочные эффекты воздействия девальвации. Рассмотрим краткосрочные эффекты на примере итогов первого полугодия 2014 г. в черной металлургии [5]. В отчете отмечается, что «одна из причин “замораживания” внутреннего спроса на металл – нестабильная и непредсказуемая ситуация с ценами на стальную продукцию в начале 2014 г. Резкий обвал курса рубля в I квартале спровоцировал быстрый рост ценников российских меткомбинатов, торговых домов и авторизованных дилеров, причем некоторый откат курса рубля обратно в дальнейшем тенденцию эту не изменил. В металлоторговле II квартала сложилась редкая ситуация, когда оптовые цены производителей РФ обогнали розницу, которая опиралась на солидные складские запасы недорогого металлопроката. Но вскоре появилась информация, что реальные цены многих сделок (с учетом скидок) по прямым поставкам с меткомбинатов оказались заметно ниже преysкуранных цен. К лету ситуация с курсом доллара, маржой металлоторговли и ценами производителей стала более предсказуемой. Цены в рублях застabilизировались, а в долларах – были вынуждены двинуться вниз». При этом «негативно сказался на металлургии и отток зарубежных инвестиций из РФ. Кредитование на Западе резко сократилось, а в России – стало труднее и дороже. В итоге заморозились многие проекты. При этом позитивную динамику для черной металлургии РФ в первом полугодии обеспечил экспорт, который вырос не только в Турцию, но и в США».

На рисунке 2 представлена динамика индексов отечественного и мирового производства чугуна. Анализ данной динамики позволяет сделать вывод о том, что отечественные производители действуют на глобальном рынке и тренды, характерные для рынка в целом, достаточно отчетливо прослеживаются и на отечественном рынке.

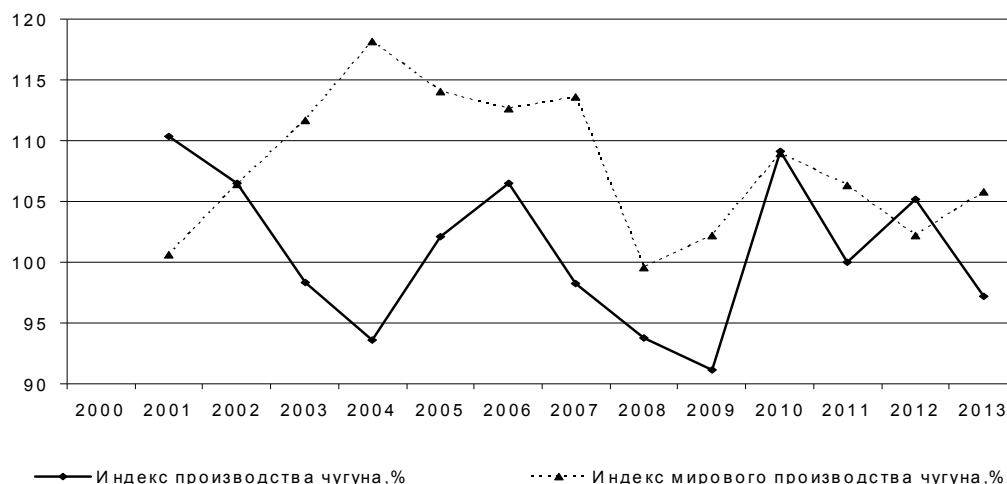

Рис. 2. Динамика индексов отечественного и мирового производства чугуна (составлено по [6; 7; 8])

Динамика индексов национальной валюты и объемов экспорта, представленная на рисунке 3, явно противоречит стандартным представлениям о рыночной динамике, т. к. предприятия не увеличивают объемы экспорта вопреки возможности получить значительную выгоду на разнице валютных курсов. Учет наличия долгосрочных контрактов и невозможности быстрого увеличения объемов производства вследствие инерции производственной и транспортной инфраструктуры хорошо объясняет данный феномен. Динамика индексов отпускных цен на чугун и курса национальной валюты, пред-

ставленная на рисунке 4, косвенно подтверждает выводы, сделанные ранее.

К сожалению, провести анализ инновационной активности исключительно по предприятиям, осуществляющим производство чугуна, не представляется возможным, поэтому в таблице 1 представлены показатели, характеризующие металлургическое производство и производство готовых металлических изделий в целом. Сопоставление периодов времени с разницей в три года позволяет проследить временной лаг, характерный для реализации инновационных проектов.

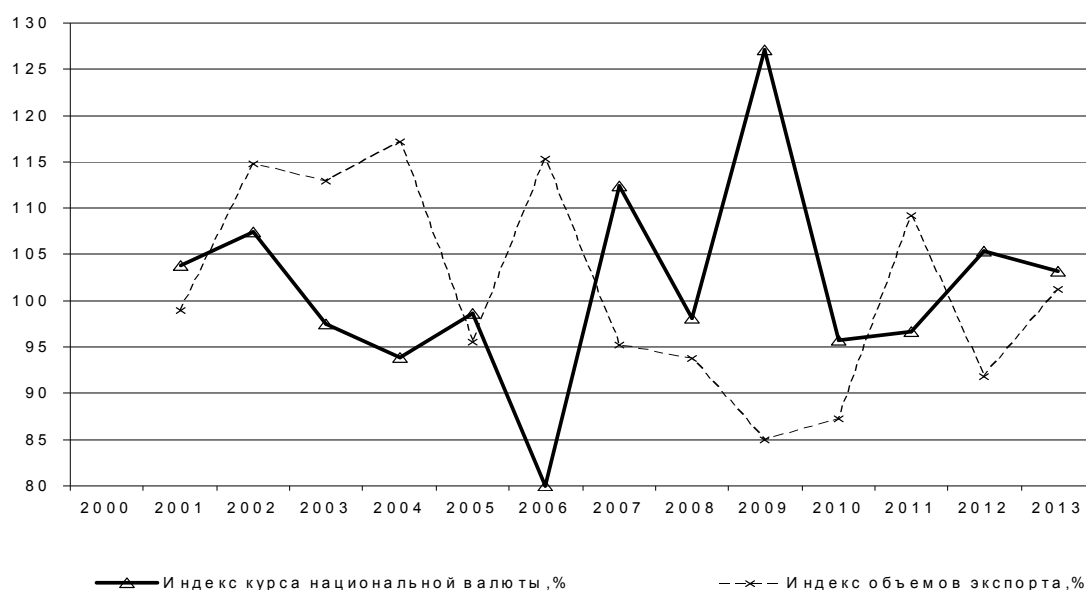

Рис. 3. Динамика индексов национальной валюты и объемов экспорта (составлено по [6; 7; 8])

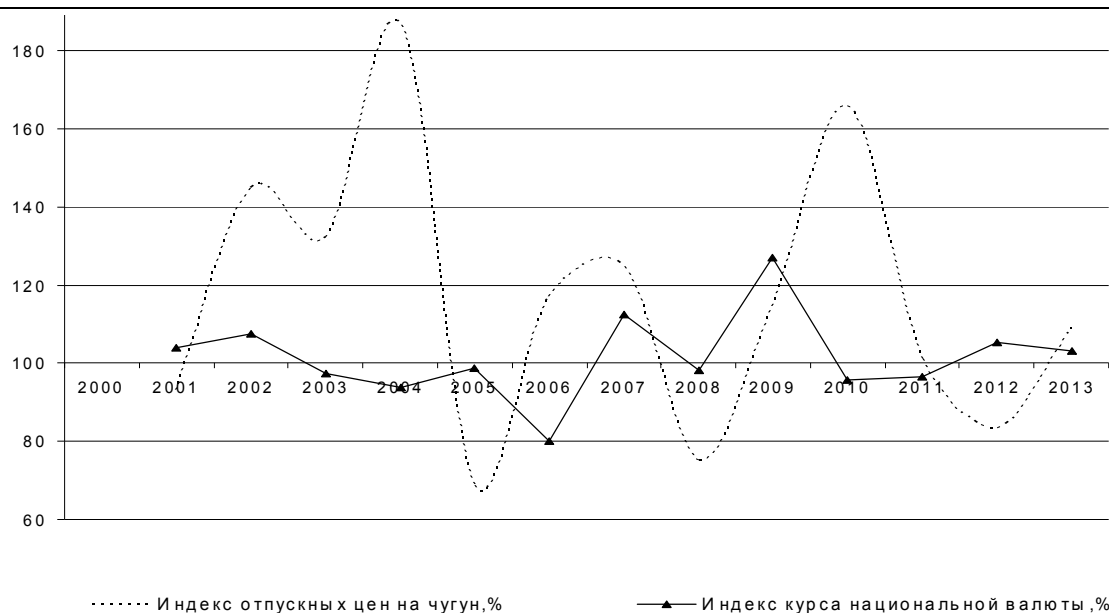

Рис. 4. Динамика индексов отпускных цен на чугун и курса национальной валюты (составлено по [6; 7; 8])

Таблица 1

Динамика показателей инновационной активности на предприятиях вида деятельности «металлургическое производство и производство готовых металлических изделий»

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Удельный вес организаций, осуществлявших инновации в отчетном году, %	14,9	15,4	15,6	14,8	14,7	14,1	13,4
В процентах к предыдущему году		103,4	101,3	94,9	99,3	95,9	95,0
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме реализованной продукции, %	4,8	6,2	5,9	7,5	7,8	8,3	6,9
В процентах к предыдущему году		129,2	95,2	127,1	104,0	106,4	83,1
Затраты на технологические инновации, млн рублей	78004,5	92942,6	89895,9	61597,9	52342,7	59910,2	63044,8
В процентах к предыдущему году		119,2	96,7	68,5	85,0	114,5	105,2

Примечание. Составлено по данным [8; 9; 10].

Обобщая полученные данные по рынку чугуна, инновационной активности предприятий отрасли, колебания рыночной конъюнктуры и исследования других авторов, можно выделить следующие механизмы и закономерности воздействия девальвации национальной валюты на развитие отраслей промышленности на различных временных отрезках.

Во временном аспекте следует выделить следующие периоды:

– микропериод. Существует лишь при резких изменениях обменного курса, данный период характеризуется фактическим сворачиванием деловой активности, т. к. агенты, не понимая складывающихся трендов, закладывают в контракты очень высокие риски, что часто является неприемлемым для контрагентов. Инновационная активность в виде начатых к исполнению проектов реализуется «по инерции». Лица, принимающие решения, про-

сто не успевают отреагировать на краткосрочный тренд, т. к. колебание валютных курсов гораздо более динамично, чем возможность внесения изменений в план инновационной деятельности компании;

– краткосрочный период. Характеризуется возможностью получать дополнительную прибыль за счет курсовой разницы на рынках товаров и услуг, формирующих себестоимость продукции и рынков реализации товарной продукции. Инновационная активность зависит от масштаба инновационного проекта, тех дополнительных средств, которые удалось аккумулировать за счет изменения курсовой разницы и представлений менеджмента о длительности возможности получения дополнительной прибыли;

– среднесрочный период. Является переходным при смене факторов, определяющих тенденции развития отрасли, его наличие и выраженность определяются возможностью маневра производственными мощностями, уровнем государственного регулирования отрасли, доступностью источников финансирования модернизации и другими факторами. Ин-

новационная активность зависит от уровня возможности импортозамещения в проекте, т. к. при наличии значительного объема импортных комплектующих, цена на которые возросла пропорционально курсовой разнице, возможность реализации инновационных проектов будет заблокирована;

– долгосрочный период. Характеризуется тем, что определяющими становятся факторы конъюнктуры глобальных и региональных рынков, технологической конкуренции, внутренние цены приближаются к экспортным, возможность получения сверхприбылей исчезает (в том числе и за счет изъятия их государством). Инновационная активность обусловлена так называемой «инновационной восприимчивостью», т. е. способностью компании к восприятию инноваций, которая в значительной степени зависит от факторов неценового характера.

В аспекте благоприятности воздействия девальвации национальной валюты на развитие отрасли: микропериод – отрицательное; краткосрочный – положительное; долгосрочный – нейтральное.

Таблица 2
Воздействие девальвации национальной валюты на развитие отрасли [11; 12]

Период	Характер воздействия	Определяющий фактор	Тип фактора	Инновационная активность
Микропериод	Отрицательное	Дезорганизация рынков	Психологический	Продолжение проектов «по инерции»
Краткосрочный период	Положительное	Девальвация валюты	Финансовый	Зависит от масштаба инновационного проекта
Среднесрочный	Неопределенное	Отраслевая специфика	Институциональный	Зависит от уровня импортозамещения в проекте
Долгосрочный	Нейтральное	Конъюнктура рынков	Технологический	Обусловлена инновационной восприимчивостью

Особого и более детального изучения требует явление «подтягивания» внутренних цен к экспортным. Вклад отдельных мотивов и механизмов установить достаточно сложно. Возможно, они уникальны для конкретных отраслей и предприятий. Тем не менее в совокупности они формируют некий эффект храпо-

вика, при котором внутренние цены при девальвации национальной валюты, особенно в долгосрочном периоде, движутся только вверх, что постепенно нейтрализует первоначальный импульс повышения ценовой конкурентоспособности отрасли. Вот далеко не полный перечень мотивов и механизмов:

– стоимость импортных услуг и комплектующих возрастает; это приводит к повышению себестоимости производства как у самого экспортера, так и у его контрагентов, что двигает внутренние цены вверх;

– максимизируя прибыль, экспортер старается наибольшее количество товарной продукции разместить на внешнем рынке, чем создает ее дефицит на внутреннем, что, в свою очередь, ведет к повышению внутренних цен;

– со временем проявляются так называемые бумеранговые издержки, когда продукцией производителя пользуются компании, поставляющие для него товары и услуги (характерно для металлургии, нефтехимии, электроэнергетики); они компенсируют удорожание приобретаемой продукции/услуг повышением цен на свою продукцию;

– контрагенты повышают стоимость товаров/услуг, хеджируя свои риски и считая справедливым увеличение цены, т. к. экспортер получает сверхприбыль; в свою очередь, данное повышение для экспортера не является критичным, т. к. компенсируется дополнительным доходом от экспортных операций.

Есть основания полагать, что закономерности колебания цен в отрасли являются частичным проявлением общей закономерности инфляционного процесса и связанных с ним явлений, которые, по мнению некоторых исследователей [11; 12; 13; 14; 15], характеризуются наличием механизма «подтягивания» внутренних цен к общемировым.

Таким образом, позитивный импульс от девальвации национальной валюты оказывается довольно кратковременным и не способен оказать кардинального влияния на инновационную активность компаний. Для продления его действия требуется реализация некоторых мер государственного регулирования, например, льготное кредитование инновационных программ, продуманная таможенная политика, стимулирование внутреннего спроса. Балансовая модель инновацион-

ного процесса адекватно отражает краткосрочные тренды финансовой обеспеченности, однако проблема необходимости фиксации изменения пропорций в воспроизводственных циклах предприятия требует рассмотрения более сложной системы взаимосвязей и сбора более развернутой статистики о параметрах деятельности компании.

Список литературы

1. Машегов П. Н. Инновации: многоуровневый институциональный подход. М.: Машиностроение-1, 2014. 330 с.
2. Малых Е. Б. Влияние валютного курса на международную конкурентоспособность производства и эффективность денежно-кредитной политики России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2013. 20 с.
3. Лисина М. И. Глобальный кризис и переход к новой социально-экономической модели развития // Проблемы современной экономики. 2009. № 4 (32). С. 136–140.
4. Байнева В. Ф. Девальвация: выгоды и издержки // Финансы, учет, аудит. 2009. № 10. С. 22–24.
5. Итоги первого полугодия 2014 года в черной металлургии [Электронный ресурс] // Аналитическая группа «MetalTorg.Ru». URL: <http://www.metal-torg.ru/analytics/black/?id=601> (дата обращения: 10.12.2017).
6. Финансы России. 2014. М.: Росстат, 2014. 357 с.
7. Цены в России. 2014. М.: Росстат, 2014. 151 с.
8. О состоянии внешней торговли в 2014 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/35.htm (дата обращения: 10.12.2017).
9. Наука и инновации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 10.12.2017).

10. Промышленность России. 2014. М.: Росстат, 2014. 326 с.

11. Вертакова Ю. В., Алпеева Е. А., Рябцева И. Ф. Прогресс и инновации: анализ системной взаимообусловленности. М.: ИНФРА-М, 2013. 137 с.

12. Плотников В. А., Сергеев П. В., Тимофеева С. В. Инновационно-технологическая поддержка управления развитием региональных фармацевтических кластеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2011. № 2. С. 92–97.

13. Греков И. Е., Казьмин А. Ю. Особенности российской инфляции и модель разделения полномочий и ответственности в процессе обеспечения ценовой стабильности [Электронный ресурс] // Управление общественными и экономическими системами. 2015. № 2. URL: http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2015/2/grekov_kazmin.doc (дата обращения: 10.12.2017).

14. Садков В. Г., Машегов П. Н. Национальная инновационная система и ее региональные компоненты // Регио-

нальная экономика: теория и практика. 2008. № 23. С. 2–8.

15. Греченюк О. Н. Оценка эффективности инновационного процесса в региональных экономических системах // Креативная экономика. 2011. № 11. С. 10–16.

16. Крыжановская О. А., Непоча-тых О. Ю. Кластерный подход в стратегии инновационного развития России // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск, 2011. Т. 1. С. 184–186.

17. Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Леонтьев Е. Д. Ранговая оценка инновационной активности промышленных комплексов региона: отечественный и зарубежный опыт // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 4 (17). С. 15–23.

Поступила в редакцию 17.01.18

UDC 338.1

I. S. Ampilov, Post-Graduate Student, Orel State University name of I. S. Turgenev (Orel, Russia) (e-mail: 35178378@mail.ru)

O. V. Rudakova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Orel Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia) (e-mail: rudakova71@yandex.ru)

FLUCTUATIONS OF MARKET CONDITIONS AND INNOVATIVE ACTIVITY OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES

In work an attempt of the analysis of influence of fluctuation of market conditions on innovative activity of the industrial enterprises is made. As a factor of market dynamics rate of national currency was used. As an industry the enterprises of ferrous metallurgy are chosen. On the example of production of cast iron for more than ten-year period the export and internal prices, the output, a share of export and their communication with rate of national currency are analysed. The conclusion is drawn that the beneficial effect of devaluation of national currency is considerably blocked by such factors as inertness of production, an environment in the world markets and some other factors. The beneficial effect on innovative activity is possible only on very limited periods. The conclusion is drawn that the balance model of innovative process of the enterprise considering innovative activity as a way of balancing of reproduction processes of the company in the analysis of impact of fluctuations of market conditions, is applicable only on short-term intervals. Essential distortions are brought by inertia of production capacities and the contract relations. In the long-term period the model isn't reduced to balance of resources as becomes decisive factors: limitation of information at the persons making decisions, and factors of institutional dynamics.

Key words: enterprise, innovations, market conditions, industry.

For citation: Ampilov I. S., Rudakova O. V. Fluctuations of market conditions and innovative activity of the industrial enterprises. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 71–79 (in Russ.).

References

1. Mashegov P. N. Innovacii: mnogo-urovnevyy institucional'nyj podhod. Moscow, Mashinostroenie-1 Publ., 2014. 330 p.
2. Malyh E. B. Vliyanie valyutnogo kursa na mezhdunarodnyu konkurentosposobnost' proizvodstva i ehffektivnost' denezhno-kreditnoj politiki Rossii. Avtoref. dis. kand. ehkon. nauk. St. Petersburg, 2013. 20 p.
3. Lisina M. I. Global'nyj krizis i perekhod k novoj social'no-ehkonomicheskoj modeli razvitiya. Problemy sovremennoj ehkonomiki, 2009, no. 4 (32), pp. 136–140.
4. Bajneva V. F. Deval'vaciya: vygody i izderzhki. Finansy, uchet, audit, 2009, no. 10, pp. 22–24.
5. Itogi pervogo polugodiya 2014 goda v chernoj metallurgii. Analiticheskaya grupa "MetalTorg.Ru". URL: <http://www.metal-torg.ru/analytics/black/?id=601> (accessed 10.12.2017).
6. Finansy Rossii. 2014. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 357 p.
7. Ceny v Rossii. 2014. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 151 p.
8. O sostoyanii vneshnej trgovli v 2014 godu. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/35.htm (accessed 10.12.2017).
9. Nauka i innovacii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (accessed 10.12.2017).
10. Promyshlennost' Rossii. 2014. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 326 p.
11. Vertakova Yu. V., Alpeeva E. A., Ryabceva I. F. Progress i innovacii: analiz sistemnoj vzaimoobuslovlennosti. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 137 p.
12. Plotnikov V. A., Sergeev P. V., Timofeeva S. V. Innovacionno-tehnologicheskaya podderzhka upravleniya razvitiem regional'nyh farmacevticheskikh klastorov. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2011, no. 2, pp. 92–97.
13. Grekov I. E., Kaz'min A. Yu. Oso-bennosti rossijskoj inflyatsii i model' razdeleniya polnomochij i otvetstvennosti v processe obespecheniya cenovoj stabil'nosti. Upravlenie obshchestvennymi i ehkonomicheskimi sistemami, 2015, no. 2. URL: http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2015/2/grekov_kazmin.doc (accessed 10.12.2017).
14. Sadkov V. G., Mashegov P. N. Nacional'naya innovacionnaya sistema i ee regional'nye komponenty. Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika, 2008, no. 23, pp. 2–8.
15. Grechenyuk O. N. Ocenka ehffektivnosti innovacionnogo processa v regional'nyh ehkonomicheskikh sistemah. Kreativnaya ehkonomika, 2011, no. 11, pp. 10–16.
16. Kryzhanovskaya O. A., Nepocha-tyh O. Yu. Klasternyj podhod v strategii innovacionnogo razvitiya Rossii. Strategiya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ho-zyajstvennye aspekty: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; ed. by A. A. Gorohov. Kursk, 2011, vol. 1, pp. 184–186.
17. Klevcova M. G., Polozhence-va Yu. S., Leont'ev E. D. Rangovaya ocenka innovacionnoj aktivnosti promyshlennykh kompleksov regiona: otechestvennyj i za-rubezhnyj opyt. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2015, no. 4 (17), pp. 15–23.

А. Ю. Жильников, канд. экон. наук, доцент, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт» (Старый Оскол, Россия) (e-mail: next-al-88@yandex.ru)

Е. А. Губертов, канд. экон. наук, доцент, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт» (Старый Оскол, Россия) (e-mail: st-uran@yandex.ru)

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Инновационно-инвестиционное развитие отраслей является необходимым условием осуществления структурной перестройки российской экономики. Значительный уровень износа основных фондов тормозит инновационное развитие всей экономической системы и не позволяет российским предприятиям быть конкурентоспособными на мировых рынках. Помимо финансовой поддержки инновационных предприятий необходимо оценивать эффективность инвестиций в инновационное обновление основного капитала предприятий различных отраслей, то есть оценивать уровень их инновационно-инвестиционного развития. Однако современная научная экономическая литература не богата методами оценки инновационно-инвестиционного развития не только отраслей в целом, но и отдельных предприятий. В статье авторами сделана попытка разработать метод оценки уровня инновационно-инвестиционного развития отрасли, который бы отличался простотой и доступностью, а также использовал бы общедоступные количественные показатели для оценки. Определены характеристики метода оценки инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли, которые отличаются информативностью, простотой расчета, простотой интерпретации, наличием базы расчета. Выделены направления, характеризующие инновационно-инвестиционное развитие отрасли, включающие активность предприятий в отрасли, уровень производства инновационных товаров и уровень инновационно-инвестиционных затрат. Основой метода являются динамические коэффициенты, оценивающие различные стороны инновационной, инвестиционной и инновационно-инвестиционной деятельности отрасли. На основе предложенного метода произведена оценка инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли России. В работе проведена апробация метода, на основе которой были получены данные, позволяющие оценить место строительной отрасли по уровню инновационно-инвестиционного развития в сравнении с четырьмя другими, наиболее капиталоемкими, отраслями российской экономики. Дана оценка уровня инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли, уровня инвестиций в обновление и модернизацию основного капитала.

Ключевые слова: инновационно-инвестиционное развитие, отрасль, строительство, инновации, инвестиции, основной капитал, коэффициент, динамика, сравнительная оценка.

Ссылка для цитирования: Жильников А. Ю., Губертов Е. А. Оценка инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 80–88.

В современном мире тратятся колоссальные деньги на фундаментальные и прикладные исследования, поддержку инновационных отраслей, модернизацию и обновление производства, внедрение новейших технологий, развитие человеческого капитала и др. Однако, помимо осуществления затрат на разработку и внедрение инноваций, необходимо проводить оценку и самого процесса инновационного развития. Особенно актуальна такая оценка для определенных отраслей экономики, т. к. в них степень износа основных фондов предприятий значительная и основы модернизации таких отраслей заключены в обновлении основного капитала. Таким образом, в данной работе ставится цель – разработать метод

оценки инновационно-инвестиционного развития и на его основе провести оценку строительной отрасли.

Анализ научной экономической литературы выявил, что не существует единого, общепринятого метода анализа и оценки инновационного развития отрасли. В целом, все методы, связанные с такой оценкой, делятся на две группы.

Первая группа методов представлена достаточно широко как в учебной, так и в научной экономической литературе. Отметим в этой области работы Л. С. Валинуровой [1], Э. А. Диваева [2], А. Ю. Жильникова [3], Г. М. Загидуллина [4], О. А. Клещева [4], А. П. Плотникова [5], А. А. Прановича [6], Р. М. Сиразетдинова

[7], Ю. С. Солдатовой [8], В. В. Спицына [9], А. А. Тер-Гринорьянц [10] и др.

Вторая группа методов базируется на методике оценки эффективности инвестиционных проектов, основанной на расчете таких показателей, как: средняя норма рентабельности проекта (ARR), внутренняя норма рентабельности (IRR), чистый дисконтированный доход (NPV) и др.

Необходимо отметить, что научных работ, посвященных оценке инновационно-инвестиционной составляющей, в настоящее время сравнительно немного. Среди таких работ можно выделить монографию А. И. Хорева «Развитие и оценка инновационно-инвестиционной деятельности в металлургическом производстве (на примере Липецкой области)» [11], диссертацию А. А. Тафеевой «Методика оценки инновационно-инвестиционной привлекательности предприятий» [12], диссертацию В. И. Бербенец «Развитие и оценка инновационно-инвестиционной деятельности в металлургическом комплексе: на примере Липецкой области» [13], диссертацию И. Н. Кузнецовой «Совершенствование методологических инструментов оценки инновационно-инвестиционного потенциала строительных предприятий: на примере Ставропольского края» [14], диссертацию Ф. М. Сайфуллиной «Оценка уровня инновационного развития инвестиционно-строительного комплекса: на примере Республики Татарстан» [15], а также труды А. С. Андрейченко [16], В. В. Варфоломеева, В. М. Власовой, Э. И. Крылова, Е. А. Кучарина [17; 18] и др. Однако только единицы из рассмотренных методов подходят для оценки инновационно-инвестиционного развития отраслей и комплексов народного хозяйства, да и то только после определенной модификации и совершенствования. Кроме того, в процессе проведения оценки существуют определенные сложности, связанные с использованием труднодоступной информации, со сложностью расчетов, противоречивостью результа-

тов оценки, проведенной разными методами.

При этом можно выделить следующие основные недостатки рассмотренных в приведенных выше работах методов, которые затрудняют возможность их применения для оценки инновационно-инвестиционного развития отраслей:

- используемые показатели носят как количественный, так и качественный характер, что усложняет процедуру расчета;

- различное толкование термина «инновационно-инвестиционная привлекательность» проекта и «инновационно-инвестиционное развитие» отрасли;

- отсутствие достаточной обоснованности принципов агрегирования отобранных для оценки совокупности показателей;

- сложности в обосновании выбранных методик оценки;

- отсутствие регулярности в проведении оценки.

Таким образом, стоит вопрос разработки и применения метода оценки инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли, который обладал бы следующими основными характеристиками:

- информативность – полученные коэффициенты должны давать возможность однозначно оценить уровень инновационно-инвестиционного развития отрасли и сравнить его с другими отраслями экономики;

- простота расчета – отсутствие большого количества переменных, требующих серьезных математических расчетов;

- простота интерпретации – полученные коэффициенты должны быть понятны не только ученым-экономистам, но и другим пользователям данной информации;

- наличие базы расчета – расчет большинства коэффициентов должен опираться на регулярно публикуемые данные статистических организаций и агентств.

Предложенный метод также должен охватывать, на наш взгляд, три основных направления, характеризующих инновационно-инвестиционное развитие отрасли:

- 1) уровень инвестиционной активности предприятий отрасли в сравнении со средним по стране;
- 2) уровень производства инновационных товаров, работ, услуг отрасли;
- 3) уровень инновационно-инвестиционных затрат на основной капитал фирмы.

В соответствии с вышесказанным предлагается рассчитывать четыре показателя.

1. Коэффициент инновационной активности отрасли

$$K_{\text{ИАО}} = \frac{У_{\text{Д}_{\text{ио}}}}{У_{\text{Д}_{\text{ис}}}}, \quad (1)$$

где $У_{\text{Д}_{\text{ио}}}$ (%) – удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году, % от общего числа обследованных организаций отрасли;

$У_{\text{Д}_{\text{ис}}}$ (%) – инновационная активность организаций в стране, % от общего числа исследованных организаций.

Коэффициент инновационной активности отрасли принимает значения от нуля и выше. При значении в диапазоне от 0 до 1 уровень инновационной активности отрасли ниже, чем средний уровень инновационной активности в стране. При равенстве 1 $K_{\text{ИАО}}$ показывает, что инновационная активность организаций данной отрасли соответствует средней инновационной активности по стране. И наконец, значение коэффициента выше 1 демонстрирует более высокую активность отрасли, чем в среднем по стране. Рост коэффициента в динамике и его высокие значения свидетельствуют о росте инновационной активности и благоприятен для развития анализируемой отрасли экономики.

2. Коэффициент производства инновационных товаров, работ, услуг отрасли:

$$K_{\text{ИТ}} = \frac{ТР_{\text{ИТО}}}{ТР_{\text{ОТО}}}, \quad (2)$$

где $ТР_{\text{ИТО}}$ – темп роста отгруженных инновационных товаров, работ, услуг, рублей;

$ТР_{\text{ОТО}}$ – темп роста отгруженных товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, руб.

Коэффициент характеризует динамику роста производства инновационных товаров, работ, услуг за определенный период времени. При значении в диапазоне от 0 до 1 коэффициент показывает, что рост выпуска инновационных товаров, работ, услуг отрасли ниже объема производства и выпуска обычных товаров. Если коэффициент производства инновационных товаров равен 1, то темп роста выпуска инновационных товаров равен темпу роста выпуска обычных. В случае, если коэффициент выше 1, то уровень роста выпуска инновационных товаров, работ, услуг отрасли превышает уровень выпуска обычных товаров.

Значение коэффициента позволяет оценить уровень инновационно-инвестиционного развития отрасли. Чем выше значение коэффициента, тем выше уровень развития инновационно-инвестиционной деятельности в конкретной отрасли.

3. Коэффициент модернизации отрасли

$$K_{\text{МО}} = \frac{ТР_{\text{ИМр}}}{ТР_{\text{ИОк}}}, \quad (3)$$

где $ТР_{\text{ИМр}}$ – темп роста инвестиций в модернизацию и реконструкцию основного капитала отрасли;

$ТР_{\text{ИОк}}$ – темп роста инвестиций в основную капитал отрасли.

Так же как и в предыдущем коэффициенте, здесь в числителе и знаменателе находятся динамические показатели. Следовательно, имеется возможность рассчитать его за определенный период

времени. Коэффициент модернизации принимает значения от 0 и выше. В случае если его значение равняется 0, то отмечается отсутствие инвестиций, идущих на модернизацию, обновление и реконструкцию основного капитала отрасли. При значении в диапазоне от 0 до 1 коэффициент показывает, что уровень модернизации отрасли ниже уровня её инвестиционного развития, связанного с ростом инвестиции в основной капитал. В случае если коэффициент равен 1, то инновационно-инвестиционное развитие отрасли совпадает по темпам роста с инвестиционным развитием. При превышении значения в 1 можно констатировать, что инновационно-инвестиционное развитие отрасли идет опережающими темпами по сравнению с темпами роста инвестиций в основной капитал.

Коэффициент модернизации отрасли характеризует уровень развития инновационно-инвестиционной деятельности в отрасли за счет оценки уровня инвестиций в модернизацию, реконструкцию и обновление основного капитала по сравнению с инвестициями в основной капитал. Чем выше значение коэффициента, тем выше уровень модернизации отрасли за счет инвестиций в основной капитал.

4. Коэффициент обновления машин, оборудования, транспортных средств отрасли

$$K_{\text{ОМОТ}} = \frac{TP_{\text{ИМОТ}}}{TP_{\text{ИОК}}}, \quad (4)$$

где $TP_{\text{ИМОТ}}$ – темп роста инвестиций, направленных на обновление машин, оборудования и транспортных средств отрасли;

$TP_{\text{ИОК}}$ – темп роста инвестиций в основной капитал отрасли.

Коэффициент обновления машин, оборудования и транспортных средств принимает значения от 0 и выше. При равенстве 0 отсутствуют инвестиции в обновление машин, оборудования и транспортных средств и их рост за анализируемый период. Если коэффициент прини-

мает значение от 0 до 1, то рост уровня инвестиций в основной капитал выше, чем рост уровня инвестиций в обновление машин, оборудования и транспортных средств отрасли. В случае превышения значения 1 в отрасли отмечается рост инвестирования в обновление машин, оборудования и транспортных средств по сравнению с общими инвестициями в основной капитал.

Коэффициент позволяет оценить уровень обновления технологической части основного капитала в отрасли. По его значению можно оценить, насколько быстро происходит замена устаревшего оборудования на более новое и современное.

Таким образом, в данной статье предложен метод оценки инновационно-инвестиционного развития отрасли на основе расчета четырех коэффициентов:

- коэффициента инновационной активности отрасли;
- коэффициента производства инновационных товаров, работ, услуг отрасли;
- коэффициента модернизации отрасли;
- коэффициента обновления машин, оборудования, транспортных средств отрасли.

Три из четырех предложенных коэффициентов рассчитываются на основе динамических показателей, характеризующих изменения в конкретной отрасли. Таким образом, они пригодны для оценки развития отраслей. Расчет предложенных коэффициентов желательно производить за определенный промежуток времени (минимум за 2-3 года).

На основе предложенного метода произведена оценка инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли России. Отметим, что на сайте Федеральной службы государственной статистики необходимые данные по строительной отрасли представлены только за 2015 и 2016 гг. [19], поэтому для оценки уровня инновационно-инвестиционного развития предлагается

провести сравнительный анализ этой отрасли с другими отраслями экономики.

Выбор элементов сравнения осуществлялся по уровню инвестиций в основной капитал, т. к. в этом случае можно получить сопоставимые коэффициенты. Сравнить между собой, например, строительную отрасль и обрабатывающую не представляется возможным, поскольку предложенные показатели не учитывают специфику последней. На основе статистических данных из бюллетеня о текущих тенденциях российской экономики «Инвестиции в основной капитал и источники их финансирования» за сентябрь 2016 г., опубликованного аналитическим центром при Правительстве РФ [20], для сравнения со строительной отраслью по

уровню инновационно-инвестиционного развития были выбраны четыре отрасли экономики:

- 1) добыча полезных ископаемых;
- 2) производство и распределение электроэнергии, газа, воды;
- 3) связь (исключение транспорта связано с отсутствием некоторых данных по инновационной активности организаций в данной отрасли);
- 4) обрабатывающие производства.

Данные для расчетов взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики [19].

Все коэффициенты инновационно-инвестиционного развития по пяти отраслям экономики для проведения оценки были сгруппированы в таблице и представлены на рисунке.

Коэффициенты инновационно-инвестиционного развития по пяти отраслям экономики

Отрасль	Коэффициент			
	$K_{\text{ИАО}}$	$K_{\text{ИТ}}$	$K_{\text{МО}}$	$K_{\text{ОМОТ}}$
Строительство	0,18	2,67	0,93	0,85
Добыча полезных ископаемых	0,88	1,08	0,74	0,71
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды	0,57	2,85	1,06	1,04
Связь	1,45	1,24	0,79	0,90
Обрабатывающие производства	1,58	1,03	1,27	1,10

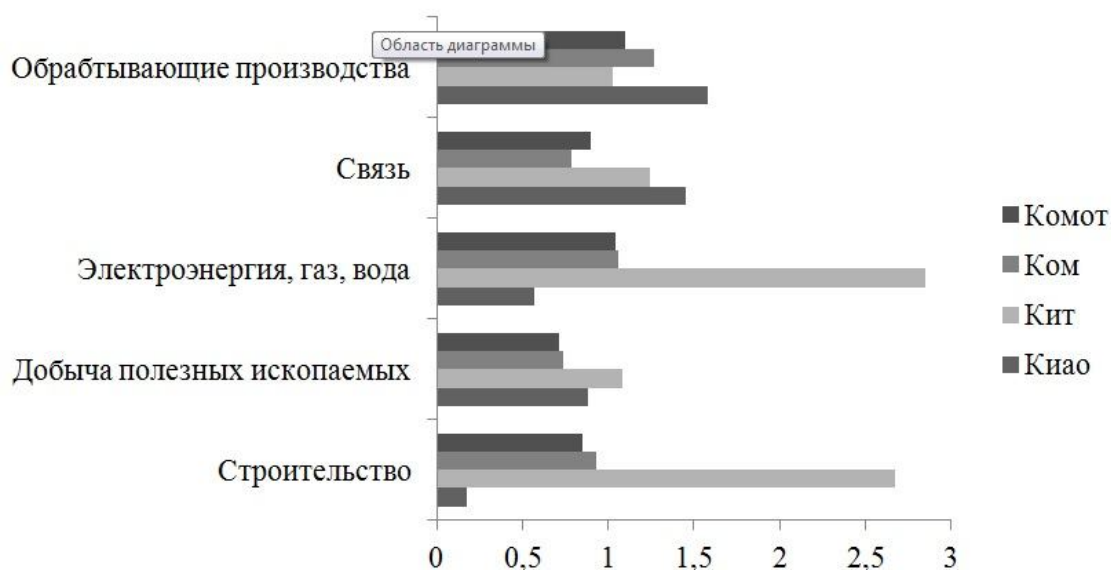

Рис. Сравнение коэффициентов инновационно-инвестиционного развития по отраслям экономики

По данным таблицы были сделаны следующие выводы:

– отрасль обрабатывающих производств по трем из четырех рассчитанных коэффициентов лидирует;

– строительная отрасль имеет наименьший коэффициент инновационной активности предприятий отрасли, что, безусловно, тормозит ее инновационно-инвестиционное развитие;

– по коэффициенту отгрузки инновационных товаров, работ, услуг строительная отрасль отстает только от отрасли по производству и распределению электроэнергии, газа, воды;

– по коэффициенту обновления оборудования, машин, транспорта и коэффициенту модернизации отрасли строительство уступает отрасли производства и распределения электроэнергии, газа, воды и отрасли обрабатывающих производств.

Таким образом, проведя сравнительный анализ пяти отраслей экономики, было выявлено, что строительная отрасль по уровню инновационно-инвестиционного развития уступает практически всем анализируемым отраслям. Однако по уровню инвестиций в обновление и модернизацию основного капитала находится на третьем месте и не сильно отстает от уровня наиболее развивающихся в инновационно-инвестиционном плане отраслей. Стоит отметить, что основная проблема строительства заключается в низкой инновационной активности предприятий, входящих в отрасль. Причины могут носить как объективный характер – длительный производственный и инновационный цикл, значительный уровень регулирования, проблемы с финансированием инновационных разработок, так и субъективный – сложное восприятие нововведений руководством фирм, опасения по поводу замены устоявшихся технологий и др.

Список литературы

1. Валинурова Л. С. Инновационное развитие регионов: Методологические основы и перспективные направления: монография. М.: Палеотип, 2011. 200 с.

2. Диваева Э. А. Методология оценки функционирования региональных инновационных систем: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2013. 379 с.

3. Жильников А. Ю. Совершенствование способов оценки инновационного развития регионов: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Воронеж, 2013. 150 с.

4. Загидуллина Г. М., Клещева О. А. Развитие инновационной инфраструктуры инвестиционно-строительного комплекса // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Экономика и управление народным хозяйством (строительство). 2011. № 2. С. 271–277.

5. Плотников А. П. Управление инновационным развитием машиностроительных предприятий (теория, методология, методика): дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Саратов, 2009. 308 с.

6. Пранович А. А. Формирование стратегии управления инновационно-инвестиционной деятельностью: монография. Ухта: Ухт. гос. техн. ун-т, 1999. 207 с.

7. Сиразетдинов Р. М. Необходимость формирования инновационной стратегии развития экономики // Креативная экономика. 2010. № 10. С. 45–48.

8. Солдатова Ю. С. Методы оценки экономического состояния и уровня инновационного развития промышленных предприятий: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Н. Новгород, 2013. 228 с.

9. Спицын В. В. Особенности инновационного развития высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей в России // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 166–172.

10. Тер-Григорьянц А. А. Экономическая оценка инновационного развития региона: монография. Ставрополь: Фабула, 2012. 143 с.
11. Хорев А. И., Бербенец В. И. Развитие и оценка инновационно-инвестиционной деятельности в металлургическом производстве (на примере Липецкой области): монография. Воронеж: [Б. и.], 2009. 180 с.
12. Тафеева А. А. Оценка инвестиционной привлекательности предприятия в условиях инновационного развития: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2011. 195 с.
13. Бербенец В. И. Развитие и оценка инновационно-инвестиционной деятельности в металлургическом комплексе: на примере Липецкой области: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Воронеж, 2009. 185 с.
14. Кузнецова И. Н. Совершенствование методологических инструментов оценки инновационно-инвестиционного потенциала строительных предприятий: на примере Ставропольского края: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Ставрополь, 2010. 160 с.
15. Сайфуллина Ф.М. Оценка уровня инновационного развития инвестиционно-строительного комплекса : на примере Республики Татарстан: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Казань, 2011. 205 с.
16. Андрейченко А. С. Оценка эффективности инновационно-инвестиционных проектов по строительству магистральных газопроводов: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2013. 146 с.
17. Методологические вопросы оценки эффективности инновационно-инвестиционных проектов: монография / Э. И. Крылов, В. М. Власова, В. А. Варфоломеева, Е. А. Кучарина. СПб.: ГУАП, 2016. 449 с.
18. Эффективная структура инвестиций как доминанта инновационного сценария развития регионального хозяйственного комплекса / Ю. В. Вертакова, С. Г. Емельянов, А. С. Зубарев, Е. В. Харченко // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 13–19.
19. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 11.09.2017).
20. Инвестиции в основной капитал и источники их финансирования [Электронный ресурс]: бюллетень о текущих тенденциях в российской экономике за сентябрь 2016 года // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf> (дата обращения: 11.09.2017).

Поступила в редакцию 15.01.18

UDC 330.322

A. Yu. Zhilnikov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Voronezh Institute of Economics and Law, Branch in Stary Oskol (Stary Oskol, Russia) (e-mail: next-al-88@yandex.ru)

E. A. Gubertov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Voronezh Institute of Economics and Law, Branch in Stary Oskol (Stary Oskol, Russia) (e-mail: st-uran@yandex.ru)

EVALUATION OF INNOVATION AND INVESTMENT DEVELOPMENT OF THE BUILDING INDUSTRY

Innovative and investment development of industry sectors is a necessary condition of the structural restructuring of the Russian economy. A significant level of depreciation of fixed assets hinders the innovative development of the entire economic system and does not allow Russian enterprises to be competitive in the world markets. Considerable level of wear of fixed capital slows down innovative development of all economic system and

does not allow the Russian enterprises to be competitive in the world markets. Besides financial support of the innovative enterprises it is necessary to estimate efficiency of investments in innovative updating of fixed capital of the enterprises from various industry sectors, that is to estimate the level of their innovative and investment development. However, modern scientific economic literature is neither rich with methods of assessment of innovative and investment development of industry sectors in general nor of the separate enterprises. The authors have made attempt to develop a method of assessment of level of innovative and investment development of industry sector which would differ in simplicity and availability and also would use public quantitative indices for assessment. The characteristics of the assessment method of innovative and investment development of construction industry that differ in informational content, simplicity of calculation and interpretation, existence of base of calculation are defined. The directions, characterizing innovative and investment development of industry sector including activity of the enterprises in industry sector, the level of innovative goods production and the level of innovative and investment expenses are allocated. The dynamic coefficients estimating various parts of innovative, investment and innovative-investment of industry sector activity is at the heart of the approach. The assessment of innovative and investment development of construction industry in Russia is made on the basis of the offered method. The approbation of a this method has been obtained and the data allowing to estimate the position of the level of innovative and investment development of construction industry in comparison with four others the most capital-intensive of the Russian economy sectors. The article also deals with the assessment of the level of innovative and investment development of construction industry, and the level of investments in updating and modernization of fixed capital.

Key words: innovation and investment development, industry, construction, innovations, investments, fixed capital, coefficient, dynamics, comparative evaluation.

For citation: Zhilnikov A. Yu., Gubertov E. A. Evaluation of innovation and investment development of the building industry. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 80–88 (in Russ.).

References

1. Valinurova L. S. Innovacionnoe razvitie regionov: Metodologicheskie osnovy i perspektivnye napravleniya. Moscow, Paleotip Publ., 2011. 200 p.
2. Divaeva Eh. A. Metodologiya ocenki funkcionirovaniya regional'nyh innovacionnyh sistem. Dis. d-ra ehkon. nauk. Moscow, 2013. 379 p.
3. Zhil'nikov A. Yu. Sovershenstvovanie sposobov ocenki innovacionnogo razvitiya regionov. Dis. kand. ehkon. nauk. Voronezh, 2013. 150 p.
4. Zagidullina G. M., Kleshcheva O. A. Razvitie innovacionnoj infrastruktury investicionno-stroitel'nogo kompleksa. Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom (stroitel'stvo), 2011, no. 2, pp. 271–277.
5. Plotnikov A. P. Upravlenie innovacionnym razvitiem mashinostroitel'nyh predpriyatij (teoriya, metodologiya, metodika). Dis. d-ra ehkon. nauk. Saratov, 2009. 308 p.
6. Pranovich A. A. Formirovanie strategii upravleniya innovacionno-investicionnoj deyatel'nost'yu. Uhta, Uht. gos. tekhn. un-t, 1999. 207 p.
7. Sirazetdinov R. M. Neobhodimost' formirovaniya innovacionnoj strategii razvitiya ehkonomiki. Kreativnaya ehkonomika, 2010, no. 10, pp. 45–48.
8. Soldatova Yu. S. Metody ocenki ehkonomicheskogo sostoyaniya i urovnya innovacionnogo razvitiya promyshlennyh predpriyatij. Dis. kand. ehkon. nauk. N. Novgorod, 2013. 228 p.
9. Spicyn V. V. Osobennosti innovacionnogo razvitiya vysokotekhnologichnyh i srednetekhnologichnyh otraslej v Rossii. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, no. 342, pp. 166–172.
10. Ter-Grigor'yanc A. A. Ehkonomicheskaya ocenka innovacionnogo razvitiya regiona. Stavropol', Fabula Publ., 2012. 143 p.
11. Horev A. I., Berbenec V. I. Razvitie i ocenka innovacionno-investicionnoj deyatel'nosti v metallurgicheskom proizvodstve (na primere Lipeckoj oblasti). Voronezh, 2009. 180 p.

12. Tafееva A. A. Ocenka investicionnoj privlekatel'nosti predpriyatiya v usloviyah innovacionnogo razvitiya. Dis. kand. ehkon. nauk. St. Petersburg, 2011. 195 p.
13. Berbenec V. I. Razvitie i ocenka innovacionno-investicionnoj deyatel'nosti v metallurgicheskom komplekse: na primere Lipeckoj oblasti. Dis. kand. ehkon. nauk. Voronezh, 2009. 185 p.
14. Kuznecova I. N. Sovershenstvovanie metodologicheskikh instrumentov ocenki innovacionno-investicionnogo potenciala stroitel'nyh predpriyatij: na primere Stavropol'skogo kraya. Dis. kand. ehkon. nauk. Stavropol', 2010. 160 p.
15. Sajfullina F. M. Ocenka urovnya innovacionnogo razvitiya investicionno-stroitel'nogo kompleksa: na primere Respubliki Tatarstan. Dis. kand. ehkon. nauk. Kazan', 2011. 205 p.
16. Andrejchenko A. S. Ocenka ehffektivnosti innovacionno-investicionnyh proektov po stroitel'stvu magistral'nyh gazoprovodov. Dis. kand. ehkon. nauk. Moscow, 2013. 146 p.
17. Krylov Eh. I., Vlasova V. M., Varfolomeeva V. A., Kucharina E. A. Metodologicheskie voprosy ocenki ehffektivnosti innovacionno-investicionnyh proektov. St. Petersburg, GUAP, 2016. 449 p.
18. Vertakova Yu. V., Emel'yanov S. G., Zubarev A. S., Harchenko E. V. Ehffektivnaya struktura investicij kak dominanta innovacionnogo scenariya razvitiya regional'nogo hozyajstvennogo kompleksa. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, no. 2 (35), pp. 13–19.
19. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru/> (accessed 11.09.2017).
20. Investicii v osnovnoj kapital i istochniki ih finansirovaniya: byulleten' o tekushchih tendenciyah v rossijskoj ehkonomie za sentyabr' 2016 goda. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf> (accessed 1.09.2017).

УДК 338.984

И. В. Бабенко, канд. экон. наук, доцент ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: babenkoinny@gmail.com)

Е. В. Тинькова, канд. экон. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет (e-mail: Ser-tinkov@yandex.ru)

ОЦЕНКА ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ МОЩНОСТИ: МЕТОДИКИ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ

В статье рассматривается производственная мощность и методы оценки производственной мощности предприятия, показаны расчеты и формулы, которые применяются для проведения расчетов производственной мощности. Актуальность исследования обусловлена важностью экономически обоснованных расчетов производственной мощности в практической деятельности предприятий. Однако в современной научной литературе не представлены формулы для конкретных расчетов производственной мощности в разных технико-экономических условиях. Это объясняется тем, что имеющиеся технико-экономические условия имеют разное значение в зависимости от отрасли деятельности, конкретного предприятия, производственного процесса и даже технологической операции. Поэтому технико-экономические условия влияют на реалистичность первоначально рассчитанной производственной мощности и будущих мероприятий по её росту, приводя к уточнению и корректировке расчетов. Обычно производственную мощность рассчитывают по главным производственным цехам, участкам и видам оборудования, при этом учитывается кооперация, и ставится задача по ликвидации «узких мест». Что касается методики использования и анализа производственной мощности, то сегодня нет единого мнения о ее классичности и единстве для использования в расчетах. Большинство ученых используют методики, предназначенные для оценки использования основных средств предприятия. При их использовании эффективность расчетная будет связана с эффективностью использования машин, станков и оборудования. Существует большое количество методик оценки производственной мощности. На практике важно выбрать целесообразную методику, которая будет отражать специфику организации производственного процесса. Также необходимо построить алгоритм расчета производственной мощности, пропускной способности основных технологических участков и выявить «узкие места» в производственном процессе. В работе представлен порядок расчета баланса загрузки по группам однотипного оборудования, а также приведены практические расчеты производственной мощности и пропускной способности участков и видов оборудования в разрезе основных технологических операций, которые позволяют сделать вывод, что производственная мощность выше пропускной способности, но по разным операциям она различна.

Ключевые слова: производственная мощность, методы, критерии, оценка производственной мощности, расчет производственной мощности, пропускная способность, производство, технология.

Ссылка для цитирования: Бабенко И. В., Тинькова Е. В. Оценка производственной мощности: методики и практический алгоритм // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 89–99.

Говоря о критериях и методах оценки производственной мощности, необходимо сказать об источниках, в которых может быть информация для анализа использования производственных мощностей. Прежде всего, это баланс производственной мощности. Под балансом производственной мощности чаще всего понимается специальный баланс, в котором показаны изменения мощности и степени использования оборудования, технологии, которые определяют объем производства продукции. Для формирования баланса производственной мощности нужна информация, связанная с затратами, финансовыми результатами, объемом продукции, и другие данные.

Обычно производственную мощность рассчитывают по главным производствен-

ным цехам, участкам и видам оборудования, при этом учитывается кооперация, и ставится задача по ликвидации «узких мест». К главным цехам предприятия относят те цехи, которые предназначены для выполнения и в которых осуществляются основные технологические операции по производству деталей (товаров).

При расчете производственной мощности может быть выявлена несопряженность оборудования, которая обычно устраняется подбором оборудования, которое по производительности, ритму и такту способствовало бы выполнению технологических операций без заделов, обеспечивая прямоточность и прямолинейность потока заготовок. Если при расчете пропускной способности или производственной мощности были обнаружены «узкие» ме-

ста, значит, имеется явление несопряженности. При расчете производственной мощности обычно расчеты ведут по всей номенклатуре и ассортименту товаров, которые включены в производственную программу (производственный план). Расчет производственной мощности осуществляется исходя из всей номенклатуры продукции, включенной в план производства.

При определении производственной мощности обычно используют данные о проектных или технических (паспортных) нормах производительности по оборудованию и о технических обоснованных нормах времени (выработки). Если предусмотрен плановый ремонт любого вида (текущий, средний и капитальный), то расчет времени на такие виды ремонта осуществляется на основе фактических данных, которые были получены по передовым бригадам или средние значения за предыдущие периоды по аналогичным видам ремонта. При этом учитывают, что длительность времени ремонта не должна быть больше утвержденных норм времени на ремонт.

При определении производственной мощности всегда используют фонд времени, как правило, берут расчетный фонд времени работы станков, машин и оборудования. Если оно работает в дискретном режиме (с перерывами), то расчетный фонд принято называть располагаемым или номинальным.

Если оборудование работает непрерывно, то годовой фонд времени нужно определять исходя из фактического режима работы оборудования, учитывая календарное время (берется из планового фонда с учетом производственного календаря на конкретный год). Также учитывается время на ремонт и вынужденные технологические простои оборудования. Можно это нерабочее время планировать как процент от годового календарного рабочего времени.

Для того чтобы правильно определить производственную мощность предприятия, необходимо иметь исходные данные о количестве, составе и техническом состоянии

оборудования; о нормах производительности по видам оборудования; о фонде времени работы оборудования и о режиме работы; о номенклатуре и ассортименте запланированных к выпуску изделий. Ниже представим полезную информацию о составе оборудования, которое может находиться на предприятии в разном эксплуатационном состоянии (рис. 1).

При расчете баланса загрузки по группам однотипного оборудования необходимо придерживаться следующего порядка:

1) распределить виды работ по группам взаимозаменяемого оборудования;

2) рассчитать нормы затрат времени на каждую единицу продукции по оборудованию и рабочему месту;

3) определить загрузку оборудования (П) в зависимости от производственной программы. Для этого необходимо норму времени, необходимого для изготовления одной детали (t), умножить на годовую производственную программу (N). Таким образом, используется формула

$$\Pi = \sum_i^m (t \cdot N) / K_n, \quad (1)$$

где m – количество видов деталей, которые обрабатываются на оборудовании; K – коэффициент, используемый для расчета выполнения норм на участке;

4) произвести расчет пропускной способности оборудования (Р) по формуле

$$P = \Phi_{пл} \cdot H, \quad (2)$$

где $\Phi_{пл}$ – плановый (эффективный) фонд времени одного станка; H – количество станков по группе однотипного оборудования;

5) вычислить избыток или дефицит станко-часов по группам станков, сопоставляя загрузку оборудования (П) и пропускную способность оборудования (Р);

6) определить значение коэффициента загрузки оборудования ($K_{з.об}$) по формуле

$$K_{з.об} = \Pi / P$$

при условии $P - \Pi \geq 0$; $K_{з.об} \leq 1$. (3)

Рис. 1. Классификация оборудования по эксплуатационному составу

Эти расчеты выполняют по ведущему оборудованию цеха (производства). По другому оборудованию рассчитывать производственную мощность нужно тогда, когда данное оборудование является «узким местом».

В реальной практике используют при распределении работ по рабочим местам математические модели. Постановка задач выглядит следующим образом. Если ввести следующие обозначения: K_N – количество изделий подготовленных для производства; m – число групп станков на участках; T_{ij} – трудоемкость производства j -го изделия на i -й группе станков ($i = 1, 2, \dots, m, j = 1, 2, \dots, K_N$), ч/шт., F_{di} – годовой фонд рабочего времени i -й группы станков, ч. Тогда количество продукции (заготовок) разного наименования x_j при полной загрузке станков можно определить, найдя максимум следующей функции:

$$L = \sum_{j=1}^{K_N} T_j x_j \quad (4)$$

Некоторые ученые считают, что формул для конкретных расчетов производственной мощности в разных технико-экономических условиях не существует. Это объясняется тем, что имеющиеся технико-экономические условия имеют разное значение в зависимости от отрасли деятельности, конкретного предприятия, производственного процесса и даже технологической операции. Поэтому технико-экономические условия влияют на реалистичность первоначально рассчитанной производственной мощности и будущих мероприятий по её росту, приводя к уточнению и корректировке расчетов.

Что касается методики использования и анализа производственной мощности, то сегодня нет единого мнения о ее классичности и единстве для использования в расчетах. Большинство ученых [1; 2; 3; 4] применяют методики, предназначенные для оценки использования основных средств предприятия. При их использовании эффективность расчетная будет связана с эффективно-

стью использования машин, станков и оборудования.

Методики, по которым рассчитывается использование производственных мощностей, в основном представлены в литературе по экономике предприятия [5; 6; 7; 8]. Также они представлены в литературе в области комплексного экономического и финансового анализа.

Например, профессор Г. В. Савицкая отмечает, что «для оценки использования производственной мощности можно брать за основу коэффициент производственной мощности, который рассчитывается отношением фактического объема производства продукции к среднегодовой мощности предприятия, который изменяется в зависимости от воздействия на него различных факторов» [9, с. 213].

В. И. Макарьева считает, что «здания, сооружения, машины и оборудование являются вещественным воплощением средств труда, которые определяют производственные возможности предприятия» [10, с. 204].

Н. П. Любушин отмечает, что «для анализа использования оборудования его можно группировать по степени использования, деля на установленное и не установленное, при этом к установленному относят фактически работающее, находящееся в плановом ремонте, резервное, находящееся в аварийном внеплановом ремонте, и оборудование, находящееся на модернизации» [11, с. 318]. Также автор обращает серьезное внимание на вопросы, связанные с сокращением целосменных и внутрисменных простоев оборудования.

Н. П. Любушин считает, что «конечной целью анализа оборудования является выявление возможностей расширения объемов выпуска и реализации без дополнительного привлечения ресурсов или определение потребности в обновлении или расширении производственного потенциала» [11, с. 319].

М. С. Мокий выделяет «коэффициент, характеризующий интенсивность ра-

боты оборудования, загрузку оборудования, коэффициент полезного использования машин и механизмов» [12, с. 211].

Говоря об использовании основных фондов и производственной мощности, В. С. Тихонов отмечает, что «немаловажным и обобщающим показателем использования основных средств является показатель выпуска продукции на единицу производственной площади» [13, с. 156].

Профессор К. Павлов отмечает: «Экономическая интенсификация определяется на основе сравнения эффектов от двух возможных способов решения проблемы – экстенсивного и интенсивного, то необходимо первоначально определить эффект интенсификации» [14, с. 53].

Экстенсификация связана с определенным эффектом, который можно определить по формуле

$$\Theta_э = \sum_{i=1}^n K_i \cdot V_i - 3, \quad (5)$$

где $\Theta_э$ – эффект от экстенсификации; K_i – уровень эффективности использования i -го ресурса; V_i – объем потребления i -го ресурса; n – количество использованных ресурсов; 3 – общие расходы, связанные с привлечением и использованием ресурсов.

Предлагается также определять эффект от интенсификации, который будет связан с отдельными мероприятиями, направленными на интенсификацию, по формуле

$$\Theta_{ин} = \sum_{i=1}^n \Theta_i, \quad (6)$$

где Θ_i – эффект i -го мероприятия, направленного на интенсификацию; n – количество мероприятий.

Когда на практике определяют эффект от мероприятий, связанных с интенсификацией, нужно его определять за одинаковый (тот же) интервал времени. При этом длительность интервала должна быть не менее года, т. к. за более корот-

кий период времени эффект от интенсификации может не наступить.

Интенсификация производства является достаточно важной задачей. Одним из направлений интенсификации является замена оборудования и оснастки на более производительное. Однако предприятия не хотят, а многие не могут себе это позволить, поэтому используют старое оборудование, и для предприятий подшипниковой отрасли это не новость. Большие капитальные затраты на перевооружение будут окупаться при стабильном спросе на продукцию, который в условиях нестабильности экономики является неопределенной категорией. Поэтому предприятия не рискуют вкладывать большие денежные средства на замену оборудования на более производительное. В этих условиях единственный путь интенсификации тот, о котором говорил Н. П. Любушин, – эффективная организация производственных процессов во времени и в пространстве, ликвидация простоев и перемещений, ненужных движений.

Когда исследуют экстенсивную загрузку оборудования, располагают и используют информацию о балансе рабочего времени, который строится на основании календарного фонда времени, режимного фонда времени, планового фонда времени, фактического фонда времени. Под календарным фондом времени понимается максимально возможный фонд времени в часах в год (берутся календарные дни по 24 часа). Под режимным понимают количество времени работы всего оборудования в рабочие дни с учетом количества смен работы. Под плановым фондом понимают время режимной работы с учетом остановок оборудования на ремонт и модернизацию. Под фактическим фондом работы понимается реально отработанное оборудованием время.

Когда цех или участок оснащен однотипным оборудованием, то производ-

ственную мощность можно рассчитать по формуле

$$M_r = \Pi_{\text{ч}} \cdot \Phi_{\text{пл}} \cdot N, \quad (7)$$

где $\Pi_{\text{ч}}$ – величина часовой производительности оборудования; $\Phi_{\text{пл}}$ – величина планового годового фонда времени работы 1 шт. оборудования, ч; N – среднегодовое количество оборудования.

Если определяется мощность по агрегатам периодического действия (например, в химической промышленности), то для расчета производственной мощности можно использовать следующую формулу:

$$M_x = B_m \cdot (\Phi_{\text{пл}} / t_{\text{ц.п}}) \cdot \text{КВГ}, \quad (8)$$

где B_m – вес материала (сырья); КВГ – значение коэффициента выхода готовой продукции из сырья; $\Phi_{\text{пл}}$ – величина планового годового фонда времени работы агрегатов, ч; $t_{\text{ц.п}}$ – длительность технологического цикла переработки материалов, ч.

При расчете производственной мощности (M_r) по цехам массового и крупносерийного производства при использовании планового фонда времени работы, ритма или такта можно использовать следующую формулу:

$$M_r = \Phi_{\text{пл}} / t, \quad (9)$$

где $\Phi_{\text{пл}}$ – величина планового годового фонда времени работы гибкой линии, мин; t – величина такта съема готовых изделий с линии, мин.

Если происходит расчет производственной мощности для оборудования с определенной технологической специализацией, то речь идет об определении потребности в станко-часах и сравнении полученных результатов и располагаемого фонда времени.

Иногда нужно рассчитать пропускную способность по производственной площади $P_{\text{пл}}$, тогда используют формулу

$$P_{\text{пл}} = \Pi_{\text{п}} \cdot \Phi_{\text{пл}}, \quad (10)$$

где $\Pi_{\text{п}}$ – размер производственной площади цеха, м^2 ; $\Phi_{\text{пл}}$ – величина планового годового фонда времени работы цеха, дни.

Кроме расчета величины производственной мощности, необходимо понять, насколько эффективно она используется. Для этого обычно используют коэффициент использования производственной мощности, коэффициенты экстенсивной и интенсивной загрузки [15, с.162].

1. Для расчета коэффициента использования мощности ($K_{\text{и.м}}$) используется формула

$$K_{\text{и.м}} = \frac{Q_{\text{ф.г}}}{M_{\text{ср.год}}}, \quad (11)$$

где $Q_{\text{ф.г}}$ – величина фактического годового объема производства продукции; $M_{\text{ср.год}}$ – величина среднегодовой производственной мощности предприятия.

2. Для расчета коэффициента интенсивной загрузки ($K_{\text{з.инт}}$) используется формула

$$K_{\text{з.инт}} = \frac{Q_{\text{ср.сут}}}{M_{\text{ср.сут}}}, \quad (12)$$

где $Q_{\text{ср.сут}}$ – размер среднесуточного выпуска продукции; $M_{\text{ср.сут}}$ – размер среднесуточной производственной мощности.

3. Для расчета коэффициента экстенсивной загрузки ($K_{\text{з.экт}}$) используется формула

$$K_{\text{з.экт}} = \frac{\Phi_{\text{пл}}}{\Phi_{\text{расч}}}. \quad (13)$$

Кроме этого для более полной картины необходимо определить не только статические показатели по производственной мощности, но и проследить изменения в динамике. Динамика, как обычно, исследуется по двум и более периодам. Для динамики авторы предлагают использовать абсолютный прирост мощности, коэффициент прироста, коэффициент обновления, выбытия и т. д. [16, с. 167]

1. Расчет индекса роста производственной мощности можно произвести по формуле

$$K_1 = \frac{M_{\text{к.п}}}{M_{\text{н.п}}}, \quad (14)$$

где $M_{\text{к.п}}$ – величина производственной мощности на конец периода; $M_{\text{н.п}}$ – величина производственной мощности на начало периода.

2. Расчет коэффициента обновления производственных мощностей можно произвести по формуле

$$K_1 = \frac{M_{\text{в.в}}}{M_{\text{к.п}}}, \quad (15)$$

где $M_{\text{в.в}}$ – величина введенной производственной мощности за период.

3. Расчет коэффициента выбытия производственной мощности можно определить по формуле.

$$K_1 = \frac{M_{\text{выб}}}{M_{\text{н.п}}}, \quad (16)$$

где $M_{\text{выб}}$ – величина выбывшей производственной мощности за период.

4. Расчет коэффициента стабильности производственной мощности, который характеризует мощность, сохраняемую для дальнейшего использования:

$$K_4 = (\Pi M_{\text{к.п}} - \Pi M_{\text{в}}) / \Pi M_{\text{к.п}}, \quad (17)$$

где $\Pi M_{\text{к.п}}$ – производственная мощность на конец периода; $\Pi M_{\text{в}}$ – размер вводимой производственной мощности в периоде.

Интенсивная загрузка оборудования предполагает производство продукции за единицу времени на единицу оборудования [17, с. 312]. Интенсивность работы станков и оборудования можно определить по коэффициенту интенсивности загрузки ($K_{\text{и.з}}$):

$$K_{\text{и.з}} = \text{ЧВ}_{\text{ф}} / \text{ЧВ}_{\text{пл}}, \quad (18)$$

где $\text{ЧВ}_{\text{ф}}$, $\text{ЧВ}_{\text{пл}}$ – величина фактической и плановой среднечасовой выработки.

Комплексно охарактеризовать использование станков можно, определив значения коэффициента использования оборудования по формуле

$$KI = K_{п.ф.в} \cdot K_{и.з}. \quad (19)$$

Важно также определять, за счет каких факторов произошло изменение объема производства продукции. При этом в качестве факторов берут количество оборудования, дни работы оборудования, коэффициент сменности, длительность смены. Факторную модель можно представить в виде следующей формулы:

$$ВП_i = K_i \cdot D_i \cdot K_{см_i} \cdot П_i \cdot ЧВ_i, \quad (20)$$

где K_i – число единиц i -го оборудования; D_i – число дней работы оборудования; $K_{см_i}$ – коэффициент сменности; $П_i$ – дли-

тельность смены; $ЧВ_i$ – величина выработки за 1 машино-час на i -м виде оборудования.

В реальной практике при оценке производственной мощности с целью выявления резервов ее использования, «узких мест», факторов, влияющих на ее уровень, хорошо иметь четкий алгоритм этой процедуры. Мы предлагаем на первом этапе сформировать наглядную укрупненную схему производственного (технологического) процесса по основным участкам. Наглядно для производства подшипников она может выглядеть следующим образом (рис. 2).

Дальнейший анализ должен заключаться в представлении последовательности основных технологических операций по каждому участку (рис. 3).

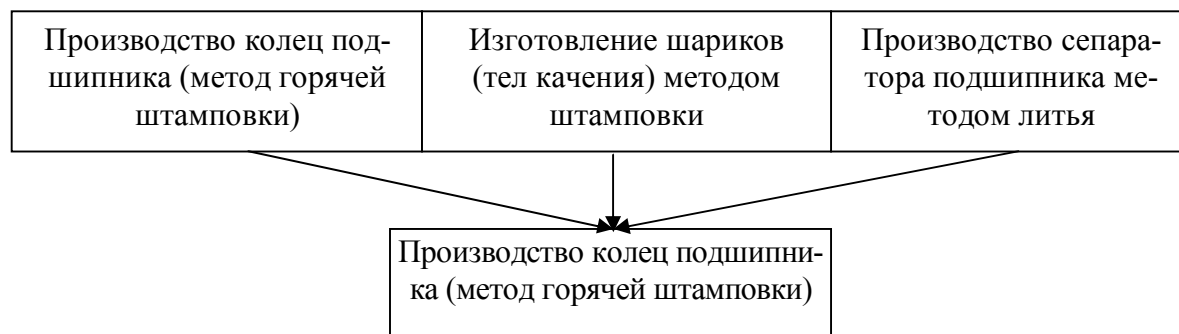

Рис. 2. Укрупненная схема процесса производства подшипников

Рис. 3. Операции участка производства колец подшипника

Такая детализация позволяет понять виды используемого оборудования. Для определения производственной мощности по каждому участку необходимо выявить основные технологические опера-

ции на каждом участке, узнать их трудоемкость и понять пропускную способность каждого участка и вида оборудования (операции). Для этого необходимо определить плановый фонд работы обо-

рудования, режимный фонд работы оборудования и календарный фонд работы оборудования. Фонд времени работы оборудования является экстенсивным фактором, который может повлиять на производственную мощность.

Перейдем к расчету производственной мощности и пропускной способности участков. Производственная мощность будет отличаться от пропускной способности участков (ПСУ), т. к. производственная мощность будет привязана к паспортным характеристикам оборудования (его производительности), а пропускная способность оборудования связана с режимом работы и длительностью конкретной технологической операции, выполняемой на данном оборудовании. У нас исключение

составляет универсальное оборудование, на котором могут выполняться однотипные операции, но для разных заготовок. Например, токарные станки, шлифовальные, на которых выполняются операции однотипные, но могут быть для разных, например, диаметров колец подшипника, тогда и трудоемкость операций будет разной.

Представим в таблице расчет производственной мощности и пропускной способности участков и видов оборудования в разрезе основных технологических операций.

Очень удобно представлять расчеты пропускной способности участков графически. На рисунке 4 наглядно представим пропускную способность по операциям на участке изготовления шариков.

Определение производственной мощности и пропускной способности по участку изготовления шариков

Наименование операции	Оборудование	Кол-во оборудования	Трудоемкость операции, с/на 1 шт.	Производственная мощность (задана паспортом оборудования), шт. в год	Пропускная способность участка (ПСУ), шт./год
Плановый фонд времени работы = 1843 часа в год, режимный = 1976 часов					
Время работы в день = 8 часов					
1. Резка прута на заготовки	Холодно-высадочный пресс АБ.3723	1	0,3	47424000	44232000
2. Штамповка заготовки (шарик)	Холодно-высадочный пресс АБ.3723	1	0,3	47424000	44232000
3. Обработка шарика	Шарообрабатывающий станок	1	180	39520000	36860000
4. Закаливание	Муфельная печь	1	2400	29640000	27645000
5. Шлифование	Шарошлифовальный станок	1	240	35568000	33174000
6. Доводка шарика (при необходимости)	Шарошлифовальный станок	1	180	47424000	44232000
7. Промывка. Сушка	Моечная машина	1	240	32604000	30409500

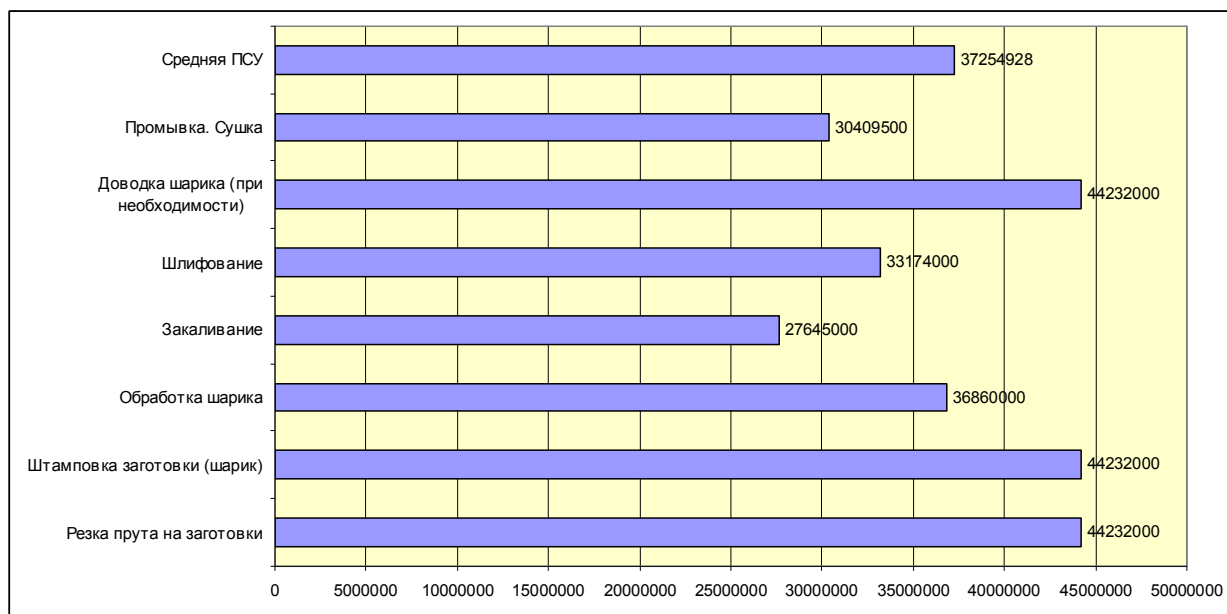

Рис. 4. Значения пропускной способности участка изготовления шарика подшипника

Результаты расчетов показывают, что производственная мощность выше пропускной способности, но по разным операциям она различна. «Узким» местом является операция закаливания. Она имеет самую большую продолжительность, а имеющаяся муфельная печь может одновременно пропускать (в нее помещается) около 10000 штук шариков (в зависимости от диаметра). Аналогичные расчеты по всем участкам и операциям позволяют определить среднюю пропускную способность по участкам и выявить проблемные места (участки и операции) для разработки направлений их устранения.

Список литературы

1. Водянов А. Промышленные мощности. Состояние и использование // Экономист. 2012. № 9. С. 38–45.
2. Дятлов Ю. В. Производственная мощность: некоторые аспекты ее роли и методов расчета в условиях рынка // Вестник КузГТУ. 2012. № 4. С. 155–157.
3. Калянов А. В. Формирование системы управления резервами повышения эффективности использования производственных мощностей промышленных

предприятий [Электронный ресурс]. URL: <http://economy-lib.com/formirovanie-sistemy-upravleniya-rezervami-povysheniya-effektivnosti-ispolzovaniya-proizvodstvennyh-moschnostey-promyshle> (дата обращения: 20.12.2017)

4. Клочков В. В., Вдовенков В. А. Анализ эффективности и оптимизация уровня мощностей опытного производства в наукоемкой промышленности // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 42 (228). С. 2–14.

5. Экономика и управление предприятием / под ред. Ю. М. Саломенцева. М.: Высш. шк., 2016. 624 с.

6. Экономика предприятия (фирмы) / под ред. О. И. Волкова, О. В. Девяткина. М.: ИНФРА-М, 2015. 601 с.

7. Экономика предприятия / под ред. Ф. К. Беа, Э. Дихтла, М. Швайцера. М.: ИНФРА-М, 2013. 928 с.

8. Замбрицкая Е. С., Логачева А. В., Логачева М. В. Сущность определения производственной мощности // Молодой ученый. 2014. № 10. С. 238–242.

9. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. 6-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2014. 378 с.

10. Макарьева В. И., Андреева Л. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности организации. М.: Финансы и статистика, 2015. 304 с.
11. Любушин Н. П., Лещева В. Б., Дьякова В. Г. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. М.: Юнити-Дана, 2012. 471 с.
12. Мокий М. С. Экономика организации. Люберцы: Юрайт, 2016. 334 с.
13. Тихонов В. С. Развитие производственной мощности в машиностроении. М.: Дашков и К, 2010. 226 с.
14. Павлов К. Актуальные методологические вопросы интенсификации производства // Общество и экономика. 2014. № 8–9. С. 42–67.
15. Гамкрелидзе Л. И. Экономика предприятий и фирм. М.: Изд-во МГИУ, 2016. 212 с.
16. Баскакова О. В., Сейко Л. Ф. Экономика предприятия (организации). М.: Дашков и К, 2015. 372 с.
17. Тинькова Е. В., Тиньков С. А., Хлынина Е. Ю. Оценка результатов деятельности персонала как инструмент повышения производительности труда в организации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 161–168.

Поступила в редакцию 18.01.18

UDC 338.984

I. V. Babenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: babenkoinny@gmail.com)

E. V. Tinkova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia) (e-mail: Ser-tinkov@yandex.ru)

ASSESSMENT OF PRODUCTION CAPACITY: METHODS AND PRACTICAL ALGORITHM

The article considers the production capacity and methods for assessing the production capacity of the enterprise, shows calculations and formulas that are used to perform production capacity calculations. The relevance of the study is due to the importance of economically feasible calculations of production capacity in the practical activities of enterprises. However, the modern scientific literature does not provide formulas for specific calculations of production capacity in different technical and economic conditions. This is because the available technical and economic conditions have different meanings depending on the industry, the particular enterprise, the production process and even the technological operation. Therefore, the technical and economic conditions affect the realism of the originally calculated production capacity and future measures for its growth, leading to refinement and correction of calculations. Typically, the production capacity is calculated from the main production shops, sections and types of equipment, while cooperation is taken into account, and the task is to eliminate bottlenecks. As for the methodology of using and analyzing production capacity, today there is no common opinion about its classicity and unity for use in calculations. Most scientists use methods designed to assess the use of fixed assets of the enterprise. With their use, the design efficiency will be related to the efficiency of using machines, machines and equipment. There are a large number of methods for assessing production capacity. In practice, it is important to select an appropriate methodology that will reflect the specifics of the organization of the production process. It is also necessary to build an algorithm for calculating production capacity, throughput capacity of the main process areas and identify bottlenecks in the production process. The paper presents the procedure for calculating the load balance for groups of the same type of equipment, as well as practical calculations of the production capacity and throughput capacity of sections and types of equipment in the context of the main technological operations that lead to the conclusion that the production capacity is higher than the capacity, but it differs in different operations.

Key words: production capacity, methods, criteria, estimation of production capacity, calculation of production capacity, throughput, production, technology.

For citation: Babenko I. V., Tinkova E. V. Assessment of production capacity: methods and practical algorithm. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 89–99 (in Russ.).

References

1. Vodyanov A. Promyshlennye moshchnosti. Sostoyanie i ispol'zovanie. *Ehkonomist*, 2012, no. 9, pp. 38–45.
2. Dyatlov Yu. V. Proizvodstvennaya moshchnost': nekotorye aspekty ee roli i metodov rascheta v usloviyah rynka. *Vestnik KuzGTU*, 2012, no. 4, pp. 155–157.
3. Kalyanov A. V. Formirovanie sistemy upravleniya rezervami povysheniya ehffektivnosti ispol'zovaniya proizvodstvennyh moshchnostey promyshlennyh predpriyatij. URL: <http://economy-lib.com/formirovanie-sistemy-upravleniya-rezervami-povysheniya-effektivnosti-ispolzovaniya-proizvodstvennyh-moshchnostey-promyshle> (accessed 20.12.2017)
4. Klochkov V. V., Vdovenkov V. A. Analiz ehffektivnosti i optimizatsiya urovnya moshchnostey opytного proizvodstva v naukoemkoj promyshlennosti. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, 2014, no. 42 (228), pp. 2–14.
5. *Ehkonomika i upravlenie predpriyatiem*; ed. by Yu. M. Salomencev. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 2016. 624 p.
6. *Ehkonomika predpriyatiya (firmy)*; ed. by O. I. Volkov, O. V. Devyatkin. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 601 p.
7. *Ehkonomika predpriyatiya*; ed. by F. K. Bea, Eh. Dihtl, M. Shvajtcera. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 928p.
8. Savickaya G. V. Analiz hozyajstvennoj deyatel'nosti predpriyatiya. 6th ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 378 p.
9. Zambrzhickaya E. S., Logacheva A. V., Logacheva M. V. Sushchnost' opredeleniya proizvodstvennoj moshchnosti. *Molodoj uchenyj*, 2014, no. 10, pp. 238–242.
10. Makar'eva V. I., Andreeva L. V. Analiz finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti organizatsii. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2015. 304 p.
11. Lyubushin N. P., Leshcheva V. B., D'yakova V. G. Analiz finansovo-ehkonomicheskoy deyatel'nosti predpriyatiya. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2012. 471 p.
12. Mokij M. S. *Ehkonomika organizatsii*. Lyubercy: Yurajt Publ., 2016. 334 p.
13. Tihonov V. S. Razvitie proizvodstvennoj moshchnosti v mashinostroenii. Moscow, Dashkov i K Publ., 2010. 226 p.
14. Pavlov K. Aktual'nye metodologicheskie voprosy intensivifikatsii proizvodstva. *Obshchestvo i ehkonomika*, 2014, no. 8–9, pp. 42–67.
15. Gamkrelidze L. I. *Ehkonomika predpriyatij i firm*. Moscow, Izd-vo MGIU Publ., 2016. 212 p.
16. Baskakova O. V., Sejko L. F. *Ehkonomika predpriyatiya (organizatsii)*. Moscow, Dashkov i K Publ., 2015. 372 p.
17. Tin'kova E. V., Tin'kov S. A., Hlynina E. Yu. Ocenka rezul'tatov deyatel'nosti personala, kak instrument povysheniya proizvoditel'nosti truda v organizatsii. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, 2017. vol. 7, no. 2 (23), pp. 161–168.

УДК 621:338

О. О. Шендрикова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» (Воронеж, Россия) (e-mail: oli-shendro@yandex.ru)

В. Н. Сухоруков, канд. техн. наук, Воронежский механический завод - филиал АО «ГКНПЦ им. М.В. Хруничева» (Воронеж, Россия) (e-mail: suvn@mail.ru)

С. А. Волкова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» (Воронеж, Россия) (e-mail: svetlan_volkova@mail.ru)

ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Целью работы является анализ возможностей и результатов применения информационных технологий на промышленных предприятиях. Выявление необходимости и целесообразности изменения организационно-производственной структуры предприятия как следствия применения информационных технологий.

В статье представлены результаты реализации новых технологий, а именно: системы менеджмента качества, штрих-кодов и RFID-меток, термопринтов, электронных измерительных приборов, автоматизированных испытательных стендов на промышленном предприятии «Воронежский механический завод» – филиал ФГУП «ГКНПЦ им. М.В. Хруничева».

В результате повышения прозрачности процессов производства и управления, за счет накопления в информационной системе максимально полной информации обо всех изменениях, происходящих с оборудованием, изделиями, производством в целом, на Воронежском механическом заводе отмечено уменьшение количества персонала, что положительно сказывается на себестоимости продукции и снижении количества брака вследствие исключения человеческого фактора из ряда производственных процессов. Переход на электронно-технологические паспорта в условиях штрих-кодирования всех составляющих процесса производства приводит к отказу от должности диспетчера и вспомогательного персонала, занимающегося оформлением бумажной документации, существенно снижается загруженность работников складов, а также трудоемкость поиска информации по отдельно взятой детали.

Ключевые слова: информационные технологии, организационно-производственная структура, промышленное предприятие, эффективность деятельности предприятия.

Ссылка для цитирования: Шендрикова О. О., Сухоруков В. Н., Волкова С. А. Предпосылки изменения организационно-производственной структуры промышленного предприятия при внедрении новых технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 100–107.

В современных условиях хозяйствования в задачи промышленного предприятия входит не только изготовление качественной продукции, но и сокращение сроков изготовления и оптимизация затрат, достижение заданных показателей эффективности деятельности. Для этого предприятия внедряют новые технологии, оборудование, автоматизируют процессы производства и управления, модернизируют технологическую базу [1, 2, 3, 4, 5], совершенствуют технологии изготовления изделий, соответствующим образом организуют работу всех подразделений предприятия. Отличительным признаком современного производства является активное освоение и внедрение новых информационных технологий, ин-

новационных продуктов, обеспечивающих гибкость и возможность оперативной реакции на динамичные изменения внешней среды, выпуск инновационно-ориентированной продукции [6], ее высокое качество.

Обеспечение качества и конкурентоспособности продукции выходит на первый план, что требует применения современной контрольно-измерительной техники, в числе которой особое место отводится средствам измерения и контроля геометрических параметров ответственных деталей, узлов машин и механизмов [7].

Изменение принципов контроля, применение электронных средств контроля, которые позволяют оперативно формировать отчетность и накапливать

статистическую информацию, а также исключить человеческий фактор из процесса проведения контрольных измерений, является отправной точкой в организации работы современного промышленного предприятия.

Создание электронных средств контроля нового поколения базируется на следующих исходных принципах [7]:

- использование перспективной элементной базы для автоматической обработки результатов контроля;
- цифровое представление измерительной информации;
- возможность выдачи цифровой информации на внешние устройства обработки, управления и регистрации;
- паспортизация результатов измерений;
- возможность встройки в автоматизированные технологические комплексы.

Применение электронных средств контроля дает ощутимые результаты

при условии реализации на предприятии автоматизированной системы управления.

На сегодняшний день в число крупных промышленных предприятий г. Воронежа и Воронежской области, реализующих в своей работе элементы пятого технологического уклада, входит Воронежский механический завод – филиал ФГУП «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева». На примере данного предприятия в статье рассматриваются особенности применения информационных технологий, в частности системы менеджмента качества (как продукта автоматизации процесса управления предприятием), штрих-кодов и RFID-меток, термопринтов, электронных измерительных приборов, автоматизированных испытательных стендов, выявлены изменения в организационной структуре предприятия, происходящие вследствие применения новых технологий.

Основой создания системы являются единые базы данных

Новые классификаторы системы:

- классификатор несоответствий;
- классификатор операций;
- классификатор причин несоответствий;
- классификатор мероприятий;
- классификатор этапов и видов контроля;
- справочник технологических нужд;
- справочник причин списания ДСЕ.

Информация конструкторов и технологов:

- номенклатура и состав ДСЕ;
- технологический маршрут изготовления ДСЕ;
- технологические нужды;
- номенклатура - ценник материалов;
- нормы расхода основных материалов;
- нормы расхода сплава;
- состав шихты;
- справочник отходов;
- справочник оборудования;
- справочник СТО.

Информация управления по работе с персоналом:

- справочник подразделений;
- справочник сотрудников;
- справочник контрагентов.

Экономическая информация:

- пооперационно - трудовые нормативы;
- общепроизводственные расходы;
- стоимость на материалов;
- стоимость на ПКИ;
- стоимость лома и возврата сплавов.

Рис. 1. Концепция построения и реализации автоматизированной системы управления: системы менеджмента качества на Воронежском механическом заводе

Программный продукт «Система менеджмента качества» разработан Информационным отделом Воронежского механического завода. На рисунке 1 представлены массивы данных, аккумулируемые в информационной среде предприятия и составляющие основу информационной технологии. Система менеджмента качества позволяет оперативно формировать аналитическую отчетность, автоматически оформлять технические акты по выяснению причин несоответствия выпускаемой продукции в процессе производства деталей сборочных единиц (ДСЕ) и изделий, оценивать в режиме on-line качество ДСЕ, оперативно выявлять причины отклонений, назначать и контролировать мероприятия по устранению их причин.

Система менеджмента качества реализует свои возможности в полном объеме только в условиях применения на предприятии средств, позволяющих осуществлять сбор данных о ходе производственного процесса в режиме реального времени, с учетом условий, в которых они генерируются. Такими средствами на ВМЗ выступают станки с ЧПУ, штрихкоды и RFID-метки, термопринты, электронные измерительные приборы (рис. 2), автоматизированные испытательные стенды, оснащенные соответствующими техническими решениями (такими как сенсоры, датчики, микрометры с функцией wi-fi, моментные ключи и т. д.) для оперативной связи с информационной средой предприятия.

Управление качеством

на этапе производства изделий

Карточка разрешения

ВМЗ - ФГУП «ГПЧП» им. М.В.Хрущев		Карточка разрешения № 874 49. 153 - 41		Номер подразделения 041		Количество ДСЕ: 1		Срок действия: На указанное количество		Лист 1 Листов 2	
Дата выпуска: 10.11.2011 15:32:42		Дата оформления: 09.11.11		Рассчитать: 041, 055, 132 (ст. 62), 145, 155, 162, ОАО «КБХА»							
Код ДСЕ 6110090100101		Обозначение и наименование ДСЕ		Код СЕ		Обозначение и наименование СЕ		Код изделия		Издание	
Номер партийной предельной 60591443				Индивидуальный номер СЕ				Индивидуальный номер изделия		Договор	
Код несоответствия		Содержание мероприятий предыдущих КР		Исполнитель и дата выполнения		Номер документа		Номер предыдущих КР			
0103		2126, Дефект рассмотрен на групповом часе качества		14.07.2011 - 041		-		8249.95-11			
0103		2115, Линия испытаний протестирована на 25% согласно справке о бездефектной сдвке продукции БТК, июль 2011г.		15.08.2011 - 041		Распоряжение №89		8249.95-11			
0103		2126, Детали прошли все виды испытаний в составе №416,4113,412,415,419 партии №8182. Результаты испытаний и гидропротеста соотв. требованиям КД, Тех. справки №055-11-81-075		28.07.2011 - 041		8249.95-11		8249.95-11			
№ п/п	Код несоответствия	Номер ДСЕ	Содержание несоответствия (отступления)	Фактическое значение	Значение по КД	Вид контроля, опер. обнаружения, опер. возникновения		Причина несоответствия, подразделение виновник			
				min	max						
1	0103, Несоответствие радиуса		Ø 8,2 выполнил Ø 7,5 (для устранения припуска острой крошки по Ø 1,75А, тук № 041-088-11). Толщина стенки 0,5 - 0,75 мм		7,8	8		Операционный контроль - Контроль размеров, Слесарная (опер. № 55 Слесарная, разр. раб. 4)		Промышленная-Ошибка исполнителя, 33444 Корчагин Владимир Васильевич 5 разр. (лк), 041	

Составит Командир Г.П. 10.11.2011

Закреплено об использовании: 10ден 300 ПКК

Начальник производства: 10.11.2011

Главный металлург: 10.11.2011

Пром. мастер 10.11.2011

Начальник ТБ 10.11.2011

Начальник БТК 10.11.2011

Начальник цеха 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Начальник ОТК 10.11.2011

Анализ мероприятий по повторяющимся несоответствиям предыдущих КР

Операционный контроль - Контроль размеров, Слесарная (опер. № 55 Слесарная, разр. раб. 4)

Производственная-Ошибка исполнителя, 33444 Корчагин Владимир Васильевич 5 разр. (лк), 041

Информация о разряде работы, разряде исполнителя и наличия у него личного клейма

Обеспечен автоматизированный сбор информации для принятия управленческих решений

Рис. 2. Автоматизация процесса формирования отчетов о параметрах изделия в процессе измерения, выявление несоответствий в качестве изделия (в ходе производственного процесса в режиме реального времени)

Применение электронных средств контроля подразумевает реализацию следующего алгоритма. В системе формируется протокол контроля, включающий перечень операций в соответствии с технологическим процессом изготовления детали. Далее, в процессе проведения контроля параметров детали на отдельно взятой операции, в системе формируется карта замера. За счет применения электронного измерительного прибора происходит оперативное внесение данных измерений в систему на каждой операции технологического процесса.

Улучшение контрольных аппаратов, позволяющих точно проводить измерения и оперативно передавать данные для формирования отчетности, повлекло на Воронежском механическом заводе снижение количества контролеров, в задачу которых входила перепроверка данных и их сверка с заданными параметрами, прописанными в технологических картах.

Применяемые на предприятии автоматизированные испытательные стенды позволяют сократить время ввода данных в систему, исключить человеческий фактор в процессе получения данных испытаний и ввода информации.

Применение штрих-кодов и RFID-меток дает возможность отслеживания перемещений деталей и заготовок по территории предприятия в процессе обработки, складирования. Возможности RFID-оборудования зависят от схемы размещения, оптимизация которой существенно повышает эффективность их применения.

Для повышения качества проводимых поверок мерительного инструмента на ВМЗ применяются термопринты, содержащие информацию о годности инструмента, сроке последующей поверки, ответственном исполнителе, также являющиеся идентификаторами, позволяющими оперативно получать информацию об отдельно взятом приборе (рис. 3).

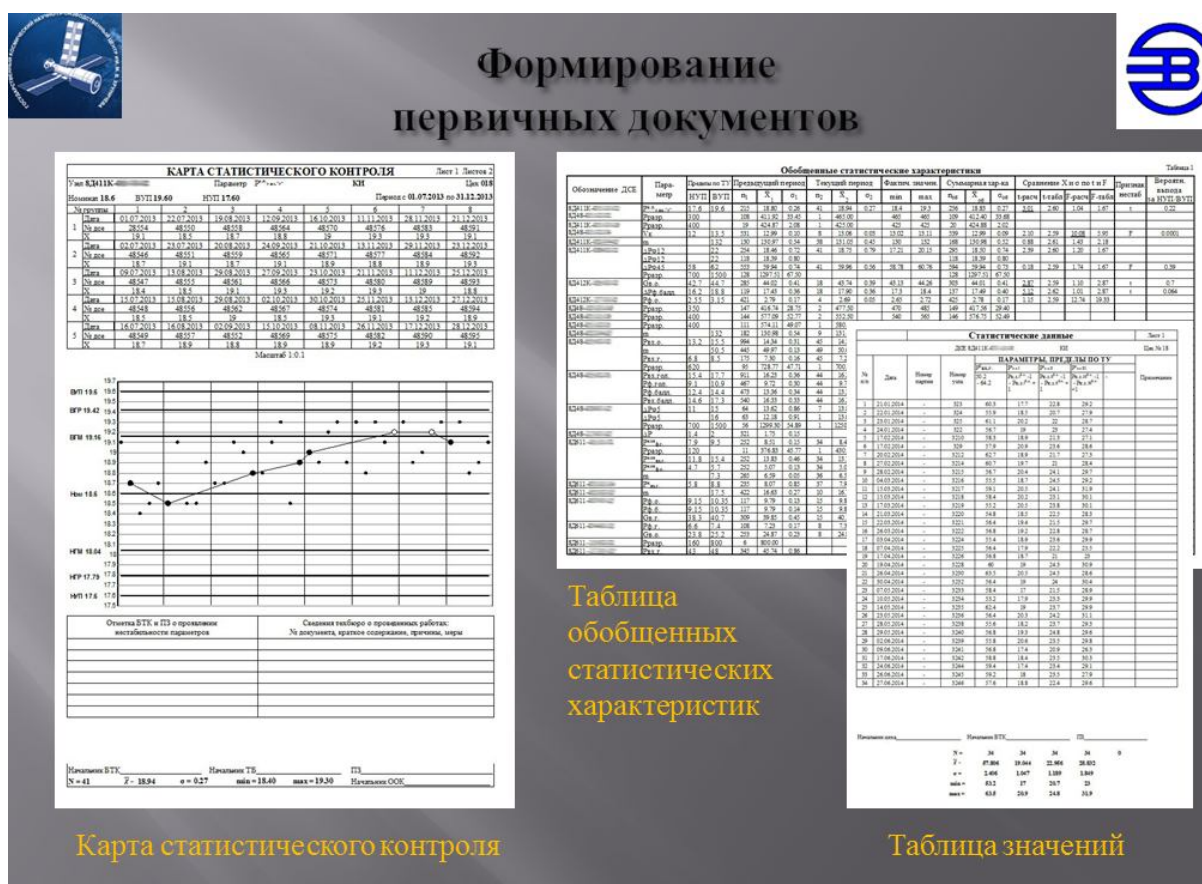

Рис. 3. Формирование документа поверки мерительных инструментов в автоматизированной системе управления предприятием на Воронежском механическом заводе

Автоматизация системы управления производством, применение электронных измерительных приборов, автоматизированных испытательных стендов позволяет существенно сократить время и оптимизировать процедуру ввода информации в систему. Совместимость применяемых технологий позволяет машинам, устройствам и сенсорам взаимодействовать с исполнителями через информационную сеть предприятия. Это, в свою очередь, повышает прозрачность процессов производства и

управления, за счет накопления в системе максимально полной информации обо всех процессах, происходящих с оборудованием, выпускаемой продукцией, производством в целом [8; 9].

Следующей причиной трансформации организационно-производственной структуры предприятия является применение технологий, направленных на создание электронно-технологического паспорта изделия и уход от бумажных носителей информации (рис. 4).

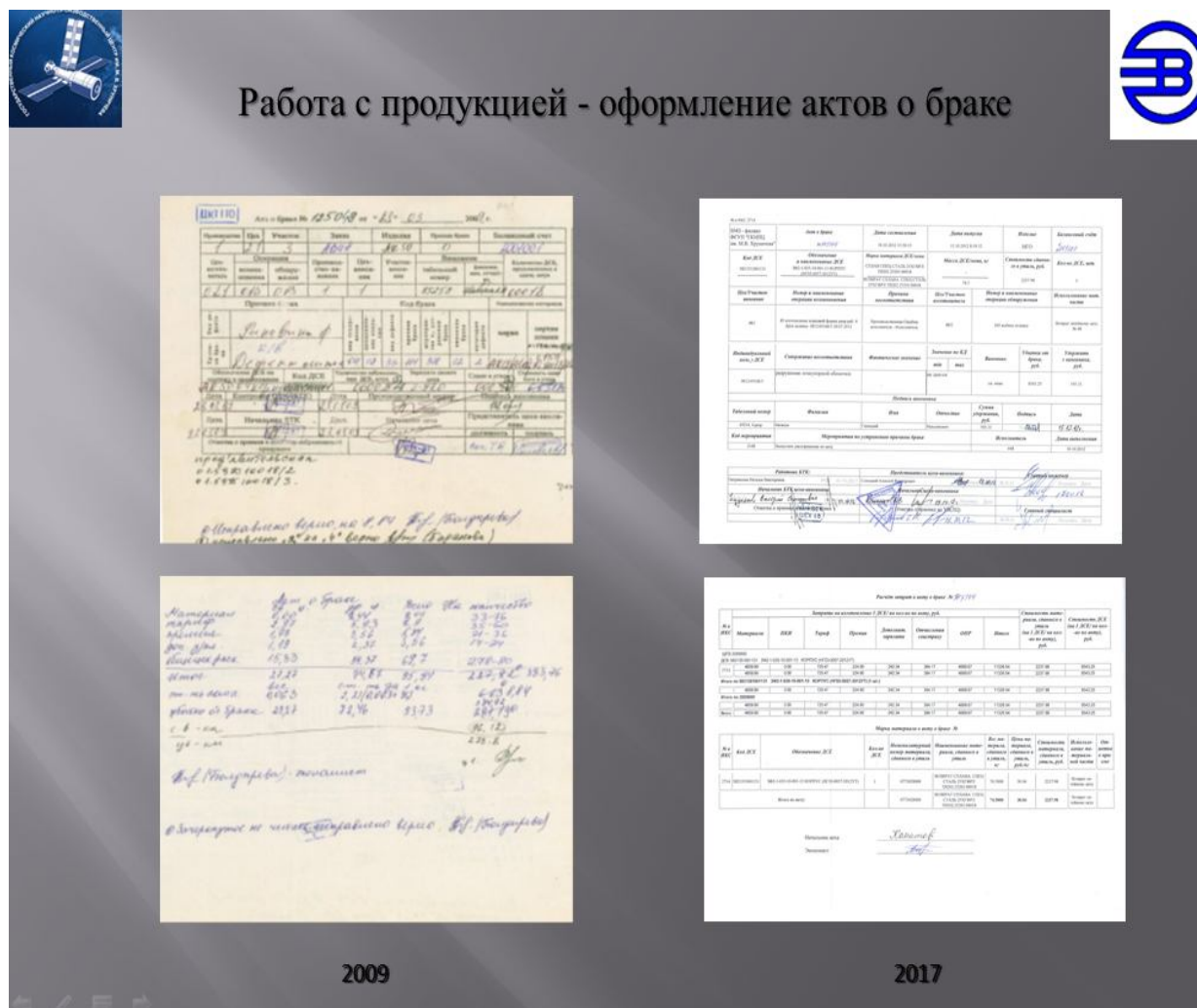

Рис. 4. Пример документации на изделие, сформированной автоматизированной системой управления предприятием на Воронежском механическом заводе (в условиях ухода от бумажных носителей информации)

В электронно-технологическом паспорте находится вся информация об изделии: входной контроль качества материалов; параметры и особенности прохождения процесса производства; откло-

нения от технологии изготовления, возникающие в процессе обработки; параметры качества; оборудование, на котором осуществлялись технологические операции; рабочие, их осуществлявшие;

представительская информация; контрольная информация. Все операции происходят с применением системы штрих-кодов и RFID-меток, при этом на Воронежском механическом заводе применяется лазерное маркирование штрих-кодами, реализуемое автоматизированной системой управления предприятием. Переход на электронно-технологические паспорта в условиях штрих-кодирования всех составляющих процесса производства (материалов, заготовок, инструмента, сопроводительной документации, пропусков работников) приводит к отказу от должности диспетчера и вспомогательного персонала, занимающегося оформлением бумажной документации, существенно снижается загруженность работников складов, а также трудоемкость поиска информации по отдельно взятой детали.

Анализируя вышесказанное, причинами, вызывающими необходимость изменения организационно-производственной структуры предприятия в условиях применения описанных информационных технологий, является следующее [10]:

- снижение трудоемкости производства, вызванное использованием высоко-

технологичного оборудования, влекущее за собой снижение численности работников;

- возрастающие требования к квалификации рабочих, обосновывающие изменение структуры кадрового состава;

- автоматизация отдельных процессов производства, снижение трудоемкости сдельных работ в структуре производственного процесса, также влекущие изменения кадровой структуры производственных участков;

- повышение качества производимых ДСЕ, определяющее уменьшение численности доводчиков;

- необходимость обслуживания автоматизированной системы управления предприятием, информационных технологий, обеспечивающих ход производственного процесса, приводящая к увеличению количества ИТР.

Экономический эффект от внедрения новых информационных технологий (автоматизированной системы управления качеством продукции, электронного контрольно-измерительного инструмента) на предприятии «Воронежский механический завод» – филиал ФГУП «ГКНПЦ им. М.В. Хруничева» можно описать с помощью таблицы.

Эффект от внедрения информационных технологий
на Воронежском механическом заводе

Наименование показателя	На 2017 год
1. Снижение затрат на несоответствующую продукцию, %	до 15
2. Снижение дополнительного расхода деталей сборочных единиц (ДСЕ) на трудноуправляемые процессы, наладку оборудования и тех. нужды, %	до 30
3. Снижение трудоёмкости анализа данных по качеству, %	до 90
4. Количество рабочих мест АСУ, ед.	Без ограничений

В качестве изменений в организационной структуре предприятия, обусловленных применением вышеописанных технологий, следует отметить:

- частичный отказ от должности диспетчера и вспомогательного персонала, занимающегося оформлением бумажной документации;

- уменьшение количества работников складов в связи со снижением их загрузки и снижением трудоемкости поиска информации по отдельно взятой детали;

- уменьшение количества контролеров в связи с улучшением контрольных аппаратов, позволяющих точно проводить измерения и оперативно передавать

данные для формирования отчетности в режиме реального времени;

– увеличение количества ИТР, занимающихся обслуживанием автоматизированной системы управления предприятием, вследствие роста количества информационных технологий, обеспечивающих ход производственного процесса.

Список литературы

1. Мехович С. А. Новые инструменты инновационной политики в реализации программ технологического реинжиниринга промышленных предприятий // Вестник Белорусско-Российского университета. 2014. № 3 (44). С. 130–140.

2. Арсеньева Н. В., Путятин Л. М., Павлова Ю. В. Современные подходы к стратегическому управлению инновациями на предприятиях машиностроительной отрасли // Успехи современной науки. 2017. Т. 7, № 4. С. 218–221.

3. Якубовский Ю. В., Карастелев Б. Я., Бровко П. М. Методический аспект индикации совершенства управления в высокотехнологичной производственной системе на примере вертолетостроения // Российское предпринимательство. 2013. № 15 (237). С. 123–130.

4. Лыгина Н. И., Габрусь А. А. Теоретические положения модернизационных процессов в промышленности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 2. С. 208–215.

5. Шендрикова О. О. Перспективы применения механизма повышения эффективности производственной системы в условиях автоматизации производства // Вестник Брянского государственного технического университета. 2017. № 3. С. 143–147.

6. Демченко А. Ф., Белоусов А. В., Коновалова С. Н. Маркетинг. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. 332 с.

7. Ковальский М. Г. Современные средства контроля и измерений размеров изделий для машиностроения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.micron.ru/information/articles/1/> (дата обращения: 15.12.2017).

8. Цифровая Индустрия 4.0 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345779-chetyre-nol-v-nashu-polzu> (дата обращения: 15.12.2017).

9. Мигунова Е. А., Белоусова Л. С., Бабич Т. Н. Теоретические аспекты исследования экономического потенциала как объекта планирования на промышленном предприятии // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4 (43), ч. 3. С. 65–75.

10. Стрижанов И. А. Организационно-экономические особенности внедрения современных производственных технологий на наукоемких предприятиях // Экономинфо. 2017. № 1-2. С. 8–12.

Поступила в редакцию 11.01.18

UDC 621:338

O. O. Shendrikova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia) (e-mail: oli-shendro@yandex.ru)

V. N. Sukhorukov, Candidate of Engineering Sciences, Voronezh Mechanical Plant – Branch of JSC Khrunichiev State Research and Production Space Center (Voronezh, Russia) (e-mail: suvn@mail.ru)

S. A. Volkova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia) (e-mail: svetlan_volkova@mail.ru)

PREREQUISITES OF CHANGES IN THE ORGANIZATIONAL-PRODUCTION STRUCTURE OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN IMPLEMENTATION OF NEW TECHNOLOGIES

The aim of the work is to analyze the possibilities and results of using information technologies in industrial enterprises. Identification of necessity and expediency of change of organizational and production structure of the enterprise as a consequence of application of information technologies.

The article presents the results of the implementation of new technologies, namely: quality management systems, bar codes and RFID tags, thermal prints, electronic measuring devices, automated test benches at the industrial enterprise "Voronezh mechanical plant - branch of JSC Khrunichev State Research and Production Space Center".

As a result of increasing transparency of production processes and management, due to the accumulation in the information system with the most complete information about all the changes happening with the equipment, products, production as a whole, at the Voronezh mechanical factory marked decrease in the number of staff, which positively affects the cost of production and the decrease in the number of marriages in consequence of exclusion of human factor from a number of production processes. Transition to electronic-technological passports in the conditions of bar-coding of all components of the production process leads to the dismissal of the dispatcher and auxiliary personnel engaged in the registration of paper documentation, significantly reduces the workload of warehouse workers, as well as the complexity of the search for information on a particular part.

Key words: information technologies, organizational and production structure, industrial enterprise, efficiency of enterprise activity.

For citation: Shendrikova O. O., Sukhorukov V. N., Volkova S. A. Prerequisites of changes in the organizational-production structure of industrial enterprises in implementation of new technologies. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 100–107 (in Russ.).

References

1. Mekhovich S. A. Novye instrumenty innovacionnoj politiki v realizacii programm tekhnologicheskogo reinzhiniringa promyshlennyh predpriyatij. Vestnik Belorussko-Rossijskogo universiteta, 2014, no. 3 (44), pp. 130–140.

2. Arsen'eva N. V., Putyatina L. M., Pavlova Yu. V. Sovremennye podhody k strategicheskomu upravleniyu innovatsiyami na predpriyatiyah mashinostroitel'noj otrasli. Uspekhi sovremennoj nauki, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 218–221.

3. Yakubovskij Yu. V., Karastelev B. Ya., Brovko P. M. Metodicheskij aspekt indikacii sovershenstva upravleniya v vysokotekhnologichnoj proizvodstvennoj sisteme na primere vertoletostroeniya. Rossijskoe predprinimatel'stvo, 2013, no. 15 (237), pp. 123–130.

4. Lygina N. I., Gabrus' A. A. Teoreticheskie polozheniya modernizacionnyh processov v promyshlennosti. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2012, no. 2, pp. 208–215.

5. Shendrikova O. O. Perspektivy primeneniya mekhanizma povysheniya ehfektivnosti proizvodstvennoj sistemy v

usloviyah avtomatizacii proizvodstva. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2017, no. 3, pp. 143–147.

6. Demchenko A. F., Belousov A. V., Konovalova S. N. Marketing. Voronezh, VGU Publ., 2007. 332 p.

7. Koval'skij M. G. Sovremennye sredstva kontrolya i izmerenij razmerov izdelij dlya mashinostroeniya. URL: <http://www.micron.ru/information/articles/1/> (accessed 15.12.2017).

8. Cifrovaya Industriya 4.0. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345779-chetyre-nol-v-nashu-polzu> (accessed 15.12.2017).

9. Migunova E. A., Belousova L. S., Babich T. N. Teoreticheskie aspekty issledovaniya ehkonomicheskogo potenciala kak ob"ekta planirovaniya na promyshlennom predpriyatii. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, no. 4 (43), pt. 3, pp. 65–75.

10. Strizhanov I. A. Organizacionno-ehkonomicheskie osobennosti vnedreniya sovremennyh proizvodstvennyh tekhnologij na naukoemkih predpriyatiyah. Ehkonominfo, 2017, no. 1-2, pp. 8–12.

ФИНАНСОВАЯ, НАЛОГОВАЯ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 331.07

В. М. Кузьмина, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru)

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «НОВОПОСЕЛЕНОВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ» КУРСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье раскрыта практика формирования и исполнения местного бюджета на примере Новопоселеновского сельсовета Курского района Курской области, которые имеют свою специфику, отличительные особенности и проблемы.

За понятием местного бюджета скрывается огромное количество не только научных, но и практических проблем, выдвигаемых самой жизнью. Необходимость исследования роли местного бюджета в социально-экономическом развитии региона обусловлена осуществлением в стране экономической реформы, которая отражается на социальной жизни населения, а также в связи с проведением бюджетной реформы и развитием бюджетного федерализма. Продолжение экономических реформ в России предъявляет особые требования к четкости функционирования бюджетных процессов.

В статье была рассмотрена деятельность Новопоселеновского сельсовета Курского района Курской области по формированию и исполнению бюджетного процесса. Доходы бюджета Новопоселеновского сельсовета сформированы за счет собственных и регулирующих налоговых доходов, неналоговых доходов, безвозмездных и безвозвратных перечислений, установленных законодательством Российской Федерации и Курской области. Анализ доходов и расходов бюджета Новопоселеновского сельсовета показал, что основной целью использования администрацией сельсовета полученных им средств целевого бюджетного финансирования является не получение прибыли, а обеспечение строгого соответствия расходов этих средств утвержденной вышестоящим распорядителем смете расходов. За последние годы бюджетный процесс был упорядочен в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса РФ.

Ключевые слова: бюджетный процесс, бюджетная политика, бюджетные полномочия, бюджет муниципального образования, субвенции.

Ссылка для цитирования: Кузьмина В. М. Анализ формирования и исполнения бюджета муниципального образования «Новопоселеновский сельсовет» Курского района Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 108–123.

Происходящие изменения внешней среды, структуры экономики на разных уровнях, тенденций развития отраслей и другие факторы оказывают влияние на формирование приоритетных задач развития российских регионов [1, с. 55]. Региональные экономические системы сегодня приобретают все большую самостоятельность в решении стоящих перед ними задач социально-экономического характера [2, с. 38], и тем не менее надо продолжать делать шаги к росту результативности стратегии развития регионов. Однако большинство регионов практически не имеют

эффективной долгосрочной стратегии развития [3, с. 23].

Сегодня приоритетом в развитии регионов должны быть «человеческие» показатели: социальное самочувствие населения [4, с. 187], повышение уровня жизни населения посредством проведения социальной, экономической и иной политики [5, с. 18].

По мнению О. С. Приходченко, в Курской области в настоящее время вопросы долгосрочного бюджетного планирования отражаются в Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 г., в государ-

ственных программах, принятых до 2020 года, в отраслевых стратегиях [6, с. 53].

Вообще, вопросы анализа бюджета районов, муниципальных образований в Курской области и последующего бюджетного планирования являются показательными результатами проводимой бюджетной политики на региональном уровне. Рассмотрим это на примере одного из муниципальных образований Курской области.

Новопоселеновский сельсовет Курского района Курской области – восемь объединенных общей территорией сельских населенных пунктов: д. 1-е Цветово, д. Александровка, д. Березка, п. Заповедный, д. Кукевка, д. Новопоселеновка, д. Екатериновка, д. Селиховы Дворы, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления.

Площадь Новопоселеновского сельсовета Курского района Курской области составляет 73,14 кв. км, с северной стороны граничит с Курском, с востока – с МО «Рышковский сельсовет» и МО «Лебяженский сельсовет», с юга – с Медвенским районом, с запада – с Октябрьским районом и МО «Ворошнеvский сельсовет». Административным центром Новопоселеновского сельсовета Курского района Курской области является д. 1-е Цветово.

Постоянное население Новопоселеновского сельсовета Курского района Курской области составляет 3,060 тыс. человек.

Население моложе трудоспособного возраста составляет 559 человек, трудоспособного возраста – 1731 человек, старше трудоспособного возраста – 770 человек.

Исполнением бюджета занимается местная администрация, руководствуясь правилами Бюджетного кодекса РФ и положением, принимаемым представитель-

ным органом муниципального образования. Обычно главе местной администрации предоставляется право принимать решения о внесении изменений по статьям расходов в пределах отпущенных ассигнований по каждому направлению расходования средств.

Темп роста по сельсовету составляет: в 2014 г. – 100,80%, в 2015 г. – 100,30%; в 2016 г. – 10,40%, в 2017 г. – 100,40 %, прогнозируется в 2018 г. – 100,40 %.

Объем розничной торговли составляет в 2014 г. – 23 667,00 тыс. руб., в 2015 г. – 27 272,90 тыс. руб., в 2016 г. – 29 218,30 тыс. руб., в 2017 г. – 31 340,10 тыс. руб., а в 2018 г. прогнозируется – 33 236,20 тыс. руб.

Оборот общественного питания по Новопоселеновскому сельсовету Курского района Курской области согласно отчету за 2014 г. составил 513,70 тыс. руб. с индексом физического объема 101,07%. Индекс-дефлятор цен сложился на уровне 103,6%.

Основная часть оборота общественного питания принадлежит малому предпринимательству. В учебных и дошкольных заведениях действуют столовые для питания детей.

Представительные органы местного самоуправления вводят местные налоги и сборы, устанавливают размеры ставок по ним и предоставляют льготы по их уплате в пределах прав, предоставленных им налоговым законодательством Российской Федерации (табл. 1).

В местные бюджеты зачисляются налоговые доходы от следующих местных налогов, устанавливаемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах:

- земельного налога – по нормативу 100%;
- налога на имущество физических лиц – по нормативу 100%.

Таблица 1

Доходы бюджета Новопоселеновского сельсовета, тыс. руб. [7]

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Темп роста, среднее изменение, %
Доходы местного бюджета, фактически исполненные – всего	11418	6211	5925	69%
Налог на доходы физических лиц	811	152	180	47%
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации	571	-	-	-
Налоги на совокупный доход	8	1		
Единый сельскохозяйственный налог	8	1		
Налоги на имущество	3460	4181	4369	116%
Налог на имущество физических лиц	167	128	221	103%
Земельный налог	3293	4053	4148	116%
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	2922	-	-	-
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	789	-	-	-
Безвозмездные поступления	2857	1877	1376	71%
Безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации	2840	1877	1376	70%
Дотации бюджетам Российской Федерации и муниципальных образований	2358	972	1168	64%
Субсидии бюджетам бюджетной системы Российской Федерации (межбюджетные субсидии)	156	48	56	56%
Субвенции бюджетам Российской Федерации и муниципальных образований	326	138	134	61%
Иные межбюджетные трансферты		719	18	-
Из общей величины доходов – собственные доходы	11092	6073	5791	69%

Анализ таблицы 1 свидетельствует о том, что доходы местного бюджета сокращаются и в сравнении с 2014 г. они упали практически в 2 раза. Значительно упал налог на доходы физических лиц при одновременном росте налогов на имущество. Земельный налог и доходы с него подросли, но незначительно, что говорит о небольшом росте в данной области.

Был рассчитан темп роста доходов местного бюджета. За базисный период взят 2014 г. Темп роста доходов за 2015 г. составил 54,3%, что свидетельствует о сокращении доходов, темп роста за 2016 г. – 51,9%, что также свиде-

тельствует о сокращении доходов (рис. 1).

Средний уровень темпа роста 69%, что опять-таки доказывает тенденцию сокращения доходов.

Аналогичным образом рассчитали темп роста налога на доходы физических лиц. Динамика свидетельствует о сокращении доходов по данной статье. В 2015 г. он составил 18,7%, в 2016 г. – 22,2%. Средний уровень темпа роста 47%.

Доходы от налогов на имущество продемонстрировали иную динамику темпа роста. Темп роста за 2015 г. составил 120,8%, за 2016 г. – 126,3%, средний уровень темпа роста 116%.

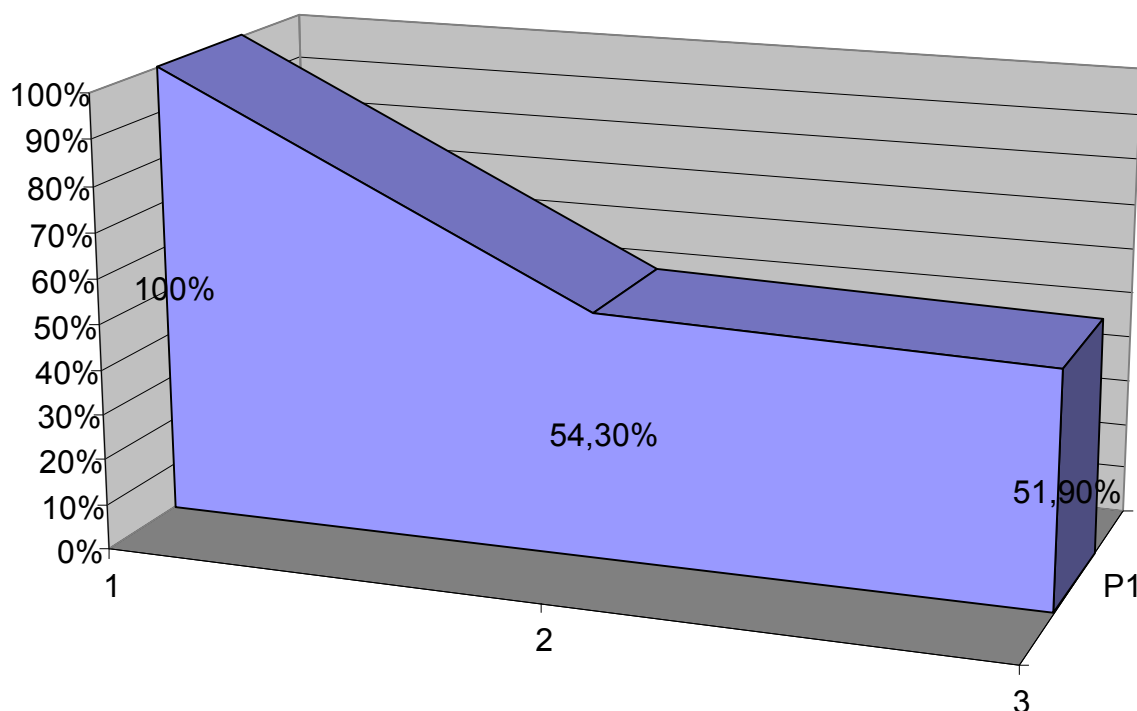

Рис. 1. Темп роста доходов бюджета с 2014 по 2016 г.

Темп роста доходов по статье «Налог на имущество физических лиц» демонстрирует сначала отрицательную, а затем положительную динамику: в 2015 г. составил 76,6%, в 2016 г. – 132,3%. Средний уровень темпа роста 103%.

Доходы от земельного налога на имущество продемонстрировали иную динамику темпа роста. Темп роста в 2015 г. составил 123%, в 2016 г. – 126%, средний уровень темпа роста 116%.

Полученные данные объединены в один график (рис. 2).

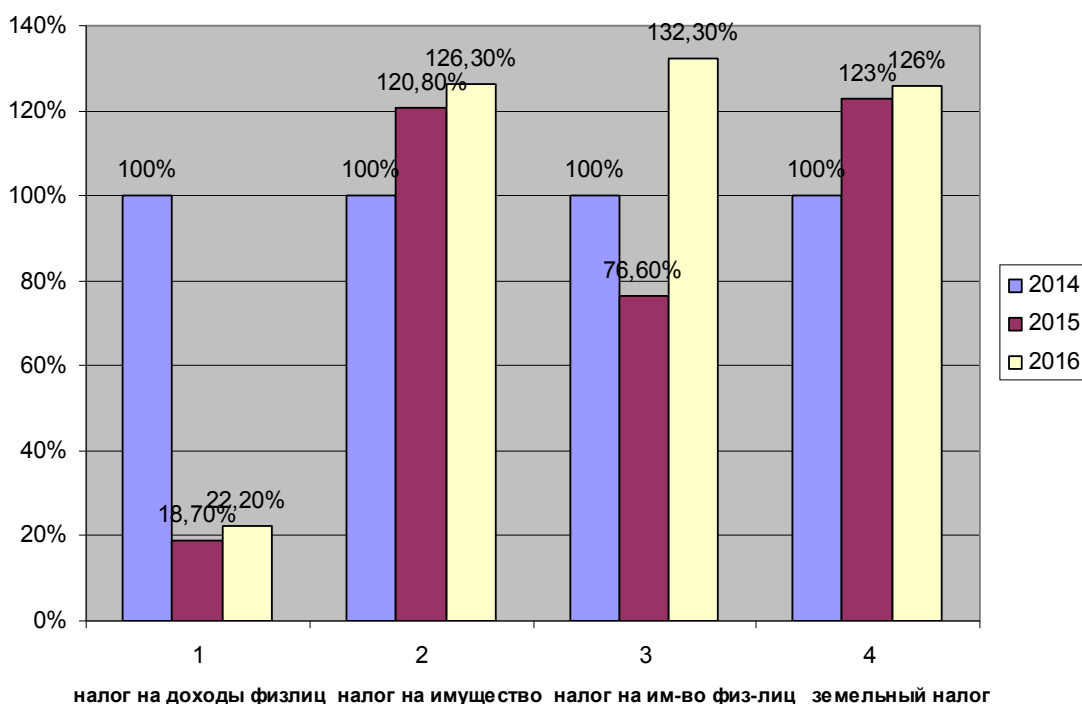

Рис. 2. Темп роста доходов по налогам

Темп роста доходов по безвозмездным поступлениям демонстрирует исключительно отрицательную динамику: в 2015 г. – 65,7%, в 2016 г. – 48,2% (рис. 3).

Дотации бюджетам, субсидии и субвенции также сократились, что отрицательно сказывается на доходах местного бюджета (рис. 4). Доходы по данным

статьям демонстрируют отрицательную динамику. Средний темп роста по дотациям из бюджета 64%, по субсидиям – 56%, по субвенциям – 61%.

Темп роста по статье «Из общей величины доходов – собственные доходы» в целом показывает отрицательную динамику: в 2015 г. – 54,7%, в 2016 г. – 52,2%, средний темп роста 69% (рис. 5).

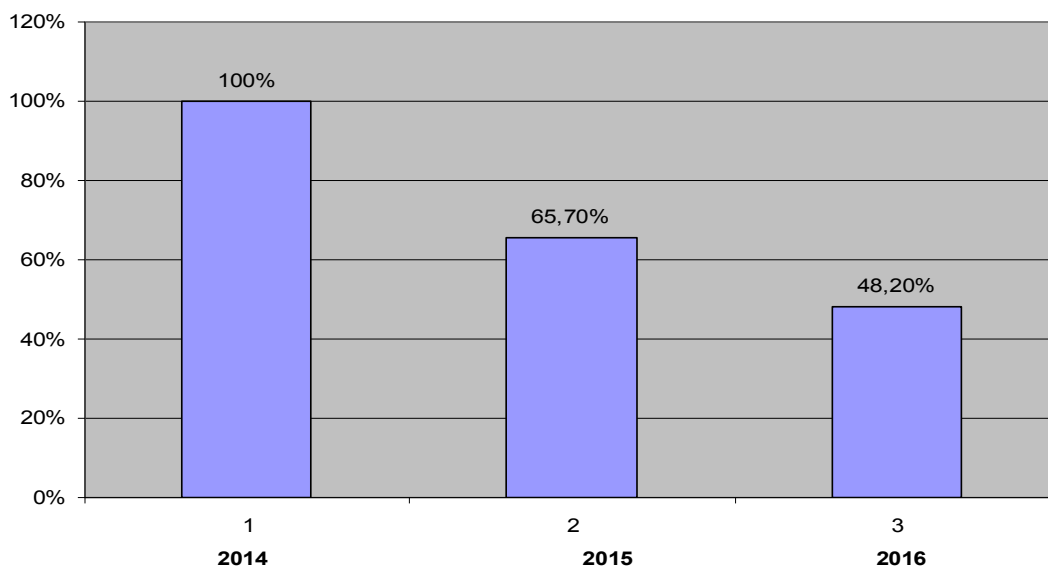

Рис. 3. Темп роста доходов по безвозмездным поступлениям за 2014–2016 гг.

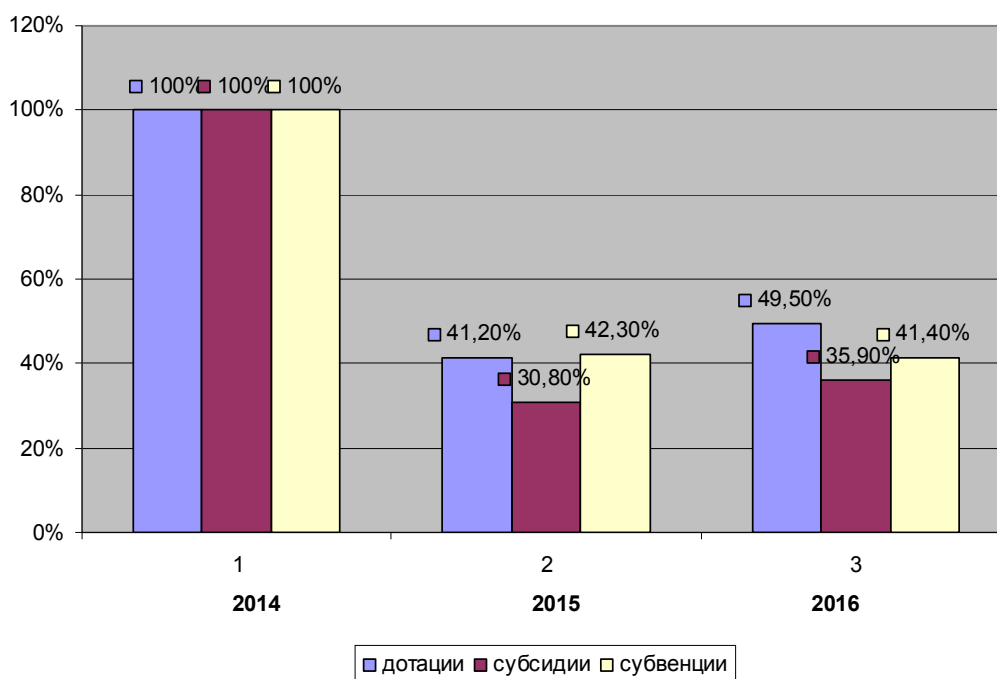

Рис. 4. Темп роста доходов по дотациям, субсидиям и субвенциям за 2014–2016 гг.

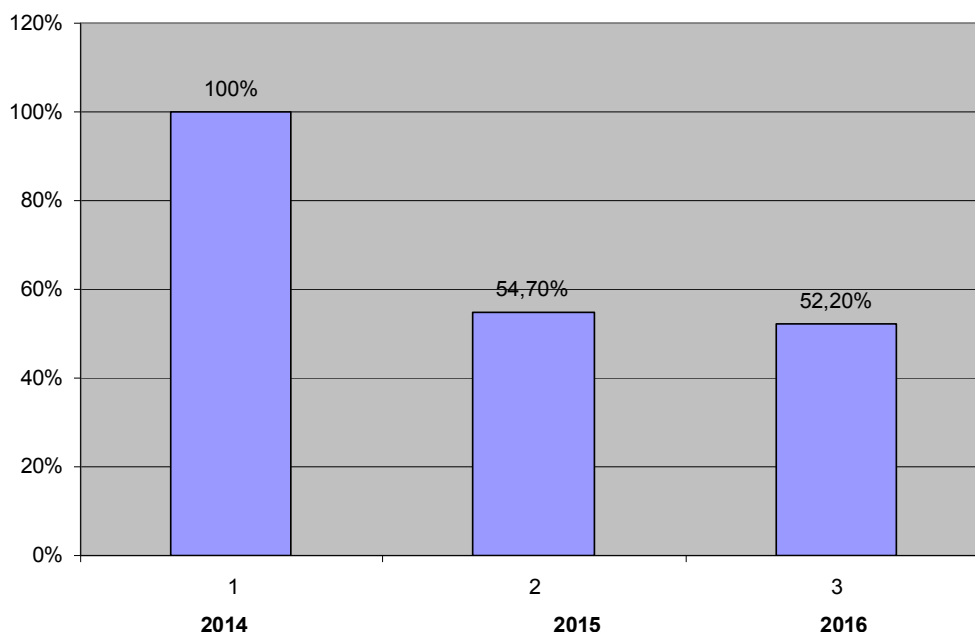

Рис. 5. Темп роста по статье «Из общей величины доходов - собственные доходы» за 2014–2016 гг.

В местные бюджеты в соответствии с едиными для всех поселений или муниципальных районов данного субъекта Федерации нормативами отчислений, установленными законом субъекта Российской Федерации, могут зачисляться доходы от региональных налогов и сборов, подлежащих зачислению в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах в бюджет субъекта Федерации. Установление указанных нормативов законом субъекта Российской Федерации на соответствующий год или иным законом субъекта Федерации на ограниченный срок действия не допускается.

Установление указанных нормативов решением представительного орга-

на муниципального района о бюджете муниципального района на соответствующий год или иным решением на ограниченный срок не допускается. Доходы от региональных налогов и сборов зачисляются в бюджеты городских округов по налоговым ставкам и (или) нормативам отчислений, установленным для зачисления соответствующего регионального налога (сбора) в бюджеты поселений и бюджеты муниципальных районов.

Далее проведен анализ структуры доходов бюджета Новопоселеновского сельсовета (табл. 2).

Для наглядности представим полученные результаты в виде графиков (рис. 6, 7).

Таблица 2

Структура доходов бюджета муниципального образования
«Новопоселеновский сельсовет» [7]

Статья доходов	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Отклонение 2015 г. к 2014 г.	Отклонение 2016 г. к 2014 г.
1. Налог на доходы физических лиц	7	2,4	3	-4,6	-4
2. Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации	5	-	-	-	-
3. Налоги на совокупный доход	0,07	0,008		-0,062	
4. Единый сельскохозяйственный налог	0,07	0,008		-0,062	

Окончание табл. 2

Статья доходов	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Отклоне- ние 2015 г. к 2014 г.	Отклоне- ние 2016 г. к 2014 г.
5. Налоги на имущество	30,3	67,3	73,7	37	43,4
6. Налог на имущество физических лиц	1,5	2,06	3,7	0,6	2,2
7. Земельный налог	28,8	65,2	70	36,4	41,2
8. Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	25,6	-	-		
9. Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	6,9	-	-		
10. Безвозмездные поступления	25	30,2	23,2	5,2	-1,8
11. Безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации	24,9	30,2	23,2	5,3	-1,5
12. Дотации бюджетам Российской Федерации и муниципальных образований	20,6	15,6	19,7	-5	0,9
13. Субсидии бюджетам бюджетной системы Российской Федерации (межбюджетные субсидии)	1,4	0,8	0,9	-0,6	-0,5
14. Субвенции бюджетам Российской Федерации и муниципальных образований	2,9	2,2	2,3	-0,7	-0,6
15. Иные межбюджетные трансферты		11,6	0,3		
Доходов всего	100	100	100		

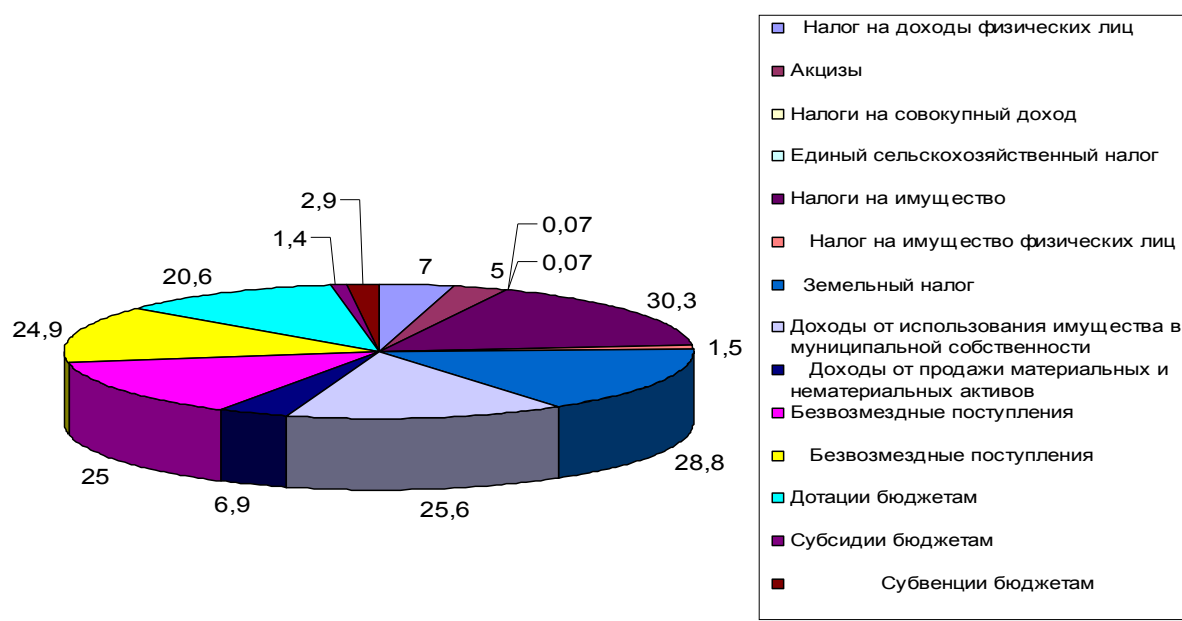

Рис. 6. Структурная диаграмма доходной части бюджета Новопоселеновского сельсовета в 2014 г.

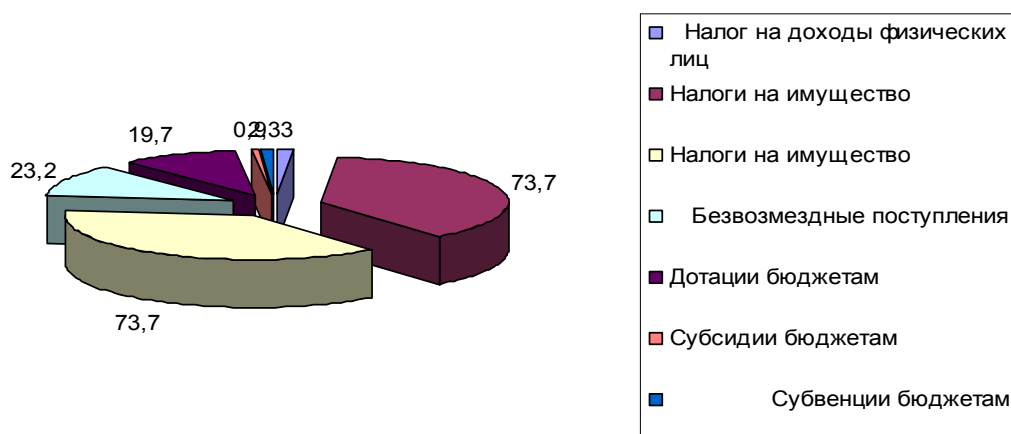

Рис. 7. Структурная диаграмма доходной части бюджета Новопоселеновского сельсовета в 2016 г.

Расходные обязательства муниципального образования, связанные с выполнением делегированных государственных полномочий, устанавливаются муниципальными правовыми актами органов местного самоуправления в соответствии с федеральными законами (законами субъекта РФ), исполняются за счет и в пределах субвенций из бюджета субъекта РФ. В случае если в муниципальном образовании превышены нормативы, используемые в методиках расчета соответствующих субвенций, финансовое обеспече-

ние дополнительных расходов, необходимых для полного исполнения таких расходных обязательств муниципального образования, осуществляется за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита местного бюджета.

Иные расходные обязательства муниципального образования устанавливаются органами местного самоуправления самостоятельно и исполняются за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита соответствующего местного бюджета (табл. 3).

Таблица 3

Расходы бюджета Новопоселеновского сельсовета, тыс. руб. [7]

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Темп роста, среднее изменение, %
Расходы муниципального бюджета, фактически исполненные – всего	11135	5933	5720	68%
Общегосударственные вопросы	4601	4074	4362	94%
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	10	28	6	147%
Национальная экономика	2076	-	-	-
Дорожное хозяйство (дорожные фонды)	2009	-	-	-
Другие вопросы в области национальной экономики	67	-	-	-
Жилищно-коммунальное хозяйство	2449	808	929	57%
Культура, кинематография	1329	539	319	55%
Физическая культура и спорт	37	23	35	86%
Социальная политика	170	70	69	61%
Профицит, дефицит (-) бюджета муниципального образования (местного бюджета), фактически исполнено	283	278	205	90%

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что общая сумма расходов сократилась практически в 2 раза, если мы сравним с таблицей доходов (см. табл. 1), то поймем, что эти процессы между собой взаимосвязаны. Расходы общегосударственного характера занимают значительное место в этой части бюджета. Значительная расходная статья – это жилищно-коммунальные расходы. Дорожное хозяйство также занимают значительную часть расходов бюджета Новопоселеновского сельсовета.

Органы местного самоуправления самостоятельно определяют размеры и условия оплаты труда депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной

основе, муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений, устанавливают муниципальные минимальные социальные стандарты и другие нормативы расходов местных бюджетов на решение вопросов местного значения.

Всего темп расходов составил за 2015 г. по отношению к 2014 г. 53,3%, в 2016 г. по отношению к 2014 г. – 51,4% (рис. 8). Средний темп за эти годы 68%, что обозначает, с одной стороны, хорошую динамику, когда расходы уменьшаются, но, с другой стороны, есть такие расходные статьи, как культура, искусство, спорт, которые потенциально не будет приносить доходов, и если не увеличивать на эти сферы расходы, то и развитие муниципального образования в социальном плане не будет.

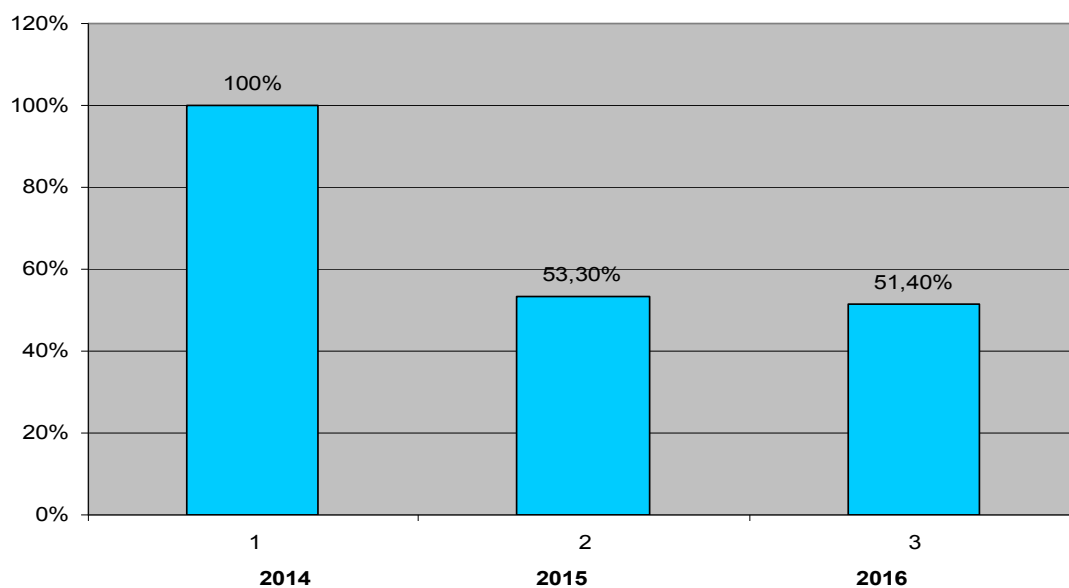

Рис. 8. Темп общих расходов за 2014–2016 гг.

Расходы по общегосударственным вопросам демонстрируют небольшую скачкообразную тенденцию (рис. 9). Темп расходов за 2015 г. составил 88,5%, за 2016 г. – 94,8%. Данная динамика свидетельствует о повышении темпов расходов на общегосударственные вопросы.

Анализ расходов по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» (рис. 10) показал, что именно на 2015 г. приходится самый большой показатель расходов – 280%, а затем снижение до 60%. Средний темп составил 147%.

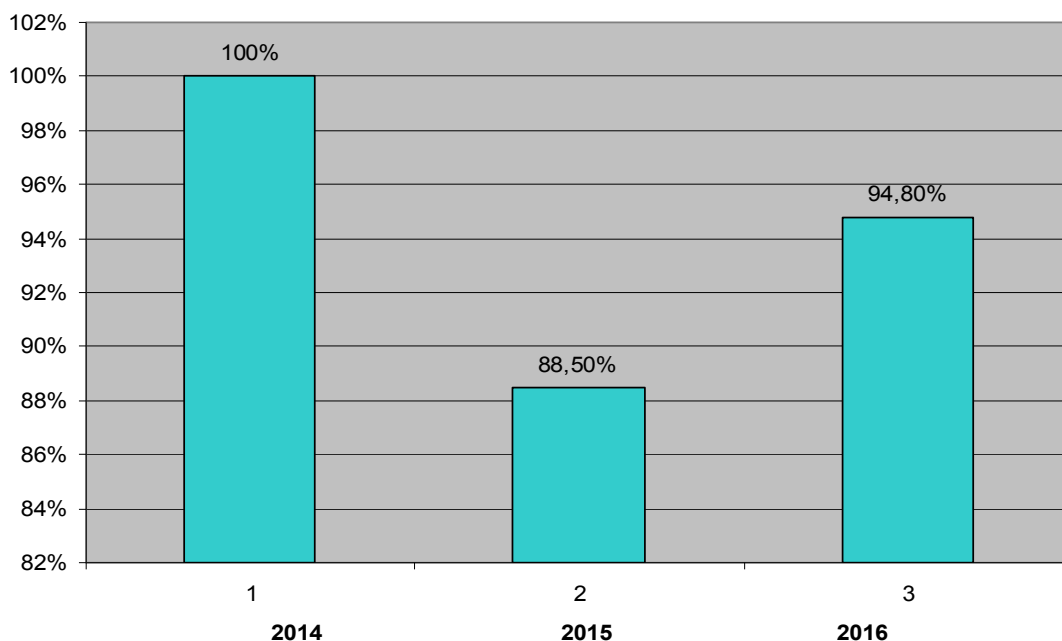

Рис. 9. Темп расходов по общегосударственным вопросам за 2014–2016 гг.

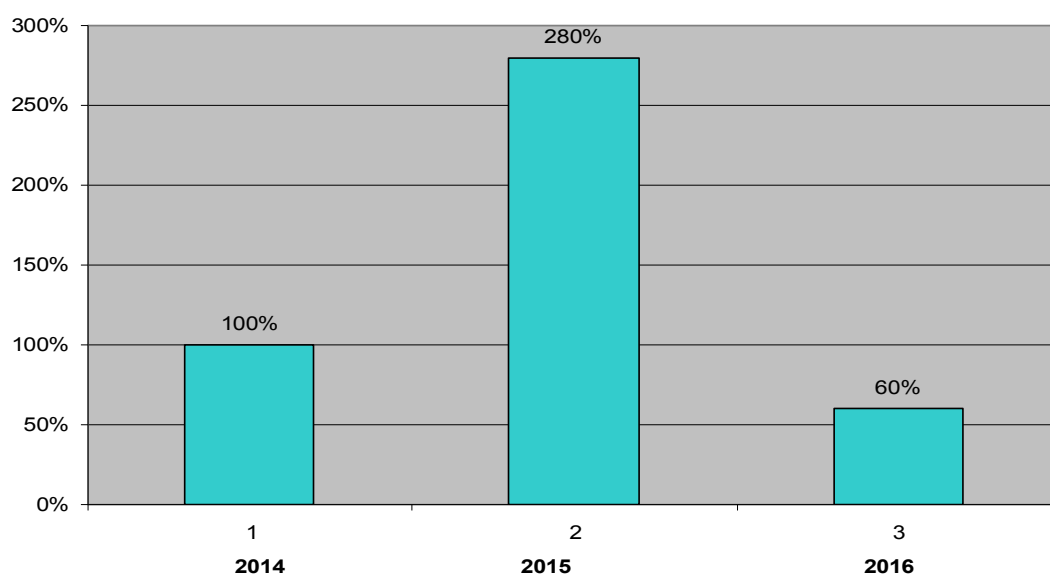

Рис. 10. Темп расходов по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» за 2014–2016 гг.

Динамика расходов по ЖКХ (рис. 11) показывает, что за 2014 г. расходы превышали период 2015 и 2016 гг., поэтому данная расходная статья может говорить, с одной стороны, что власти стали меньше делать для муниципального образования, с другой стороны – возможно стали более рационально использовать средства. Средний темп расходов за 3 года составил 57%.

Статья расходов на культуру и кинематографию (рис. 12) также показывает динамику к снижению. Средний темп расходов по этой статье за 3 года 55%.

Культура – это всегда проблемное поле для каждого муниципального образования, поскольку данная статья изначально может быть только расходной.

Кинематография еще может приносить определенный доход.

Статьи расходов на физическую культуру и спорт (рис. 13) возросли за период с 2014–2015 г. и составили в среднем 86%. Это связано с появлением своей футбольной команды и теми обязательствами, которые на себя взял глава администрации по поддержке спортсменов.

Расходы на социальную политику (рис. 14) демонстрируют тенденцию к снижению по отношению к базисному периоду 2014 г. Оправданием такой политики может служить кризисная ситу-

ация в России в целом, кризисная ситуация во многих сельскохозяйственных отраслях и покупательной способности жителей муниципального образования. Средний темп расходов 61%.

Профицит бюджета по отношению к базисному 2014 г. устойчивый (рис. 15). Общий темп профицита за 2014–2016 гг. 90%. В целом, это хороший результат для муниципального образования (табл. 4).

Для наглядности полученные результаты структуры расходной части бюджета представим в виде графиков (рис. 16, 17).

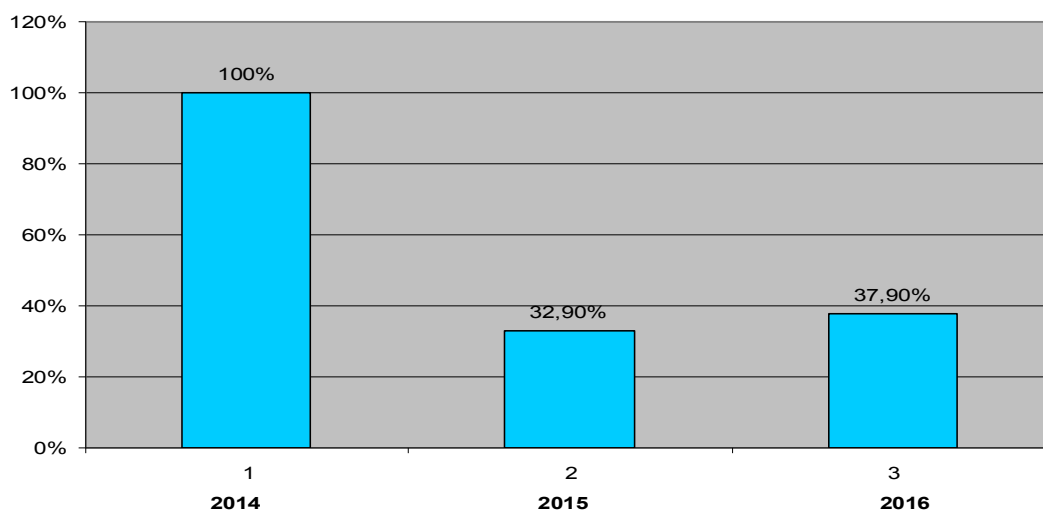

Рис. 11. Динамика расходов на ЖКХ за 2014–2016 гг.

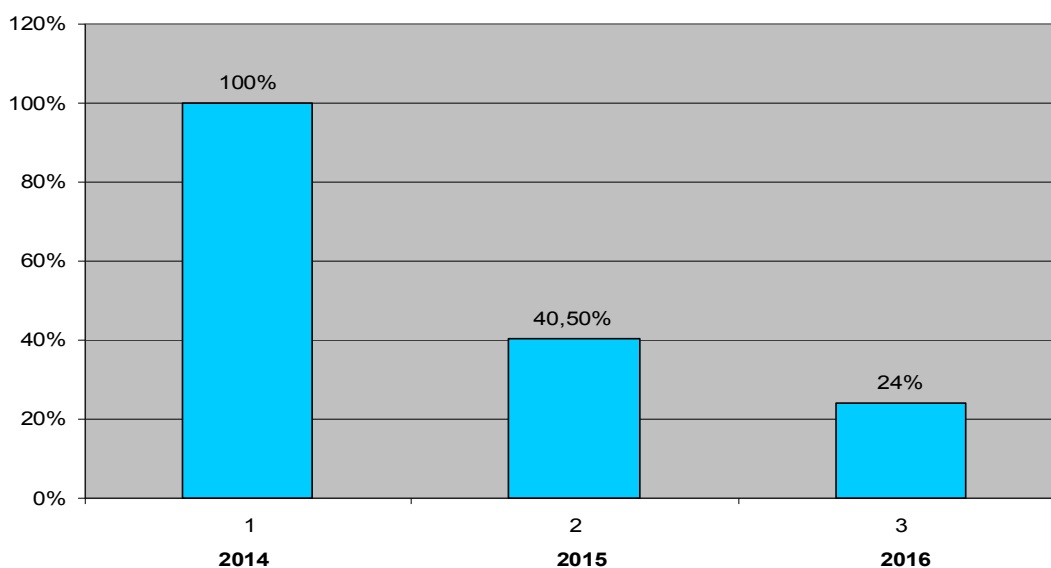

Рис. 12. Темп расходов на культуру и кинематографию за 2014–2016 гг.

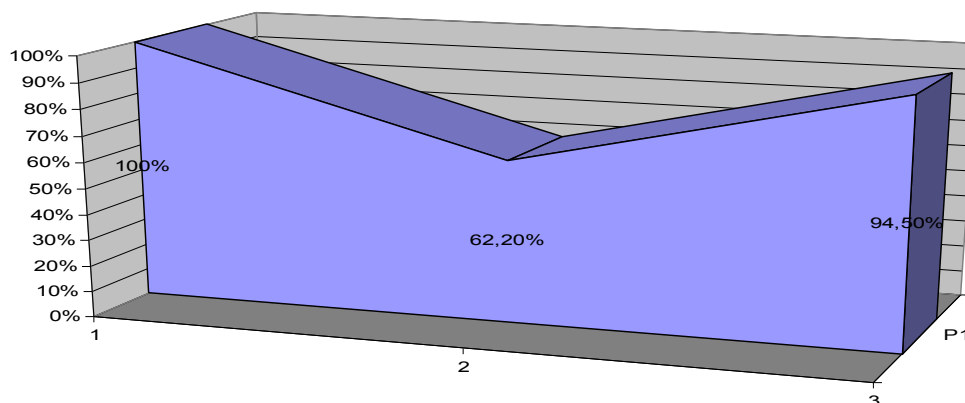

Рис. 13. Темп расходов на физическую культуру и спорт за 2014–2016 гг.

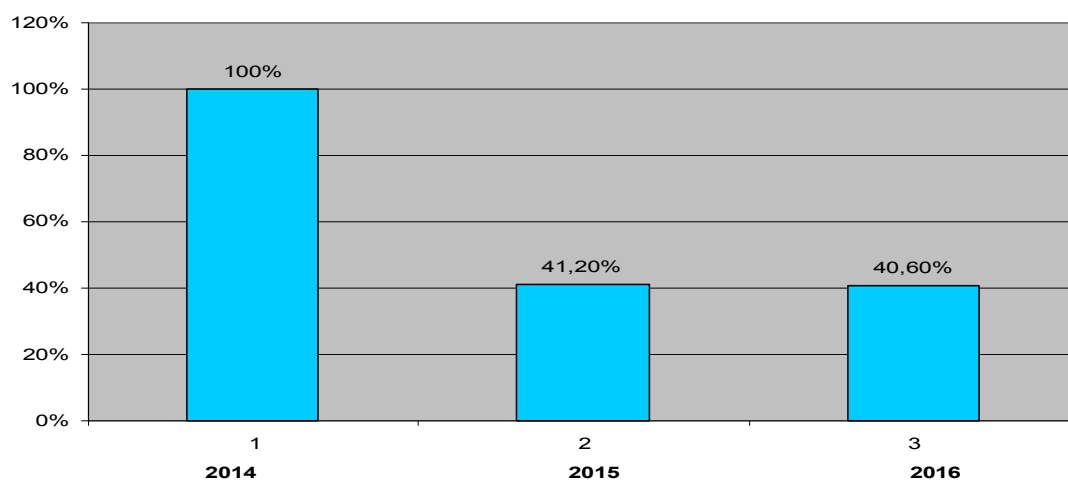

Рис. 14. Темп расходов на социальную политику за 2014–2016 гг.

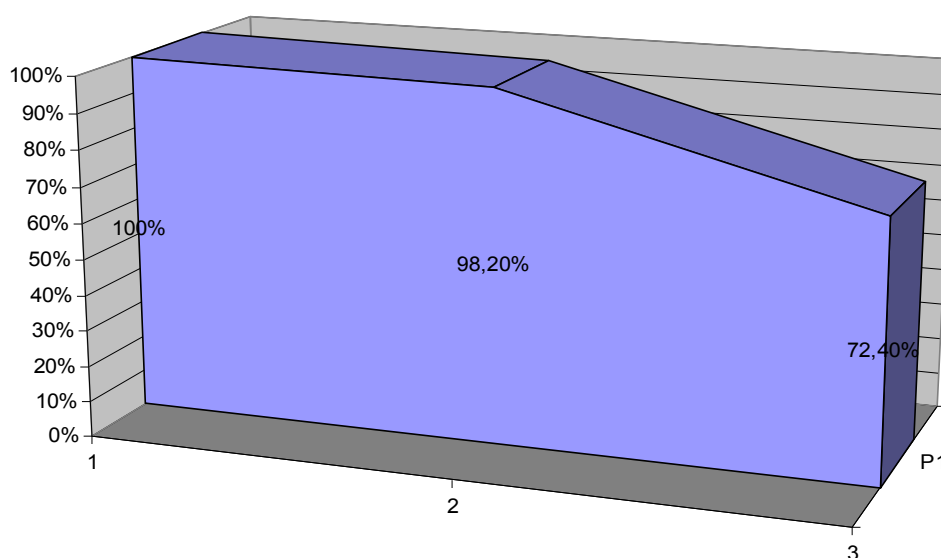

Рис. 15. Темп профицита бюджета за 2014-2016 гг.

Таблица 4

Структура расходной части бюджета Новопоселеновского сельсовета [7]

Статья расходов	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Отклонение 2015 г. к 2014 г.	Отклонение 2016 г. к 2014 г.
1. Общегосударственные вопросы	41,3	68,7	76,3	27,4	35
2. Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	0,09	0,5	0,1	0,41	0,01
3. Национальная экономика	18,6	-	-		
4. Дорожное хозяйство (дорожные фонды)	18	-	-		
5. Другие вопросы в области национальной экономики	0,6	-	-		
6. Жилищно-коммунальное хозяйство	22	13,6	16,2	-8,4	-5,8
7. Культура, кинематография	12	9	5,6	-3	-6,4
8. Физическая культура и спорт	0,3	0,4	0,6	0,1	0,3
9. Социальная политика	1,5	1,2	1,2	-0,3	-0,3
Всего расходов	100	100	100		

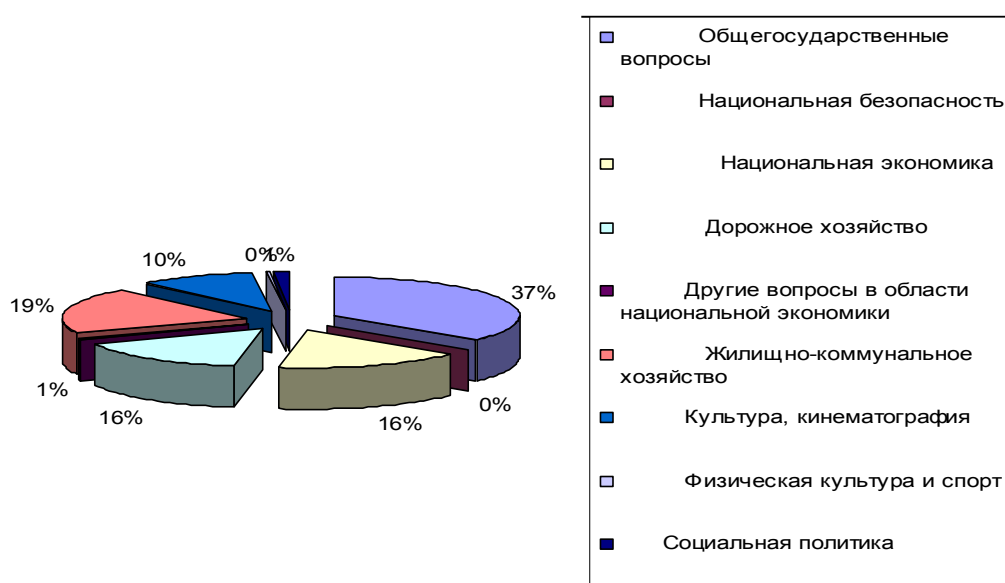

Рис. 16. Структурная диаграмма расходной части бюджета Новопоселеновского сельсовета в 2014 г.

В целом, анализ доходов и расходов бюджета Новопоселеновского сельсовета показал, что основной целью использования администрацией сельсовета полученных им средств целевого бюджетного финансирования является не получение прибыли, а обеспечение строгого соот-

ветствия расходов этих средств утвержденной вышестоящим распорядителем смете расходов. Исполнение бюджета происходит в соответствии с законами Курской области, в установленные сроки и в соответствии со всеми статьями расходов по отношению к доходам.

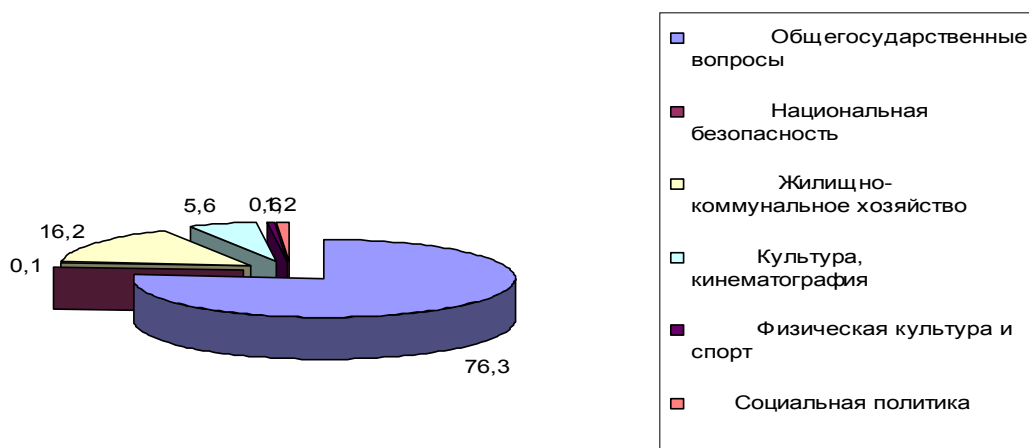

Рис. 17. Структурная диаграмма расходной части бюджета Новопоселеновского сельсовета в 2016 г.

Данное направление в деятельности муниципальной администрации вполне соответствует общей политике региональных властей в рамках программы регионального развития Курской области [8]. Но именно региональные власти, по мнению Т. Ю. Ткачевой, должны стать инициатором пересмотра существующих и подготовки новых программ развития муниципальных образований, что позволит более качественно реализовать бюджетную стратегию региона [9, с. 99]. Достичь увеличения бюджетного потенциала региона можно за счет [10, с. 67]: во-первых, улучшения финансово-хозяйственной деятельности предприятий и наращивания их объемов производства и продаж, и как следствие, должно сократиться количество убыточных и финансово-неустойчивых предприятий; во-вторых, стимулирования развития бизнеса путем улучшения инвестиционного, инновационного и налогового климата; в-третьих, совершенствования налогового администрирования через согласованность интересов экономических субъектов, участвующих в бюджетно-налоговых отношениях.

Список литературы

1. Носачевская Е. А. Экономико-организационные основы сбалансированного развития регионов России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. №4(21). С. 55–62.
2. Федотова Г. В., Анисимова А. С., Белонву Ф. Ч. Совершенствование методов стратегического управления социально-экономическим развитием // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. №3(20). С. 38–48.
3. Мокрецова А. И., Рушкова А. В. Управление стратегическим развитием территорий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. №4 (17). С. 23–32.
4. Беспарточный Б. Д., Спицына А. О., Черкашин М. Д. Качество жизни населения как критерий социальной эффективности управления в регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. №2(23). С. 182–191.
5. Крыжановская О. А. Региональный стратегический менеджмент: приоритеты социально-экономического развития Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. №2(15). С. 17–25.
6. Приходченко О. С. Формирование бюджетной стратегии на региональном

уровне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. №1. С. 53–56.

7. Муниципальная статистика [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. URL: http://kurskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kurskstat.ru/municipal_statistics/ (дата обращения: 15.12.2017).

8. Жолудев Е. А. Исследование эффективности программы регионального развития Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. №3(20). С. 231–239.

9. Ткачева Т. Ю. Увеличение бюджетного потенциала региона путем гармонизации интересов экономических субъектов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. №2. С. 99–107.

10. Ткачева Т. Ю. Региональные особенности формирования бюджетного потенциала в современной бюджетно-налоговой политике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. №3. С. 67–74.

Поступила в редакцию 04.01.18

UDC 331.07

V. M. Kuzmina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail kuzmina-violetta@yandex.ru)

ANALYSIS OF THE FORMATION AND EXECUTION OF THE BUDGET OF MUNICIPAL FORMATION "NOVOPOLTAVSKYI SEL" KURSK DISTRICT, KURSK REGION

The article discloses the practice of forming and execution of local budget for example Novoselkovskogo of the village Council of the Kursk district, Kursk region, which have their own specifics, the main features and problems.

Behind the concept of local budget hides huge number of not only scientific but also practical problems put forward by life. The need to study the role of the local budget in socio-economic development of the region based on the implementation of the country's economic reform, which is reflected in the social life of the population, and also in connection with the budget reform and development of fiscal federalism. The continuation of economic reforms in Russia has specific requirements for definition of functioning of the budget processes.

The article examined the activities Novoselkovskogo of the village Council of the Kursk district, Kursk region in the formulation and execution of budget process. Budget revenues land Novoselkovskogo village itself generated revenues of their own budgets and control which tax revenues non-tax revenues of the authority, grant organizations and irrevocable transfers of control and established the administration of the legislation of the Russian inability Federation and Kursk region approval. Analysis of income and expenditure system budget Novoselkovskogo trust of the village Council showed the analysis that the main purpose for the use of the first administration of the village Council received the planning of the funds of the trust expenses of the budgetary funding distribution is not receiving SEL profit, and ensuring municipal compliance with the strict monetary expenditure of these funding funds approved articles higher managing budgets, estimates of expenses of the budget. In recent years, non-budget projects, the process was streamlined and used in accordance with the requirements of Treasury of the Budget code of the Russian Federation is established.

Key words: budget process, budget policy, budget authority, budget of the municipality, grants/

For citation: Kuzmina V. M. Analysis of the formation and execution of the budget of municipal formation "Novopoltavskiy sel" Kursk district, Kursk region. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 108–123 (in Russ.).

References

1. Nosachevskaya E. A. Ehkonomiko-organizacionnye osnovy sbalansirovannogo razvitiya regionov Rossii. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2016, no. 4(21), pp. 55–62.
2. Fedotova G. V., Anisimova A. S., Belonvu F. Ch. Sovershenstvovanie metodov strategicheskogo upravleniya social'no-ehkonomicheskim razvitiem. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2016, no. 3(20), pp. 38–48.
3. Mokrecova A. I., Rushkova A. V. Upravlenie strategicheskim razvitiem territorij. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2015, no. 4 (17), pp. 23–32.
4. Bespartochnyj B. D., Spicyna A. O., Cherkashin M. D. Kachestvo zhizni naseleniya kak kriterij social'noj ehffektivnosti upravleniya v regione. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2017, no. 2(23), pp. 182–191.
5. Kryzhanovskaya O. A. Regional'nyj strategicheskij menedzhment: priority social'no-ehkonomicheskogo razvitiya kurskoj oblasti. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2015, no. 2(15), pp. 17–25.
6. Prihodchenko O. S. Formirovanie byudzhetnoj strategii na regional'nom urovne. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2014, no. 1, pp. 53–56.
7. Municipal'naya statistika. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kurskoj oblasti. URL: http://kurskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kurskstat/ru/municipal_statistics/ (accessed 15.12.2017).
8. Zholudev E. A. Issledovanie ehffektivnosti programmy regional'nogo razvitiya Kurskoj oblasti. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2016, no. 3(20), pp. 231–239.
9. Tkacheva T. Yu. Uvelichenie byudzhetnogo potenciala regiona putem garmonizacii interesov ehkonomicheskikh sub"ektov. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2014, no. 2, pp. 99–107.
10. Tkacheva T. Yu. Regional'nye osobennosti formirovaniya byudzhetnogo potenciala v sovremennoj byudzhetno-nalogovoj politike. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2014, no. 3, pp. 67–74.

И. В. Мильгунова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: milg_irina@mail.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕТНОГО ПРОЦЕССА И ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ЛИЗИНГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ

Деятельность любого предприятия должна строиться, исходя из стратегии наращивания производственных мощностей и объемов производства. Реализация подобной стратегии нередко сдерживается недостатком источников финансирования, кроме того, все источники существенно различаются в плане быстроты их мобилизации.

Лизинг является действенным инструментом, позволяющим найти оптимальный способ модернизации и технического перевооружения производства. Для многих организаций лизинг является единственно возможным способом финансирования вследствие недостатка собственных финансовых ресурсов и недоступности кредитного финансирования.

От четкости, полноты, правильности и упорядоченности документооборота лизинговых операций, согласованности деятельности всех структурных подразделений в конечном счете зависит эффективность работы хозяйствующего субъекта. Но противоречивость и сложность нормативных документов лизинговых операций затрудняют работу бухгалтерской службы, не обеспечивают достаточное качество информационной базы для анализа эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации.

Исследования степени разработанности проблем учетного процесса и внутреннего контроля лизинговых операций показывают, что, несмотря на большое внимание исследователей к данной проблеме, многие ее аспекты недостаточно изучены, а именно существующая организация учетного процесса, предложенная законодательно, не отвечает в полной мере современным требованиям ведения бухгалтерского и внутреннего контроля, что, в свою очередь, не позволяет формировать полную и достоверную информацию о деятельности организации.

Актуальность и основные направления исследования определяются необходимостью рассмотрения особенностей внедрения лизинговых операций в деятельности коммерческих организаций, включая исследование бухгалтерского учета и процедур внутреннего контроля. Для этого в данной статье разработаны предложения по совершенствованию методики оценки системы внутреннего контроля в бухгалтерском учете лизинговых операций с целью повышения качества учетной системы.

Ключевые слова: лизинг, внутренний контроль, учетный процесс, оценка системы внутреннего контроля.

Ссылка для цитирования: Мильгунова И. В. Совершенствование учетного процесса и внутреннего контроля лизинговых операций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 124–134.

Операции типа «лизинг» известны уже давно; они имели место еще в древнем Вавилоне около 2 тыс. лет до н. э. Считают, что первые лизинговые сделки были заключены в 1877 г. американской компанией «Bell Telephone Company», которая приняла решение не продавать телефоны, а сдавать их в аренду. Таким образом, первоначально в качестве лизингодателя выступало предприятие – производитель оборудования.

Следующим этапом в развитии лизинга стало создание лизинговых компаний, для которых лизинг являлся не элементом маркетинговой политики, а основным видом деятельности. Первая компания подобного типа «United States Leasing Corporation» была создана в

1952 г. в США (Сан-Франциско). В Европе первая лизинговая компания «Дойче лизинг ГМБХ» появилась в ФРГ (Дюссельдорф) в 1962 г.

На протяжении ряда лет российский рынок лизинга развивался достаточно быстрыми темпами, но кризис 2008–2009 гг. нанес сильнейший удар по лизинговой отрасли: в 2008 г. объемы нового лизингового бизнеса сократились на 28%, а в 2009 г. – на 56%. В 2010–2011 гг. наблюдался значительный прирост объема нового лизингового бизнеса, но в 2012–2016 гг. прирост рынка лизинга близок к нулю (1,5%).

Однако российский рынок лизинга обладает огромным потенциалом, который на данный момент полностью не ре-

ализован. Существует ряд факторов, сдерживающих развитие рынка лизинга:

1) несовершенство нормативно-правовой базы в области регулирования лизинговой деятельности;

2) недостаточно развитая инфраструктура лизингового рынка;

3) отсутствие специальной методики анализа финансового состояния и оценки рисков лизинговой компании, в связи с чем затруднительно получение долгосрочных кредитов.

Экономическая сущность лизинга состоит в том, что лизингополучатель берет в долгосрочную аренду конкретное имущество и по поручению арендодателя обязуется выполнить с помощью этого имущества определенные работы и не выполнять работ, не оговоренных условиями контракта.

В нормативных документах, а также в отечественной научной и учебной литературе можно встретить с различными трактовками термина «лизинг».

В соответствии с гл. 34 ГК РФ, финансовая аренда (лизинг) является одной из разновидностей арендных правоотношений. Согласно ст. 665 ГК РФ, по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование. Арендодатель в этом случае не несет ответственности за выбор предмета аренды и продавца. Договором финансовой аренды может быть предусмотрено, что выбор продавца и приобретаемого имущества осуществляется арендодателем.

Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» определяет лизинг как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретение предмета лизинга (непотребляемые вещи, кроме земельных участков и других природных объектов).

На наш взгляд, такое определение лизинга в большей степени характеризует его использование на территории РФ [1].

Вопросам теории лизинговых операций посвящены исследования зарубежных экономистов Х. Андерсона, Г. Бирмана, Л. Бернштейна, Дж. Риса, С. Шмидта, Р. Энтони и др., а также работы российских ученых: Н. А. Адамова [2], В. Д. Газмана, Б. Исабекова, Б. Б. Султановой, Е. В. Кабатовой, В. В. Ковалева [3], В. В. Комарова, Ш. Кантарбаевой, М. И. Лещенко [4], Л. Н. Прилуцкого, С. В. Панковой, Е. Н. Чекмаревой и др.

Вопросы организации и методики внутреннего контроля поднимались в трудах отечественных ученых-экономистов, таких как: В. П. Астахов, Н. П. Кондраков, Ю. А. Данилевский, Н. Г. Сапожникова, Т. В. Каковкина, В. В. Бурцев, М. В. Мельник, А. А. Ситников и других ученых и практиков.

Ряд определений, незначительно отличаясь друг от друга по существу, делают акцент на виде имущества, являющегося объектом сделки. Другие авторы при определении лизинга на первый план выносят цель дальнейшего использования предмета лизинга лизингополучателем. Например, под лизингом понимается договор аренды заводов, промышленных товаров, оборудования, недвижимости для использования их исключительно в производственных целях арендатором.

Опубликованные работы характеризуются многогранностью и глубиной исследования рассматриваемых вопросов. Однако следует отметить, что многие аспекты изучаемых проблем еще не решены, некоторые требуют детализации, научной доработки, а также их практической апробации и реализации.

Лизинг является одним из инструментов, позволяющих найти оптимальный способ модернизации и технического перевооружения производства. На наш взгляд, под лизингом следует понимать вид инвестиционной деятельности, который предполагает вложение собственных

или привлеченных финансовых средств, при котором лизингодатель приобретает в собственность определенное договором имущество у продавца и предоставляет его лизингополучателю за плату во временное пользование.

Учетный процесс лизинговых операций является областью, в которой российские правила бухгалтерского учета отличаются от правил, предусмотренных международными стандартами финансовой отчетности. В мировой практике используется МСФО 17 «Аренда». Различия в учете лизинговых операций по российским и международным стандартам существенны [5].

Рассмотрим методику учета лизинговых операций на примере условной организации ООО «XXX», которая представляет собой территориально-распределенное многофилиальное предприятие, основным видом деятельности которого

является капитальный и текущий ремонт, модернизация, реконструкция, техническое перевооружение, ликвидация и консервация скважин всех назначений на объектах, принадлежащих независимым недропользователям.

Предприятие активно использует лизинг для приобретения имущества и оборудования. Учет лизинговых операций ведется в разрезе контрагентов, договоров. Все факты хозяйственной жизни по учету лизинговых операций подтверждаются в системе документооборота, а затем кодируются методом двойной записи в синтетическом и аналитическом учете.

Документирование фактов хозяйственной жизни по передаче имущества в собственность зависит от того, на чьем балансе учитывался предмет лизинга. Источники информации в системе документооборота лизинговых операций представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Источники информации в системе документооборота лизинговых операций

Возврат лизингодателю имущества по окончании договора лизинга оформляется актом приема-передачи предмета лизинга, который не является унифицированной формой. Форма акта приема-передачи может быть утверждена соглашением сторон в договоре лизинга.

Рассмотрим алгоритм приобретения имущества (оборудования) в лизинг (рис. 2). ООО «XXX» приобретает в лизинг транспортные средства, оборудование, специальную технику на основании генерального договора лизинга, по результатам открытого запроса предложений. Согласно договору лизингодатель обязуется в соответствии с заявкой лизингополучателя приобрести в собственность предмет лизинга у поставщика и предоставить его лизингополучателю за плату во временное владение и пользование в предпринимательских целях. Лизингополучатель уплачивает лизинговые платежи согласно графику платежей и графику лизинговых платежей, которые являются неотъемлемой частью договора.

Договором предусмотрен последующий переход к лизингополучателю права собственности на предмет лизинга по истечении срока лизинга и выполнение лизингополучателем всех своих обязательств с уплатой выкупной цены, которая определяется по согласованию сторон. Балансодержателем предмета лизинга, согласно заключенному договору лизинга с контрагентами, является лизингодатель. При получении лизингового имущества право собственности на лизинговое имущество к ООО «XXX» не переходит.

Так как балансодержателем по договору лизинга является лизингодатель, то амортизация по предмету лизинга не начисляется. По окончании договора лизинга стороны подписывают договор купли-продажи предмета лизинга. Выкупная стоимость определена договором и перечисляется после его завершения.

Организация внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни в настоящее время закреплена законо-

дательно [6]. Соответственно, у экономических субъектов возникает необходимость оценки действующих контрольных процедур в системе бухгалтерского учета [7].

В условной организации ООО «XXX» внутренний контроль осуществляется на основании Положения «О внутреннем контроле ООО «XXX». В Положении система внутреннего контроля определена как совокупность организационной структуры, процедур и методов внутреннего контроля, регламентированных внутренними документами, организованных и осуществляемых руководством общества и другими сотрудниками на всех уровнях и по всем функциям.

Система внутреннего контроля (СВК) должна соответствовать структуре коммерческой организации и основному виду ее деятельности. Являясь функцией управления, внутренний контроль принимает участие в принятии и выработке управленческих решений. Следовательно, внутренний контроль не только обеспечивает детальную проверку финансово-хозяйственной, производственной деятельности, но и разрабатывает предложения по оптимизации хозяйственной деятельности, увеличению прибыли, а также дает различные консультации для управления [8].

Внутренний контроль лизинговых операций организации предполагает:

- а) определение фактического состояния организации (объекта контроля);
- б) сравнение фактических данных с планируемыми;
- в) оценку выявляемых отклонений и степени их влияния на аспекты функционирования организации;
- г) выявление причин зафиксированных отклонений.

Рассмотрев схему взаимодействия внутреннего контроля в системе управления ООО «XXX», можно выделить связь и место внутреннего контроля лизинговых операций в системе управления объекта исследования (рис. 3).

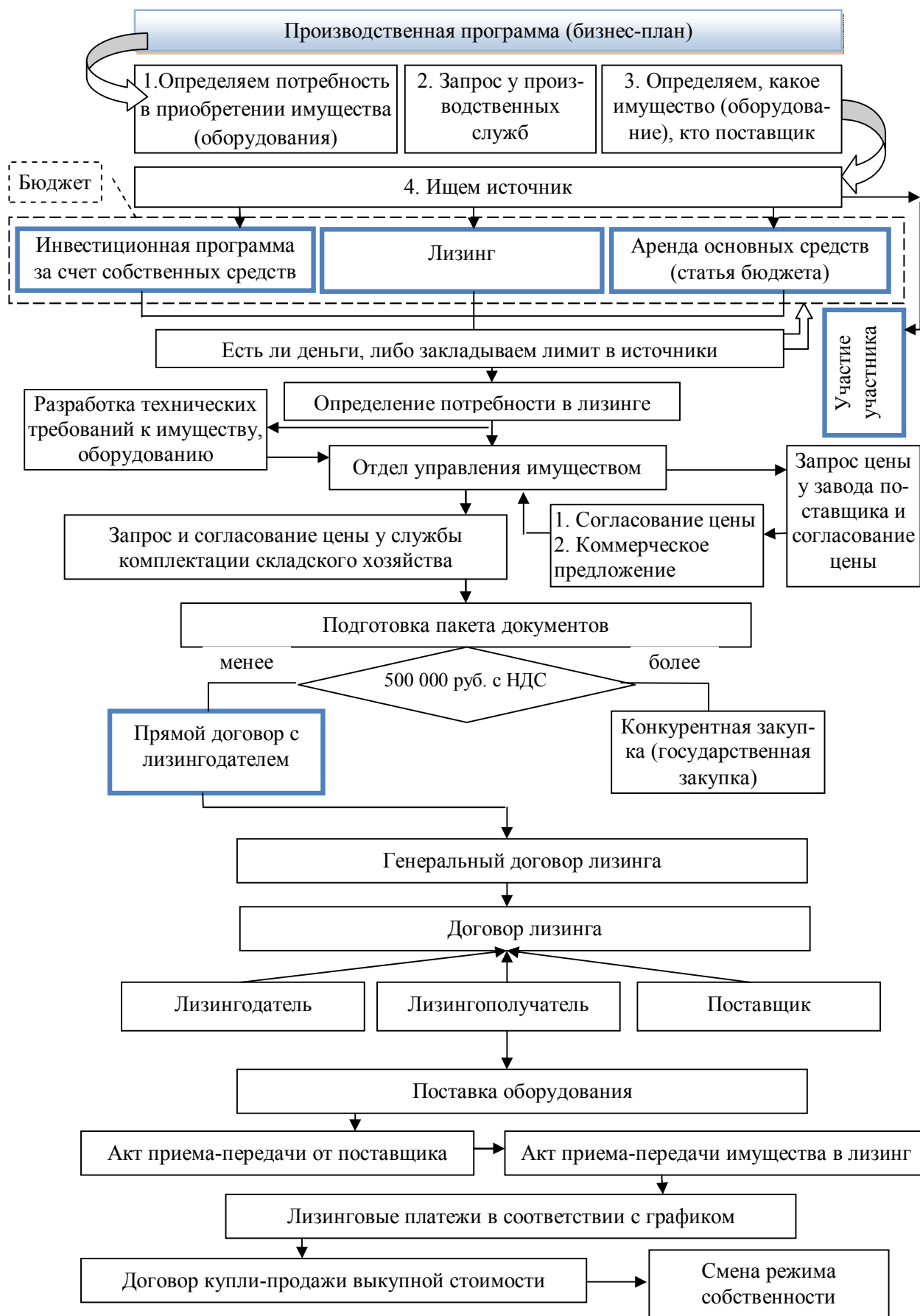

Рис. 2. Алгоритм приобретения имущества (оборудования) в лизинг

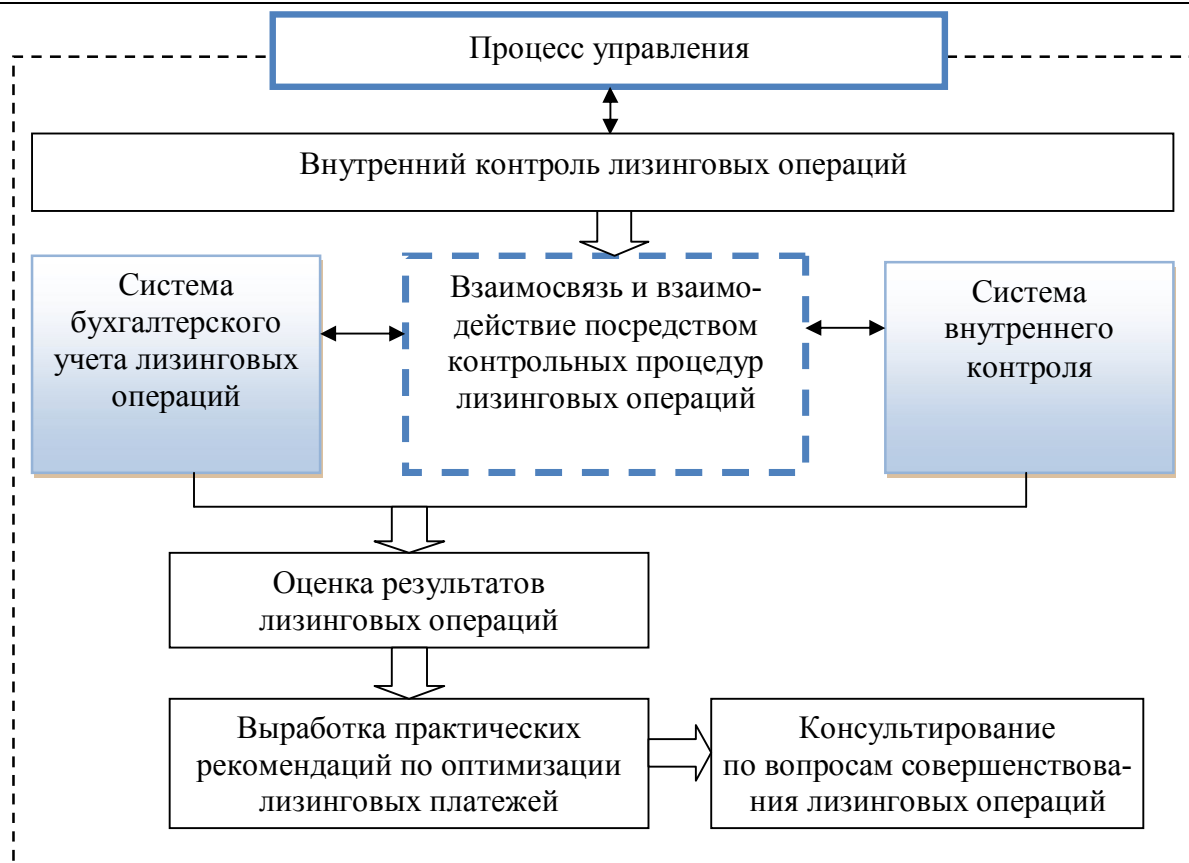

Рис. 3. Связь и место внутреннего контроля лизинговых операций в системе управления ООО «XXX»

С правовой точки зрения лизинговые операции включают несколько самостоятельных, но взаимосвязанных как юридических, так и фактических действий, поэтому в них необходимо учесть всю специфику бухгалтерского учета этих отношений.

Внутренний контроль лизинговых операций должен основываться на следующих контрольных процедурах:

- определение эффективности совершаемой сделки;
- определение максимальной отдачи от лизинговых операций;
- юридическая экспертиза договоров лизинга;
- проверка полноты, оценки стоимости и документального оформления принятия к учету объектов лизинга;
- проверка учета лизинговых платежей;
- проверка сумм амортизации, начисленных по объектам лизинга;

- проверка обоснованности включения лизинговых платежей в состав расходов, принимаемых в целях налогообложения прибыли;
- оптимизация налогообложения.

Методика проведения внутреннего контроля лизинговых операций на основе Положения отдела внутреннего аудита ООО «XXX» состоит из нескольких этапов. Первый этап проверки – подготовительный, в процессе которого оценивается надежность контрольных процедур в системе бухгалтерского учета ООО «XXX». Оценка осуществляется на основе проведения тестирования средств контроля по определенным вопросам. Оценка надежности контрольных процедур в системе бухгалтерского учета показала 82,7%, что соответствует высокому уровню надежности.

Второй этап – непосредственно проверка лизинговых операций в соответствии с программой проверки, которая включает следующие этапы проверки:

- 1) соответствия лизинговых договоров требованиям ГК РФ;
- 2) оформления первичных учетных документов и их инспектирование;
- 3) формирования первоначальной стоимости лизингового имущества;
- 4) отражения на счетах и в регистрах бухгалтерского учета лизинговых платежей;

- 5) правомерности признания расходов по полученному в лизинг имуществу;
- 6) обоснованности дебиторской и кредиторской задолженности;
- 7) фактов хозяйственной жизни, связанных с поступлением основных средств по окончании срока договора лизинга.

Программа внутреннего контроля лизинговых операций представлена в таблице 1.

Таблица 1

Программа внутреннего контроля лизинговых операций ООО «XXX»

Контрольные процедуры	Методы контроля
1. Соответствие лизинговых договоров требованиям ГК РФ	
1.1. Соответствие лизинговых договоров требованиям ГК РФ	1. Проверка наличия заключенных договоров по лизинговой сделке. 2. Проверка признаков финансовой аренды в договоре. 3. Проверка соответствия имущества в договоре купли-продажи и предмета аренды в договоре лизинга. 4. Проверка соответствия лизинговых договоров требованиям ГК РФ
2. Оформление первичных учетных документов и их инспектирование	
2.1. Оформление первичных учетных документов и их инспектирование	1. Проверка наличия и соблюдения графика документооборота по лизинговым операциям. 2. Инспектирование в документах всех обязательных реквизитов и подписей
3. Формирование первоначальной стоимости лизингового имущества	
3.1. Формирование первоначальной стоимости лизингового имущества	1. Проверка соответствия стоимости лизингового имущества в договоре и первичных документах. 2. Проверка отражения поступления имущества с учетом налогового и бухгалтерского законодательства
3.2. Определение момента поступления лизингового имущества	1. Проверка даты поступления (должна быть позже даты приобретения). 2. Проверка формы акта передачи и указания в нем нужного предмета лизинга. 3. Наличие инвентарной карточки на ОС с отражением первоначальной стоимости и указанием договора аренды. 4. Отражение поступления предмета лизинга в учете
3.3. Вычет НДС из бюджета	1. Отражение верной суммы вычета по НДС в книге покупок. 2. Отражение операции по учету НДС в регистрах бухгалтерского и налогового учета
4. Отражение на счетах и в регистрах бухгалтерского учета лизинговых платежей	
4.1. Проверка расчета лизинговых платежей	1. Проверка пунктов договора о размере и порядке выплаты лизинговых платежей. 2. Пересчет суммы авансового и лизингового платежа, исходя из условий договора

Окончание табл. 1

Контрольные процедуры	Методы контроля
4.2. Проверка правильности отражений лизинговых платежей	1. Проверка отражения возникающих фактов хозяйственной жизни по проведенным лизинговым операциям на счетах бухгалтерского учета
5. Правомерность признания расходов по полученному в лизинг имуществу	
5.1. Проверка фактического наличия лизингового имущества	1. Проверка отражения факта хозяйственной жизни по поступлению предмета лизинга
6. Обоснованность дебиторской и кредиторской задолженности	
6.1. Сверка первичных документов данным регистров аналитического и синтетического учета	1. Инспектирование соответствия данных регистров аналитического учета данным первичных учетных документов
7. Проверка обоснованности дебиторской и кредиторской задолженности	
7.1. Сверка дебиторской и кредиторской задолженности с контрагентами	1. Инвентаризация расчетов с контрагентами
8. Проверка фактов хозяйственной жизни, связанных с поступлением основных средств по окончании срока договора лизинга	
8.1. Проверка наличия заключенного договора на выкуп предмета лизинга	1. Проверка наличия договоров лизинга. 2. Проверка признаков купли-продажи в договоре. 3. Проверка соответствия лизинговых договоров требованиям ГК РФ
8.2. Проверка документооборота передачи предмета лизинга	1. Проверка актов на предмет правильности оформления и указания в нем выкупаемого предмета лизинга
8.3. Отражение предмета лизинга в регистрах бухгалтерского учета	1. Проверка отражения факта хозяйственной жизни поступления предмета лизинга в учете в составе внеоборотных активов экономического субъекта

На заключительном, третьем этапе формируется отчет о проведенной проверке лизинговых операций, который доводится до сведения заинтересованных лиц, и представляются рекомендации по устранению недочетов и совершенствованию учета лизинговых операций.

Рассмотренная методика внутреннего контроля лизинговых операций на основе Положения отдела внутреннего аудита ООО «XXX» не в полной мере соответствует нормативным документам, регламентирующим оценку эффективности СВК. Возникает противоречие в классификации элементов внутреннего контроля экономического субъекта с точ-

ки зрения бухгалтерского учета и с точки зрения аудита (табл. 2).

При оценке системы внутреннего контроля наибольшее внимание необходимо уделять оценке организации и методике учетного процесса, контролю за правильностью отражения фактов хозяйственной жизни на счетах бухгалтерского учета, их соответствие действующим нормативным и законодательным актам, а также правильностью переноса данных из первичных учетных документов в регистры бухгалтерского учета. Организация и методика учетного процесса оказывают влияние на показатели финансовой (бухгалтерской) отчетности [9].

Таблица 2

Элементы внутреннего контроля экономического субъекта
с точки зрения регламентации учетного процесса экономического субъекта

Нормативный документ	Элементы внутреннего контроля экономического субъекта
Письмо Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» [7]	–контрольная среда; –оценка рисков; –процедуры внутреннего контроля; –информация и коммуникация; –оценка внутреннего контроля
Международный стандарт аудита 315 «Выявление и оценка рисков существенного искажения посредством изучения организации и ее окружения» [5]	–контрольная среда; –процесс оценки рисков в организации; –информационная система, связанная с финансовой отчетностью, в том числе соответствующие бизнес-процессы, и информационное взаимодействие; –контрольные действия, значимые для проводимого аудита; –мониторинг средств контроля

Соответственно, по нашему мнению, логично внедрить шестой элемент для оценки внутреннего контроля экономического субъекта «Мониторинг контрольных процедур в системе бухгалтерского учета» для оценки системы внутреннего контроля [10] и оценить эффективность системы внутреннего контроля после включения данного элемента.

Количественная и качественная оценка СВК с введением дополнительного элемента «Мониторинг контрольных процедур в системе бухгалтерского учета» показала среднюю степень надежности, а соответственно, риск искажения финансовой (бухгалтерской) отчетности средний.

Использование предложенной методики позволит компенсировать выявленные риски путем применения дополнительной выборки и контрольных процедур.

Список литературы

1. О финансовой аренде (лизинге) [Электронный ресурс]: федер. закон от

29 окт. 1998 г. № 164-ФЗ: [ред. от 16.10.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (дата обращения: 20.12.2017).

2. Адамов Н. А., Булеев А. И. Конкурентоспособность и эффективность услуг на примере консалтинговой и лизинговой деятельности. М.: Изда-во ИИТиКОР, 2014. 138 с.

3. Ковалев В. В. Лизинг: финансовые, учетно-аналитические и правовые аспекты. М.: Проспект, 2011. 446 с.

4. Лещенко М. И. Основы лизинга. М.: Финансы и статистика, 2002. 336 с.

5. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 17 «Аренда» [Электронный ресурс]: [введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 N 217н: ред. от 27.06.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193591/ (дата обращения: 20.12.2017).

6. О бухгалтерском учете [Электронный ресурс]: федер. закон от 6 дек. 2011 г. № 402-ФЗ: [ред. от 31.12.2017].

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 10.01.2018).

7. Информация № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (дата обращения: 20.12.2017).

8. Алексеева В. В., Мильгунова И. В. Методика оценки учетно-контрольных процедур фактов хозяйственной жизни экономических субъектов в аудите // Известия Юго-Западного государственного

университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 135–142.

9. Алексеева В. В., Мильгунова И. В. Методика оценки контрольных процедур в системе бухгалтерского учета // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 4 (21). С. 127–135.

10. Gurov V. I., Milgunova I. V. Improving of assessment methodology of the audited organizations performance at the stage of audit planning // Економічний часопис-XXI. 2016. Т. 157, № 3-4. С. 115–117.

Поступила в редакцию 20.01.18

UDC 657.01

I. V. Milgunova, Candidat of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: milg_irina@mail.ru)

WAYS OF IMPROVEMENT OF ACCOUNTING PROCESS AND INTERNAL CONTROL OF LEASING OPERATIONS

The operation of any enterprise should be based on the strategy of increasing production capacities and volumes. The realization of this strategy is often limited by a lack of financing, besides, all sources differ in the speed of their application.

Thus, leasing is an efficient tool, allowing finding the optimal way of modernization and technical re-equipment of production. For many organizations, leasing is the only possible way of financing, due to a lack of own financial resources and inaccessibility of credit financing.

The efficiency of a business operation depends ultimately on the clarity, completeness, and correctness of operations for leasing ordering documents, coordination of all structural divisions' activities. It is obvious, that the inconsistency and complexity of regulatory documents for leasing operations complicate the work of the accounting department, do not provide good information base for of efficiency analysis of financial-economic activities of the organization.

The research in the sphere of optimizing of accounting process and internal control of leasing operations displays that, despite the great attention of researchers to this problem. Many aspects have not been studied sufficiently, namely the organization of the accounting process suggested by law does not fully meet the modern requirements for accounting and internal control, which does not allow generating complete and true information about a company.

The importance and main directions of the study are determined by introduction details of leasing operations of commercial organizations, including a study of accounting and internal control procedures. For this purpose, in this article, proposals developed to improve the evaluation methodology of internal control system in the bookkeeping of leasing operations for quality improvement of the accounting system.

Key words: *leasing, internal control, accounting process, evaluation of internal control system.*

For citation: Milgunova I. V. Ways of improvement of accounting process and internal control of leasing operations. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 124–134 (in Russ.).

References

1. O finansovoj arende (lizinge): feder. zakon ot 29 okt. 1998 g. No 164-FZ: [red. ot 16.10.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (accessed 20.12.2017).
2. Adamov N. A., Buleev A. I. Konkurentosposobnost' i ehffektivnost' uslug na primere konsaltingovoj i lizingovoj deyatel'nosti. Moscow, II-TiKOR Publ., 2014. 138 p.
3. Kovalev V. V. Lizing: finansovye, ucheto-analiticheskie i pravovye aspekty. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 446 p.
4. Leshchenko M. I. Osnovy lizinga. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2002. 336 p.
5. Mezhdunarodnyj standart finansovoj otchetnosti (IAS) 17 "Arenda": [vveden v dejstvie na territorii Rossijskoj Federacii Priказom minfina Rossii ot 28.12.2015 N 217n: red. ot 27.06.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193591/ (accessed 20.12.2017).
6. O buhgalterskom uchete: feder. zakon ot 6 dek. 2011 g. No 402-FZ: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (accessed 10.01.2018).
7. Informaciya No PZ-11/2013 "Organizaciya i osushchestvlenie ehkonomicheskim sub"ektom vnutrennego kontrolya sovershaemyh faktov hozyajstvennoj zhizni, vedeniya buhgalterskogo ucheta i sostavleniya buhgalterskoj (finansovoj) otchetnosti". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (accessed 20.12.2017).
8. Alekseeva V. V., Mil'gunova I. V. Metodika ocenki ucheto-kontrol'nyh procedur faktov hozyajstvennoj zhizni ehkonomicheskikh sub"ektov v audite. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2016, no. 2 (19), pp. 135–142.
9. Alekseeva V. V., Mil'gunova I. V. Metodika ocenki kontrol'nyh procedur v sisteme buhgalterskogo ucheta. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2016, no. 4 (21), pp. 127–135.
10. Gurov V. I., Milgunova I. V. Improving of assessment methodology of the audited organizations performance at the stage of audit planning. Ekonomichnij zhurnal, 2016, vol. 157, no. 3-4, pp. 115–117.

УДК 332.1

Е. Ц. Чимитдоржиева, канд. экон. наук, ст. преподаватель, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Улан-Удэ, Россия)
(e-mail: katrin_c@mail.ru)

ОЦЕНКА НЕОДНОРОДНОСТИ ПОСТУПЛЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ В КОНСОЛИДИРОВАННЫЕ БЮДЖЕТЫ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В работе рассматривается проблема неравномерного поступления налоговых доходов в консолидированные бюджеты регионов Сибирского федерального округа. В качестве основных видов доходов консолидированных бюджетов регионов рассмотрены поступления налога на прибыль, налога на доходы физических лиц, налога на имущество, включающего налог на имущество организаций и налог на имущество физических лиц. Автор привел краткий обзор подходов к оценке неравномерности социально-экономического развития и предложил использовать для количественной оценки неоднородности налоговых доходов коэффициент вариации. В проведенном исследовании дан анализ динамики поступления налоговых доходов, отмечены особенности поступлений доходов в консолидированные бюджеты регионов СФО, рассчитан показатель неравномерности для рассмотренных видов налоговых доходов, изучена динамика коэффициентов вариации. В ходе проведения исследовательской работы получены уравнения трендов для коэффициентов вариации, рассчитанных по каждому виду налоговых доходов. С их помощью построены прогнозные оценки неоднородности поступлений налоговых доходов. Моделирование динамики неравномерности осуществлялось с использованием классического инструментария математической статистики. Для оценки параметров уравнений применялся метод наименьших квадратов. Полученные модели удовлетворяют критериям адекватности, что позволило использовать их для расчета прогноза. Автором рассчитаны точечные и интервальные оценки коэффициентов вариации по налогу на прибыль, налогу на доходы физических лиц, налогу на имущество на 2018 и 2019 г. С помощью полученных результатов сделаны выводы о характере неравномерности поступлений налоговых доходов в консолидированные бюджеты регионов СФО, отмечены основные тенденции в развитии неоднородности.

Ключевые слова: неоднородность, налоговые доходы, консолидированный бюджет региона, статистический анализ.

Ссылка для цитирования: Чимитдоржиева Е. Ц. Оценка неоднородности поступления налоговых доходов в консолидированные бюджеты регионов СФО // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 135–142.

Введение

Неоднородность доходов консолидированных бюджетов регионов является неотъемлемой частью экономического развития. Неоднородность развития экономик регионов наблюдается практически по всем параметрам социального и экономического развития. Возникающие различия в региональном развитии, с одной стороны, вносят динамизм в процессы формирования единого регионального экономического пространства, а с другой – приводят к увеличению разрыва между уровнями социально-экономического развития регионов [1; 2; 3]. Одним из важных аспектов данной проблематики является исследование тенденций в развитии неоднородности доходов консолидированных бюджетов регионов. Неравномерность доходов консолидирован-

ных бюджетов достаточно активно обсуждается в научном мире, однако однозначных решений по рассматриваемой проблематике не существует [4; 5]. Предлагаемые разработки с использованием классических алгоритмов математической статистики позволяют повысить эффективность бюджетного планирования и прогнозирования.

Цель исследования

Цель исследования заключается в оценке неоднородности поступления налоговых доходов в консолидированные бюджеты регионов СФО с помощью коэффициента вариации, изучении динамики показателей неравномерности по различным видам налоговых доходов, построении прогноза неоднородности некоторых видов налоговых доходов.

Методы исследования

В большинстве научных исследований неравномерность рассматривается как свойство экономического пространства. Для описания данной проблематики наиболее часто используются такие термины, как асимметрия, асинхронность, дисбаланс, дисгармония, диспропорция, дифференциация, поляризация, плотность распределения ресурсов, размещение ресурсов, концентрация, неравенство. Общих теоретико-методологических подходов к исследованию неравномерности экономического развития пока не сформировано [6; 7; 8; 9; 10]. Существующие методы оценки неоднородности экономического развития муниципальных образований можно условно поделить на:

- методики оценки с использованием различных индикаторов, в том числе статистических показателей (дисперсии, среднего квадратического отклонения, коэффициента вариации и т. д.); коэффициент неравномерности, коэффициент Гатева и т. д.;

- методики с применением интегральных критериев качества, позволяющие ранжировать административные образования по уровню социально-экономического развития;

- способы оценки неоднородности с применением фундаментальных достижений в области исследования экономического неравенства (кривая Лоренца, индекс Джини и т. д.);

- алгоритмы оценки с использованием многомерных методов статистического анализа (кластерный анализ и т. д.);

- методики оценки на основе теории конвергенции [11].

Результаты исследования

Российская Федерация является крайне неоднородной в отношении объемов налоговых поступлений в бюджетную систему. Это предопределяется,

прежде всего, историческими предпосылками, а также большой дифференциацией территориальных природных факторов их развития.

Налоговые доходы консолидированных бюджетов СФО имеют неравномерный характер распределения, как по величине поступлений, так и по темпам роста. В 2016 г. самыми значительными поступлениями характеризовались следующие субъекты: Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области. К регионам с низким уровнем поступлений относятся Республика Алтай, Республика Тыва и Республика Хакасия.

Налог на доходы физических лиц является бюджетообразующим для регионов СФО [12]. Следует отметить, что доля этого налога в общей сумме доходов в регионах с низким уровнем развития колеблется в пределах 10–14,5% (Республика Бурятия, Республика Тыва), а в более развитых – от 27% до 31% (Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область). Одной из причин данного расслоения являются различия в уровне заработных плат в субъектах СФО.

Доля налога на доходы физических лиц в общей сумме доходов консолидированных бюджетов имеет неустойчивый характер, особенно в регионах с низким уровнем социально-экономического развития (в Республике Бурятия, Республике Тыва, Республике Хакасия) (рис. 1). В более «сильных» регионах структура налоговых поступлений практически не меняется в период с 2014 г. по 2016 г.

Динамика поступлений налога на прибыль в целом по СФО является положительной за период с 2009 г. по 2016 г. Среднегодовой темп роста колеблется в пределах от 96,24% (Кемеровская область) до 115,26% (Томская область). Изменение доли данного налога в общей сумме доходов представлено на рисунке 2.

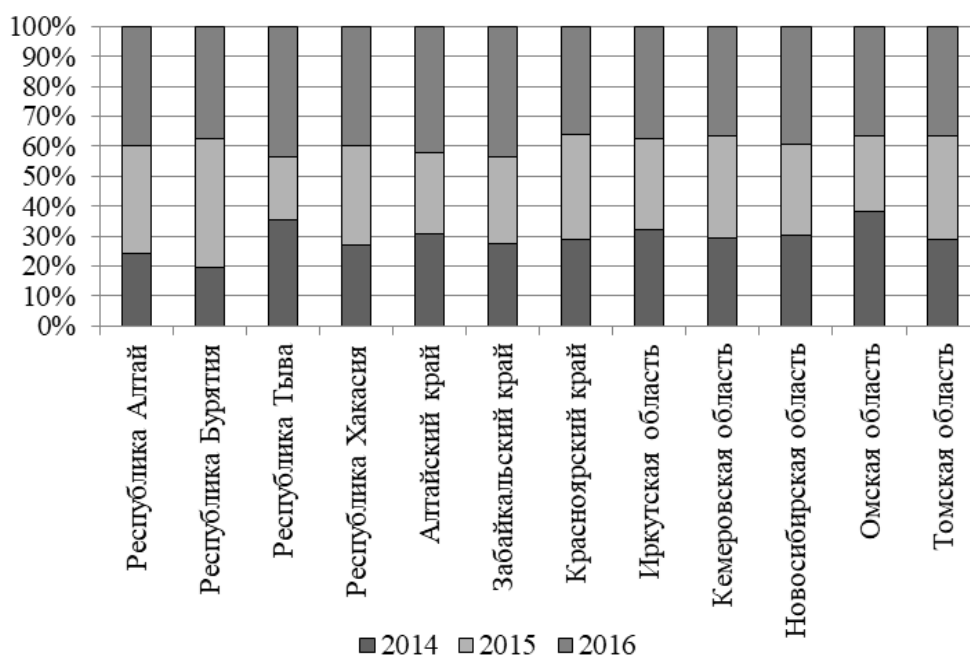

Рис. 1. Доля налога на доходы физических лиц в доходах консолидированных бюджетов регионов СФО за 2014–2016 гг.

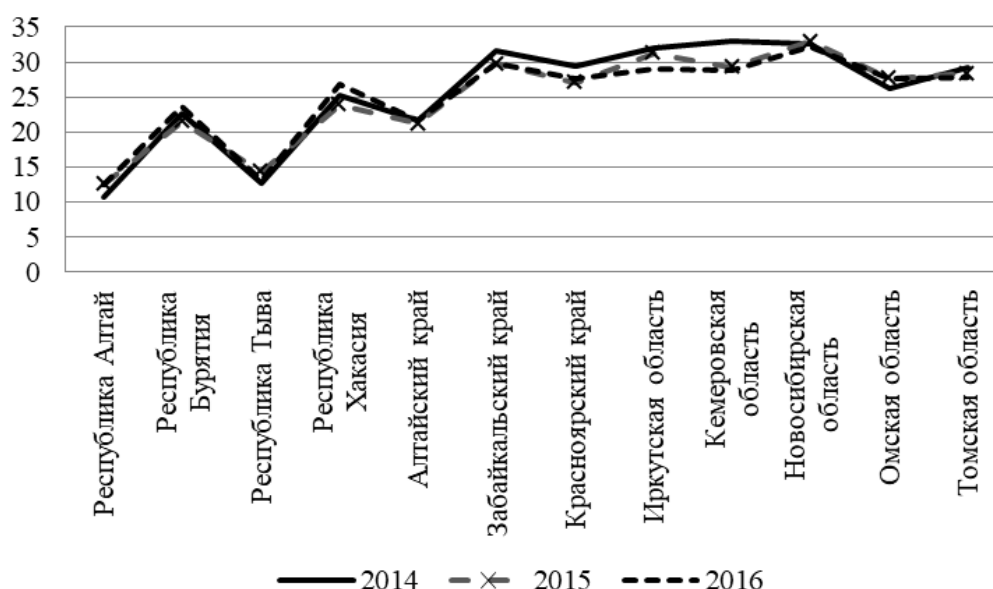

Рис. 2. Доля налога на прибыль в доходах консолидированных бюджетов регионов СФО за 2014–2016 гг.

Налог на имущество включает налог на имущество организаций и налог на имущество физических лиц. Первый относится к числу ведущих в системе региональных налогов, второй – налог на имущество физических лиц, согласно налоговому законода-

тельству, относится к местным налогам. Динамика поступлений имущественных налогов в период с 2009 г. по 2016 г. является положительной. Все регионы СФО демонстрируют прирост по данному показателю. Наиболее высокий темп роста отмечен в Забайкальском

крае (116,56%), минимальный – в Омской области (104,45%). Доля имущественных налогов в общей сумме доходов варьирует от 1,7% до 13,5%. Отметим, что субъекты с низким уровнем социально-экономического развития имеют более низкую долю налогов в общей сумме доходов консолидированных бюджетов по сравнению с «сильными» регионами (рис. 3).

Предварительный анализ показал наличие неравномерности налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов СФО. В качестве показателя неоднородности был использован коэффициент вариации. Расчет коэффициента вариации осуществлялся с 2006 г. по 2016 г. На основании полученных временных рядов были рассчитаны уравнения тренда $y = f(t)$ для трех видов налоговых доходов (табл.).

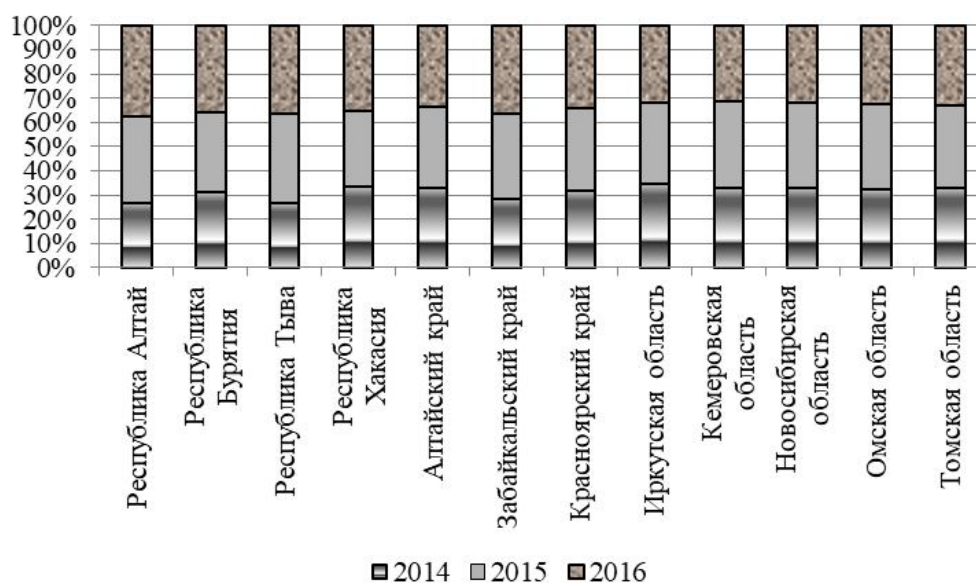

Рис. 3. Доля налога на имущество в доходах консолидированных бюджетов регионов СФО за 2014-2016 гг.

Моделирование динамики неравномерности

Вид дохода	Уравнение тренда	R^2	F - критерий	$\hat{S}$
Налог на прибыль	$y = -2,92 \cdot t + 135,99$ (-4,17)	0,66	17,37	7,34
Налог на доходы физических лиц	$y = -0,22 \cdot t + 78,69$ (-4,27)	0,67	18,26	0,54
Налог на имущество	$y = -0,16 \cdot t + 80,23$ (-2,63)	0,43	6,92	0,62

Критерии адекватности, рассчитанные для всех уравнений, позволяют использовать модели для построения прогноза.

Отметим, что значения коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на прибыль, существенно выше, чем по другим видам налогов. Другими словами, по налогу на прибыль регионы СФО

отличаются сильнее, чем по налогу на доходы физических лиц или налогу на имущество. Динамика коэффициента вариации имеет общий убывающий тренд, нарушение этой тенденции происходило в 2010 и 2015 гг., что может быть связано с кризисными явлениями в экономике (рис. 4).

Согласно проведенному исследованию к 2019 г. коэффициент неравномерности снизится до 95,17%.

Неравномерность поступлений налога на доходы физических лиц в период с 2006 г. по 2016 г. имеет тенденцию к

уменьшению. Динамика коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на доходы физических лиц, является более устойчивой по сравнению с тенденцией коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на прибыль (рис. 5).

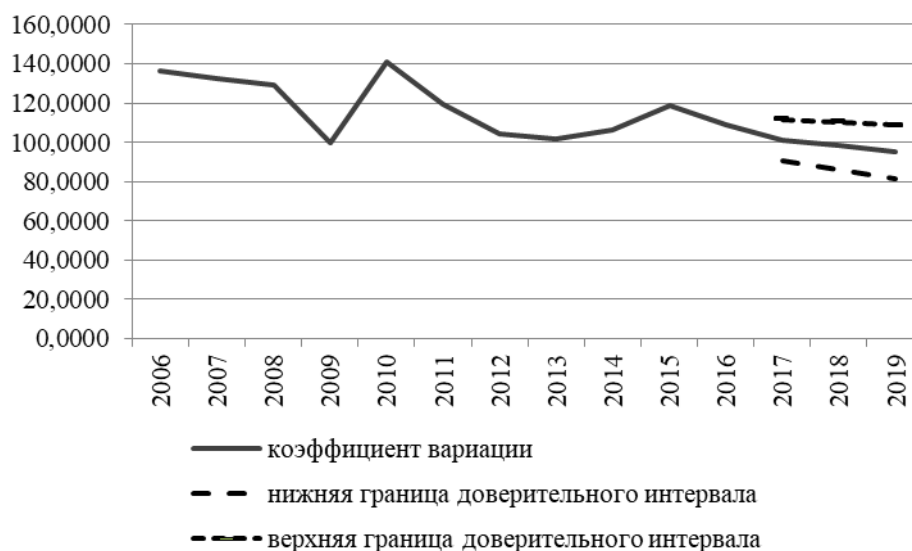

Рис. 4. Прогноз коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на прибыль

Рис. 5. Прогноз коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на доходы физических лиц

Изменение тренда происходило в 2011 г. и в период с 2013 г. по 2016 г. Максимальное значение коэффициента вариации (78,71%) достигается в 2006 г., минимальное — 76,04% в 2013 г. Среднегодовой темп изменения коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на доходы физи-

ческих лиц, в период с 2006 г. по 2016 г., составляет 99,81%. Аналогичная характеристика по налогу на прибыль равна 97,73%. Таким образом, сближение регионов СФО по величине налога на прибыль происходит немного быстрее, чем по налогу на доходы физических лиц. Прогнозная

оценка на 2019 г. для коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на доходы физических лиц, составляет 75,61%.

Динамика коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на имущество, представлена на рисунке 6.

Рис. 6. Прогноз коэффициента вариации, рассчитанного по налогу на имущество

Тренд рассматриваемого показателя снижается, что является положительным моментом. Существенное изменение тенденции происходило в 2013, 2015, 2016 гг. Максимальное значение коэффициента составляет 81,01% (2013 г.), минимальное – 78,23% (2014 г.). Среднегодовой темп изменения неравномерности с 2006 г. по 2016 г. равен 99,79%. Следовательно, сближение субъектов СФО по налогу на имущество происходит примерно одинаково сближению по налогу на доходы физических лиц. Прогнозное значение коэффициента вариации на 2019 г. по налогу на имущество составляет 78,05%.

Выводы

Проведенное исследование показало наличие неравномерности основных видов налоговых доходов консолидированных бюджетов СФО. Показатели неоднородности по каждому виду рассмотренных доходов имеют свои особенности. Так, величина неравномерности по налогу на прибыль существенно выше, чем по другим видам налогов. Однако субъекты СФО по налогу на прибыль сближаются

быстрее, чем по налогу на доходы физических лиц и налогу на имущество.

Построение уравнения тренда по каждому виду налоговых доходов консолидированных бюджетов позволило получить прогнозные оценки неоднородности поступлений на 2019 г.

Список литературы

1. Чепик А. Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2015. 23 с.
2. Плотников В. А., Федотова Г. В. Государственная бюджетная политика в условиях кризиса: региональный аспект // Управленческое консультирование. 2015. № 4 (76). С. 59–69.
3. Стратегические приоритеты регионального развития / А. Н. Михайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов [и др.]. М.: Альфа-М, 2011. 480 с.
4. Коломак Е. А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.

5. Коломак Е. А. Эволюция пространственного распределения экономической активности в России // Регион: экономика и социология. 2014. № 3(83). С. 75–93.
6. Брагина Е. А. Теоретико-методологические основы исследования неравномерности социально-экономического развития регионов // Актуальные проблемы современной науки: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 2016. С. 51–54.
7. Ванчикова Е. Н., Чимитдоржиева Е. Ц., Гарматов З. В. Методический подход к оценке пространственного социально-экономического развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 2. С. 12–18.
8. Губанова Е. С., Клещ В. С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2017. Т. 1, № 1. С. 57–75.
9. Кокшарова А. С., Хардаев Н. Э., Раднаева С. Э. Проблема неравномерности развития муниципальных образований (на примере Республики Бурятия) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-4(65-4). С. 242–246.
10. Скуфына Т. П. Пространственная неравномерность социально-экономического развития России и процессы информатизации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 11-2. С. 116–170.
11. Чепик А. Е. Исследование свойств экономического пространства региона с помощью статистических методов // Российское предпринимательство. 2013. № 24(246). С. 127–132.
12. Харина Н. Л., Пенькова В. Ю. Роль налога на доходы физических лиц в налоговой системе Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. № 1(22). С. 107–114.

Поступила в редакцию 28.01.18

UDC 332.1

E. C. Chimitdorzhieva, Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia) (e-mail: katrin_c@mail.ru)

EVALUATION OF TAX REVENUE STREAM NON-UNIFORMITY OF THE CONSOLIDATED BUDGET OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT REGIONS

The paper considers the problem of tax revenue stream non-uniformity of the consolidated budgets of the Siberian Federal District regions. Receipts of profit tax, personal income tax, wealth tax, containing assets tax and personal property tax, are considered as major types of consolidated budget revenues of the regions. The author carried out short preview of approaches to evaluate social and economic development disparity and proposed to use variation coefficient to quantify the tax income inequality. In the conducted research the analysis of receipts of tax incomes is given, features of the Siberian federal district regions consolidated budget incomes are mentioned, non-uniformity index, calculated for considered kinds of tax revenues, is given, and dynamics of variation coefficients is studied. In the course of the research the trend equations for variation coefficients, calculated for each type of tax revenues, were obtained. With the help of the equations, tax revenue non-uniformity forecasts were made. Modeling of the dynamics was performed with use of classical tools of the mathematical statistics. To evaluate the equations parameters the least square method was used. The obtained models meet the criteria of adequacy, which allowed using them to calculate the forecast. The author calculated the point and interval estimators of variation coefficients for profit tax, personal income tax, wealth tax for a year 2018 and 2019. Based on these results the conclusions about the nature of the tax revenue stream non-uniformity of the consolidated budgets of the Siberian Federal District regions were made, the principal trends in non-uniformity development are mentioned.

Keywords: non-uniformity, tax revenues, region consolidated budget, statistical analysis.

For citation: Chimitdorzhieva E. C. Evaluation of tax revenue stream non-uniformity of the consolidated budget of the Siberian Federal District regions. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 135–142 (in Russ.).

References

1. Chepik A. E. Statisticheskoe issledovanie neravnomernosti social'no-ehkonomicheskogo razvitiya municipal'nyh obrazovaniy regiona. Avtoref. dis. kand. ehkon. nauk. Moscow, 2015. 23 p.
2. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. Gosudarstvennaya byudzhelnaya politika v usloviyah krizisa: regional'nyj aspekt. Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2015, no. 4 (76), pp. 59–69.
3. Mihajlov A. N., Zubarev A. S., Emel'yanov S. G., eds. Strategicheskie priority regional'nogo razvitiya. Moscow, Al'fa-M Publ., 2011. 480 p.
4. Kolomak E. A. Prostranstvennaya koncentraciya ehkonomicheskoy aktivnosti v Rossii. Prostranstvennaya ehkonomika, 2014, no. 4, pp. 82–99.
5. Kolomak E. A. Ehvoluciya prostranstvennogo raspredeleniya ehkonomicheskoy aktivnosti v Rossii. Region: ehkonomika i sociologiya, 2014, no. 3(83), pp. 75–93.
6. Bragina E. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya neravnomernosti social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regionov. Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Stavropol', Stavr. un-t Publ., 2016, pp. 51–54.
7. Vanchikova E. N., Chimitdorzhieva E. C., Garmatarov Z. V. Metodicheskij podhod k ocenke prostranstvennogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regiona. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2012, no. 2, pp. 12–18.
8. Gubanova E. S., Kleshch V. S. Metodologicheskie aspekty analiza urovnya neravnomernosti social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regionov. Ehkonomicheskie i social'nye peremeny: faktory, tendencii, prognoz, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 57–75.
9. Koksharova A. S., Hardaev N. Eh., Radnaeva S. Eh. Problema neravnomernosti razvitiya municipal'nyh obrazovaniy (na primere Respubliki Buryatiya). Ehkonomika i predprinimatel'stvo, 2015, no. 12-4(65-4), pp. 242–246.
10. Skufina T. P. Prostranstvennaya neravnomernost' social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii i processy informatizacii. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovaniy, 2013, no. 11-2, pp. 116–170.
11. Chepik A. E. Issledovanie svojstv ehkonomicheskogo prostranstva regiona s pomoshch'yu statisticheskikh metodov. Rossijskoe predprinimatel'stvo, 2013, no. 24 (246), pp. 127–132.
12. Harina N. L., Pen'kova V. YU. Rol' naloga na dohody fizicheskikh lic v nalogovyj sisteme Rossijskoj Federacii. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2017, no. 1(22), pp. 107–114.

УДК 336.71

Ю. Н. Потапова, магистрант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина» (Тамбов, Россия) (e-mail: lyalikova.julia@yandex.ru)

Г. С. Хомутикин, магистрант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина» (Тамбов, Россия) (e-mail: grigorij.homutinkin@yandex.ru)

Р. Ю. Черкашнев, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина» (Тамбов, Россия) (e-mail: zakat05@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В 2017 ГОДУ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В современных экономических условиях коммерческие банки играют все более важную роль в процессе повышения кредитно-инвестиционного потенциала. Однако для выполнения данной функции банковская система и каждая отдельная кредитная организация должны в полном объеме соответствовать требованиям, которые устанавливает Центральный банк Российской Федерации. В результате постоянных проблем, выявляющихся у банков любых размеров, Банк России продолжает ужесточать требования к коммерческим банкам. Для многих банков агрессивная кредитная политика закончилась отзывом лицензии, другие крупные частные банковские группы отправились на санацию. Это лишь некоторые результаты политики ЦБ РФ по отзыву лицензий у банков, в отношении которых выявлены нарушения. Все эти меры необходимы и направлены на развитие важной отрасли экономики, необходимой для населения нашей страны. В настоящий момент наблюдается снижение доходности финансовых инструментов в связи с отсутствием стабильности в экономике, при этом, анализируя статистические данные последних лет, можно увидеть положительную динамику многих показателей. Так, за рассматриваемый период мы наблюдаем увеличение темпов роста розничного кредитного портфеля, и в частности ипотечного кредитования. Кроме этого позитивной тенденцией можно считать снижение Банком России ключевой ставки и наращивание технологической базы. В этих условиях одной из первостепенных задач банков является обеспечение стабильного обслуживания клиентов, расширение клиентской базы и увеличение уставного. В данной статье мы проанализируем основные итоги работы коммерческих банков в 2017 году и рассмотрим возможные перспективы развития.

Ключевые слова: кредит, государство, санкции, лицензии, санация, риски, активы, кредитный портфель.

Ссылка для цитирования: Потапова Ю. Н., Хомутикин Г. С., Черкашнев Р. Ю. Основные итоги работы коммерческих банков в 2017 году и перспективы развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 143–152.

Анализируя деятельность коммерческих банков в прошедшем году, можно сделать вывод, что 2017 г. для банковского сектора Российской Федерации оказался не слишком простым в институциональном плане (отзывы лицензий, санации банков), однако динамика многих показателей была достаточно хорошей.

С января по декабрь 2017 г. объем активов вырос на 4,9% в процентном выражении, или на 3,9 трлн руб. в денежном выражении до 84 трлн руб. на 1.12.2017 года (в реальном выражении рост на 5,9%), по данным ЦБ РФ. Если сравнить эти данные с аналогичным периодом 2016 г., то мы увидим, что снижение активов составило 3,2% в номинальном выражении, при этом темпы снижения активов за вычетом валютной переоценки составляли 0,3%. По итогам ноября 2017 г.

продолжилась тенденция прироста активов в номинальном и реальном выражении, которую мы наблюдаем уже который месяц подряд.

По мнению аналитиков, ближайшие месяцы тоже могут стать успешными для российского банковского сектора, что связано с сезонным фактором, а также с санацией Промсвязьбанка, поскольку, как правило, при санации Банк России выдает коммерческому банку кредит на поддержание ликвидности [1]. По оценке экспертов, в декабре объем активов российских банков, вероятно, увеличится на 1,3–1,5% в номинальном выражении, а в реальном – вырастет на 1,5–1,8%. В целом за 2017 г. активы выросли на 6,4–7,0% в номинальном выражении, в реальном же выражении активы увеличились на 7,5–8,0% (рис. 1).

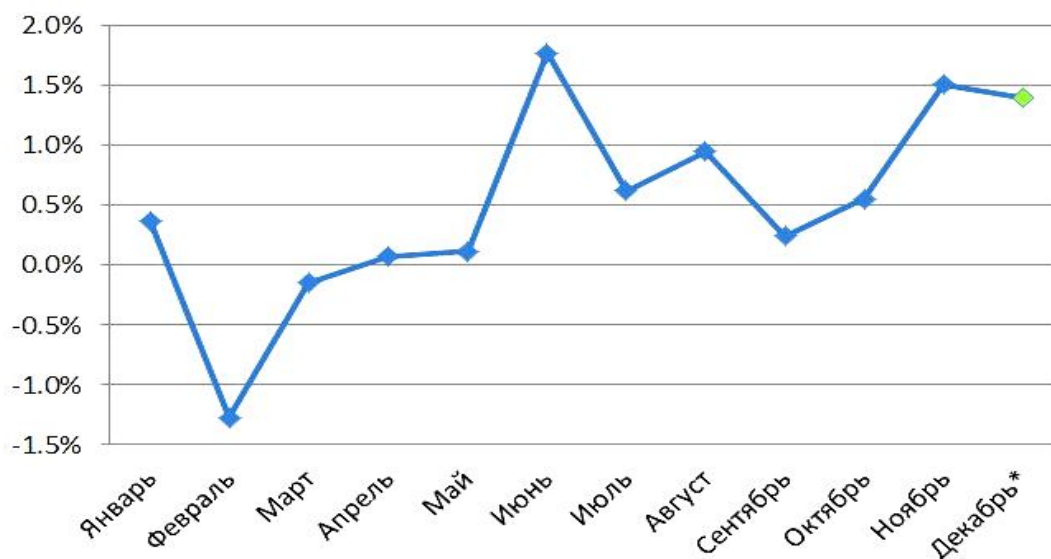

Рис. 1. Ежемесячная динамика активов в 2017 г.

Если мы рассмотрим динамику кредитования экономики в 2017 г., то увидим менее позитивную картину. Так, согласно данным, опубликованным Банком России, за период с 1 января по 1 декабря 2017 г. кредитование экономики выросло на 3% в номинальном выражении и на 3,9% в реальном выражении [2]. При этом доля просроченной задолженности существенно не изменилась, сократившись с 6,72% на 01.01.2017 г. до 6,68% на 01.12.2017 г. Хотя в течение рассматриваемого нами периода динамика этого показателя носила неустойчивый характер, локальный максимум просроченной задолженности пришелся на конец марта 2017 г. (7,39%). Отсутствие стабильности в отношении просроченной задолженности обусловлено прежде всего волатильностью корпоративного кредитования, однако в то же время по розничным кредитам в период с января по декабрь 2017 г. наблюдалось снижение доли просроченной задолженности с 8,1% до 7,3%. По мнению экспертов, доля просроченной задолженности по кредитам в 2018 г. будет снижаться. По итогам следующего года, вполне вероятно, можно будет ожидать ее сокращения на 0,4–0,7 п. п.

С 01.01.2017 по 30.11.2017 г. совокупная прибыль российских банков со-

ставляла 870 млрд руб., в то время как за аналогичный период предыдущего года суммарная прибыль была равна 788 млрд руб. Если же проанализировать динамику за 12 месяцев, то мы увидим, что коммерческие банки в России в совокупности заработали чуть более 1 трлн руб., т. е. возможность побить рекорд 2012 г. (1 трлн руб.) во многом зависит от итогов декабря и является вполне достижимой [3].

Однако показатель совокупной прибыли в 2017 г. мог быть значительно выше, прогнозировалась сумма до 1,5 трлн руб., но прогноз не оправдался. Вероятно, одной из причин можно назвать значительный совокупный убыток в размере 95,6 трлн руб., который, по данным ЦБ РФ, в период с 01.07.2017 по 30.09.2017 г. получили кредитные организации. Этот спад прервал достаточно длинную серию прибыльных кварталов подряд. Можем предположить, что в большей степени ответственность за полученные в третьем квартале убытки несут две банковские группы – это БИН и «Открытие». Если же не учитывать результаты их работы в указанный период времени, можно увидеть, что остальные кредитные организации суммарно получили довольно высокую прибыль. Хотелось отметить, что убыток в третьем квартале 2017 г. являет-

ся вторым по величине в современной истории России, и незначительно уступает рекордному убытку четвертого квартала 2014 г., который тогда составил 96,1 трлн руб. По оценкам экспертов, прибыль российского банковского сектора в декабре 2017 г. будет вполне хорошей, но все же меньше, чем в ноябре, когда она составила 177 млрд руб., т. к., вероятно, ушедший на санацию Промсвязьбанк зафиксирует убыток [4].

Подводя итоги работы коммерческих банков в 2017 г., следует отметить ключевые тенденции банковской системы.

1. Одной из главных тенденций по-прежнему остается сокращение числа коммерческих банков на российском финансовом рынке. В 2017 г. Банком России было отозвано более шестидесяти лицензий банков и других финансовых компаний, однако это все же меньше, чем в 2016 г., когда более 100 банков лишились лицензий принудительно и добровольно. При этом снижение числа отзывов лицензий совсем не означает, что в ближайшем будущем этот процесс сойдет на нет. В прошедшем году рынок покинули может быть не самые крупные, однако значимые в масштабах тех или иных регионов банки. Вместе с тем сразу три достаточно крупные частные банковские группы были направлены на санацию.

В начале 2017 г. Банк России показал, что готов действовать жестко, отзывав в марте 2017 г. лицензию у Татфондбанка, входившего в ТОП-50 по размеру активов. Далее совершенно очевидным стало наступление кризиса у большого числа крупных татарстанских банков. В апреле 2017 г. Центробанк отзывал лицензии у Росэнергобанка и Банка «Образование», в мае – у Банка БФА, в июле – у достаточно крупного Межтопэнергобанка, а также входящего в ТОП-30 Банка «Югра». Далее, начиная с августа, практически не было крупных отзывов лицензий, однако настала черед санаций. В числе первых ушедших на санацию была Группа ФК «Открытие», включающая в себя одноименный банк,

санируемый Банк Траст и не так давно приобретенный Росгосстрах, притом что Банк ФК «Открытие» в начале 2017 г. был крупнейшим частным банком Российской Федерации и по активам занимал шестое место. После на санацию были направлены банки Группы БИН, а после внимание Банка России обратилось на Промсвязьбанк, который в конце 2017 г. занимал десятое место по активам.

По оценке экспертов, среди крупнейших банков страны есть те, которые находятся в зоне риска и в среднесрочной перспективе могут или лишиться лицензии, или отправиться на санацию, но, скорее всего, после череды прошедших отзывов и санаций будет сделан небольшой перерыв в столь радикальных решениях регулятора [2]. Количество отзывов, вполне вероятно, продолжит сокращаться, так что банкам стоит обратить внимание на свою кредитную политику и пересмотреть задачи на ближайшее будущее (рис. 2).

2. В сложившейся ситуации на рынке банковских услуг наблюдаются кризис некоторых частных групп банков и отзывы лицензий у других банков, вследствие чего еще одной тенденцией стало огосударствление российского банковского сектора [5]. В настоящее время среди десяти крупнейших банков страны теперь только два банка являются частными, причем один из них имеет довольно тесные связи с госкомпанией. При этом среди двадцати крупнейших банков лишь пять банков формально можно считать частными, в реальности же полноценно независимыми от государства частными банками являются только три из крупнейших двадцати, хотя в предыдущем 2016 г. таких насчитывалось 8. Из этого следует, что теперь государство прямо и косвенно контролирует примерно 3/4 активов российских банков. Наряду с этим руководство Банка России и другие представители власти заявляют, что подобное развитие событий не является целью, и в ближайшем будущем санируемые банки

будут выставлены на продажу, а крупнейшие госбанки могут быть приватизированы [6]. При этом мы видим, что в текущих условиях банки представляют собой небольшую ценность, так что покупателей по достойной цене найти будет довольно сложно. Что касается приватизации госбанков, то данный процесс

может сильно уменьшить их капитализацию, поскольку, по мнению инвесторов и клиентов, статус государственного банка имеет значительную ценность. Скорее всего, текущий уровень государственного участия в банковском секторе Российской Федерации – это долгосрочная перспектива.

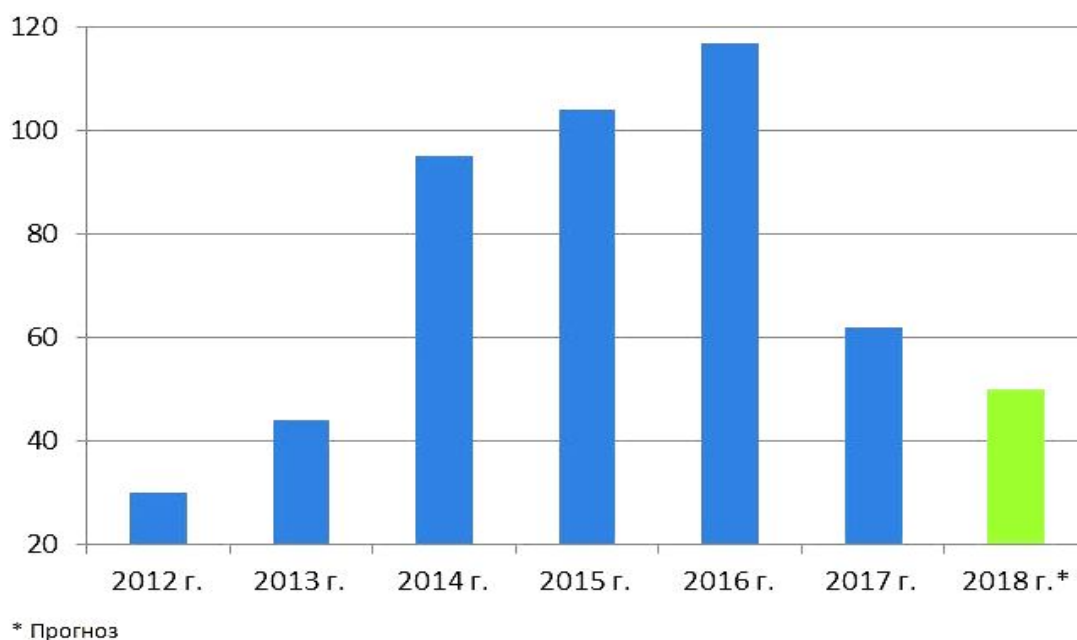

Рис. 2. Динамика количества отзывов и аннулирования лицензий банков

3. Еще одной неожиданной тенденцией 2017 г. стал значительный подъем розничного кредитования. Данный сегмент рынка уже в 2016 г. был направлен в сторону стабилизации, но в 2017 г. он превзошел самые смелые ожидания. Объем розничного кредитного портфеля вырос, по оценке РИА Рейтинг, почти на 1,5 трлн руб. за 2017 г. в денежном выражении, или на 14% – в процентном выражении, до 12,3 трлн руб. на 01.01.2018 г., что является лучшим результатом с 2013 г. [6] Если проанализировать динамику среди кредитов населению, то наилучшие показатели у ипотечного кредитования, обеспечившего более половины всего прироста. Банк России даже начал говорить о перегреве, и еще в середине 2017 г. повысил коэффициенты риска по кредитам с малой долей первоначального

взноса. Однако представители правительства, напротив, возлагают надежды на весомый рост ипотечного рынка в среднесрочной перспективе. По всей видимости, победу одержит ставка на высокие темпы роста ипотечного кредитования, но на фоне этого подъема все больше возникает опасений, и вероятно, в 2018 г. может начаться активное обсуждение механизмов предотвращения закредитованности населения, в частности может возникнуть жесткое регулирование соотношения официальных доходов к объему выплат по кредитам, о чем уже довольно давно ведутся споры. По оценкам экспертов, в 2018 г. ипотечных кредитов будет выдано примерно на 2,3 трлн руб., а совокупный розничный портфель, вполне возможно, вырастет на 15–17% (рис. 3).

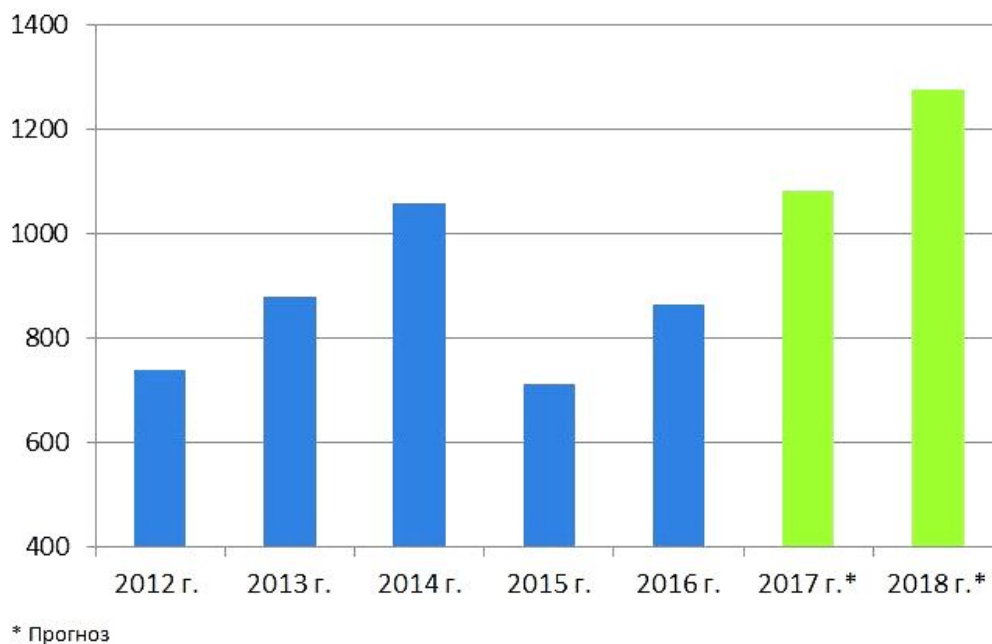

Рис. 3. Динамика выданных ипотечных кредитов (тыс. шт.)

4. В 2017 г. Банк России семь раз снижал ключевую ставку и, судя по всему, этот процесс еще не закончен. При сохранении позитивной тенденции с инфляцией в 2018 г. следует ожидать аналогичного по масштабам снижения. Политика монетарных властей при этом оказалась немного спокойнее, чем это ожидалось в конце 2016 г. Тем временем рекорд по минимальному уровню инфляции, а именно 2,5% по результатам 2017 г., дал возможность снижать ставки более быстрыми темпами. Хочется отметить, что больше всего снижение ставок почувствовали на себе розничные клиенты, вместе с тем и корпоративные клиенты в конце 2017 г. также ощутили улучшение условий по банковскому кредитованию. Вполне возможно, что в 2018 г. ЦБ РФ еще снизит ключевую ставку в пределах 1,5–2,0 п. п., и, если сохранятся благоприятные условия, ставка может опуститься ниже 6%.

5. В ушедшем году у широкого круга инвесторов возрос интерес к финансовым технологиям. Возникали опасения, что финансовые компании будут вытеснены с рынка IT-гигантами. Однако, как показали итоги 2017 г., этого не произошло и

вероятность такого исхода событий значительно снизилась. Прежде всего, высокотехнологичные компании не смогли показать существенного прогресса в области финансовых технологий, и еще, что для нас имеет большее значение, банки агрессивно включились в «гонку технологий», хотя до этого считалось, что они довольно неповоротливые и консервативные. До сих пор большие надежды возложены на blockchain, но, несмотря на пристальное внимание к этой теме и инвестиции в соответствующие технологии, готовых прикладных продуктов на blockchain платформе практически нет. Следовательно, в ближайшие годы стоит рассматривать скорее инерционный сценарий развития технологий в финансовой сфере, нежели революционный.

6. Следующая тенденция, начавшаяся в 2016 г. или даже ранее, носит негативный характер – это подверженность банков кибератакам. Уровень кибератак на банковский сектор в 2017 г. был по-настоящему угрожающим. В прошедшем году было совершено сразу несколько кибератак, нарушающих работу большого числа предприятий, и в частности банков. Сначала заметный

ущерб был нанесен вирусом-шифровальщиком WannaCry, а потом на несколько дней приостановил работу некоторых банков шифровальщик Petya. Несмотря на растущие затраты на киберзащиту в Российской Федерации и в других цивилизованных странах, а также пристальное внимание к этой проблеме со стороны регулятора, эти кибератаки стали возможными. Последние масштабные атаки коснулись сразу нескольких стран, а значит, мы имеем возможность сравнить, насколько российские коммерческие банки оказались готовы к подобным проблемам по сравнению с зарубежными конкурентами. Стоит сказать, что здесь сравнение вполне в пользу российских финансовых институтов. В большинстве случаев банкам удалось избежать ущерба, те же банки, которые пострадали, сумели достаточно быстро восстановить свою работоспособность. Однако полностью избежать ущерба в дальнейшем, скорее всего, не удастся, а значит банкам необходимо не только вкладываться в IT-безопасность, но и создавать резервы на случай убытков от кибератак, поскольку вероятность убытков значительна при любом уровне безопасности.

7. Еще одна проблема, которая, казалось бы, уже ушла на второй план, вновь приобретает свою актуальность. В 2017 г. довольно сильно ужесточились санкции со стороны США и ЕС, и, по всей видимости, в 2018 г. стоит ожидать дальнейшего их усиления. Довольно часто обсуждается вероятность введения санкций против российского государственного долга, что может негативно повлиять на финансовый сектор страны. Некоторая определенность по масштабам санкций и их дальнейшему развитию, скорее всего, наступит в первой половине 2018 г.

8. После долгого обсуждения и работы в тестовом режиме в третьем квартале 2017 г. был запущен механизм черных списков клиентов банков. По сведениям открытых источников, в списки включены более полумиллиона юридических и

физических лиц. Естественно, не обошлось и без проблем. Так, по разным оценкам, примерно 1/3 субъектов этих списков являются вполне добропорядочными и попали туда по ошибке. Однако стоит признать, что, хотя и возникают различные проблемы и сбои, банки и регулятор пытаются решать их оперативно и, в целом, идея признана удачной.

9. По мнению аналитиков, значительно сократить кризисные явления в 2018 г. в банковском секторе может рост стоимости недвижимости. Вполне вероятно, что жилая недвижимость покажет рост цен из-за развития ипотеки. Что же касается коммерческой недвижимости, то здесь уже в 2017 г. существенно сократилась вакантность площадей, из чего следует, что в 2018 г. есть вероятность локального дефицита, который спровоцирует рост ставок. Как считают эксперты, рост цен на российскую недвижимость способен помочь достаточному количеству банков, ведь зачастую они и их акционеры являются крупными владельцами недвижимости, и кроме того, недвижимость является ключевым залогом банков [7]. Таким образом, тенденция роста на рынке недвижимости способна помочь многим банкам разрешить проблемы с кредитованием и привлечь новый капитал.

10. В 2017 г. был запущен новый способ санации банков через Фонд консолидации банковского сектора фактически под управлением Банка России. Уже достаточно давно обсуждаются пути решения проблемы санации банков, однако предыдущие способы санации, а именно через государственные структуры, применяемый в период и после кризиса 2008 г., и санация частными банками, используемая вплоть до 2017 г., в целом, признаны провальными. После этих провалов ЦБ РФ подвергался критике, хотя, по сути, он нес ответственность за итоги санации лишь частично, теперь же санация полностью под контролем мегарегулятора. В сложившейся ситуации некото-

рыми экспертами высказывается мнение, что новый способ санации формирует конфликт интересов, поскольку Банк России регулирует все банки, однако лишь у некоторых из них он заинтересован в результате.

Как отмечалось ранее, в течение короткого промежутка времени сразу три масштабные банковские группы отправились на санацию, при этом расходы по их оздоровлению, скорее всего, превысят 1 трлн руб. Вернуть вложенные средства, вероятно, не представится возможным, а значит санация станет убыточной для Банка России. Частично можно достичь успеха при условии, что обновленные банки будут проданы вместе либо порознь хотя бы за часть средств, потраченных на них. Однако даже такой результат нельзя гарантировать, и есть вероятность, что и этот вариант санации не принесет успеха. В этом случае существует еще один вариант – санация российских банков зарубежными. В целом, иностранные банки, работающие в Российской Федерации, имеют хорошую репутацию, и хочется верить, что они не станут решать свои проблемы, используя для этого санлируемые банки, как это практиковалось ранее некоторыми российскими организациями. При этом с зарубежными партнерами может оказаться все гораздо сложнее, поскольку их будут сдерживать лимиты на работу в России согласно Базелю, правовые и репутационные риски из-за санкций в отношении России.

Чего же стоит ждать в 2018 г., сохранится ли текущий вектор развития или возможны кардинальные перемены? С точки зрения собственно банковской системы у нас наблюдается выход из сжатия рынка кредитования населения. Оно довольно уверенно себя чувствует, и в 2018 г., как нам кажется, можно ожидать темпов роста розничного кредитного портфеля до 20%. Кредиты предприятиям пока находятся в процессе стагнации, но, вполне возможно, что в следующем году начнется небольшой рост, в базовом сце-

нарии – до 10% за год. По остаткам на счетах и депозитам предприятий и населения тоже можно ожидать вялой динамики, но все-таки чуть выше, чем в этом году. Если в 2017 г. наблюдалось увеличение на 7–9%, то в 2018 г. эксперты прогнозируют в базовом варианте рост на 9–11%. Это связано с динамикой депозитов, которая может выправиться под влиянием высоких реальных процентных ставок. Все-таки инфляционные ожидания населения снижаются, и скоро частные вкладчики должны почувствовать, что депозитные ставки, в целом, «обгоняют» инфляцию.

Кроме того, профицит ликвидности, который сейчас наблюдается в банковской системе, будет потихонечку рассасываться, т. к. кредиты (в первую очередь кредиты населению) начнут расти чуть быстрее, чем депозиты. Вполне возможно, что к концу 2018 г. рост спроса населения на кредит начнет сам собой подтормаживать, поскольку люди более реалистично оценят свою платежеспособность, соотнесут рост долга и рост зарплат и увидят, что их зарплаты растут не настолько быстро, чтобы принимать на себя масштабные долговые обязательства.

Однако в третьем квартале 2017 г. начался рост просроченной задолженности предприятий – это на фоне скачка банкротств. И тут есть большой риск. В условиях стагнации даже небольшое сжатие доходов компаний может вызвать очень неприятные явления, такие как долговая дефляция. Допустим, некая компания набрала долгов в расчете на то, что кризис заканчивается и можно ожидать рост рынка. Но выясняется, что дополнительных доходов не будет – время идет, а перспектива возобновления роста рынка не просматривается. Тогда, чтобы поддержать оборот и сохранить платежеспособность, такая компания попытается сбросить цены, чтобы увеличить продажи. Если таких компаний на данном рынке много – оптовые цены начнут падать

(абсолютно или по отношению к росту стоимости издержек). Соотношение долга и дохода у большинства компаний на рынке начнет ухудшаться. Если таких рынков окажется несколько, то в какой-то момент процесс может стать самоподдерживающимся. Тогда вместо слабого плюса по ВВП в 2018 г. можно получить слабый минус, но, стоит оговориться, что это издержки пессимистичного сценария развития событий.

Основные риски внутри самой банковской системы в 2018 г. – это проблема скрытых дыр в капитале. В 2017 г. все убедились, что проблема очень масштабная: «Югра», «Открытие», Бинбанк, Промсвязьбанк. Ряд банков из 30 крупнейших тоже чувствуют себя не очень хорошо, но держатся на плаву. Поскольку дыры в капитале – ненаблюдаемая вещь, то вполне возможны неприятные сюрпризы [8].

Вариантов решения немного. Есть средства госкорпораций, но основным способом будет, как уже отмечалось ранее, санация на деньги ЦБ. Принадлежащему Банку России Фонду консолидации банковского сектора в случае необходимости придется спасать банки, заливая дыры деньгами. Да, Центробанк – эмиссионный банк, и теоретически ресурсы у него бесконечны. Но риски такой политики связаны не только с угрозой для макроэкономической стабильности, но и с возможной потерей управляемости растущим «хозяйством» регулятора. Но этот риск, если и сработает, то, скорее, в 2019 г. [9].

При этом возникает вопрос, захотят ли собственники банков частично закрыть дыры за счет своих средств, чтобы спасти бизнес и потом получить какую-то долю прибыли на рынке финансовых услуг. Собственникам было бы проще избежать проблем, будь у них выше доходы, выше процентная маржа. Но для этого нужна была бы более мягкая процентная политика Центрального банка. ЦБ предпочел ее не проводить, и в результа-

те он сейчас вынужденно принимает на свой консолидированный баланс множество непрофильных активов. И чем дальше, тем больше будет принимать.

В каждом конкретном случае наступление критичного момента предсказать практически невозможно. Ясно, что данная опасность есть, но вопрос в том, сойдет ли она на нет или же все пойдет по худшему сценарию и банковская система станет источником проблем, способных сбросить экономику в новое сжатие производства [10].

Механизм здесь примерно такой: если в большом количестве начнут падать крупные банки, не входящие в число системообразующих, а Банк России их не будет поддерживать, то остальным придется повышать ставки по депозитам, чтобы повысить лояльность клиентов – физических и юридических лиц. Ставки по банковским кредитам конечным заемщикам также возрастут. В результате пострадают те отрасли, где уже сейчас идет волна банкротств и растет просрочка, и при этом высока зависимость от привлечения кредитов. Это торговля, строительство и операции с недвижимостью, производство строительных материалов, некоторые сегменты машиностроения. Если им еще немного ужесточить доступ к кредитам, то процесс начнет нарастать, а затем перекинется и на другие сектора. Кто-то приостановит инвестиционные программы, кто-то начнет экономить на закупках сырья. По цепочке это может сказаться на экономическом росте в целом.

Риск такого развития событий повысится к концу следующего года, поскольку к этому моменту, если мировые цены на углеводороды не вырастут, нынешнее сравнительно высокое положительное сальдо по текущим операциям упадет, рубль станет себя менее уверенно чувствовать. А динамика рубля очень важна, поскольку если вкладчики видят, что еще и рубль нестабилен, то валютная паника объединяется с банковской.

Как мы уже отмечали ранее, в 2018 г. сохраняется риск санкций, причем насколько велик этот риск на сегодняшний день, оценить сложно, поскольку по-настоящему этот риск еще не ударил. Например, действующие секторальные санкции, даже после ужесточения, выглядят вполне гомеопатически. Гораздо неприятнее – резкое расширение списка лиц, для которых могут применяться блокирующие персональные санкции (SDN), подразумевающие арест зарубежных активов. Этот риск реализуется, если вдруг произойдет арест активов не какого-то единичного бизнесмена как физического лица, а очень крупной российской структуры – банка или госкомпании – на территории США. Скорее всего, некоторое время спустя активы разморозят, ведь постоянный арест – это объявление полноценной экономической войны. Но пугать могут, а этого будет достаточно, чтобы вызвать очень неприятный психологический эффект для российского рынка.

Если активы крупного корпоративного игрока, который активно работает через американские счета, будут заморожены, на рынке возникнут опасения относительно других подобных игроков, а за ними – и относительно всех крупных российских банков. Возникнет недоверие на межбанковском рынке, а затем возможна и паника вкладчиков.

Существенное ослабление рубля, вероятность которого велика в случае внешнего шока из-за санкций, может несколько смягчить негативные последствия для экономики, но наиболее уязвимым к кредитному сжатию секторам – строительному комплексу и торговле – девальвация не поможет, скорее сыграет в минус. Дальнейшие варианты развития событий лежат уже за пределами 2018 г. Опять же, отметим, что эти рассматриваемые риски – пессимистический сценарий,

которого, хочется надеяться, удастся избежать.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что 2017 г. оказался не самым простым для коммерческих банков, однако нельзя не отметить тенденцию к стабилизации банковского сектора, а также положительную динамику многих показателей.

Список литературы

1. Астрелина В. В. Управление ликвидностью в российском коммерческом банке. М.: ИНФРА-М, 2012. 175 с.
2. Центробанк: деньги для реальной экономики [Электронный ресурс] // Банки и деловой мир. 2015. № 8. URL: <http://www.bdm.ru/pozitsiya/tsentrobant-dengidlya-realnoi-ekonomiki> (дата обращения: 15.12.2017).
3. Букин С. Безопасность банковской деятельности. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
4. РИА Рейтинг по данным Центробанка РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru> (дата обращения: 15.12.2017).
5. Жуков Е. Ф. Менеджмент и маркетинг в банках. 2-е изд. М.: ЮНИТИ, 2013. 255 с.
6. Ямпольский М. М. О регулировании деятельности коммерческих банков // Деньги и кредит. 2011. № 9. С. 29–37.
7. Агарков М. М. Основы банковского права. М.: Финансы и статистика, 2013. 336 с.
8. Банк России [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <http://cbr.ru> (дата обращения: 15.12.2017).
9. Ширшинская Е. Б. Операции коммерческих банков: российский и зарубежный опыт. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2010. 370 с.
10. Захаров В. С. Коммерческие банки: проблемы и пути развития // Деньги и кредит. 2013. № 9. С. 39.

Поступила в редакцию 10.01.18

UDC 336.71

Yu. N. Potapova, Undergraduate, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)
(e-mail: lyalikova.julia@yandex.ru)

G. S. Khomutinkin, Undergraduate, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)
(e-mail: grigorij.khomutinkin@yandex.ru)

R. Yu. Cherkashnev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia) (e-mail: zakat05@mail.ru)

THE MAIN RESULTS OF COMMERCIAL BANKS IN 2017 AND PROSPECTS

In modern economic conditions, commercial banks play an increasingly important role in the process of increasing the credit and investment potential. However, to perform this function, the banking system and each individual credit institution must fully comply with the requirements set by the Central Bank of the Russian Federation. As a result of the constant problems that banks of all sizes face, the Bank of Russia continues to tighten requirements for commercial banks. For many banks, the aggressive credit policy ended with the revocation of the license, while other large private banking groups went for rehabilitation. These are only some of the results of the CBR policy on revocation of licenses from banks in respect of which violations have been identified. All these measures are necessary and aimed at the development of an important sector of the economy necessary for the population of our country. Currently, there is a decrease in the profitability of financial instruments due to the lack of stability in the economy, while analyzing the statistics of recent years, you can see the positive dynamics of many indicators. Thus, during the period under review, we have seen an increase in the growth rate of the retail loan portfolio, and in particular mortgage lending. In addition, a positive trend can be considered to be the reduction of the key rate by the Bank of Russia and the build-up of the technological base. In these conditions one of the primary tasks of banks is to provide a stable customer service, expanding customer base and ensuring the increase in share capital will do. In this significant article we will analyze the main results of commercial banks in 2017 and consider the possible development prospects.

Keywords: credit, state, sanctions, licenses, rehabilitation, risks, assets, credit portfolio.

For citation: Potapova Yu. N., Khomutinkin G. S., Cherkashnev R. Yu. The main results of commercial banks in 2017 and prospects. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 143–152 (in Russ.).

References

1. Astrelina V. V. Upravlenie likvidnost'yu v rossijskom kommercheskom banke. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 175 p.

2. Centrobank: den'gi dlya real'noj ehkonomiki. Banki i delovoj mir, 2015, no. 8. URL: <http://www.bdm.ru/pozitsiya/tsentrobant-dengi-dlya-realnoi-ekonomiki> (accessed 15.12.2017).

3. Bukin S. Bezopasnost' bankovskoj deyatel'nosti. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 288 p.

4. RIA Rejting po dannym Centrobanka RF. URL: <http://riarating.ru> (accessed 15.12.2017).

5. Zhukov E. F. Menedzhment i marketing v bankah. 2th ed. Moscow, YUNITI Publ., 2013. 255 p.

6. Yampol'skij M. M. O regulirovanii deyatel'nosti kommercheskih bankov. Den'gi i kredit, 2011, no. 9, pp. 29–37.

7. Agarkov M. M. Osnovy bankovskogo prava. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2013. 336 p.

8. Bank Rossii. URL: <http://cbr.ru> (accessed 15.12.2017).

9. Shirshinskaya E. B. Operacii kommercheskih bankov: rossijskij i zarubezhnyj opyt. 2th ed. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2010. 370 p.

10. Zaharov V. S. Kommercheskie banki: problemy i puti razvitiya. Den'gi i kredit, 2013, no. 9, p. 39.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.334.2

Б. Б. Подгорный, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: b.podgorny46@gmail.com)

ПЕРСПЕКТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ФОНДОВОГО РЫНКА

Мировой практикой доказано, что фондовый рынок является одной из наиболее эффективных структур для решения как экономических, так и социальных задач. Его комплексное развитие, состоящее из трех основных направлений: учреждение новых акционерных обществ, выпуск и размещение долговых ценных бумаг, вторичный оборот, – способствует успешному развитию как страны в целом, так и отдельных регионов.

В статье приведены краткие результаты исследований, выполненные для определения перспектив и механизмов развития регионального фондового рынка.

Выявлено, что население выражает заинтересованность в долевом участии в экономике региона, при этом базовые показатели: возраст, размер сбережений, ежемесячный душевой доход, финансовая грамотность – не оказывают решающего влияния на возможное участие в работе фондового рынка. Определены факторы, оказавшие наиболее существенное влияние на ответы респондентов по их возможному участию в инвестировании в инструменты фондового рынка.

Определено, что отношение бизнеса региона к выходу на организованный фондовый рынок и использованию инструментов фондового рынка отрицательное или нейтральное, в перспективе возможен выпуск долговых ценных бумаг, однако пока конкретных размещений не планируется.

Показано, что региональные властные структуры вопросам развития фондового рынка не уделяют должного внимания, считая, по всей видимости, этот сегмент рыночных отношений прерогативой федеральной власти.

В выводах статьи предложены меры, реализация которых будет способствовать комплексному развитию регионального фондового рынка, и как следствие, улучшению социально-экономического положения региона.

Ключевые слова: региональный фондовый рынок, население и фондовый рынок, власть и фондовый рынок, бизнес и фондовый рынок.

Ссылка для цитирования: Подгорный Б. Б. Перспективы и механизмы развития регионального фондового рынка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 153–162.

Региональный фондовый рынок, являясь одним из важнейших механизмов привлечения средств для развития экономики и вовлечения населения в инвестиционную деятельность, предполагает комплексное развитие нескольких взаимосвязанных направлений, а именно: учреждение новых акционерных обществ; первичный фондовый рынок в виде эмиссии государственных, региональных, муниципальных и корпоративных облигаций и проведения компаниями IPO; организация работы вторичного фондового рынка.

Существует ряд отечественных ученых и исследователей, чьи работы посвящены развитию региональных фондовых рынков: Б. Д. Беспарточный [1], Д. А. Вавулин [2], И. Г. Горловская [3], А. А. Миллер [4] и другие авторы. В ра-

ботах перечисленных авторов дано определение понятия «региональный фондовый рынок», обоснована необходимость развития региональных фондовых рынков, показана их значимость для социально-экономического развития регионов. Отмечено, что региональный фондовый рынок следует рассматривать как «устойчивую систему экономических отношений по поводу выпуска и обращения ценных бумаг, механизмов, институтов и инструментов, используемых для привлечения инвестиций в экономику региона» [3].

Считаем необходимым дополнить данное определение: кроме указанных экономических, региональный фондовый рынок должен выполнять и социологические функции, заключающиеся в формировании сообщества собственников,

укреплении уважения к категории «собственность», возможности перераспределения собственников и отделение их от управления, усиления ответственности бизнес-сообщества, росте среднего класса.

Однако сегодня региональные фондовые рынки, в том числе и в Курской области, не выполняют возложенных на них ни экономических, ни социальных функций, а основной упор делается на развитие малого бизнеса и частного предпринимательства.

Не ставя под сомнение необходимость развития малого бизнеса в регионах, тем не менее хотим заметить, что, согласно национальному отчету «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016», выполненному в рамках проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor, GEM) [5], лишь 2,1% россиян, не являющихся предпринимателями, рассматривают для себя возможность начать новое дело. Вместе с тем существующее предпринимательство в России не только не решает задач по созданию большого количества рабочих мест, но и значительная часть предпринимателей не видит преимуществ, которые может предоставлять собственный бизнес. Кроме того, участие предпринимателей в экспортно-ориентированных и высокотехнологичных секторах бизнеса составляет незначительную долю.

Считаем, что комплексное развитие регионального фондового рынка будет способствовать вовлечению массового населения в инвестиционные процессы и положительно повлияет на социально-экономическое развитие региона, а также позволит решить проблемы, выявленные в исследованиях GEM.

Цель настоящей статьи – определить перспективы и механизмы развития регионального фондового рынка.

Согласно разработанной нами специальной теории «Российский фондовый рынок как социальное пространство» [6], объединяющей теорию перспектив Канемана-Тверски [7] и теорию социаль-

ного пространства П. Бурдьё [8], российский фондовый рынок представляет собой часть социального пространства, сформированного существующими полями для реализации своих целей или потребностей:

– поля власти или нормативного поля – с целью организации внутренних и внешних заимствований, капиталистического развития, создания класса собственников;

– поля экономики – с целью привлечения средств для дальнейшего успешного развития;

– инвестиционного поля – с целью расширения инвестиционных возможностей.

В зависимости от их взаимодействия и взаимопонимания формируется определенная модель развития фондового рынка.

Для определения перспектив и механизмов развития фондового рынка нами поставлены и решены следующие задачи:

1. Проанализировано отношение населения региона к возможному участию в работе фондового рынка как представителей инвестиционного поля.

2. Определено отношение бизнес-структур к перспективе развития регионального фондового рынка как представителей поля экономики.

3. Определено отношение и участие региональной власти в развитии элементов и структуры фондового рынка.

Далее приведены полученные результаты.

1. Отношение населения к возможному участию в работе регионального фондового рынка

В процессе проведения социологического исследования населения Курского региона, выполненного в начале 2017 г. [9], нами выявлено, что часть населения проявляет интерес к возможному инвестированию своих сбережений в акции, однако существуют определенные особенности.

Важно отметить, что базовые показатели: возраст, размер сбережений, еже-

месячный душевой доход, финансовая грамотность – не оказывают решающего влияния на ответы респондентов [10].

Нами определены факторы, оказавшие наиболее существенное влияние на ответы респондентов по их возможному участию в инвестировании в инструменты фондового рынка: интерес населения к региональному бизнесу, номинальная цена акций, участие государства или региональной власти в уставных капиталах компаний.

Первый фактор – респонденты более лояльно относятся к возможному участию в инвестировании в акции **курских предприятий**, информация о которых является для респондентов понятной и доступной, к тому же в регионе есть значительное количество примеров успешного бизнеса по самым различным направлениям. Кроме того, как отметили некоторые респонденты, территориальная близость компании, акциями которой владеешь, позволяет более активно, по сравнению с федеральными или международными компаниями, участвовать в ее управлении, как минимум – лично присутствовать на собраниях акционеров.

Второй фактор – «**номинальная стоимость**». Респонденты проявляют интерес к приобретению акций именно по номинальной стоимости. Вспомним «Учение об акционерных компаниях» И. Т. Тарасова [11], которое, несмотря на 140 лет с момента опубликования, остается более чем актуальным и подтверждает целесообразность реализации так называемых учредительских акций по номинальной цене или ниже ее.

Положительное действие **третьего фактора**: «**если часть акций будет принадлежать государству или региональной власти**» – также вполне объяснимо. Российская многовековая традиция патернализма оказывает свое влияние и на нынешнее состояние общества, что выражено в полученных результатах.

Можем с уверенностью констатировать, что синтез этих трех факторов более чем в 2 раза повышает рост показателей

по положительному отношению к возможному приобретению акций, что вполне закономерно и объяснимо.

2. Отношение бизнес-структур к развитию регионального фондового рынка

Для определения отношения бизнес-структур к развитию регионального фондового рынка проведено и проанализировано 10 экспертных интервью с руководителями коммерческих компаний региона.

При проектировании этой части исследования планировалось проведение интервью только с руководителями компаний, которые имеют статус публичных или открытых акционерных обществ, однако в процессе реализации проекта пришлось вносить некоторые коррективы в выборку исследования, в результате чего, кроме 5 интервью с руководителями региональных компаний с организационно-правовой формой собственности «публичное или открытое акционерное общество», дополнительно проведено 5 интервью с руководителями компаний в статусах «акционерное общество», «закрытое акционерное общество», «общество с ограниченной ответственностью».

В процессе интервью обсуждались микротемы, касающиеся истории развития компаний, их места на рынке, основных показателей деятельности, необходимость и варианты привлечения инвестиционных и оборотных ресурсов, возможный выпуск долговых и долевых ценных бумаг, социальная ответственность бизнеса, перспективы дальнейшей деятельности.

В целом, ни один из интервьюируемых руководителей предприятий в статусе «публичное или открытое акционерное общество» пока не планирует выход на организованный фондовый рынок через выпуск облигаций или проведение IPO. В перспективе возможен выпуск долговых ценных бумаг, однако пока конкретных размещений не планируется.

Также нужно отметить, что двое из пяти интервьюируемых руководителей

акционерных обществ находились на момент интервью в стадии подготовки изменений в учредительные документы по изменению организационно-правовой формы на общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество (ранее – закрытое акционерное общество).

Один руководитель хотел бы перейти на другую организационно-правовую форму собственности, однако значительное количество акционеров делает это маловозможным. Руководитель одного из открытых акционерных обществ объяснил необходимость соблюдения такой организационно-правовой формы наличием в числе акционеров региональной власти, что не дает возможность перерегистрироваться в общество с ограниченной ответственностью.

Также один из интервьюируемых руководителей сообщил, что сегодня компания находится в стадии банкротства, и, по его мнению, этому способствовала именно возможность свободного приобретения акций у работников предприятия сторонними лицами, что в дальнейшем привело к потере контроля над предприятием и реализация сторонними инвесторами своих планов по получению одномоментной выгоды в ущерб работе предприятия.

Результаты интервью с руководителями компаний, имеющих иную организационно-правовую форму собственности, показали, что они пока не планируют выпуск облигаций или акций для свободного обращения. Важно отметить, что в числе прочих причин, по которым руководители бизнес-структур не рассматривают выход на организованный фондовый рынок, более сложная и детальная отчетность по деятельности.

Приведем некоторые высказывания интервьюируемых.

«Акции курских предприятий не обращаются на торгах из-за своей незначительности. Наша область не имеет настолько ценных акций, из-за которых

предприятия стали бы тратить силы и время на документацию этих акций».

«Акционирование существовало всегда. Между акционерами всегда идёт борьба».

«Акционирование – легальное средство обмана одних людей другими».

«Как государство не потерпит вмешательства во внутреннюю политику других государств, так и бизнес не потерпит вмешательства людей».

«Сегодня налоговая проверка проводится очень редко, а выпуск ценных бумаг, особенно акций в свободное обращение, дает нам лишних контролеров. Ведь в этой ситуации необходимо каждый квартал публиковать отчетность, работать с акционерами, отвечать на их запросы, создавать лишние структуры, которые бы этим занимались».

«Даже миноритарные акционеры, не говоря уже о крупных, через суды могут если не остановить всю деятельность, то уж точно очень сильно навредить компании».

«Привлечение инвестиционных или оборотных ресурсов лучше осуществлять через банковские кредиты. Не спору, что выпуск облигаций позволит привлечь более дешевые ресурсы, однако риски, по сравнению с банковскими кредитами, возрастают».

«Нам нужны оборотные средства в пределах 10 миллионов, а расходы по выпуску облигаций на такую сумму добавят к процентам столько, что в конечном итоге облигации для нас будут дороже, чем кредит».

«И не удивительно, что происходит спад ОАО, все хотят быть главными акционерами».

«Вы говорите про социальную ответственность бизнеса. Согласен. Она должна быть. Мы помогаем дому престарелых, детским домам. Это наша социальная ответственность. А раздачу через акции прибыли своей компании другим людям не считаю социальным делом. Ведь те люди, кто купит наши акции – будут получать прибыль. Т. е. мы будем работать на них,

а они – один раз купив акции – будут всю жизнь получать прибыль. Тут впрямую говорить о социальной несправедливости по отношению к бизнесу».

«Возможно, создание обществ с большим количеством собственников или учредителей было бы реализуемо, но в таких случаях создаваемые компании должны иметь большие преимущества».

«Знаете, есть ведь сегодня предприятия, которые работают не столько на прибыль, сколько реализуют услуги, без которых невозможно представить существование современного общества – вода, канализация, мусор и так далее. Возможно, как раз эти предприятия могли бы стать своего рода народными, имея в собственниках потребителей услуг. В этом случае и меньше возмущений будет по поводу повышения стоимости оказываемых услуг».

«Думаю, что это возможно (создание предприятий в виде публичных акционерных обществ – контекст наш), если этим займется Президент. Когда он что-то предлагает, ни у кого не возникают сомнения, что все это правильно».

«Есть методика или схема оценки работы губернаторов. А почему не добавить в нее пункт о количестве акционерных обществ, чьи акции обращаются на бирже и доступны для населения».

«Я могу за хорошее вознаграждение выступить в качестве руководителя такой компании. Опыт у меня есть, желание тоже. При этом можно сделать, как в Америке – большое вознаграждение по итогам года, в виде бонусов».

3. Для определения участия и роли региональной власти в развитии структуры фондового рынка нами выполнены следующие исследования:

– экспертные интервью должностных лиц на различных уровнях;

– анализ основных документов, регламентирующих деятельность региональных властных структур в части, относящейся к исследуемой проблематике.

Экспертные интервью проводились как на муниципальном, так и на регио-

нальном уровне. Интервью на муниципальном уровне (5) показали, что руководство муниципальных районов, будучи заинтересованным в развитии экономики районов, готово поддерживать бизнес-структуры, предлагающие реализацию различных инвестиционных проектов. При этом приоритетом является приток инвестиционных средств в район, что способствует созданию новых рабочих мест, сокращению безработицы, увеличение уровня жизни населения, решение различных социальных проблем.

Варианты развития инвестиционной деятельности через использование механизмов фондового рынка, как, например, долевое или долговое участие населения в реализации инвестиционных проектов, в районах не применяются и не обсуждаются. Руководство районов считает, что в большей мере эти вопросы должны обсуждаться и решаться на региональном или федеральном уровне, а на уровне района важен приход инвестора с реализацией реальных проектов.

Показательно, что четыре из пяти интервьюируемых высказали возможность личного долевого участия в инвестиционных проектах через приобретение долговых или долевого ценных бумаг, если бы такие предложения поступали.

На региональном (как на законодательном, так и на исполнительном) уровне от предполагаемых экспертов были получены ответы, что развитие элементов и структуры фондового рынка не входит в перечень их должностных обязанностей, что вызвало необходимость выполнить анализ основных документов, регламентирующих деятельность региональных властных структур в части, относящейся к развитию фондового рынка в регионе.

Для анализа мы выбрали ряд документов, регламентирующих перспективы развития и деятельность структурных подразделений региональной власти по социально-экономическому развитию Курской области. Полученные результаты представлены ниже.

1. «Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года» [12]. Считаем, что в стратегии предусмотрено недостаточно мероприятий по развитию фондового рынка. Этому важному вопросу, по меньшей мере, должен бы быть посвящен отдельный раздел или глава.

2. Закон Курской области от 12 августа 2004 года № 37-ЗКО «Об инвестиционной деятельности в Курской области» [13]. Статья 8 Закона (Источники финансирования инвестиционной деятельности) предусматривает, что инвестиционная деятельность может осуществляться за счет инвесторов (денежные накопления и сбережения граждан и юридических лиц, средства, заемные финансовые средства инвесторов (банковские кредиты, облигационные займы) и другие средства); привлеченные финансовые средства инвесторов (средства, получаемые от продаж и акций, паевые и иные взносы членов трудовых коллективов, граждан, юридических лиц); однако далее в тексте закона о развитии структуры и инструментов фондового рынка не упоминается. Кроме того, режим наибольшего благоприятствования, предусмотренный данным законом, не относится к выделенным нами источникам.

3. «Инвестиционная стратегия Курской области до 2025 года» [14]. Декларируя необходимость создания институциональной инвестиционной среды, стратегия не предусматривает привлечение в качестве инвесторов населения региона, что было бы возможно через внедрение в инвестиционную деятельность элементов и конструкторов фондового рынка, а лексический анализ текста показал, что в тексте стратегии отсутствуют такие словосочетания, как акции, облигации, фондовый рынок.

4. «Положение о комитете по управлению имуществом Курской области» [15]. В числе функций комитета по управлению имуществом есть некоторые, которые можно отнести к фондовому рынку. Среди них обеспечение реализа-

ции Курской областью прав акционера в хозяйственных обществах, доли (акции) которых находятся в областной собственности; выполнение функции учредителя создаваемых с участием Курской области юридических лиц.

Считаем, что данные функции являются исполнительными. Первая из них направлена на представление интересов Курской области в действующих акционерных обществах, акционером которых является Курская область, вторая подразумевает механизм реализации участия Курской области в создании элементов фондового рынка. Инициативных функций по развитию регионального фондового рынка в исследуемом документе не обнаружено.

5. «Положение о комитете по экономике и развитию Курской области» [16]. Прямого указания на организацию работы по развитию регионального фондового рынка в исследуемом документе нет.

6. «Положение о комитете финансов Курской области» [17]. Прямого указания на организацию работы по развитию регионального фондового рынка в исследуемом документе нет.

7. «Положение о комитете промышленности, транспорта и связи Курской области» [18]. Среди функций, которые выполняет данный отраслевой орган исполнительной власти Курской области, в рамках исследуемой нами проблемы необходимо выделить следующие: координация и регулирование деятельности в сфере промышленности, транспорта и связи в отношении хозяйственных обществ, акции (доли) которых находятся в государственной собственности Курской области; способствование предпринимательству и привлечению частного капитала для развития предприятий промышленности, транспортного комплекса и средств связи области. Указанные функции способствуют развитию регионального фондового рынка, позволяют учесть различные нюансы деятельности акционерных компаний и привлечения инвестиций в этот рыночный сегмент.

8. «Положение о комитете Администрации Курской области по развитию внешних связей» [19]. Среди функций, предписанных данному подразделению, непосредственно относящихся к развитию регионального фондового рынка нет.

9. «Положение о комитете потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области» [20]. Анализ данного положения позволяет сделать выводы, что ни одна из решаемых комитетом задач и выполняемых функций не имеет прямого отношения к развитию регионального фондового рынка.

Выводы

Результаты наших исследований показывают, что в части развития регионального фондового рынка сложилась следующая ситуация:

1. Отношение бизнеса региона к выходу на организованный фондовый рынок и использованию инструментов фондового рынка отрицательное или нейтральное. В целом, ни один из интервьюируемых руководителей предприятий не планирует выход на организованный фондовый рынок через проведение IPO. В перспективе возможен выпуск долговых ценных бумаг, однако пока конкретных размещений не планируется.

2. Региональные властные структуры вопросам развития фондового рынка не уделяют должного внимания, считая, по всей видимости, этот сегмент рыночных отношений прерогативой федеральной власти. Справедливости ради нужно отметить, что в сентябре 2017 г. состоялась эмиссия региональных облигаций, однако массовому населению эта информация неизвестна.

3. Население выражает заинтересованность в долевом участии в экономике региона, однако в регионе не используется внутренний резерв – привлечение населения региона в качестве инвесторов через долевое участие в региональной экономике. Ставка делается на внешних инвесторов, что является стратегической

ошибкой. Ведь международный опыт инвестиционной деятельности показывает, что не стоит увлекаться внешними инвестициями, а искать свои резервы, т. к. внешние инвестиции ослабляют потенциал участия внутренних инвесторов.

С учетом полученных результатов необходимо в числе прочих принять следующие меры:

1. Доработка документов, регламентирующих направления социально-экономического развития Курской области с внесением в них конкретных мероприятий и показателей, способствующих развитию регионального фондового рынка.

2. Определение конкретного структурного подразделения администрации, отвечающего за развитие регионального фондового рынка с предоставлением ему достаточных полномочий.

3. Принятие на региональном уровне законодательных актов, стимулирующих бизнес к развитию через применение организационно-правовой формы в виде публичных акционерных обществ. Это возможно через снижение для такого рода предприятий региональных и местных налогов, предоставлению таким предприятиям других льгот.

4. При реализации новых инвестиционных проектов приоритеты отдавать тем инвесторам, кто будет регистрировать в регионе для реализации проектов новые публичные акционерные общества, с обязательным условием предоставления возможности населению области приобретения пакета акций.

5. Проведение разъяснительной работы с региональным бизнесом о выгоды выпуска долговых ценных бумаг, использовании других инструментов фондового рынка, например, фьючерсных контрактов в сельском хозяйстве.

6. Установление на федеральном уровне оценочных показателей работы региональной исполнительной власти в части развития структуры и инструментов фондового рынка.

Считаем, что реализация предложенных мер будет способствовать ком-

плексному развитию регионального фондового рынка, и как следствие, улучшению социально-экономического положения региона.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект №16-13-46001).

Список литературы

1. Беспарточный Б. Д., Подгорная Ю. Б. Особенности частного инвестирования на фондовом рынке: теоретические и праксиологические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 1 (14). С. 115–119.
2. Вавулин Д. А. К вопросу о необходимости развития региональных рынков ценных бумаг // Финансы и кредит. 2012. № 8 (488). С. 41–50
3. Горловская И. Г. Типологизация и систематизация факторов развития регионального рынка ценных бумаг как инструмент формирования стратегии развития региональной экономики // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2017. №1. С. 23–34.
4. Миллер А. А. Региональные особенности функционирования рынка ценных бумаг в Российской Федерации // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 38–43.
5. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия – 2016/2017: национальный отчет / О. Р. Верховская, Е. А. Александрова, К. А. Богатырева [и др.]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. 66 с.
6. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis // Economic Annals-XXI. 2017. № 3-4. С. 20–24. DOI: 10.21003/ea.V164-04.
7. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. P. 263–292.
8. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Ed. de Minuit, 1979.
9. Подгорный Б. Б. Социологический анализ современного состояния фондового рынка Курской области: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2. С. 173–184.
10. Подгорный Б. Б. Население и фондовый рынок: региональные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. № 2. С. 192–202.
11. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 666 с.
12. Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Администрация Курской области. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=815 (дата обращения: 24.12.2017).
13. Об инвестиционной деятельности в Курской области [Электронный ресурс]: закон Курской области от 12 августа 2004 г. № 37-ЗКО: [с изм. на 15.05.2017] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/908001972> (дата обращения: 24.12.2017).
14. Инвестиционная стратегия Курской области до 2025 года [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Губернатора Курской области от 2 дек. 2014 г. N 527-пг] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/430508648> (дата обращения: 24.12.2017).
15. Положение о комитете по управлению имуществом Курской области [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Губернатора Курской области от 25 июня 2007 г. № 286] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/908006081> (дата обращения: 24.12.2017).
16. Положение о комитете по экономике и развитию Курской области [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Губернатора Курской области от 19 июля 2012 г. № 309-пг] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/908020100> (дата обращения: 24.12.2017).

17. Положение о комитете финансов Курской области [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Губернатора Курской области от 26 марта 2009 г. № 82] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/908009405> (дата обращения: 24.12.2017).

18. Положение о комитете промышленности, транспорта и связи Курской области [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Губернатора Курской области от 1 июня 2010 г. № 225-пг] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/908013121> (дата обращения: 24.12.2017).

19. Положение о комитете Администрации Курской области по развитию

внешних связей [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Губернатора Курской области от 9 июня 2010 г. № 244-пг] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/908000379> (дата обращения: 24.12.2017).

20. Положение о комитете потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Губернатора Курской области от 22 апр. 2005 г. № 294] // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/908002626> (дата обращения: 24.12.2017).

Поступила в редакцию 16.01.18

UDC 316.334.2

B. B. Podgorny, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: podgorny46@gmail.com)

PROSPECTS AND MECHANISMS FOR THE REGIONAL STOCK MARKET DEVELOPMENT

World practice has proved that the stock market is one of the most effective structures for solving both economic and social problems. Its comprehensive development, which consists of three main areas: establishment of new joint – stock companies, issue and placement of debt securities, secondary turnover, contributes to the successful development of both the country as a whole and individual regions. The article presents the results of studies conducted to determine the prospects and mechanisms of regional stock market development.

Revealed that the population expressed interest in equity participation in the regional economy, while baseline – age, savings size, monthly per capita income, financial literacy does not have a decisive influence on the possible participation in the stock market. Identified the factors which have the most significant influence on the respondents' answers on their possible role in investing in the stock market instruments.

It is determined that regional business position to entry to the organized stock market and the use it's instruments is negative or neutral, in prospect the issuance of debt securities is possible, however, while specific placements are not planned.

It is shown that regional authority structures do not pay enough attention to the stock market development issues, believing apparently that segment of market relations is the Federal government prerogative.

In the article conclusion proposed measures, which implementation will contribute to the comprehensive development of regional stock market, and as a consequence, to improve the regional socio-economic situation.

Key words: regional stock market, population and the stock market, the government and the stock market, business and the stock market.

For citation: Podgorny B. B. Prospects and mechanisms for the regional stock market development. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 153–162 (in Russ.).

References

1. Bespartochnyj B. D., Podgornaya Yu. B. Osobennosti chastnogo investirovaniya na fondovom rynke: teoreticheskie i praksio-logicheskie aspekty. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2015, no. 1 (14), pp. 115–119.

2. Vavulin D. A. K voprosu o neob-hodimosti razvitiya regional'nyh rynkov cennyh bumag. Finansy i kredit, 2012, no. 8 (488), pp. 41–50

3. Gorlovskaya I. G. Tipologizaciya i sistematizaciya faktorov razvitiya regional'nogo rynka cennyh bumag kak instrument formirovaniya strategii razvitiya re-

gional'noj ehkonomiki. Vestnik OmGU. Serija: Jekonomika, 2017, no. 1, pp. 23–34.

4. Miller A. A. Regional'nye osobennosti funkcionirovaniya rynka cennyh bumag v Rossijskoj Federacii. Vestnik Omskogo universiteta, 2011, no. 1, pp. 38–43.

5. Verhovskaya O. R., Aleksandrova E. A., Bogatyreva K. A., eds. Global'nyj monitoring predprinimatel'stva Rossiya 2016/2017: Nacional'nyj otchet. St. Petersburg, St. Peterb. gos. un-t Publ., 2017. 66 p.

6. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis. *Economic Annals-XXI*, 2017, no. 3-4, pp. 20–24. DOI: 10.21003/ea.V164-04.

7. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979, vol. 47, pp. 263–292.

8. Bourdieu P. *La Distinction. Critique sociale du jugement*. Paris, ed. de Minuit, 1979.

9. Podgornyj B. B. Sociologicheskij analiz sovremennogo sostoyaniya fondovogo rynka Kurskoj oblasti: postanovka problem. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2016, no. 2, pp. 173–184.

10. Podgornyj B. B. Naselenie i fondovyj rynek: regional'nye aspekty. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2017, no. 2, pp. 192–202.

11. Tarasov I. T. *Uchenie ob akcionernyh kompaniyah*. Moscow, Statut Publ., 2000. 666 p.

12. Strategiya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Kurskoj oblasti na pe-riod do 2020 goda. Administraciya Kurskoj oblasti. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=815 (accessed 24.12.2017).

13. Ob investicionnoj deyatel'nosti v Kurskoj oblasti: zakon Kurskoj oblasti ot 12 avg. 2004 g. No 37-ZKO: [s izmeneniyami na 15.05.2017]. AO “Kodeks”. URL:

[http:// docs.cntd.ru/ document/908001972](http://docs.cntd.ru/document/908001972) (accessed 24.12.2017).

14. Investicionnaya strategiya Kurskoj oblasti do 2025 goda: [utv. postanovleniem Gubernatora Kurskoj oblasti ot 2 dek. 2014 g. N 527-pg]. AO “Kodeks”. URL: [http://docs.cntd.ru/ document/430508648](http://docs.cntd.ru/document/430508648) (accessed 24.12.2017).

15. Polozhenie o komitete po upravleniyu imushchestvom Kurskoj oblasti: [utv. postanovleniem Gubernatora Kurskoj oblasti ot 25 iyunya 2007 g. No 286]. AO “Kodeks”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/908006081> (accessed 24.12.2017).

16. Polozhenie o komitete po ehkonomie i razvitiyu Kurskoj oblasti: [utv. postanovleniem Gubernatora Kurskoj oblasti ot 19 iyulya 2012 g. No 309-pg]. AO “Kodeks”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/908020100/> (accessed 24.12.2017).

17. Polozhenie o komitete finansov Kurskoj oblasti: [utv. postanovleniem Gubernatora Kurskoj oblasti ot 26 marta 2009 g. No 82]. AO “Kodeks”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/908009405> (accessed 24.12.2017).

18. Polozhenie o komitete promyshlennosti, transporta i svyazi Kurskoj oblasti: [utv. postanovleniem Gubernatora Kurskoj oblasti ot 1 iyunya 2010 g. No 225-pg]. AO “Kodeks”. URL: [http://docs.cntd.ru/ document/908013121](http://docs.cntd.ru/document/908013121) (accessed 24.12.2017).

19. Polozhenie o komitete Administracii Kurskoj oblasti po razvitiyu vneshnih svyazej: [utv. postanovleniem Gubernatora Kurskoj oblasti ot 9 iyunya 2010 g. No 244-pg]. AO “Kodeks”. URL: [http://docs.cntd.ru/ document/908000379](http://docs.cntd.ru/document/908000379) (accessed 24.12.2017).

20. Polozhenie o komitete potrebitel'skogo rynka, razvitiya malogo predprinimatel'stva i licenzirovaniya Kurskoj oblasti: [utv. postanovleniem Gubernatora Kurskoj oblasti ot 22 apr. 2005 g. No 294]. AO “Kodeks”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/908002626> (accessed 24.12.2017).

УДК 316.33

Е. А. Белов, канд. социол. наук, доцент, Казанский юридический институт МВД России (Казань, Россия) (e-mail: evgeniybelov@inbox.ru)

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ НЕФОРМАЛЬНУЮ ЗАНЯТОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье анализируется современное состояние в сфере неформальной занятости населения. Соотносятся результаты исследования, проведенного в августе 2017 года Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), с результатами социологического исследования, выполненного автором. На основе расчетного метода обосновывается некорректность заявления социологов ФОМ о том, что 82% работающих россиян официально оформлены на работе.

Обосновывается позиция автора относительно понятий «занятость» и «неформальная занятость», «неформальный сектор экономики» и «теневой сектор». Аргументируется различие социальных феноменов, описываемых этими понятиями. Делается акцент на том, что различия в определении тех или иных терминов приводят к неверному пониманию социальной реальности.

Представляются некоторые результаты социологического исследования, проведенного автором. В частности, численность первично неформально занятых определяется в диапазоне 40 млн человек. Акцентируется внимание на чрезвычайной значимости верного толкования проблем, связанных с неформальной занятостью населения, так как искаженная информация обуславливает принятие не до конца выверенных решений при реализации государственной политики занятости населения и иных стратегических программ.

Выявляются причины возникновения и функционирования неформальных трудовых отношений. Рассматриваются вопросы влияния глобальных всемирно-исторических процессов на отношения, связанные с трудом и занятостью. В частности, акцентируется внимание на анализе перехода общественного развития от индустриальной к информационной стадии, изменении культуры производства и потребления, последствиях разрушения коммунистической модели социальных организаций. Уточняется определение статусной позиции занятых лиц. Раскрываются некоторые стереотипы поведения и мышления современных работников.

Формулируется вывод о природе неформальных трудовых отношений на рынке труда, обусловленной современными социально-экономическими отношениями и закономерностями общественного развития.

Ключевые слова: неформальная занятость, социально-трудовые отношения, рынок труда, теневой сектор экономики, рабочая сила.

Ссылка для цитирования: Белов Е. А. Факторы, обуславливающие неформальную занятость на современном этапе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 163–168.

Неформальная занятость населения приобрела на сегодняшний день чрезмерно большое значение в формате общественных отношений. Наряду с растущей разницей доходов богатых и бедных, высоким уровнем коррупции, понижением социальной ответственности работников и работодателей неформальная занятость наносит ущерб как экономическим, так и социальным связям в системе государственного управления. Причем экономический ущерб исчисляется не только потерями подоходного налога и выплат работодателя в различные фонды, но и недополучением в бюджет налогов от реализации товаров и услуг. Социальные издержки заключаются в изменении парадигмы о необходимости занятости во

благо совместного проживания, разрушении стереотипа о значимости законодательных и моральных норм труда, негативном отношении значительного количества лиц к государственным структурам, отвечающим за функционирование различных отраслей народного хозяйства и т. п.

По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) [1], только 16% работающих россиян трудятся в теневом секторе, а 82% официально оформлены на работе. Представленные показатели несколькостораживают, т. к. не вписываются в отвечающую современным реалиям модель занятости населения. Следует учитывать, что основными заказчиками и потребителями результатов иссле-

дований ФОМ являются: Администрация Президента РФ, Правительство РФ, Центральный банк РФ и т. п. Соответственно, искаженная информация обуславливает принятие не до конца выверенных решений при реализации государственной политики занятости населения и иных стратегических программ.

Во-первых, в исследовании ФОМ речь идет о теневом секторе, что само по себе вызывает ряд вопросов. В настоящее время нет четкого понимания объемов и структуры теневого сектора экономики ввиду отсутствия утвержденных методик его оценки. На наш взгляд, теневой сегмент рынка труда охватывает элементы неформальной и криминальной занятости [2, с. 45]. Официальная статистика учитывает не теневой, а неформальный сектор экономики, включающий всех лиц, которые в течение отчетного периода были заняты по меньшей мере в одной единице неформального сектора, независимо от их статуса. Эти единицы работают в небольшом масштабе, на низком уровне организации, с несущественным разделением труда и капитала, на основе родственных или личных отношений и случайной занятости. Соответственно, для понимания сути раскрываемого вопроса необходимо было бы определить, какая категория лиц, по мнению авторов исследования, подпадает под понятие «теневой сектор».

Во-вторых, некорректно выбрано само понятие «работающие россияне». В статистической отчетности этот термин не используется, в отличие от понятий «занятые в экономике» и «рабочая сила». В ряде нормативных правовых актов можно встретить термин «работающие». Так, согласно второй статье Закона РФ N 1032-1 [3], занятыми считаются граждане, работающие по трудовому договору и т. д. В п. 5 ст. 2 Федерального закона N 255-ФЗ [4] определяется категория лиц, которых относят к работающим по трудовым договорам. Как бы то ни было, такая категория, как работающие, связана с заключением трудового договора. Соот-

ветственно, сложно оценить, что имели в виду исследователи ФОМ, когда писали о 16% работающих россиян, которые трудятся в теневом секторе. Если речь шла о процентном отношении занятых в неформальном секторе экономики к общей численности занятых, то эта цифра коррелирует с данными Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) [5]. Однако если за отправную точку взять информацию о том, что 82% работающих россиян, т. е. занятых в экономике, официально трудоустроены, то остро встает вопрос о недополучении бюджетами субъектов РФ многомиллиардных сумм.

Согласно статье 56 Бюджетного кодекса РФ в бюджеты субъектов Российской Федерации подлежит зачислению налог на доходы физических лиц – по нормативу 85%. Исходя из этого, формула для приблизительного расчета налоговых поступлений в бюджеты субъектов РФ может быть представлена в следующем виде:

$$НП = 0,85 \cdot 0,13 \cdot ОТЛ \cdot СМЗП,$$

где НП – налоговые поступления бюджетов субъектов РФ; ОТЛ – официально трудоустроенные лица; СМЗП – среднемесячная заработная плата.

Так как опрос 1500 респондентов, проведенный ФОМ, состоялся в августе 2017 г., мы использовали данные официальной статистики за июль 2017 г. Все показатели взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики [5]. Так, численность занятых в экономике составляет 73,1 млн человек, а среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации – 38619 рублей. Соответственно, в бюджеты субъектов РФ должна поступить сумма, эквивалентная не 3 млрд рублей, а 312 млрд рублей. Хотя данные за июль 2017 г. по налогу на доходы физических лиц из таблицы доходов бюджетов РФ отсутствуют, считаем, что для проведе-

ния предварительных расчетов допустимо придерживаться суммы в 2807,8 млн рублей, зафиксированной в 2015 г. [5; 6]

Даже с учетом стандартных, социальных и имущественных налоговых вычетов получается абсолютно иной порядок цифр. Эта разница обусловлена тем, что значительное число работников тем или иным способом уклоняются от уплаты налогов. Кроме того, существенно искажена численность занятых лиц, которые не платят подоходный налог. Их не 82%, как отмечают исследователи ФОМ, а порядка 50%, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами исследования [7]. Оставшаяся половина занятых вовлечена в сферу неформальных трудовых отношений. При этом следует принять во внимание, что криминальные формы деятельности (коррупция, воровство, мошенничество и т. п.) являются отдельной статьей ущерба и не подпадают под определение неформальной занятости населения.

По нашим оценкам, общая численность неформально занятых в России, с учетом трудовых мигрантов, лиц, отнесенных к экономически неактивной части населения и т. п., составляет порядка 40 млн человек. Данный показатель характеризует первичную занятость и не включает в себя лиц, имеющих вторичную неформальную занятость. Безусловно, можно оспорить представленные нами результаты социологического исследования в части, касающейся точного количества неформально занятых лиц, но их значительная представительность в общем числе занятого населения является фактом. Соответственно, необходимо отметить, что существует определенная проблема, а не демонстрировать благоприятное положение дел в сфере занятости населения. Понимая серьезность сложившейся ситуации, целесообразно разобраться в причинах и следствиях ее возникновения.

Существенный объем неформальной занятости может объясняться несовершенством законов, правовым нигилизмом, как работников, так и работода-

тей, общей культурой, низким уровнем жизни и т. п. Помимо этого на проблему существенное влияние оказывают глобальные процессы, в частности перехода от индустриального общества к информационному. Этот переход обусловил изменение коммуникативных схем, организационных структур, управленческой культуры и т. п. Сущность индустриального периода заключалась в создании крупных организационных форм, для функционирования которых были созданы различные производственные, административно-хозяйственные, организационно-управленческие и иные структуры. Робототехника, современные технологии, использование новых материалов обуславливают иные, по сравнению с XX веком, принципы построения процессов производства, реализации, потребления товаров и услуг. Создается большой пласт интернет-занятости, широко практикуется передача отдельных видов деятельности сторонним организациям на основе аутсорсинга, производства перемещаются в районы с дешевой рабочей силой, высвобождается существенное количество работников различной квалификации и т. п. [8] Подобного рода изменения привели к сокращению ядра организаций и увеличению численности периферийных работников, значительная часть которых комплектуется за счет неформально занятых.

Кроме того, изменяется культура потребления. Если ранее акцент делался на приобретении собственного жилья, покупке товаров «разового использования» (свадебное платье, смокинг, снегоход и т. п.), приобретении для личного пользования инструментов и оборудования, которые применяются достаточно редко (перфоратор, фотокамера, станок и т. п.), то сейчас набирают популярность: съемное жилье, прокат различных товаров, аренда автомобиля и т. п. Это приводит к сокращению численности работников, занятых в сфере производства, и их перетеканию в плоскость неформальной занятости.

В масштабах нашего государства одна из наиболее значимых причин современного уровня неформальной занятости заключается в разрушении коммунистической модели социальных организаций [9, с. 65]. Распад СССР и начало рыночных преобразований условно можно определить в качестве отправной точки этого явления. Фактически, за последние 25 лет произошло физическое и культурное уничтожение социальных основ объединения людей в профессиональные группы. Социальные гарантии, общность интересов, схожесть бытовых условий предопределяли то, что на первое место выходила совместная общественно полезная деятельность, а не заработная плата. Для работника чрезвычайно важным было нахождение в «престижной» организации. Таковыми были заводы, институты, больницы и т. п. На сегодняшний день эти положения перестали играть какую-либо значимую роль в занятости населения.

Мы не идеализируем советский период, но нельзя недооценивать работу государственных органов по формированию единства, общности, патриотизма и иных, сплачивающих людей качеств. Хотя подобная работа ведется в современной России, люди уже прониклись индивидуальными ценностями и в значительной своей массе не стремятся к совместной трудовой деятельности во благо общества и государства. В современных условиях практически не имеет значения, где ты работаешь. Зачастую это может быть околोकриминальная или общественно неодобряемая деятельность. Сейчас не принято спрашивать о месте трудовой деятельности, главное, чтобы были деньги и человек мог удовлетворить свои личные потребности. Даже на уровне определения понятия занятость ранее трактовалась как вид общественно-полезного труда, который удовлетворял личные и общественные потребности [10, с. 358].

В рамках современного подхода наиболее часто используется следующее

понятие: «занятые – это лица, которые в течение отчетного периода выполняли определенную работу за заработную плату или жалование деньгами или натурой» [11, с. 57]. Как видим, в последнем определении термина «занятость» никоим образом не оговаривается общественная полезность самой трудовой деятельности. Фактически, на сегодняшний день так оно и есть, т. е. любая деятельность (рэкет, проституция, продажа запрещенных к свободной реализации товаров и т. п.) может быть представлена как занятость.

В постсоветский период сформировалось несколько стереотипов мышления работников:

- все равно, где работать и чем заниматься, главное, чтобы был заработок;
- не стоит задумываться о будущем (пенсия, социальное страхование, гарантии и т. п.), лучше деньги сегодня;
- государство нам ничего не дает, поэтому нужно постараться сократить различные формы расходов, которые связаны с его деятельностью (не платить налоги, укрывать дополнительные источники дохода, не регистрировать свою трудовую деятельность и т. п.).

Уход государства из плоскости регулирования занятости и переориентация на рыночные отношения в сфере труда приводят к тому, что вся тяжесть бремени поиска средств к существованию ложится на самих граждан, которые становятся незащищенными перед работодателями. Формируется достаточно большая совокупность людей, которую Г. Стэндинг обозначил понятием «прекариат» [12]. Невыверенная пенсионная политика, сокращение перечня социальных гарантий и льгот для работников обуславливают утрату интереса к официальному трудоустройству и являются благоприятной почвой для неформальной занятости.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что современные социально-экономические отношения и глобальные изменения в сфере производства и по-

ребления товаров сформировали условия для неформальной занятости. В сложившейся ситуации представляется допустимым сконструировать два вероятностных варианта действий. Первый заключается в признании естественной природы неформальных трудовых отношений и создании механизмов по их встраиванию в общую модель рынка труда. Второй вариант предусматривает отторжение и категорично негативное отношение к неформальной занятости с выработкой методов противодействия этому явлению. В этом случае необходимо пересмотреть роль государства в сфере труда и занятости.

Список литературы

1. Большинство россиян оказались довольны своей работой и недовольны зарплатой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/579156> (дата обращения: 21.10.2017).
2. Белов Е. А. Организационно-правовые способы предупреждения деформации трудовых отношений: монография. Казань: Казан. юрид. ин-т МВД России, 2014. 153 с.
3. О занятости населения в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон РФ от 19 апр. 1991 г. № 1032-1: [ред. от 29.07.2017]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_601 (дата обращения: 21.10.2017).
4. Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [Электронный ресурс]: федер. закон РФ от 29 дек. 2006 г. № 255-ФЗ: [ред. от 01.05.2017]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/ (дата обращения: 21.10.2017).
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 28.09.2017).
6. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/> (дата обращения: 23.09.2017).
7. Белов Е. А. Слабоконкурентные субъекты рынка труда в системе неформальных трудовых отношений // Social and economic problems of modern society. Prague: Vedecko vydavatelske centrum, 2017. № 34. С. 78–81.
8. Mumford L. Technics and Civilization. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 387 p.
9. Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2016. 544 с.
10. Маркович Д. Социология труда. М.: Изд-во РУДН, 1997. 512 с.
11. Хусманс Р., Мехран Ф., Верма В. Обследование экономически активного населения: Занятость, безработица и неполная занятость: в 2 кн. М.: Финстатинформ, 1994. Кн. 1. 277 с.; Кн. 2. 277 с.
12. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 400 с.

Поступила в редакцию 10.12.17

UDC 316.33

E. A. Belov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry (Kazan, Russia) (e-mail: evgeniybelov@inbox.ru)

FACTORS TO DETERMINE UNREPORTED EMPLOYMENT AT THE PRESENT STAGE

The paper analyzes the current state of the unreported employment of the population. The results of an opinion survey conducted in August 2017 by the Public Opinion Foundation (POF) are compared with the results of a sociological survey carried out by the author. The incorrectness of the statement of the POF sociologists that 82 % of Russians in work are officially registered at the place of employment is justified through the calculation method.

Justified the author's position regarding the concept of employment and informal employment, the informal economy and the shadow sector. The article explains the difference of social phenomena described by these concepts. The emphasis on the fact that the differences in the definition of certain terms leads to an incorrect understanding of social reality. Presents the results of a sociological survey conducted by the author. In particular, the number of primary informal jobs is determined in the range of 40 million people. The article focuses on the importance of the correct interpretation of the problems related to informal employment, as distorted information leads to wrong decisions during the implementation of state employment policy and other strategic programs.

The paper brings to light the reasons for the emergence and functioning of informal labor relations. The issues of how the global world-wide historic processes have an effect on the relations attributed to the work and employment are discussed. Particularly, the author focuses on the analysis of jumping the social development from the industrial to the information stage, changing the culture of production and consumption, the consequences of destroying the communist model of social organizations. Specification is given to the definition of the status position of employed persons. Some stereotypes of behavior and thinking of today's workers are revealed.

A conclusion is drawn on the nature of informal labor relations in the job market conditioned by modern socioeconomic relations and patterns of social development.

Key words: unreported employment, social and labor relations, job market, shadow economy, work force.

For citation: Belov E. A. Factors to determine unreported employment at the present stage. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 163–168 (in Russ.).

References

1. Bol'shinstvo rossiyan okazalis' dovol'ny svoej rabotoj i nedovol'ny zarplatoj. URL: <http://www.interfax.ru/russia/579156> (accessed 21.10.2017).
2. Belov E. A. Organizacionno pravovye sposoby preduprezhdeniya deformacii trudovyh otnoshenij. Kazan', Kazan. yurid. in-t MVD Rossii, 2014. 153 p.
3. O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii: zakon RF ot 19 apr. 1991 g. No 1032-1: [red. ot 29.07.2017]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_601 (accessed 21.10.2017).
4. Ob obyazatel'nom social'nom strahovanii na sluchaj vremennoj netrudosposobnosti i v svyazi s materinstvom: feder. zakon RF ot 29 dek. 2006 g. No 255-FZ: [red. ot 01.05.2017]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/ (accessed 21.10.2017).
5. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru/> (accessed 28.09.2017).
6. Ministerstvo finansov Russian Federation. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/> (accessed 23.09.2017).
7. Belov E. A. Slabokonkurentnye sub"ekty rynka truda v sisteme neformal'nyh trudovyh otnoshenij. Social and economic problems of modern society. Prague: Vedecko vydavatelske centrum, 2017, no. 34, pp. 78–81.
8. Mumford L. Technics and Civilization. Chicago, University of Chicago Press, 2010. 387 p.
9. Zinov'ev A. A. Russkaya tragediya. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 544 p.
10. Markovich D. Sociologiya truda. Moscow, Izd-vo RUDN Publ., 1997. 512 p.
11. Husmans R., Mekhran F., Verma V. Obsledovanie ehkonomicheski aktivnogo naseleniya: Zanyatost', bezrobotica i nepolnaya zanyatost'. Moscow, Finstatinform Publ., 1994. Vol. 1. 277 p.; Vol. 2. 277 p.
12. Stehnding G. Prekariat: novyj opasnyj klass. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2014. 400 p.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

УДК 1(=177) (0.91)

Н. В. Волохова, канд. филос. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: volna-sha@rambler.ru)

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО «ПУТЬ» К СИНТЕТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ: ВЛИЯНИЕ УЧЕНИЯ ЛАО-ЦЗЫ

В течение двадцати пяти последних лет своей жизни Толстой добился значительных успехов в разработке новой религии о всеобщей любви и ненасилии. Всеобщая любовь и сочувствие представлены Толстым в духе Иисуса, Будды, Лао-цзы и других духовных руководителей. Сам Толстой неоднократно подтверждал, что испытывал сильное воздействие даосских идей Лао-цзы, конфуцианских постулатов как самого Конфуция, так и Мо-цзы. Интерес писателя к древнекитайской философии в позднем периоде его творчества несомненен. Магистральное сходство этих двух философов, выражающееся в том, что они настаивают на тождестве веры и нравственности, обозначилось сразу. Они выводят мораль из религиозных истин и стоят на позициях очищенной, упрощенной религии, призвание которой – быть ближе к сердцу народа. Вера должна помогать разуму, понимать и улучшать как самого человека, так и общество в целом, тогда «жизнь действительная» приобретает ценность.

В данной статье автор постарался сделать анализ влияния философских идей древнекитайского мудреца на становление философского ядра жизненной концепции Толстого. Основной интерес русского писателя был направлен на познание такой философской категории китайской мудрости, как «Дао». Хронологическое развитие разворота вышеобозначенного понятия «Дао» у Толстого претерпевает различные интерпретации: это и «разум», и «истина», и «неделание», и «Бог», и «свобода». Обращение Толстого к трудам древнекитайского мыслителя и их подробный анализ был вызван, на наш взгляд, огромной потребностью русского писателя найти основы такого философского или религиозного учения, которое бы позволило найти простые ответы на сложные вопросы. Толстого этот путь привел к формированию основ его «синтетической» религии, религии любви, очищенной от всего, по его мнению, лишнего. И очень много оказалось созвучным и было почерпнуто им из книги Лао-цзы.

Ключевые слова: религия любви, Дао, неделание, разум, свобода, Бог, даосизм, толстовство, синтетическая религия, Увэй, путь, истина, добродетель, жизнь, христианство.

Ссылка для цитирования: Волохова Н. В. Лев Толстой и его «путь» к синтетической религии: влияние учения Лао-цзы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 169–176.

Лев Толстой активно интересовался идеями даосизма и, можно сказать, что он был в России популяризатором идей китайского мудреца, родившегося в 6 в. до н.э. в княжестве Чу. Не зная китайского, и имея только перевод на немецкий язык Ф. Штраусом книги Пути и Благодати Лао-цзы («Дао-дэ цзин»), Толстой, собственно, одним из первых пытается перевести ее на русский. Эта попытка выльется в предисловие к «Учению Лао-Тзе» «Изречений китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым» (М.: Посредник, 1910).

Магистральное сходство этих двух философов, выражающееся в том, что они настаивают на тождестве веры и нравственности, обозначилось сразу. Они

выводят мораль из религиозных истин и стоят на позициях очищенной, упрощенной религии, призвание которой – быть ближе к сердцу народа. Вера должна помогать разуму понимать и улучшать как самого человека, так и общество в целом, тогда «жизнь действительная» приобретает ценность. И понять что-то о жизни поможет изучение того, что говорили истинные «учителя человечества» – философы.

Вообще об увлечении Толстого китайской философией написано не так уж много, в отличие, например, от анализа его «буддийских пристрастий». Хотя, по утверждению такого исследователя, как Е. А. Серябряков: «Им было прочитано более трех десятков капитальных моно-

графий по философии, истории, культуре и литературе Китая» [1, с. 81].

Сам Толстой неоднократно подтверждал, что испытывал сильное воздействие даосских идей Лао-цзы, конфуцианских постулатов как самого Конфуция, так и Мо-цзы. Интерес писателя к древнекитайской философии в позднем периоде его творчества несомненен. Толстой находит в измышлениях китайского мудреца подтверждение множеству идей, до которых он дошел самостоятельно, в том числе и фундаментальной мысли об отношении человека к бытию как к универсальному целому («единству жизни»), а осознание этого происходит через «моральное совершенствование» каждого отдельного человека. Сегодня такое представление о целостности мира принято называть холизмом. Толстой же, выводя принципы «интуиции Всего» [2], еще на заре XX века выборочно опирался на идеи древнекитайской философии, где предполагается обогащение от кого-то чем-либо новым, при этом без утраты собственной идентичности. Как пишет В. Г. Бондаренко: «Сам Китай много дал миру (компас, порох, бумагу, а нынче новейшие компьютеры и мобильные телефоны), но много брал и берёт у всего остального мира, не теряя своё Дао. Так и Лев Толстой, к примеру, взял в учении Лао-цзы много полезного, и претворил его в свои собственные толстовские нравственные ценности, оставаясь при этом самим собой, не подменяя древнекитайского мудреца Лао-цзы» [3]. Толстой обращается к философии Лао-цзы в поисках выхода из духовного тупика. Основополагающий принцип этой философской системы – Дао, что означает «путь», естественный путь вещей и попытка понять «как», как происходят эти вещи и работают. Дао лежит в основе творения, это его суть, которая открывается лишь через осознание того, что происходит. Для понимания сути человек должен быть открыт этому пониманию и оставить свои предубеждения, принципы и категоричность. «В Дао принцип и про-

цесс познания неведомого неразделимы» [4].

Взгляды писателя на категорию Дао (у Толстого Тао) эволюционировали [5]. В 1884 году, обратившись к французскому переводу Ст. Жюльена книги китайского мудреца, Толстой определяет для себя это понятие как «Бог». Видимо, это связано с тем, что Толстой в это время активно занимается исследованием догматов христианской веры. Трактат «В чем моя вера?» и «Соединение и перевод четырех Евангелий» приходятся на этот период с 1880 по 1884 г.

Специфичность трактовки Бога писателем состоит в том, что Бог у него есть некое универсальное начало, которое человек усваивает посредством разума и осознания Бога в себе и себя в Боге есть дело сугубо индивидуальное. Только душа конкретного человека есть единственно возможная форма бытия божьего. Поэтому обоснованием разработки религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстым и использование основных сущностных положений христианства состояло в том, что человек не может жить без высшего смысла жизни, заключенного во всех религиях мира, как не может человек жить без сердца. Высший смысл связан с идеей Бога, в которой человечество выразило идею совершенного добра, любви, справедливости по отношению к человеку.

Позже, в 1893 году, после перевода книги Е. И. Поповым, хорошим знакомым Толстого, которую он осуществлял по просьбе последнего, писатель в своем произведении «Неделание» дает уже другую трактовку Тао – «путь», истина или добродетель. Здесь следует обратить внимание на то, что Толстой пытается интерпретировать в своем учении еще одно понятие из «Дао-дэцзина» – Увэй, которое рассматривается как «неделание», «невмешательство» или «смирение». Эта идея в даосизме очень важна, и не случайно многие лаосские храмы украшает надпись «Каждый сам отвечает за свои деяния». Как мы понимаем, это

понятие выльется в важнейший принцип толстовской теории «непротивления злу силою». Толстой понимает «смирение» несколько иначе, чем православная церковь. Для него это «покорение во плоти», укрощение желаний тела и единственный возможный способ следования закону Дао. И здесь мы можем вспомнить высказывание самого китайского мудреца: «Недеянием совершается все» [6, с. 28]. Человек должен исключать вмешательство в движение Вселенной, дабы не нарушать гармонию, созданную самой природой. Если человек не вмешивается не в свое дело, то его жизнь меняется к лучшему. Идея Лао-цзы предполагает наличие беспристрастности, но не бездействия, т. к. человек обязан развиваться через движение и действия, и только тогда его жизнь наполняется энергией и приносит перемены.

Именно подобные выкладки мы обнаруживаем у Л. Н. Толстого: «Сущность учения Лаодзи состоит в том, что высшее благо как отдельных людей, так в особенности и совокупности людей, народов может быть приобретено через познание “Тао” – слово, которое переводится “путь, добродетель, истина”, познание же Тао может быть приобретено только через неделание. Все бедствия людей, по учению Лаодзи, происходят не столько от того, что они не сделали, сколько от того, что они делают то, чего не нужно делать. Чего же не нужно делать? Не нужно сердиться, не нужно блудить, не нужно клясться, не нужно противиться злу злом, не нужно воевать» [7, т. 4, с. 186].

Мыслитель призывал к разумно устроенной и ненасильственной жизни по законам любви и добра, считая их сугубо человеческими ценностями, которые он хотел превратить в мотивы деятельности человека. Но решение социальных проблем начиналось для него с отказа от всех форм насилия и фанатизма: классового, национального или религиозного. Он противопоставил им свободу, веротерпимость, взаимоуважение, нравственное развитие человека и общества. В корот-

ком рассказе «Ассирийский царь Ассархадон» (1903) автор вскрывает истину о единстве жизни. Ассархадону снится, что он физически превратился в своего врага Лаилиэ, а затем в осленка, убитого на охоте. Старик объясняет Ассархадону: «Ты думал, что жизнь только в тебе... и ты увидел, что, делая зло другим, ты делал его себе. Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой одной своей жизни... Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою – любить их» [8, с. 116].

Нередко говорят, что учение Христа относится к сфере личной нравственности и не касается вопроса о строе государственной жизни. Толстой держится иного мнения. Сущность христианства, говорит он, состоит в проповеди любви и выражается в пяти заповедях, имеющих целью устранить поводы раздора между людьми. Эти заповеди таковы: 1) не сердись, 2) не блуди (т. е. если ты вступил в плотский союз, не нарушай его для вступления в союз с другим лицом), 3) не клянись, 4) не противься злу злом (откуда в качестве следствия получается предписание: не судите, чтоб не судиться и не присуживайте никого), 5) не воюй [9, т. 23, с. 331]. Из этих пяти заповедей три последние прямо имеют в виду государственную жизнь, и исполнение их ведет к упразднению государства, как строя жизни, основанного на насилии.

Осознание мыслителем общественных нужд и проблем привело его к тщательному изучению механизма насилия со стороны социальных институтов. Он выделил ряд видов деятельности, играющих особую роль в формировании общества, лишенного любви – или общества, где любви явно недостает. В его глазах особую вину в формировании «безлюбивых» ценностей и неаутентичного образа жизни несут те, кто занимается такими формами социальной деятельности, как государственная и политическая дея-

тельность, которая поддерживает репрессивный механизм; военные, которые отбирают жизни людей; судьи и юристы в целом, которые не могут знать наверняка, что такое правосудие; деятели искусства, не преследующие в своей работе высоких целей; учителя, если не считают нужным объяснять высшие ценности; служители церкви, т. к. считают себя выше и лучше других людей и вообще все те из нас, кто практикует насилие, принуждение и подавление других.

Согласно взглядам Толстого, участвовать в перечисленных делах означает не задавать себе вопросов о том, что такое социальные обманы или обманы культуры. В результате возникают не отвечающие своему истинному назначению образование, искусство, государственное управление, право, наука и религия. В той мере, в какой мы не ставим под вопрос социальные обманы, мы сознательно или бессознательно укрепляем их и в результате оказываемся виновными в утверждении насилия и отказе от религии любви, играющей главную роль в развитии человеческих отношений. Нейтрализовать зло и успешно противоборствовать ему можно только противоположным началом: зло уничтожается добром, гнев – кротостью, ненависть – любовью. Зло нельзя исправлять злом, равно как огонь нельзя потушить огнем, а от наводнения спастись водой [10, с. 34].

В 1903 г. в масштабной работе, которой писатель отдал не один год, «Мысли мудрых людей на каждый день. Собрания Л. Н. Толстым» приводятся около 40 фрагментов из изречений Лао-цзы. И с его пояснениями становится понятно, что Дао уже равнозначно толстовскому пониманию термина «разум». Очень важное и ключевое понятие для толстовской философской концепции того периода. Разум и есть закон жизни «требования которого исключают личную жизнь и переносят деятельность человека вне себя, в состояние, сознаваемое нами как радостное состояние любви» [7, т. 2, с. 147].

Так описывает он это понятие в произведении «Понятие жизни»:

«Это тот же закон, как и закон жизни всякого организма, животного, растения, с той только разницей, что мы видим совершающимся разумный закон в жизни растения. Закон же разума, которому мы подчинены, как дерево своему закону, мы не видим, но исполняем...». Мы видим, что родовым понятием по отношению к «разуму» (и Дао, соответственно) выступает понятие «закон», «закон жизни». А закон жизни заключается в том, чтобы жить не для тела, а для души, не для себя, а для других, закон, «требования которого исключают личную жизнь и переносят деятельность человека вне себя, в состояние, сознаваемое нами как радостное состояние любви. По-видимому, это состояние неуловимо, попытки определить его могут это состояние уничтожить, поэтому-то оно неопределимо и непостижимо» [9, т. 32, с. 147]. Даосизм призывает человека искать цели собственного появления на свет через различения добра и зла, что в жизни бывает так непросто, но, по мысли Лао-цзы, способно открыть секреты мироздания и помочь жить в гармонии с природой и вселенной.

Жизнь человека пульсирует между пустотой и бессмыслицей. По пути встречаются символы; происходят действия и образуются субъекты действий. Действие несет событие, а смыслы – символичны. Каждый человек – это звено в цепи мирового целого. И поэтому ты таков, каков есть, не потому, что ты этого хочешь, и даже не потому, что умеешь мыслить. А скорее потому, что так взаимодействовали мировые субстанции. Жизнь – это борьба со смертью и неорганизованностью природы, борьба за утверждение ноосферы, за торжество духа над материей, все это разные формулировки общего исходного принципа этики. И этот общий принцип просветлен одним умонастроением, пронизывающим все нравственные поиски Л. Н. Толстого, любовью к жизни [11].

«Разум выражает законы необходимости, – пишет Толстой. – Сознание выражает сущность свободы... Свобода есть содержание. Необходимость есть форма... Вне этих двух взаимно определяющихся в соединении своем, – как форма с содержанием, – понятий невозможно никакое определение жизни. Все, что мы знаем о жизни людей, есть только известное отношение свободы к необходимости, то есть сознания к законам разума... Всякое знание есть только подведение сущности жизни под законы разума...» (Война и мир, вариант № 323, глава 7, с. 350–351).

Поэтому совсем не случайно, что в 1906 г. в «Письме к китайцу» (открытое письмо к китайскому писателю Ку Хунмину) Дао выступает у мыслителя уже скорее как интерпретация понятия «свобода».

В поздний период творчества писатель наделяет человека большей свободой, чем ранее, считая, что вне свободы невозможны изменения ни социальных условий жизни, ни перестройка мирозерцания личности. Источник свободы он видит в возможности «признания или непризнания истины». Если эта возможность реализуется, то человек обретает независимость от внешних, происходящих вне его событий. Толстой полагает, что только в области мысли человек абсолютно свободен: «Самое драгоценное свойство мысли в том, чтобы думать свободно, т. е. совершенно независимо от своих чувств и своего положения» [9, т. 68, с. 270].

Обращение Толстого к трудам древнекитайского мыслителя и их подробный анализ был вызван, на наш взгляд, огромной потребностью русского писателя найти основы такого философского или религиозного учения, которое бы позволило найти простые ответы на сложные вопросы. Толстого этот путь привел к формированию основ его «синтетической» религии, религии любви, очищенной от всего, по его мнению, лишнего. И очень много оказалось со-

звучным и было почерпнуто им из книги Лао-цзы.

Любовь как творчество жизни – врожденная способность человека, «...нежный росток среди похожих на нее грубых ростков сорных трав», которыми Толстой называет влечения, желания сферы подсознательного. Этот росток любви «ухватывают грубыми руками, заминают, начинают пересаживать... и росток умирает, не расцветши». Для любви-творчества нужно только одно, «чтобы ничто не скрывало солнца разума, которое одно возвращает его» и тогда «он могущественный только при своем разрос-те» [12].

Любовь – творчество у писателя используется для объяснения онтологического преобразования человека, когда чувства и стремление одного лица подхватывается другим и осуществляется. В учении Толстого любовь – это деятельность добра, инструмент обретения смысла, средство выражения духовной сущности, способ бытия – «истинной» жизни, т. е. сама жизнь.

В течение двадцати пяти последних лет своей жизни, Толстой добился значительных успехов в разработке новой религии о всеобщей любви и ненасилии. Всеобщая любовь и сочувствие представлены Толстым в духе Иисуса, Будды, Лао-цзы и других духовных руководителей.

Толстой использовал понятие «любовь» для объяснения пути жизни, как множества творческих нравственных актов, с помощью которых происходит сублимация страстей, влечений, «телесных похотей» [13].

Возрастание любви происходит только в практике внутренней работы над собой; только она делает нас свободными и сильными, и только в том случае, если мы преодолеваем все, что мешает проявлению любви, например, ошибки и страсти. Задача каждого из нас – приводить в порядок свою жизнь в соответствии с этим высшим законом, законом любви. Чтобы взрастить в себе любовь, мы должны жить не для внешних целей, но

ради исполнения действительного призвания нашей жизни. Познавая свое призвание, открывая его для себя, люди формируют свой образ жизни через сознательную гармонию с миром. Осознавая Дао, вы можете сказать: «Я могу познать Бога!».

Подводя итог, можно сказать, что Лев Николаевич Толстой видел в Лао-цзы единомышленника. Сущность учения Лао-цзы, по Толстому, заключается «в том, что человек может сознать себя отделённым и нераздельным, и телесным и духовным, и временным и вечным, и животным и божественным. Для достижения сознания себя духовным и божественным, по Лао-Тзе, есть только один путь, который он определяет словом Тао, включающим в себя понятие высшей добродетели. Сознание это достигается свойством, которое знают все люди. Так что сущность учения Лао-Тзе есть та же, как и сущность учения христианского. Сущность и того, и другого в проявлении посредством воздержания от всего телесного, того божественного начала, которое составляет основу жизни человека» [9, т. 33, с. 351].

Нравственно-антропологическое учение Толстого можно назвать учением о бескорыстной любви, как творческой разумной деятельности, дающей чувства удовлетворения, радости, счастья, просветления, благоволения, ощущения полноты бытия.

Для Толстого единая мировая религия – это духовное, смысловое и ценностное ядро мировой цивилизации. Толстой вполне сознательно, как показывает текст «Пути жизни», ставит задачу единства всего человечества – любимое и часто употребляемое им слово. Мысль Толстого, повторимся, не останавливается на единой религии, но обращается к единству всех людей, приобретая размах поистине космический. Выражение психологии приязни и идеи всеединства – сквозная тема для Толстого. Так человек, который, как многим казалось, совершал «восемьдесят тысяч верст вокруг себя»,

на самом деле совершал этот вояж, не покидая Ясной Поляны, все-таки вокруг всего нашего мира со всеми населяющими его народами. И итог этого путешествия – мысль об их духовном и жизненном единстве и завет «искать то, что объединяет людей, а не разъединяет их».

Безмерная интуиция и творческий потенциал Толстого помогают находить и в этом тупиковом дискурсе неожиданное, неординарное решение, выраженное им в системе «новой синтетической религии». Толстой совершает интеллектуальный, нравственный и жизненный подвиг интеграции, заложив основы движения, которое будет развиваться в последующие столетия. Он приходит к мысли о принципиальном тождестве в главном всех религий и этических учений, произошедших из одного источника и возвращающихся к этому источнику при самосо осуществлении, и источником этим можно назвать «разумную любовь».

Список литературы

1. Серебряков Е. А. Взаимообмен духовным опытом и художественными достижениями литератур Китая и народов России // Межлитературные связи Востока и Запада. СПб.: Петрополис, 1995.
2. Чжэн Луянь. Человек на войне в раннем творчестве Л. Н. Толстого (в свете идей китайской философии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2015.
3. Бондаренко В. Г. Дао Льва Толстого [Электронный ресурс]. URL: <http://glfr.ru/biblioteka/vladimir-bondarenko/dao-lva-tolstogo.html> (дата обращения: 21.12.2017).
4. Лу Вэнья. Толстовство и даосизм // Образование за рубежом. 2013. № 4. С. 73–77.
5. Петровский С. Христианство и даосизм в творчестве Л. Н. Толстого [Электронный ресурс]. URL: http://colony.by/news_more.php?id_news=198 (дата обращения: 21.12.2017).
6. Лао-цзы. Книга об истине и силе. М.: Эксмо, 2014. 470 с.

7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 91 т. М.: Терра, 1992.

8. Маллак де Ги. Вечная мудрость Льва Толстого. Изложение жизненной философии и другие мысли. М.: Аслан, 1995. 144 с.

9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбил. изд. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1928–1958.

10. Волохова Н. В. Антропологические, этические и эстетические концепты в социально-философском наследии Л. Н. Толстого: монография. Курск: Деловая полиграфия, 2011. 162 с.

11. Волохова Н. В., Козьявкина Ю. Э. Ценность человеческой жизни и ее биоэтическое измерение (на основе анализа философского наследия Л. Н. Толстого) // Социо-антропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации: сб.

ст. Междунар. науч. вебинара / отв. ред. И. А. Асеева. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 144–150.

12. Толстой Л. Н. Об истине, жизни и поведении [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/tolstoy_lev_nikolaevich/ob_istine_zhizni_i_povedenii-read-12.html (дата обращения: 15.12. 2017).

13. Волохова Н. В. Философия противоречий в жизни и творчестве Л. Н. Толстого // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4 (30). С. 7–15.

14. Величко Л. М., Волохова Н. В. Современная синергетика и «цивилизационный синтез» Л. Н. Толстого // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 2 (47). С. 66–72.

Поступила в редакцию 20.02.18

UDC 1(=177) (0.91)

N. V. Volokhova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: volna-sha@rambler.ru)

LEO TOLSTOY AND HIS "PATH" TO THE SYNTHETIC RELIGION: THE INFLUENCE OF THE TEACHINGS OF LAO-TZU

During the last twenty-five years of his life Tolstoy has made significant progress in developing a new religion of universal love and nonviolence. Universal love and compassion are represented by Tolstoy in the spirit of Jesus, Buddha, Lao Tzu, and other spiritual leaders. Tolstoy has repeatedly confirmed that he was strongly influenced by Lao Tzu's Taoist ideas, Confucian postulates of both Confucius and Mo Tzu. The writer's interest in ancient Chinese philosophy in the late period of his work is undeniable. The main similarity of these two philosophers, expressed in the fact that they insist on the identity of faith and morality, was indicated immediately. They remove morality from religious truths and stand on positions of a purified, simplified religion, which calling to be closer to the heart of the people. Faith should help our mind to understand and improve both person and society as a whole, and then "real life" becomes valuable.

In this article, the author tried to analyze the influence of philosophical ideas of the ancient Chinese sage on the formation of the philosophical core of the life concept of Tolstoy. The main interest of the Russian writer was directed to cognition of such philosophical category of the Chinese wisdom as "Dao". The chronological development of reversal of the above-mentioned concept of "Dao" in Tolstoy undergoes various interpretations: it is "mind", "truth", "non-existence", and "God", and "freedom". Tolstoy's appeal to the works of the ancient Chinese thinker and their detailed analysis was caused, in our opinion, by the great need of the Russian writer to find the foundations of such philosophical or religious teaching, which would allow to find simple answers to complex questions. Tolstoy this way led to the formation of the foundations of his "synthetic" religion, the religion of love, purified from all, in his opinion, excess. And very much was in tune with was derived to them from the book of Lao-Tzu.

Key words: religion of love, Tao, non-action, reason, freedom, God, Taoism, tolstoyism, synthetic religion, Wuwei, Lao-Tzu, way, truth, virtue, life, Christianity.

For citation: Volokhova N. V. Leo Tolstoy and his "path" to the synthetic religion: the influence of the teachings of Lao-tzu. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 169–176 (in Russ.).

Reference

1. Serebryakov E. A. Vzaimoobmen duhovnym opytom i hudozhestvennymi dostizheniyami literatur Kitaya i narodov Rossii. Mezhliteraturnye svyazi Vostoka i Zapada. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1995.

2. Chzhehn Luyan'. Chelovek na vojne v rannem tvorchestve L. N. Tolstogo (v svete idej kitajskoj filosofii). Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Ivanovo, 2015.

3. Bondarenko V. G. Dao L'va Tolstogo. URL: <http://glfr.ru/biblioteka/vladimir-bondarenko/dao-lva-tol-stogo.html> (accessed 21.12.2017).

4. Lu Vehn'ya. Tolstovstvo i daosizm. Obrazovanie za rubezhom, 2013, no. 4. pp. 73–77.

5. Petrovskij S. Hristianstvo i daosizm v tvorchestve L. N. Tolstogo. URL: http://colony.by/news_more.php?id_news=198 (accessed 21.12.2017).

6. Lao-czy. Kniga ob istine i sile. Moscow, Ehksmo Publ., 2014. 470 p.

7. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow, Terra Publ., 1992.

8. Mallak de Gi. Vechnaya mudrost' L'va Tolstogo. Izlozhenie zhiznennoj filosofii i drugie mysli. Moscow, Aslan Publ., 1995. 144 p.

9. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow, Gos. izd-vo hudozh. lit., 1928–1958.

10. Volohova N. V. Antropologicheskie, ehticheskie i ehsteticheskie koncepty v social'no-filosofskom nasledii L. N. Tolstogo. Kursk: Delovaya poligrafiya Publ., 2011. 162 p.

11. Volohova N. V., Kozyavkina Yu. Eh. Cennost' chelovecheskoj zhizni i ee bioehticheskoe izmerenie (na osnove analiza filosofskogo naslediya L. N. Tolstogo). Socio-antropologicheskie resursy transdisciplinarnyh issledovanij v kontekste innovacionnoj civilizacii: sb. st. Mezhdunar. nauch. vebinara; ed. by I. A. Aseeva. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2015, pp. 144–150.

12. Tolstoj L. N. Ob istine, zhizni i povedenii. URL: http://thelib.ru/books/tolstoy_lev_nikolaevich/ob_istine_zhizni_i_povedenii-read-12.html (accessed 15.12.2017).

13. Volohova N. V. Filosofiya protivorechij v zhizni i tvorchestve L. N. Tolstogo. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii, 2015, no. 4 (30), pp. 7–15.

14. Velichko L. M., Volohova N. V. Sovremennaya sinergetika i "civilizacionnyj sintez" L. N. Tolstogo. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2013, no. 2 (47), pp. 66–72.

УДК 33

И. В. Облаухова, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: ingachka28@mail.ru)

АЛГОРИТМ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СДЕЛКИ СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ

Сделки слияния и поглощения в современной экономике являются одним из наиболее эффективных инструментов реализации стратегий развития компаний. Они позволяют наращивать капитал, получать синергетические эффекты от объединения бизнесов, увеличивать долю на рынке, получать экономию от масштаба, наращивать клиентскую базу, совершенствовать технологии производства и управления, увеличивать и реализовывать конкурентные преимущества. Процесс формирования и реализации сделки M&A – сложный многоэтапный процесс, изучение которого становится актуальной задачей современных исследований отечественных и зарубежных ученых.

В данной статье проводится изучение и анализ исследований, проведенных учеными и экспертами в области классификаций этапов формирования и реализации сделки M&A. В процессе анализа выявлены ключевые этапы каждой из классификаций, на которых авторы исследований акцентируют свое особое внимание. Также были обозначены схожие черты классификаций и их различия. Классификации отличаются количеством стадий и этапов сделки M&A, детальностью их разработки, качеством и полнотой рассмотрения отдельных аспектов процесса осуществления сделки слияния и поглощения. Однако все классификации имеют сходство в общей концепции и построении структуры процесса формирования и реализации сделки.

На основании анализа автором составлен наиболее общий комплексный алгоритм формирования и реализации сделки M&A, учитывающий наиболее значимые этапы с необходимой степенью детализации. Приведена краткая характеристика этапов алгоритма. Предложенный алгоритм позволит наиболее полно и детально исследовать все стадии и этапы процесса совершения сделки слияния и поглощения.

Ключевые слова: слияния и поглощения, этапы сделки, алгоритм формирования и реализации сделки.

Ссылка для цитирования: Облаухова И. В. Алгоритм формирования и реализации сделки слияния и поглощения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 177–183.

Сделки слияния и поглощения (M&A) – один из наиболее эффективных современных способов развития бизнеса. Сделка M&A является подходящим инструментом реализации стратегий развития компаний в сегодняшней быстро развивающейся глобальной бизнес-среде. Несмотря на прошлый экономический кризис и остаточные кризисные явления, активность сделок слияния и поглощения значительно не уменьшилась. Наоборот, можно заметить увеличение активности на российском рынке M&A.

Изучение сделок M&A – это актуальная задача современных отечественных и зарубежных исследований, обусловленная растущей популярностью сделок. Процесс формирования и реализации сделки M&A – сложный многостадийный процесс, который необходимо детально исследовать для адекватной

оценки рисков, потенциальных синергетических эффектов и т. д. Сложный многогранный процесс проще всего изучать путем разбиения его на составные части – этапы, что обуславливает актуальность исследований в области определения и выявления отдельных этапов сделки слияния и поглощения.

Существует большое количество исследований с попытками составить универсальный алгоритм интеграционных процессов компаний, однако все они отличаются только степенью детализации и глубиной проработки этого процесса.

Рассмотрим наиболее комплексные и детальные исследования по данной теме. Большинство исследователей выделяет три крупных этапа всей сделки слияния и поглощения.

Д. А. Шарков выделяет следующие этапы сделки: предварительный период,

интеграционный период, пост-интеграционный период. На первом этапе происходит первичный контакт компаний, оценка и структурирование сделки, составляется контракт и проводится процедура «дью дилидженс», в рамках которой оцениваются риски сторон. На втором этапе происходит юридическое оформление сделки, формируется ее цена. На третьем этапе осуществляются интеграционные процедуры.

Третий этап автор отмечает как наиболее рискогенный, ссылаясь на данные компании Mckinsey: более 50% всех рисков свойственны именно пост-интеграционному этапу, в то время как первый этап содержит в себе 30% рисков, а второй – менее 20%. Однако, несмотря на наличие максимальных рисков на третьем этапе, в качестве важнейшего, фундаментального этапа процесса объединения компаний автор выделяет предварительный этап, а особенно процедуру «дью дилидженс». По мнению Д. А. Шаркова, за счет детального и тщательного анализа всех компонентов на предварительном этапе компаниям удастся минимизировать риск провала на этапе непосредственной интеграции.

В качестве компонентов для детального анализа и оценки на предварительном этапе автор предлагает выделять следующие:

- выбор компании-цели для слияния и поглощения;
- обоснование целесообразности сделки (анализ конкурентной среды и возможности роста в отрасли, комплексный финансово-экономический анализ обеих компаний, анализ бизнес-процессов);
- ценообразование;
- структурирование сделки;
- переговоры между управляющим персоналом и акционерами компаний;
- прогнозирование и оценка результатов интеграции.

Три крупных стадии выделяет в своей работе М. Г. Поликарпова, рассматривая реализацию проектов слияния и поглощения как многостадийный процесс,

предусматривающий прохождение ряда этапов жизни проекта:

- 1) проектирование интеграции (переговорный процесс);
- 2) реорганизация компаний (исполнение договора купли-продажи);
- 3) интеграция компаний (корпоративных культур).

Л. В. Рамиева также выделяет три этапа проведения сделок M&A:

- 1) этап планирования сделки;
- 2) этап совершения сделки;
- 3) этап зрелой интеграции.

При этом наибольшую значимость, аналогично Д. А. Шаркову, Л. В. Рамиева придает этапу планирования, от которого напрямую зависит эффективность интеграции компаний.

Однако существуют исследования, в которых более трех этапов, например, Д. О. Вердиев выделяет пять этапов сделки M&A, обосновывая данное решение тем, что подобное разбиение позволяет легче идентифицировать риски сделок на каждом из этапов:

- 1) разработка стратегии;
- 2) анализ актива для приобретения;
- 3) предынвестиционный анализ;
- 4) осуществление сделки;
- 5) интеграция.

Д. В. Ендовицкий в своей работе представляет жизненный цикл сделки как параболу, акцентируя тем самым внимание на том, что все стадии и этапы процесса совершения сделки M&A взаимосвязаны и вытекают один из другого (рис. 1).

1. Возрастающая часть графика параболы свидетельствует о развитии взаимоотношений объединяющихся компаний. На данном уровне происходит оценка и разведка потенциальной сделки (отметки 1–4).

2. Горизонтальное положение графика параболы свидетельствует о структуризации сделки (отметка 4).

3. Убывающая часть графика параболы свидетельствует об интеграционном периоде (отметка 5–6).

4. После пункта 6 возникают постинтеграционные процессы.

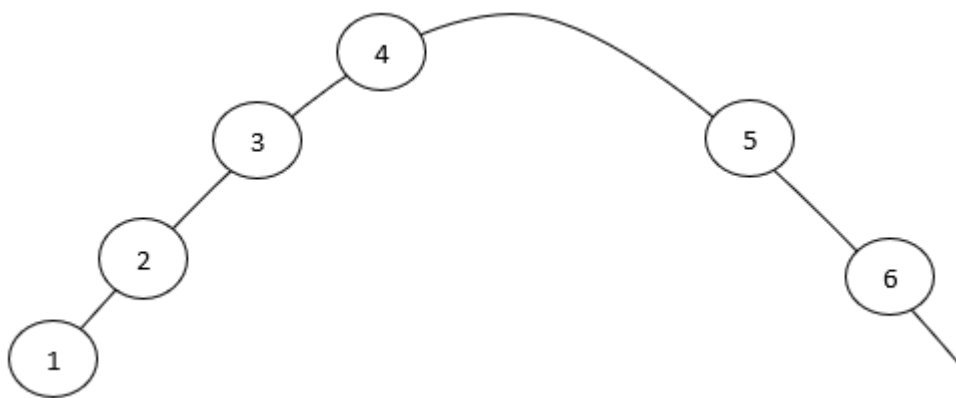

Рис. 1. Жизненный цикл сделки (по Д. В. Ендовицкому)

Наиболее полным и детальным исследованием можно считать работу И. О. Сорокиной. Автор выдвигает тезис о невозможности формулировки единой структуры процесса слияния и поглощения, применимой во всех случаях. После анализа современных исследований данной темы автор предлагает в рамках общего процесса слияний и поглощений выделять следующие стадии и этапы.

Первая стадия – стадия предварительного планирования (стратегическая стадия) состоит из восьми этапов.

1 этап. Определение корпоративной стратегии.

Данный этап включает:

а) оценку реального финансового состояния компании и ее положения на рынке;

б) определение стратегических целей и задач компании;

в) обоснование процесса слияния и поглощения, выявление преимуществ этого процесса перед стратегией органического роста компании;

г) формирование стратегического плана слияния и поглощения.

2 этап. Подбор квалифицированной команды, осуществляющей процесс слияния и поглощения.

Команда может быть сформирована как из сотрудников компании (инсайдеров), так и с участием специалистов (в команду обычно приглашают аудитора, инвестиционного банкира, PR-менед-

жера, консультантов по бизнесу и кадрам, юриста и т. д.).

3 этап. Определение конечных результатов слияния или поглощения.

Установление корпорацией-покупателем основных показателей, которых компания хочет достигнуть в результате сделки.

4 этап. Определение критериев, которым должна отвечать компания-цель.

Выделяют следующие критерии выбора приобретаемой компании: внедрение на другой географический рынок, выбор отрасли, товаров и услуг, определение объемов продаж, уровня прибыли, выбор сильной или слабой компании, сохранение менеджмента компании-цели или нет, выбор объединения с публичной или частной компанией, идеальное соответствие.

5 этап. Поиск компании-цели.

Как правило, нахождение необходимой компании происходит либо собственными силами компании-покупателя, либо с помощью определенных контактов в отрасли, либо благодаря посредникам. В большинстве случаев выбор компании-цели осуществляется самой корпорацией.

6 этап. Переговорный процесс с компанией-целью.

Данный этап характеризуется взаимным обменом информацией, исходя из которой компания-покупатель определяет для себя, отвечает ли эта компания стратегическим целям или нет.

7 этап. Анализ компании-цели.

Данная фаза слияний и поглощений компаний характеризуется проведением всесторонней оценки компании-цели, а именно финансовая, операционная, юридическая, экологическая проверка, стратегические и культурные аспекты, анализ рисков, идентификация синергий и т. д.

8 этап. Осуществление сделки.

После договоренности об условиях слияния и поглощения (цены покупки компании, структуры транзакции и т. д.) осуществляется юридическое оформление данной сделки.

В отличие от Д. А. Шаркова И. О. Сорокиной этап юридического оформления сделки относит к предварительному этапу, подчеркивая тем самым первостепенность и значимость нормативного обеспечения сделки.

Вторая стадия – стадия переходного периода (инфраструктурная стадия) состоит из двух этапов.

9 этап. Формирование организационной структуры и кадрового состава.

На данном этапе формируется реальная организационная структура объединенной компании, определяется персонал, производится найм сотрудников, разрабатывается схема принятия решений, происходит интеграция корпоративных культур, производственных процессов и т. д.

10 этап. Производственная интеграция.

По результатам детального обследования компании определяются: какие производственные процессы проходят в компаниях, какие процессы играют главную роль в реализации основного предназначения компании, какие процессы ликвидируются как взаимозамещающие.

Третья стадия – стадия выравнивания различий. Длительность стадии составляет примерно полгода. Главная задача данного этапа – обеспечить высокую скоординированность и продуктивность работы обновленных корпоративных команд на уровне правлений, служб и отделов, горизонтального и вертикального

взаимодействия специалистов различных уровней и подразделений.

Четвертая стадия – стадия зрелой интеграции. Данная фаза слияний и поглощений предполагает оценку достижения поставленных целей (успешная или неуспешная сделка).

Третью и четвертую стадии, по И. О. Сорокиной, можно считать постинтеграционными стадиями, поскольку обе осуществляются уже после сделки, однако автор разделяет их с целью выделения среднесрочного эффекта сделки (этапа сопутствующих сделке изменений) и долгосрочного эффекта (оценки результатов сделки).

Классификация этапов по И. О. Сорокиной достаточно детальная, что немного усложняет задачу изучения процесса формирования и реализации сделки M&A в комплексе и требует некоторого обобщения этапов.

На основании анализа проведенных исследований был составлен наиболее общий алгоритм формирования и реализации сделки M&A, представленный на рисунке 2.

Данный алгоритм достаточно общий и детализированный одновременно, поскольку составлен с целью дальнейшего удобного изучения процесса слияния и поглощения, а также определения рисков на каждом из этапов, поэтому этапы должны быть в меру детализированы и в меру обобщены.

Рассмотрим каждый из этапов планирования и реализации сделки M&A подробнее.

На первом этапе компания определяет базовую стратегию своего развития: стратегию интегрированного, концентрированного, дифференцированного роста или стратегию сокращения. Осуществляет анализ доступных инструментов реализации стратегии: собственного или заемного финансирования, осуществления сделки M&A. Обосновывает выбор сделки M&A в качестве инструмента реализации выбранной базовой стратегии развития.

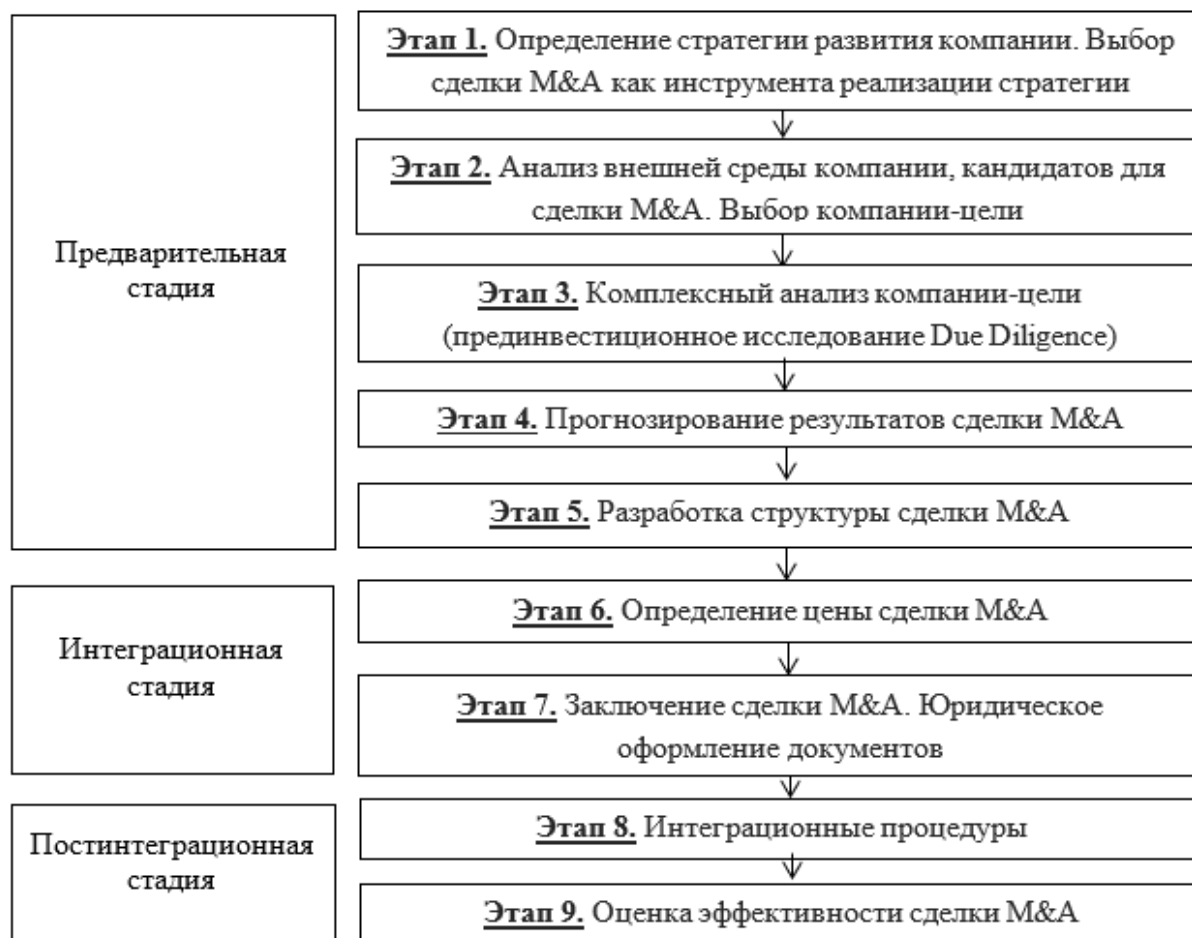

Рис. 2. Алгоритм формирования и реализации сделки слияния и поглощения

На втором этапе компания анализирует внешнюю среду: политические, экономические, правовые и иные условия, в которых компании предстоит реализовывать выбранную стратегию. Осуществляет анализ кандидатов для сделки M&A, их оценку согласно разработанным компанией-покупателем критериям оценки. В соответствии с критериями осуществляется выбор наиболее подходящей компании-цели.

На третьем этапе компания осуществляет комплексный анализ выбранной компании-цели (процедуру Due Diligence) – проверку юридической, финансовой, налоговой и маркетинговой сторон деятельности. Оценивается стоимость компании-цели, риски и потенциальные синергетические эффекты.

На четвертом этапе компания прогнозирует потенциальные результаты сделки M&A на основании комплексного

анализа компании-цели и внешних условий реализации сделки.

На пятом этапе разрабатывается структура сделки: поэтапный график ее проведения, схема и план финансирования сделки, выбирается метод платежа. Составляется план интеграции.

На шестом этапе определяется цена сделки на основании спрогнозированных результатов сделки, оцененной стоимости компании-цели, рисков и потенциальных эффектов синергии.

На седьмом этапе компания заключает сделку M&A. Реализуются договоренности по поводу условий сделки (цены покупки компании-цели, структуры транзакции, схемы и метода платежа). Происходит юридическое оформление документов.

На восьмом этапе проходит непосредственно сам процесс интеграции компаний. Формируется новая организацион-

ная структура объединенной компании, происходит интеграция корпоративных культур и производственных процессов.

На девятом этапе оцениваются результаты сделки M&A, сравниваются с прогнозируемыми результатами сделки и делаются выводы о степени достижения поставленных целей в результате проведенной интеграции.

В связи с многоэтапностью сделки M&A, а также с множеством рисков на каждой из стадий процесса осуществления сделки необходима тщательная проработка всех этапов формирования и реализации сделки M&A. Потенциальные потери могут возникнуть в результате неправильно выбранной стратегии или компании-цели, неадекватно составленного плана интеграции или плохой ее реализации. Допущение на первый взгляд незначительного риска может стать причиной неудачи всей сделки M&A.

Список литературы

1. Ендовицкий Д. В., Соболева В. Е. Экономический анализ слияний/поглощений. М.: Кнорус, 2013. 439 с.
2. Поликарпова М. Г. Математико-статистическое исследование рисков сделок слияния и поглощения // Экономика, статистика и информатика. Статистика и математические методы в экономике. 2013. № 2. С. 170–175.
3. Рамиева Л. В., Жданов А. Ю., Киселев К. М. Стратегические и предпринимательские риски в условиях реорганизации компании путем слияния (поглощения) // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 4. С. 179–182.
4. Сорокина И. О. Специфические риски процессов слияний и присоединений // Финансы и кредит. Управление рисками. 2009. № 18 (354). С. 26–34.
5. Шарков Д. А. «Дью дилидженс»: фундаментальная процедура для структурирования сделок по слиянию и поглощению компаний // Экономика, управление и учет на предприятии. 2015. № 1 (53). С. 123–125.
6. Вертакова Ю. В., Ватутина О. О. Региональные венчурные кластеры как основа инновационного развития производственного сектора российской экономики // Вестник ОрелГИЭТ. 2012. № 1 (19). С. 16–21.
7. Асеева О. Ю. Методы оценки рисков в деятельности предприятия // Актуальные проблемы инновационного развития системы бухгалтерского учета, налогообложения и финансов: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Елец: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2016. С. 8–15.
8. Андросова И. В. Роль интерактивного бизнеса в формировании инновационно ориентированной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 3. С. 23–27.
9. Плотников В. А., Жигунов В. П. Институты и их влияние на экономический рост // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 5 (56). С. 170–178.
10. Стратегические приоритеты регионального развития / А. Н. Михайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2011. 137 с.

Поступила в редакцию 10.01.18

UDC 33

I. V. Oblaukhova, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: ingachka28@mail.ru)

THE ALGORITHM OF FORMATION AND IMPLEMENTATION OF MERGERS AND ACQUISITIONS TRANSACTIONS

In the modern economy mergers and acquisitions (M&A) are one of the most effective tools for implementing company development strategies. They allow to increase capital, get synergistic effects from mergers and acquisitions, increase market share, gain economies of scale, increase a customer base, improve production and

management technologies, and increase and realize competitive advantages. The process of formation and implementation of the M&A transaction is a complex multi-stage process, the study of which becomes an actual task of modern researches of Russian and foreign scientists.

This article analyzes the researches conducted by scientists and experts in the field of classifications of the stages of the formation and implementation of the M&A transaction. During the analysis, key stages of each classifications, on which the authors of the research emphasize their special attention, were identified. Similarities of the classifications and their differences were also revealed. Classifications are characterized by the number of stages of the M&A transaction, the detailing of their description, the quality and completeness of consideration of certain aspects of the M&A transaction process. However, all classifications have a similarity in the overall concept and structure of the process of formation and implementation of the transaction.

Based on the analysis, the author compiled the most general complex algorithm for the formation and implementation of the M&A transaction, taking into account the most significant stages with the required degree of detail. A brief description of the steps of the algorithm is given. The proposed algorithm will allow the most complete and detailed study of all stages of the process of making a transaction of mergers and acquisitions.

Keywords: mergers and acquisitions, stages of the transaction, algorithm for the formation and implementation of the transaction.

For citation: Oblaukhova I. V. The algorithm of formation and implementation of mergers and acquisitions transactions. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 177–183 (in Russ.).

References

1. Endovickij D. V., Soboleva V. E. *Ehkonomicheskij analiz sliyanij/pogloshchenij*. Moscow, Knorus Publ., 2013. 439 p.
2. Polikarpova M. G. *Matematiko-statisticheskoe issledovanie riskov sdelok sliyaniya i pogloshcheniya*. *Ehkonomika, statistika i informatika*. Statistika i matematicheskie metody v ehkonomike, 2013, no. 2, pp. 170–175.
3. Ramieva L. V., Zhdanov A. Yu., Kiselev K. M. *Strategicheskie i predprinimatel'skie riski v usloviyah reorganizacii kompanii putem sliyaniya (pogloshcheniya)*. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal "Simvol nauki"*, 2016, no. 4, pp. 179–182.
4. Sorokina I. O. *Specificheskie riski processov sliyanij i prisoedinenij*. *Finansy i kredit*. Upravlenie riskami, 2009, no. 18 (354), pp. 26–34.
5. Sharkov D. A. "D'yu dilidzhens": fundamental'naya procedura dlya strukturovaniya sdelok po sliyaniyu i pogloshcheniyu kompanij. *Ehkonomika, upravlenie i uchet na predpriyatii*, 2015, no. 1 (53), pp. 123–125.
6. Vertakova Yu. V., Vatutina O. O. *Regional'nye venchurnye klasteri kak osnova innovacionnogo razvitiya proizvodstvennogo sektora rossijskoj ehkonomiki*. *Vestnik OrelGIEHT*, 2012, no. 1 (19), pp. 16–21.
7. Aseeva O. Yu. *Metody ocenki riskov v deyatel'nosti predpriyatiya*. *Aktual'nye problemy innovacionnogo razvitiya sistemy buhgalterskogo ucheta, nalogooblozheniya i finansov: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Elec: Elec. gos. un-t im. I. A. Bunina Publ.*, 2016, pp. 8–15.
8. Androsova I. V. *Rol' interaktivnogo biznesa v formirovanii innovacionno orientirovannoj ehkonomiki*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2013, no. 3, pp. 23–27.
9. Plotnikov V. A., Zhigunov V. P. *Instituty i ih vliyanie na ehkonomicheskij rost*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 5 (56), pp. 170–178.
10. Mihajlov A. N., Zubarev A. S., Emel'yanov S. G., eds. *Strategicheskie priority regional'nogo razvitiya*. Moscow, INFRA-M Publ., 2011. 137 p.

В. Д. Евсюков, аспирант, ФГБОУ ВО «Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Саратов, Россия) (e-mail: evsyukov_vd@mail.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭКОНОМИСТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Феномен «цифровая экономика» характеризуется как результат развития технологических инноваций в условиях информационной революции и становление информационного общества. В конце 90-х годов XX века информационные технологии оказали влияние на экономические изменения в обществе, которые явились следствием внедрения информационно-коммуникационных технологий в производственный и хозяйственный процессы, происходящие в различных отраслях экономики. Цифровые модели ускорили информатизацию и алгоритмизацию процесса принятия управленческих и хозяйственных решений, что и послужило зарождением цифровой экономики. Анализ цифровой экономики на начальных этапах её развития апеллировал к сфере обращения в связи с появлением интернета вещей и электронной коммерции. В этой связи цифровая экономика рассматривалась с позиции экономических изменений в сфере обращения. В начале 2000 года и в последующие периоды цифровая экономика анализируется с позиции экономических изменений в сфере производства связанных с цифровым моделированием производственных процессов, изменивших характер отношений между производителями и потребителями. Индикаторами изменений этих отношений становятся консьюмеризация и кастомизация, которые предоставили потребителю возможность самостоятельного использования оцифрованной функции для производства индивидуальных товаров и услуг, а наемным работникам – реализацию бизнес-задания, воспользовавшись устройствами потребительского класса. Характерной чертой цифровой экономики является гиперкоммуникабельность, создавшая условия для возникновения информационных угроз, к которым следует отнести несанкционированное использование личных данных, информационный терроризм, саботаж. Тем не менее, цифровая экономика – новый этап становления экономики, обусловленный последствиями технологической революции, которая привела к цифровизации экономических систем.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронная коммерция, цифровой продукт, интернет вещей, цифровая организация людей, информационные угрозы, информационный терроризм, информационно-коммуникационные технологии, оцифрованная информация.

Ссылка для цитирования: Евсюков В. Д. Эволюция взглядов зарубежных экономистов на содержание цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 184–191.

Феномен «цифровая экономика» появился на рубеже 1990–2000-х гг. в результате развития технологических инноваций, повлекших за собой экономические изменения в обществе. В 1990-е гг. экономические изменения осуществлялись в связи с появлением Интернета. В период 2000–2010-х гг. новые информационные коммуникационные технологии (ИКТ) ускорили процесс экономических изменений за счет появления интернета вещей. С внедрением новых информационно-коммуникационных технологий появились новые устройства (мобильные телефоны, смартфоны, ноутбуки), а также новые цифровые модели, к которым следует отнести цифровые платформы, циф-

ровые сервисы и др. Это ускорило передачу и анализ информационных данных, обусловило алгоритмизацию принятия решений и создало объективные предпосылки для зарождения цифровой экономики [1, с. 3].

Впервые термин «цифровая экономика» ввел Дон Топскотт в опубликованной им книге «Цифровая экономика: перспективы и риски в эпоху сетевого интеллекта», опубликованной в г. Нью-Йорке в 1996 г. В своей книге автор впервые выдвинул идею о возможности создания сетевых организаций людей через технологии, которые объединяют знание, интеллект и творчество для улучшения благосостояния населения и социально-

экономического развития общества [2, с. 15].

В последующем в 1999 г. помощник Президента США по науке и технике Н. Лане в своей статье, основываясь на работе Д. Топскотта, выделил особенности цифровой экономики, к которым отнес конвергенцию компьютерных и коммуникационных технологий в Интернете, в результате информационный поток и используемые технологии стимулировали появление электронной коммерции и последующие за ней широкомасштабные организационные изменения [3, с. 318]. Особое внимание автор уделил электронной коммерции и последствиям цифровой экономики, обуславливающих появление цифрового барьера и цифрового неравенства.

Цифровой барьер, по нашему мнению, может возникнуть в связи с отсутствием технического доступа в Интернет и неравномерностью проникновения интернета в странах с низким уровнем доходов населения, неразвитостью информационной инфраструктуры и слабым уровнем развития медиасистем, а также с отсутствием информационной политики на уровне государства и достаточно низким уровнем информационной грамотности населения. Цифровой барьер влечет за собой цифровое неравенство, которое, в свою очередь, обусловлено социокультурными различиями между людьми ввиду отсутствия доступа в Интернет. Это, в свою очередь, усугубляет противоречия в экономических отношениях как внутри страны, так и на международной арене, где особенно ощутим «информационный разрыв», который усиливает культурные и образовательные различия населения, а также политическую и экономическую дифференциацию стран.

В 2000-м г. экономисты Е. Бринолфссон и Б. Кахин в своем труде рассматривают цифровую экономику как недавнюю и до сих пор практически нереализованную трансформацию всех секто-

ров экономики путем компьютеризированной оцифровки информации [4, с. 4]. В отличие от предыдущих определений впервые вводится понятие «оцифровка информации», означающее создание цифровой базы знаний, в которой содержится вся информация по предметам и процессам, подвергшимся переводу в числовое значение.

В 2001 г. исследователь Т. Л. Мазенборг в своем труде рассматривает цифровую экономику через 3 составляющие: 1) инфраструктуру цифрового бизнеса как долю общей экономической инфраструктуры, используемой для поддержки электронной коммерции; 2) электронный бизнес как бизнес-процесс, который организация проводит через компьютерную сеть; 3) электронную коммерцию как продажу товаров и услуг через компьютерные сети [5, с. 3]. Разделение на три составляющие позволяет рассматривать процессы и этапы реализации цифрового бизнеса.

В 2010 г. группа лондонских экономистов обратила внимание на идеи, высказанные Т. Л. Мазенборгом, и определила цифровую экономику как экономику, в основе которой заложено качество технологической инфраструктуры ИКТ страны и возможности использования ИКТ потребителями, бизнесом и правительством для получения определенных выгод и наращивания благосостояния в стране [6, с. 7]. Упор делается на основы формирования цифровой экономики в большей степени, чем на само определение цифровой экономики, с её мерами совместимости бизнес-окружения с социальным и культурным окружением, правовым полем, правительственной политикой, а также взаимопониманием бизнеса и потребителя с помощью технологической инфраструктуры ИКТ.

В документе «Организации экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР) за 2013 г. цифровая экономика определяется как экономика, обеспечи-

вающая и осуществляющая торговлю товарами и услугами через электронную коммерцию в Интернете [1, с. 2]. Отличительной чертой цифровой экономики является процесс обмена товаров и услуг, осуществляемый через Интернет. Не исключается и тот факт, что начиная с 2013 г. явно прослеживается изменение всей структуры организации рынка по продажам товаров и услуг, где особо выделяется сегмент рынка по электронной продаже товаров и услуг. Основной сферой деятельности, в которой развивается цифровая экономика, предполагается сфера обращения. Электронная коммерция обеспечивает быструю реакцию на изменения требования рынка и цепочек поставок, ускоряя сроки доставки товаров и создание услуг. Конвергенция компьютерной и коммуникативной технологии, которые привели к созданию ИКТ, изменили традиционное представление об инфраструктуре рынка и сферы обращения в целом в условиях цифровой экономики.

Следует обратить внимание на тот факт, что эволюция взглядов зарубежных экономистов на содержание понятия цифровой экономики происходит достаточно быстрыми темпами. В последующем, буквально в течение 2 лет после публикаций статьи Н. Лане, цифровая экономика рассматривалась зарубежными экономистами не только как серия крупномасштабных изменений в сфере обращения, но и в сфере производства. Речь идет, по сути, об экономике, которая предлагает на рынке в качестве конечного продукта цифровые результаты основных видов продукции.

Электронная коммерция рассматривается в неразрывной связи с электронным бизнесом и инфраструктурой бизнеса. В электронном бизнесе огромную роль играет информационное моделирование. Это означает, что происходит переход на цифровое информационное моделирование любых отраслей промышленности. Цифровое информационное

моделирование проникает в строительную индустрию, на транспорт и в другие отрасли хозяйства. Именно этим объясняется тот факт, что информационная экономика трактуется как трансформация всех секторов экономики вследствие компьютеризированной оцифровки информации.

Основные факторы конкурентоспособности промышленных предприятий, связанные с ценой, доставкой, гибкостью и качеством произведенной продукции, оптимизируются и максимизируются в связи с использованием цифровой информации внутри предприятия и между предприятиями [7].

В условиях формирования цифровой экономики существенные изменения происходят как в организации производственных процессов, так и во взаимодействии производителей товаров и услуг, потребителей, поставщиков, партнеров и конкурентов. Создаются условия для быстрого изменения потребительского спроса, что влечет, в свою очередь, трансформацию продуктовой линейки. Оценка бизнес-процессов на предприятиях просматривается через призму сквозных характеристик качества результатов производства, что придает особое значение процессу взаимодействия персонала. Существенные коррективы вносятся во взаимоотношения партнеров и конкурентов, а также производителей и потребителей [8].

В цифровой экономике особо ощутимы процессы кастомизации и консьюмеризации. Под кастомизацией подразумевается предоставление потребителю возможности самостоятельного использования «оцифрованных» функций для производства индивидуализированной продукции или услуг. Консьюмеризация позволяет наемным работникам предприятий воспользоваться устройствами потребительского класса для реализации бизнес-заданий [9].

В условиях цифровой экономики появляется доступность использования

процессов производства для массового потребителя.

Британское компьютерное общество в 2014 г. определило цифровую экономику как экономику, основанную на цифровых технологиях, позволяющих осуществлять ведение бизнеса и реализовывать его результаты через электронный рынок в сети Интернет [10, с. 3].

«Интернет вещей» объединяет единое цифровое пространство всех участников рынка – производителей, потребителей, их поведение на рынке и конкретно подключенные объекты. Таким образом, рынок существенно меняет свой прежний формат, но «интернет вещей» меняет организацию производства и структуру предприятия, поскольку в цифровое выражение переводятся осуществляемые бизнес-процессы на предприятии, действия сотрудников, выпускаемые продукты и сервисные услуги [11].

В опубликованных материалах «Проблемы политики в области конкуренции в цифровой экономике» раскрывается содержание цифровой экономики как сложной структуры, состоящей из нескольких уровней или слоев, связанных между собой бесконечным и постоянно растущим числом узлов. Платформы, сложенные друг на друга, позволяют несколькими маршрутами добраться до конечных пользователей, не исключая определенных игроков, т. е. конкурентов (предлагают различные варианты достижения конкретных потребителей, не исключая конкурентов) [12, с. 4]. Определение цифровой экономики с позиции междисциплинарного подхода показывает, что экономическая система, выстроенная с использованием «блокчейн», изменяет характер конкуренции, который заключается в том, что выигрывает в конкурентной борьбе тот, кто находит оптимально-рациональное решение в производстве товаров и услуг или в их реализации.

Начиная с 2016 г. цифровая экономика рассматривается в широком и узком смысле слова. В узком смысле она представляется как цифровой доступ к товарам и услугам, с одной стороны, а с другой стороны – как использование цифровых технологий для оказания помощи и содействие бизнесу [13, с. 3].

В широком смысле цифровая экономика трактуется как широкий спектр экономической деятельности, который включает использование оцифрованной информации и знаний как ключевого фактора производства и современных информационных вычислительных сетей, а также как важного фактора пространственной активности, эффективного использования ИКТ как важного драйвера роста производительности в отраслях хозяйства и фактора оптимизации структуры экономики [14, с. 9]. Разделяя мнение предыдущих авторов, экономисты М. Никрема, Б. Берхтон, П. Баугхерт определяют цифровую экономику как экономику, в которой увеличивается доля продукции в совокупном объеме производства, получаемого с использованием различных цифровых ресурсов. Эти цифровые ресурсы включают: навыки использования цифрового оборудования, непосредственно само цифровое оборудование (аппаратное, программное и коммуникационное оборудование) и промежуточные цифровые товары и услуги, используемые в производстве [15, с. 2].

Ежегодное увеличение доли цифровой экономики в ВВП мировой системы хозяйства составляет 20%, а доля цифровой экономики в развитых странах приближается к 7%. При условии, что темпы роста сохранятся, в ближайшем будущем доля цифровой экономики в мировом ВВП будет составлять, по отдельным прогнозам, от 30 до 40%.

Можно прогнозировать, что последствиями быстрого роста доли цифровой экономики в ВВП развитых стран и ми-

ровой хозяйственной системы в целом могут быть завершение индустриальной фазы развития мировой экономики и трансформация фазы постиндустриального её развития, начиная уже с 2020 г. Появятся новые благоприятные возможности для развития инновационного предпринимательства и самозанятости, будут оказываться новые виды услуг, резко сократятся транзакционные издержки [16, с. 19].

В книге «Цифровая экономика», изданной в Оксфордском университете в 2017 г., дается определение цифровой экономики как экономики, которая непосредственно функционирует с использованием цифровых технологий, электронных транзакций, передаваемых с помощью Интернета [17, с. 5].

Вследствие этого можно предположить, что резко сократится число посредников как экономических агентов, а в отдельных случаях они исчезнут полностью или их заменят автоматизированные сетевые сервисы. Появятся новые ценностные ориентиры в экономике, основанные не на конкуренции, а на сотрудничестве и взаимовыгодной кооперации.

Развитие цифровой экономики может оказать влияние на трансформацию и модернизацию более 50% разных отраслей современной экономики [16, с. 20].

В 2017 г. в статье «Что из себя представляет цифровая экономика?», опубликованной представителями компании Deloitte, цифровая экономика определяется как вид экономической деятельности, который осуществляется за счет миллиарда ежедневных онлайн-контактов (связей) между людьми, предприятиями, устройствами, конкретными данными и процессами. Основой цифровой экономики является гиперкоммуникабельность, которая означает растущую внутреннюю контактность людей, организаций и машин, которая является результатом использования Интернета, мобильных технологий и интернета вещей (IoT).

В результате появятся 4 основные сферы, которые в большей мере подвергнутся цифровой трансформации: будущее работы, потребительский опыт, цифровые сети поставок и интернет вещей [18, с. 1].

В условиях цифровой экономики требуется значительно больше усилий для безопасности в цифровом пространстве и более тесная координация стран, поскольку формирование цифровой экономики предполагает преобразование ключевых сфер деятельности человека и функционирования государства в целом.

К числу информационных угроз следует отнести:

- генерирование и сбор информации, её хранение, которые включают личные данные, а также коммерческие данные хозяйственной деятельности, которые могут использоваться представителями организованной преступности;

- несанкционированное приобретение личных данных и интеллектуальной собственности.

Не исключается информационный терроризм, саботаж, нарушающие и повреждающие преднамеренно данные, информацию и/или системы [19]. Злонамеренные действия могут нанести серьезный урон финансовым активам, а также материальным и нематериальным активам как организаций, так и структурных подразделений региональных органов управления и местного самоуправления.

Несмотря на прогнозируемые информационные угрозы, необходимо признать, что формирование цифровой экономики следует рассматривать как объективную необходимость общественного развития и как новый этап становления экономики. Становление нового этапа экономики вызвано последствиями технологической революции, которая привела к цифровизации экономических систем. Поскольку информационно-коммуникационные технологии позволили существенно снизить себестоимость продукции, улучшить качество обеспече-

ния населения, расширить спрос на товары индивидуального производства, всё большее количество компаний будут прибегать к современным ИКТ, а цифровая экономика будет восприниматься как «традиционная» для современного этапа научно-технического прогресса и развитие производительных сил общества.

Список литературы

1. The Digital Economy [Electronic resource] // OECD. Paris, 2013. URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/The-Digital-Economy-2012.pdf> (дата обращения: 10.01.2018).
2. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill. 1996. 342 p.
3. Lane N. Advancing the digital economy into the 21st century // Information Systems Frontiers. 1999. Vol. 1(3). P. 317–320.
4. Brynjolfsson E., Kahin B. Introduction, in Understanding the Digital Economy. Cambridge, MA, MIT Press, 2000. P. 1–10.
5. Mesenbourg T. L. Measuring the Digital Economy [Electronic resource] // US Bureau of the Census. 2001. URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/umdigital.pdf> (дата обращения: 10.01.2018).
6. Digital Economy Rankings 2010 Beyond E-Readiness [Electronic resource] // Economist Intelligence Unit. London. 2010. URL: http://graphics.eiu.com/upload/EIU_Digital_economy_rankings_2010_FINAL_WEB.pdf (дата обращения: 10.01.2018).
7. Навыки в цифровой экономике и вызовы системы образования / В. П. Куприяновский, В. А. Сухомлин, А. П. Добрынин [и др.] // International journal of open information technologies. 2017. Т. 5, № 1. С. 19–25.
9. Что такое «консьюмеризация IT»? [Электронный ресурс] URL: <http://ittrend.ru/>

2012/07/17/что-такое-консьютеризация-it/ (дата обращения: 10.01.2018).

10. The Digital Economy [Electronic resource] // British Computer Society. London, 2014. URL: https://policy.bcs.org/sites/policy.bcs.org/files/digital%20economy%20Final%20version_0.pdf (дата обращения: 10.01.2018).

11. Эра цифрового бизнеса: нарушение границы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inesnet.ru/wp-content/uploads/2016/02/Accenture-Technology-Vision-2015-rus.pdf> (дата обращения: 05.01.2018).

12. Challenges for Competition Policy in a Digitalised Economy [Electronic resource] // European Parliament. Brussels, 2015. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/IPOL_STU\(2015\).pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/IPOL_STU(2015).pdf) (дата обращения: 10.01.2018).

13. The Digital Economy [Electronic resource] // House of Commons Business, Innovation and Skills Committee. London, 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmbis/87/87.pdf> (дата обращения: 10.01.2018).

14. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative [Electronic resource] // G20 Digital Economy Task Force. 2016. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/g20-digital-economy-development-andcooperation.pdf> (дата обращения: 10.01.2018).

15. Knickrehm M., Berthon B., Daugherty P. Digital Disruption: The Growth Multiplier, Accenture [Electronic resource]. Dublin, 2016. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-4/Accenture-Strategy-DigitalDisruption-Growth-Multiplier.pdf (дата обращения: 10.01.2018).

16. Паньшин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. № 3 (157). С. 17–20.

17. Digital Economy, Oxford Dictionary [Electronic resource] / Oxford University Press. Oxford, UK, 2017. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/digital_economy (дата обращения: 10.01.2018).

18. Deloitte N. D. What is Digital Economy? [Electronic resource]. New York. URL: <https://www2.deloitte.com/mt/en/pages/technology/articles/mt-what-is-digitaleconomy.html> (дата обращения: 10.01.2018).

19. Цифровая безопасность умных городов / И. А. Соколов, В. П. Куприяновский, В. В. Аленьков [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6, № 1. С. 104–118.

Поступила в редакцию 03.02.18

UDC 330.1

V. D. Evsjukov, Post-Graduate Student, Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Civil Service under the President (Saratov, Russia) (e-mail: evsyukov_vd@mail.ru)

EVOLUTION OF FOREIGN ECONOMISTS OPINIONS TOWARDS THE MEANING OF DIGITAL ECONOMY

Phenomenon of digital economy is characterized as the result of development of technological innovations in the conditions of informational revolution and formation of digital society. In the end of the 90th of the XX century information technologies caused economic changes in the society. These changes were the result of integration of infocomm technologies in industrial and economic affairs within different economic sphere.

Digital models accelerated informatization and algorithmization of the process of taking management and economic decisions that caused initiation of the digital economy. Being at the first stages of the development digital economy analysis appealed to the circulation due to the occurrence of the internet goods and e-commerce. That's why digital economy was treated according to the economic changes in the circulation sphere. In the beginning of the 2000 and within the following periods digital economy is analyzed according to the economic changes in the spheres of production connected to digital modeling of production affairs, which caused changes in the relation between fabricator and consumer.

Indicators of these changes are consumerization and customization, which granted customers possibility of independent usage of digitized function for producing individual goods and services and granted waged workers realization of commercial tasks with the help of devices of consumer rank. Hyper-communicability being the special feature of the digital economy caused such informational threats as illegal usage of personal data, informational terrorism, and sabotage. However digital economy is the new stage of formation of the economics caused by consequences of technological revolution which lead to digitalization of the economic systems.

Key words: digital economy, e-commerce, digital product, internet goods, digital organization of people, informational threats, informational terrorism, infocomm technologies, digitized information.

For citation: Evsjukov V. D. Evolution of foreign economists opinions towards the meaning of digital economy. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 184–191 (in Russ.).

References

1. The Digital Economy. OECD. Paris, 2013. URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/The-DigitalEconomy-2012.pdf> (accessed 10.01.2018).

2. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York, McGraw-Hill, 1996. 342 p.

3. Lane N. Advancing the digital economy into the 21st century. Information Systems Frontiers, 1999, vol. 1(3), pp. 317–320.

4. Brynjolfsson E., Kahin B. Introduction, in Understanding the Digital Economy. Cambridge, MA, MIT Press. 2000, pp. 1–10.

5. Mesenbourg T. L. Measuring the Digital Economy. US Bureau of the Census. 2001. URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/umdigital.pdf> (accessed 10.01.2018).

6. Digital Economy Rankings 2010 Beyond E-Readiness. Economist Intelligence Unit. London, 2010. URL: http://graphics.eiu.com/upload/EIU_Digital_economy_rankings_2010_FINAL_WEB.pdf (accessed 10.01.2018).
7. Kupriyanovskij V. P., Suhomlin V. A., Dobrynin A. P., eds. *Navyki v cifrovoj ehkonomike i vyzovy sistemy obrazovaniya*. International journal of open information technologies, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 19–25.
9. Chto takoe “kons'yumerizaciya IT”? URL: <http://ittrend.ru/2012/07/17/chto-takoe-kons'yuteriza-ciya-it/> (accessed 10.01.2018).
10. The Digital Economy. British Computer Society. London, 2014. URL: https://policy.bcs.org/sites/policy.bcs.org/files/digital%20economy%20Final%20version_0.pdf (accessed 10.01.2018).
11. Ehra cifrovogo biznesa: narushe-nie granicy. URL: <http://www.inesnet.ru/wp-content/uploads/2016/02/Accenture-Technology-Vision-2015-rus.pdf> (accessed 5.01.2018).
12. Challenges for Competition Policy in a Digitalised Economy. European Parliament, Brussels. 2015. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/IPOL_STU\(2015\).pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/IPOL_STU(2015).pdf) (accessed 10.01.2018).
13. The Digital Economy. House of Commons Business, Innovation and Skills Committee. London, 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmbis/87/87.pdf> (accessed 10.01.2018).
14. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative. G20 Digital Economy Task Force. 2016. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/g20-digital-economy-development-andcooperation.pdf> (accessed 10.01.2018).
15. Knickrehm M., Berthon B., Daugherty P. Digital Disruption: The Growth Multiplier, Accenture. Dublin. 2016. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-4/Accenture-Strategy-DigitalDisruption-Growth-Multiplier.pdf (accessed 10.01.2018).
16. Pan'shin B. Cifrovaya ehkonomika: osobennosti i tendencii razvitiya. *Nauka i innovacii*, 2016, no. 3 (157), pp. 17–20.
17. Digital Economy, Oxford Dictionary. Oxford University Press, Oxford, UK. 2017. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/digital_economy (accessed 10.01.2018).
18. Deloitte N. D. What is Digital Economy? New York. URL: <https://www.deloitte.com/mt/en/pages/technology/articles/mt-what-is-digitaleconomy.html> (accessed 10.01.2018).
19. Sokolov I. A., Kupriyanovskij V. P., Alen'kov V. V., eds. *Cifrovaya bezopasnost' umnyh gorodov*. International Journal of Open Information Technologies, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 104–118.

УДК 656.07

В. В. Байдуллаев, аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: pitch1black2@gmail.com)

В. А. Макаренко, аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: lisario@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ЧРЕЗМЕРНОЙ БЮРОКРАТИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ДИРЕКЦИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ФИЛИАЛА ОАО «РЖД»)

Исследование направлено на изучение и анализ железнодорожного инфраструктурного комплекса Российской Федерации, его места и значения для развития национальной экономики. Доказана необходимость модернизации железнодорожной инфраструктуры, выявлена проблема чрезмерной бюрократизации в рассматриваемой сфере. Исследование выполнено на примере центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД».

Цель и задачи. Цель исследования состоит в проведении экономического анализа деятельности железнодорожной инфраструктуры. Достижение поставленной цели предопределило решение следующих задач: провести оценку состояния и перспектив развития железнодорожной инфраструктуры; обозначить значимость железнодорожного комплекса для дальнейшего развития национальной экономики; определить роль и значение бюрократической составляющей в системе управления железнодорожным транспортом, на основании чего предложить меры по повышению эффективности функционирования железнодорожного комплекса.

Методология. В работе использованы методы статистического, логического и сравнительного анализа. С их использованием оценен вклад инфраструктурного комплекса в развитие национальной экономики, выявлены проблемы излишней бюрократизации в части принятия оптимальных управленческих решений. На основе анализа эмпирических данных обоснована необходимость повышения эффективности эксплуатации железных дорог.

Результаты. На примере Центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД» выявлены основные проблемы функционирования железнодорожного транспорта, связанные с недоинвестированием в инфраструктуру, чрезмерной бюрократизацией процессов принятия управленческих решений. Доказано, что недостаточный контроль закупочной деятельности может привести к дестабилизации рыночных институтов и появлению коррупционных схем. Сформулирована необходимость целевого финансирования в развитие и обновление основных фондов железнодорожной инфраструктуры.

Выводы. Одну из ключевых ролей в развитии национальной экономики играет железнодорожная инфраструктура. Широкое внедрение в деятельность железнодорожного транспорта информационных технологий и других инструментов модернизации способствует экономическому росту и обеспечению национальной безопасности страны.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, инфраструктура, оптимизация управления.

Ссылка для цитирования: Байдуллаев В. В., Макаренко В. А. Экономический анализ деятельности железнодорожной инфраструктуры: необходимость модернизации и проблема чрезмерной бюрократизации (на примере центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 192–198.

Промежуточным звеном между производством продукции и его потреблением выступает железнодорожный транспорт, что обуславливает необходимость эффективной работы всех участников перевозочного процесса, в том числе и ОАО «РЖД» – владельца инфраструктуры железнодорожного транспорта. Слаженная работа железнодорожного транспорта способствует увеличению транспортной активности населения, пассажирообороту, как в дальнем, так и

в пригородном сообщении. При управлении железнодорожной инфраструктурой необходимо принимать во внимание множество факторов, влияющих на эффективность работы железнодорожной инфраструктурой. В процессе управления инфраструктурным комплексом на железнодорожном транспорте принимают участие не только государственные органы и ОАО «РЖД», но и локальные перевозчики и операторы подвижного состава [1] (рис. 1).

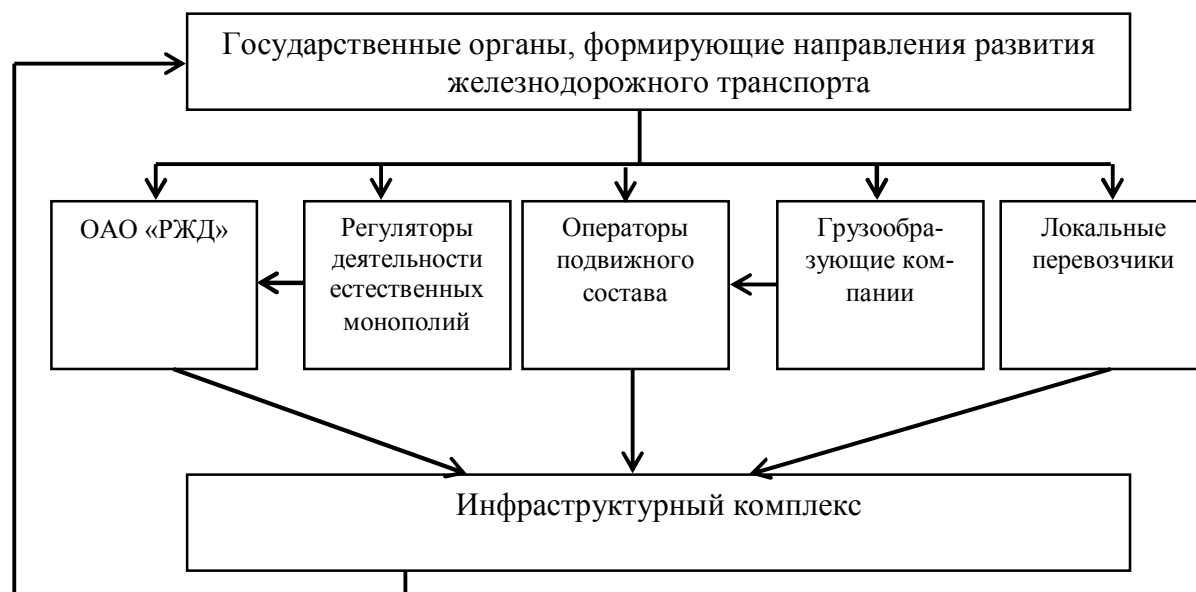

Рис. 1. Участники экономических отношений по регулированию деятельности инфраструктурного комплекса

От технического состояния и качества работы в сфере управления инфраструктуры железнодорожного комплекса зависят не только отдельные отрасли экономики и компании, но и социально-экономическое развитие страны в целом: национальная безопасность, обеспечение потребности граждан в перевозках, в том числе и грузовых, создание условий для ресурсной независимости государства, мобильности трудового населения, особенно в регионах Дальнего Востока и Сибири, где слабо развита коммуникация других видов транспорта [2, с. 78].

В составе комплекса компании ОАО «РЖД» сформирован ряд дирекций, которые отвечают непосредственно за функционирование железнодорожного инфраструктурного комплекса. По структуре фондов, затрат и контингента наиболее значимой является Центральная дирекция инфраструктуры (ЦДИ), основной задачей деятельности которой является эффективное управление объектами инфраструктуры железнодорожного транспорта, конечным результатом которого является обеспечение безопасности движения поездов, а также сохранение и увеличение пропускной способности железных дорог.

В настоящее время Центральная дирекция инфраструктуры является крупнейшим подразделением ОАО «РЖД». На полигоне Центральной дирекции инфраструктуры работают более 318 тыс. человек, осуществляющих текущее содержание железнодорожного пути и искусственных сооружений, обслуживание устройств сигнализации, централизации и блокировки железнодорожного транспорта, а также текущий ремонт и обслуживание вагонного парка крупнейших грузовых компаний-операторов.

Основные цели Центральной дирекции инфраструктуры – повышение безопасности движения поездов, устранение инфраструктурных ограничений, обновление основных фондов, постоянное развитие и оптимизация производственных мощностей, недопущение на инфраструктурный комплекс неисправного подвижного состава. В рамках финансово-экономического блока основной целью Центральной дирекции инфраструктуры является создание условий для экономического развития железнодорожного инфраструктурного комплекса и достижения его максимальной эффективности.

Как показывает международный опыт, расширение железнодорожных дорог в стране может служить инструмен-

том экономического развития. На данный момент по данным Экономической комиссии Организации Объединенных Наций средняя плотность железных дорог в Российской Федерации составляет 5 км на 1000 кв. км. Естественно, нужно брать в расчёт огромные территории страны, но в дальнейшей перспективе роста перевозок необходимо постоянное развитие сети железных дорог для усиления пропускной способности основных направлений [3].

По данным Федеральной службы государственной статистики, на конец 2016 г. эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования в России составила 86,4 тыс. км [4]. Низкие темпы модернизации инфраструктуры могут привести к инфраструктурным ограничениям транспортировки грузов и аварийным ситуациям, поэтому в рамках инвестиционной программы Центральной дирекции инфраструктуры за 2016 г., общая сумма которой составила 62,1 млрд руб., основной объем средств был направлен на проведение реконструкции железнодорожного пути и его модернизацию.

Основная часть в размере 50,5 млрд руб. была выделена хозяйству пути (рис. 2), благодаря которой был проведен ремонт и оздоровление 5963 км пути, что соответствует запланированным показателям и почти на 20% выше уровня предыдущего года. Помимо этого была произведена укладка 757 комплектов стрелочных переводов, а общее количество отказов технических средств хозяйства пути сократилось на 7% [5]. За счёт правильных проектных решений по капитальному ремонту и модернизации пути за 2016 г. были отменены действовавшие ограничения скоростного режима на протяжении 1233 км и 945 км для пассажирских и грузовых поездов соответственно. В условиях увеличения грузооборота и пассажирооборота с последующим дефицитом пропускной способности железной дороги по некоторым направлениям, увеличение скорости движения поездов, а также снижение оборота грузовых вагонов являются очень важной задачей не только для компании, но и для экономического развития страны в целом.

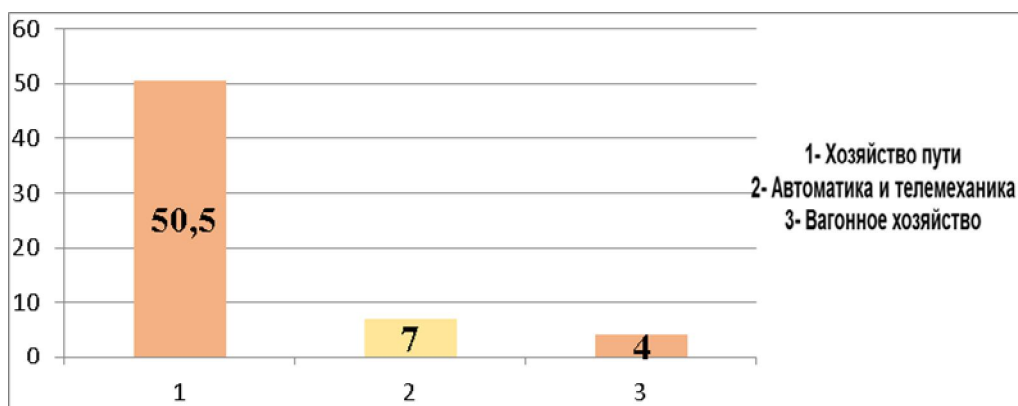

Рис. 2. Объем инвестиций ЦДИ за 2016 г. в разрезе структурных подразделений

Инвестирование в хозяйство автоматики и телемеханики позволило сократить количество простоев поездов по вине хозяйства на 2% по сравнению с 2015 г. [5] Принятие оптимальных управленческих решений Центральной дирекцией инфраструктуры и постоянная модернизация, оздоровление пути приводят к повышению эффективности эксплуатации железнодорожного пути и внедрению иннова-

ционных технологий в его техническое обслуживание. Нецелевое или недоинвестирование в развитие и обновление основных фондов железнодорожной инфраструктуры привело бы к неполному освоению грузовых перевозок, увеличению износа и сокращению пропускной способности железных дорог [6, с. 101].

Помимо экономических факторов, на деятельность железнодорожной инфра-

структуры влияет и организационная составляющая. Характерной чертой Центральной дирекции инфраструктуры является её сложная многоуровневая бюрократическая структура, которая напрямую влияет на скорость и качество принятия оптимальных управленческих решений. Дирекция имеет в своем подчинении шестнадцать структурных подразделений – региональных дирекций инфраструктуры: Восточно-Сибирскую, Забайкальскую, Западно-Сибирскую, Куйбышевскую, Октябрьскую, Свердловскую, Северную, Северо-Кавказскую, Московскую, Калининградскую, Горьковскую, Юго-Восточную, Приволжскую, Южно-Уральскую, Красноярскую, и Дальневосточную. При этом каждое из подразделений имеет свою организационную структуру, свой планово-экономический отдел.

В связи с этим данной системе присущи закоренелость, следование устаревшим законам и предписаниям, препятствование оптимизации, а иногда и коррупционная составляющая. Наиболее ярким примером, свидетельствующим о проблеме излишней бюрократизации, является закупочная деятельность дирекции инфраструктуры.

Для оптимальной и бесперебойной работы дирекции инфраструктуры необходимо не только грамотное инвестирование и обновление фондов, но и своевременное и комплексное снабжение материально-техническими ресурсами. Центральная дирекция инфраструктуры и её структурные подразделения располагают двумя способами получения материалов: первый – самостоятельная закупочная деятельность; второй – запрос специализирующемуся на закупках и снабжении филиалу ОАО «РЖД» – Росжелдорснабу (РЖДС).

В обоих случаях закупочная деятельность регламентируется Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и положением о закупке товаров, работ, услуг для нужд ОАО «РЖД» [7]. Проце-

дуры размещения заказа на закупку товаров и услуг в основном проводятся на принадлежащей монополисту электронной торгово-закупочной площадке «ЕТЗР» [8].

С целью проведения закупки товаров и услуг на конкурентной основе заказчик обязан согласовать с вышестоящим филиалом финансирование, подготовить аукционную или конкурсную документацию в соответствии с требованиями Федерального закона и положения о закупках, опубликовать её на электронной площадке. При этом существуют определенные ограничения по формированию технического задания. Например, вся номенклатура заведена в сетевой классификатор материально-технических ресурсов (СК-МТР).

В данном справочнике, который ведет РЖДС, указан десятизначный код товара, его наименование, технические характеристики, ГОСТ, ТУ, сорт, размер и самое главное – рекомендуемая цена. Необходимо отметить, что все ресурсы подразделяются по статьям и классификационным группам: строительные материалы, средства индивидуальной защиты, форменная одежда. Заказчик не имеет права в одной конкурсной процедуре заявлять предметом закупки материалы, находящиеся сразу в двух классификационных подгруппах.

К примеру, нельзя предметом закупки объявить заключение договора на поставку хозяйственного инвентаря и материалов верхнего строения пути. Также не рекомендуется ставить цены на товары выше, чем указано в справочнике Росжелдорснаба. В противном случае необходимо собрать ценовую комиссию и убедить руководство в целесообразности повышения цены. По результатам проведенной закупки заключается договор, спецификация; если победитель предложил товар, который отсутствует в справочнике, необходимо его туда занести, что означает запрос в Росжелдорснаб и минимум две недели рассмотрения и присвоения кодов. И только потом можно начать осуществлять поставку. Нельзя не

отметить, что в справочнике цены зачастую не актуальны, т. к. индексация проводится крайне редко.

В связи с вышеуказанными причинами, с целью обхода бюрократической волокиты, региональные дирекции инфраструктуры предпочитают снижать транзакционные издержки и заключают договор с Росжелдорснабом на годовую поставку материально-технических ресурсов. Это позволяет им делать заявки на любую номенклатуру, в то время как закупочной деятельностью за них занимается РЖДС. При этом конечные потребители ресурсов лишаются преимуществ самостоятельной закупки: они не могут оперативно получить информацию от поставщика, не могут повлиять на сроки поставки, несут определенные экономические потери от покупки ресурсов в связи с появлением в цепочке дополнительного агента [9; 10]. Однако дирекциям инфраструктуры в этом случае не нужно содержать собственный центр закупочной деятельности, кроме того, заключая договор со снабжающей организацией, они минимизируют риски взаимоотношений с недобросовестными поставщиками.

В то же время есть и иные отрицательные стороны работы через посредническую снабженческую организацию. Росжелдорснаб – достаточно крупная организация, состоящая из шестнадцати региональных дирекций, расположенных в шестнадцати городах Российской Федерации от Калининграда до Хабаровска, поэтому все заявки филиалов и дирекций перенаправляются в региональные подразделения Росжелдорснаба, которые снабжают почти все подразделения РЖД в регионе, а потому сроки поставки перестают быть гибкими. При этом поставку ресурсов придется ждать, что называется, «в порядке очереди». Таким образом создается дополнительная бюрократия.

Нельзя не отметить и еще один немаловажный аспект закупочной деятельности ОАО «РЖД». В связи с тем, что заказчики, будь то РЖДС или, например, Центральная дирекция инфраструктуры, работают в рамках сразу двух норматив-

ных актов, которые недостаточно жестко регламентируют закупочную деятельность, появляются ситуации, дестабилизирующие рыночное равновесие и снижающие уровень конкуренции.

К примеру, любой документацией (будь то запрос котировок или квалификационный отбор) предусмотрено право поставщика предложить эквивалентную продукцию. Документацией и техническим заданием предусмотрено предложение только того эквивалента, который обладает качествами лучше, чем оригинал. Однако, если заказчик лоббирует чьи-либо интересы, то на стадии рассмотрения заявок он может допустить участника, который предложил более дешевый аналог.

При этом, если в запросе котировок и открытом аукционе заявки участников находятся в открытом доступе на сайте электронной торгово-закупочной площадки, и можно изучить их технические предложения, то при проведении аукциона открытые части в заявках отсутствуют. В этом случае только заказчик видит: кто какую продукцию предложил к поставке, а это значит, что их «агенты» могут теоретически получить конкурентное преимущество. В добавление к этому документацией предусмотрено право заказчика в любой момент отказаться от проведения процедуры до подведения итогов, поэтому, если что-то идет не так, можно сразу отказаться от проведения процедуры и переиграть её с новыми исходными данными.

Во избежание чрезмерной бюрократизации и появления коррупционных схем в данный момент происходит широкое внедрение информационных технологий в деятельность не только дирекций инфраструктуры, но и ОАО «РЖД» в целом. Электронный документооборот позволяет ускорить процессы принятия решений, упрощает взаимодействие между структурными подразделениями. Публикация результатов торгов, открытых частей при проведении процедур на электронной торгово-закупочной площадке –

первые серьезные шаги к открытой, а значит, здоровой системе закупок.

Только развитая железнодорожная инфраструктурная сеть может повысить конкурентоспособность страны на глобальном рынке и обеспечить лидерство в мировой экономической системе, а её эффективное функционирование играет ключевую роль в создании необходимых условий для устойчивого роста национальной экономики.

Список литературы

1. Никитина М. А. Взаимодействие грузообразующих компаний с инфраструктурным комплексом железнодорожного транспорта // Транспортное дело России. 2014. № 4. С. 56–60.

2. Терешина Н. П., Никитина М. А. Роль инфраструктуры для взаимодействия субъектов рынка // Мир транспорта. 2013. № 5. С. 78–85.

3. Экономическая комиссия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <http://w3.unece.org/PXWeb/en/Charts?IndicatorCode=47&CountryCode=792> (дата обращения: 14.01.2018).

4. Протяженность путей сообщения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/trans-sv/prot.xls (дата обращения: 14.01.2018).

5. Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2016 г. Итоги выполнения инвестицион-

ной программы [Электронный ресурс]. URL: <https://ar2016.rzd.ru/ru/operating-results/infrastructure/investments> (дата обращения: 14.01.2018).

6. Честнов П. Е. Развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта как метод укрепления национальной экономики // Транспортное дело России. 2013. № 2. С. 101–103.

7. Положение о закупке товаров, работ, услуг для нужд ОАО «РЖД» от 29.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://doc.rzd.ru/doc/public/ru?STRUCTURE_ID=704&layer_id=5104&id=6685#4704626 (дата обращения: 21.01.2018).

8. Электронная торгово-закупочная площадка ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]. URL: <http://etzp.rzd.ru/freessee/main> (дата обращения: 24.01.2018).

9. Плотников В. А., Жигунов В. П. Институты и их влияние на экономический рост // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 5 (56). С. 170–178.

10. Вертакова Ю. В., Ватутина О. О. Компаративный анализ современной практики организации частно-государственного партнерства в России и за рубежом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С. 30–34.

Поступила в редакцию 03.02.18

UDC 656.07

V. V. Baidullaev, Post-Graduate Student, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia) (e-mail: pitch1black2@gmail.com)

V. A. Makarenko, Post-Graduate Student, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia) (e-mail: lisario@mail.ru)

ECONOMIC ANALYSIS OF RAILWAY INFRASTRUCTURE ACTIVITIES: NECESSITY OF MODERNIZATION AND THE PROBLEM OF EXCESSIVE BUREAUCRATIZATION ON THE EXAMPLE OF CENTRAL DIRECTORATE OF INFRASTRUCTURE - BRANCH OF JOINT STOCK COMPANY "RUSSIAN RAILWAYS"

The research is directed to studying and the analysis of a railway infrastructure complex of the Russian Federation, its place and value for development of national economy. Need of upgrade of a railway infrastructure is

proved, the problem of excessive bureaucratization in the considered sphere is revealed. The research is executed on the example of the central directorate of infrastructure – Russian Railway branch of JSCo «Russian Railways».

Purpose and tasks. The research purpose consists in carrying out the economic analysis of activities of a railway infrastructure. Achievement of an effective objective predetermined the solution of the following tasks: to carry out assessment of a condition and the prospects of development of a railway infrastructure; to designate the importance of a railway complex for further development of national economy; to determine a role and value of a bureaucratic component in a management system by rail based on what to propose measures for increase in efficiency of functioning of a railway complex.

Methodology. In work methods of the statistical, logical and comparative analysis are used. With their use the contribution of an infrastructure complex to development of national economy is estimated, problems of excessive bureaucratization regarding acceptance of optimal management decisions are revealed. On the basis of the analysis of empirical data need of increase in efficiency of railway operation is proved.

Results. On the example of the Central directorate of infrastructure – Russian Railway branch of JSCo «Russian Railways» the main problems of functioning of a rail transport connected with underinvestment in infrastructure, excessive bureaucratization of processes of acceptance of management decisions are revealed. It is proved that insufficient control of purchasing activity can lead to destabilization of market institutes and emergence of corruption schemes. Need of target financing in development and updating of fixed assets of a railway infrastructure is formulated.

Conclusions. One of key roles in development of national economy is played by a railway infrastructure. Widespread introduction in activities of a rail transport of information technologies and other instruments of upgrade promotes the economic growth and ensuring national security of the country.

Key words: rail way, infrastructure, optimal management.

For citation: Baidullaev V. V., Makarenko V. A. Economic analysis of railway infrastructure activities: necessity of modernization and the problem of excessive bureaucratization on the example of central directorate of infrastructure - branch of joint stock company "Russian Railways". Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 192–198 (in Russ.).

References

1. Nikitina M. A. Vzaimodejstvie gruzoobrazuyushchih kompanij s infrastruktury kompleksom zheleznodorožnogo transporta. *Transportnoe delo Rossii*, 2014, no. 4, pp. 56–60.
2. Tereshina N. P., Nikitina M. A. Rol' infrastruktury dlya vzaimodejstviya sub"ektov rynka. *Mir transporta*, 2013, no. 5, pp. 78–85.
3. Ehkonomicheskaya komissiya Organizacii Ob"edinennyh Nacij. URL: <http://w3.unece.org/PXWeb/en/Charts?IndicatorCode=47&CountryCode=792> (accessed 14.01.2018).
4. Protyazhennost' putej soobshcheniya. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/busi-ness/trans-sv/prot.xls (accessed 14.01.2018).
5. Godovoj otchet OAO «RZHD» za 2016 g. Itogi vypolneniya investicion-noj programmy. URL: <https://ar2016.rzd.ru/ru/operating-results/infrastructure/investments> (accessed 14.01.2018).
6. Chestnov P. E. Razvitie infrastruktury zheleznodorožnogo transporta kak metod ukrepleniya nacional'noj ehkonomiki. *Transportnoe delo Rossii*, 2013, no. 2, pp. 101–103.
7. Polozhenie o zakupke tovarov, rabot, uslug dlya nuzhd ot 29.11.2011 OAO «RZHD». URL: http://doc.rzd.ru/doc/public/ru?STRUCTURE_ID=704&layer_id=5104&id=6685#4704626 (accessed 21.01.2018).
8. Ehlektronnaya trgovno-zakupoch-naya ploshchadka OAO «RZHD». URL: <http://etzp.rzd.ru/freeccee/main> (accessed 24.01.2018).
9. Plotnikov V. A., Zhigunov V. P. Instituty i ih vliyanie na ehkonomicheskij rost. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, no. 5 (56), pp. 170–178.
10. Vertakova Yu. V., Vatutina O. O. Komparativnyj analiz sovremennoj praktiki organizacii chastno-gosudarstvennogo partnerstva v Rossii i za rubezhom. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment* 2012. no. 1. pp. 30–34.

УДК 165.82

И. Н. Белоногов, аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия) (e-mail: endy-addams@rambler.ru)

ТЕОРИЯ «ТРЕХ МИРОВ» КАРЛА ПОППЕРА НА ПУТИ К РЕАЛИЗМУ. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС «ТРЕТЬЕГО МИРА»

Эволюционная эпистемология, дисциплина философии науки, изучающая изменения знания, была основана Карлом Поппером. За время своего существования она претерпела, под напором критики, множество модификаций и изменений. Её ядром является концепция «Трёх миров», а главным нововведением и одним из центральных понятий выступает «Мир 3» – совокупность знаний, произведенных в культуре за всё время её существования. За счёт выделения этой совокупности оказалось возможным проследить рост знания, его прибавление и развитие. Однако многие исследователи смешивают представление о «Трёх мирах» с онтологическим делением на материю и сознание, в связи с чем под вопросом оказывается статус «Мира 3». Дабы разрешить это затруднение, в данной работе рассматривается представление о «Мире 3» и производится его обновление в русле современного реализма, в данном случае делезианского. Другие теории противопоставляют реальное и виртуальное, из-за чего понятие «виртуальной реальности» оказывается несущим в себе противоречие. Делезианский же реализм предполагает онтологическое деление воспринимаемого мира на виртуальный и актуальный регистры, каждый из которых при этом является реальным. Тем самым удаётся избежать ложного представления о виртуальном как субъективном или не являющемся реальным. Помимо этого такой ход открывает для эволюционной эпистемологии путь к рассмотрению объектов виртуальной реальности. Благодаря обращению к онтологическим основаниям устанавливается статус «Мира 3» как теоретического конструкта, что открывает путь для последующей интерпретации сети Интернет и Ноосферы как материальных воплощений «Мира 3».

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, Мир 3, реализм, онтология, виртуальное, актуальное.

Ссылка для цитирования: Белоногов И. Н. Теория «Трёх миров» Карла Поппера на пути к реализму. Онтологический статус «Третьего мира» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 199–205.

В начале XX в. в отношении научного знания возникло определённое сомнение: в силу того, что ньютоновская физика была дополнена физикой Эйнштейна, возник вопрос о прогрессе научного знания. Если одно научное представление сменяет другое, то каким образом возможно говорить о прогрессе и доверии к нему? Эти вопросы и вызвался решить Карл Поппер. Он встал на сторону фаллибилизма – презумпции сущностной неистинности любого знания. Согласно этой точке зрения, никакие теории не являются истинными по своей сути, они лишь объясняют совокупность фактов. Та или иная теория претендует лишь на то, чтобы быть системой, объясняющей максимальное число фактов и наблюдений. Когда же возникают факты, которые теория объяснить не может, её либо модифицируют, либо отвергают.

Для того чтобы говорить о знании, не смешивая его с другими явлениями, Поппер вводит концепцию трёх «миров»:

– «Мир 1» – это «мир физических объектов или физических состояний», мир видимый и осязаемый;

– «Мир 2» – это «мир состояний сознания», точнее, мир человеческого сознания, т. е. всего того, что существует лишь «в голове»;

– «Мир 3» – это «мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства», а также «теоретические системы», «проблемы и проблемные ситуации», «критические рассуждения и то, что может быть названо <...> состоянием дискуссий или состоянием критических споров» [1, с. 439–440], плюс содержание книг и журналов.

Конечно, Поппер не углублялся в вопросы онтологии, поскольку его больше интересовала эпистемология – знание и его рост. И модель трёх «миров» имела именно эпистемологические корни. Однако критика, направленная на попперовскую концепцию, затрагивала именно вопросы о способе существования «Мира 3». Так или иначе, уточнить представление о «Мире 3» – значит понять и определить его онтологический статус – узнать, каков способ существования знания в его отличии от физических объектов и состояний сознания. Является ли знание чем-то материальным? Если да, то чем оно отличается от других материальных объектов? Если же знание является нематериальным, тогда что позволяет говорить о знании как о чём-то, что можно изучать? Потому что от ответа на этот вопрос зависит судьба эволюционной эпистемологии как дисциплины. Следовательно, в первую очередь необходимо предъявить онтологическую гипотезу о том, чем является «Мир 3».

Вопрос онтологии затрагивается в работе Г. Д. Левина «Проблема “третьего мира” в эпистемологии», потому именно с анализа того, как Левин критикует и интерпретирует Поппера, мы и начнём данное исследование.

Наиболее важными характеристиками «Мира 3» Поппер считает «объективность» и «относительную автономию» по отношению к двум другим мирам. Объективность третьего мира предполагает, что знание может выступать как объект, в существовании которого мы можем быть уверены. Это возможно постольку, поскольку знание может быть записано и сохранено: имеются учебники, научные издания, публикации и прочие материальные способы хранения и сохранения. Автономия означает, что эти записи возможно рассматривать отдельно от других явлений – состояний сознания, которые изучает психология, и физических явлений, которыми занимаются естественные науки.

Но именно эти тезисы об объективности и автономии «Мира 3», т. е. о том, что «содержание журналов, книг и библиотек» продолжит существовать в неизменном виде, даже если человечество как вид исчезнет с лица земли, Г. Д. Левин ставит под вопрос. Нам нет необходимости представлять столь радикальный пример – гибель человечества. Достаточно задаться вопросом: изменится ли функционирование текста (который, собственно, и является тем, что представляет из себя знание в записи), если не будет тех, кто способен его прочитать? И хотя в первом дополнительном тезисе из работы «Эпистемологии без познающего субъекта» [2] Поппер называет третий мир естественным продуктом человеческого существа [3, с. 446], мы знаем, что человеческое существо, выросшее вне влияния третьего мира, не умеет читать книг: «Дикарь, глядя на бесценный текст Платона и даже не подозревая о существовании письменного языка, не увидит в нем ничего, кроме разных по форме пятен, находящихся в разных пространственных отношениях друг к другу. В лучшем случае он примет их за геометрический узор для своей будущей татуировки. Дикарь может задать вполне философский вопрос: что представляет собой это ваше объективное знание и где оно находится?» [4, с. 107]. Хотя Поппер говорит и о текстах (содержании книг и журналов или научных дискуссий) и о смыслах (теоретических системах, проблемах и проблемных ситуациях), ни те, ни другие не возникнут или не проявятся до тех пор, пока они не будут прочитаны, т. е. «Мир 3» существует лишь во взаимодействии с читающим субъектом. Таким образом, он оказывается не автономен. Более того, вне связи с человеческим сознанием «Мир 3» ничем не отличается от «Мира 1», от физического мира – знаки являются знаками лишь постольку, поскольку их можно прочесть, иначе это будут лишь линии, подобные узору на листе.

Исходя из этого, Левин интерпретирует Поппера как философа коммуникации. «Речь, – утверждает он, – здесь именно о возможности передачи знания от учителя ученику, от поколения к поколению или даже сквозь тысячелетия, подобно текстам Платона, написанным до н. э., что мы можем читать и по сей день». Именно как способ коммуникации текст является текстом. Потому Левин определяет «Мир 3» как возможность знания, но не само объективное знание: «Заключенную в письменном тексте возможность возникновения субъективного знания ученика так же некорректно назвать объективным знанием, как и заключенную в зиготе возможность возникновения человека – человеком. И когда Поппер называет “содержание журналов, книг и библиотек” объективным знанием, он, на мой взгляд, совершает ту же методологическую ошибку, что и преформисты, утверждавшие, что зародыш уже заключен в половой клетке и его дальнейшее развитие состоит лишь в увеличении в размерах» [5, с. 107–108]. Однако Г. Д. Левин, в силу того, что ставит перед собой эпистемологические, но не онтологические задачи, останавливается на этом выводе («Мир 3» – это возможность знания), не разбирая вопрос о статусе и способе существования этой «возможности».

Несомненно, выводы Левина верны – «Мир 3» существует как возможность лишь благодаря взаимодействию «Мира 2» – сознания человека, способного к чтению, и «Мира 1» – записей на физических носителях. Именно благодаря этому взаимодействию знание и передается. Без человека знания не будет, но без записи и коммуникации оно не будет передано. Автономия «Мира 3» заключается не в том, что знание существует само по себе, но в том, что знание одного отдельного индивида может его пережить, будучи передано следующим поколениям. Поэтому речь здесь об «относительной автономии»: с одной стороны, суще-

ствование знания зависит от реальных людей – без них его просто не будет, с другой стороны, важны не отдельные люди, а общество и коммуникация. «Мир 3» автономен по отношению к отдельно взятому человеку, но зависит от существования общества в целом (общества, которое существует за счёт того, что люди коммуницируют друг с другом). Таким образом, «Мир 3» не является онтологической категорией, т. е. не существует «сам по себе» и не является изначальной данностью подобно сознанию или материи.

Но чем в таком случае является «возможность»? В истории философии «возможное» часто представляется как онтологическая категория, но насколько это верно? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо проанализировать понятие «возможного». Подобный анализ проводит, вслед за Анри Бергсоном, Жиль Делёз в работе «Бергсонизм». Потому обратимся к нему за решением.

Делёз [6], следуя Анри Бергсону, критикует понятие «возможного»: возможное, будучи принято за онтологическую категорию (так, словно наряду с «реальным миром» существует мир «возможного»), предполагается как некое множество [возможностей], существующее еще до того, как что-либо реально случилось. Однако это не так, «возможный мир» существует лишь в представлении людей, но не сам по себе. Это мыслительная категория, а не онтологическая. Потому Левин допускает ошибку, когда утверждает, что «в зиготе в возможности заключены не только анатомия, физиология и психология будущего человека, но и в определенных пределах его биография. В письменных текстах Платона в возможности существуют не только его мысли, но и логические следствия из них, противоречия между ними и, следовательно, будущие дискуссии и концепции, рождённые в ходе этих дискуссий» [4, с. 108], ведь тогда имелось бы противоречие: нечто существует (биография, психология и физиология не

рожденного еще человека или дискуссии и проблемы, которые еще не были проведены и поставлены) до того, как существует.

В действительности возможное не дано заранее, ведь неизвестные субъекту возможности не будут братья им в расчёт. Представление о возможном постепенно формируется из опыта субъекта: различные происшествия, встреченные субъектом в процессе его жизнедеятельности, сохраняются в его памяти, формируя, таким образом, представление о возможном. «Возможное» – это копия реального, бездействующий след в памяти: «Не реальное походит на возможное, а именно возможное похоже на реальное, поскольку оно абстрагируется из однажды созданного реального, произвольно выделяется из реального подобно стерильному двойнику» [3, с. 308]. «Возможное» следует за реальным и никак иначе – это представление о том, что могло бы случиться, исходя из опыта об уже случившемся. Именно память как область сознания гарантирует «возможное».

Теперь, исходя из вышесказанного, мы можем заново поставить вопрос о том, каким образом мы можем говорить о «Мире 3» как о чём-то существующем реально. Для этого обратимся к онтологической категории «реального». Обычно принято различать и противопоставлять друг другу пару «реальное» и «воображаемое» (Г. Д. Левин называет такой взгляд «народным учением» [4, с. 101]). Но при таком взгляде все то, что относится к сознанию, к «воображаемому», предполагается субъективным и «нереальным». Поэтому прибегнем к другому делению онтологических категорий, разработанному Жилем Делёзом [5]: «виртуальное» (всё относящееся к памяти, и от того оказывающееся вневременным) противопоставляется им «актуальному» (тому, что существует в настоящем, в актуальном восприятии мира), причем и то и другое является «реальным». Введение такой пары, «виртуальная реальность/актуальная реальность», позволяет взглянуть на мир

сознания как на нечто объективное. Такой онтологический ракурс позволяет рассматривать «Мир 3» в духе реализма: реальные записи, существующие актуально, порождают реальные виртуальные смыслы и реальную [виртуальную] возможность знания.

Такая онтологическая перспектива позволяет исследовать «Мир 3» как полностью объективный, не сводя его при этом только лишь к процессу коммуникации. Г. Д. Левин верно подмечает, что процесс коммуникации создаёт возможность знания. Такой взгляд согласуется с вкладом Стивена Тулмина в эволюционную эпистемологию: помимо журналов и дискуссий, книг и теорий, теорем и формул он добавляет еще одну важную составляющую «Мира 3» – практику [7]. Ведь занятие наукой – это не только знание теорем, но и осознание их места и функции; не только изучение формул, но и умение их применять; в конечном итоге умение читать – это практика, требующая предварительного обучения. Следовательно, немалая часть того, что называется «Миром 3», хранится в сознании людей, взаимодействующих с ним.

Включённая в «Мир 3» «практика» располагается на границе 1 и 2 миров: с одной стороны, практика требует научения и является знанием о том, как и что делать, а возникновение нового знания, в свою очередь, приводит к изменениям в практике (так, открытие микробов связано с распространением практик гигиены и пастеризации); с другой стороны, практика – это физические манипуляции, в которых задействовано тело (ведь и коммуникация предполагает движения губ и языка (говорение), рук (письмо) или всего тела (жестикуляция)). Если продумать эту серию дальше, то мы увидим, что и мышление всегда связано с телом – ведение внутреннего диалога, так называемой субвокализации, связано с микродвижениями языка, так же как образное мышление с микродвижениями глаз и конечностей. Изменения в практике ведут за собой изменения в строении мозга, его

реструктуризацию [8]. Практика предполагает личную передачу, т. е. процесс коммуникации субъектов. Следовательно, именно посредством коммуникации поддерживается существование возможности знания: того, что записи будут прочитываемы. Научные дискуссии, в свою очередь, являются коммуникацией по своему определению. Однако остаются еще «проблемные ситуации», которые существуют лишь виртуально – в памяти индивидов, но вполне объективно, и при этом могут существовать вне процесса коммуникации.

Таким образом, на вопрос дикаря, вложенный ему в уста Г. Д. Левиным, «что представляет собой это ваше объективное знание и где оно находится?», возникает ответ: это актуальные записи на физических носителях, которые при чтении производят знание, и виртуальная память людей, которые могут эти записи читать, производить и практиковать. Возможность чтения и письма возникает в процессе коммуникации людей, предполагающей обучение чтению и записи.

Тогда выстраиваемая нами реалистическая линия понимания «Мира 3» будет состоять из двух шагов – онтологического и эпистемологического. Мы начинаем с онтологических категорий: «реальное», имеющее два регистра – «актуальное» и «виртуальное». Реальность есть то, с чем мы имеем дело в [актуальном] восприятии (то, что называется «настоящее время») и сохраняется в [виртуальной] памяти (то, что называется «прошлым»). «Настоящее время» – это лишь миг, который тут же становится «прошлым». Потому актуальное – это не время, но пространство: каждое мгновение мы воспринимаем вещи в пространстве. Время как последовательность восприятий существует лишь постольку, поскольку у нас есть память о том, что было, потому время виртуально. Мы называем такой взгляд реалистическим, ибо он предполагает лишь восприятие, которое нам, несомненно, дано, и не предпо-

лагаем существование мира вне нас, куда это существование не может быть доказано.

На следующем шаге из памяти о случившемся конструируется представление о возможном («будущее»). И только после этого мы можем вводить эпистемологическое деление на три объективных и автономных «Мира», необходимое нам для того, чтобы изучать развитие знания. Каждый из «Миров» пересекает все онтологические регистры («виртуальное», «актуальное»):

– «Мир 1» – это совокупность воспринимаемых актуально материальных объектов, расположенных в пространстве, и впоследствии сохраненных в памяти. Мы можем говорить о них постольку, поскольку предполагаем возможность того, что они продолжают существовать и тогда, когда их никто не будет воспринимать, исходя из нашего опыта. Объекты в каждый данный момент настоящего времени актуально воспринимаются. Но как длящиеся во времени, они виртуальны, ведь прошлое существование объектов существует лишь в памяти воспринимающего. Будущее – то, что могут объекты – экстраполируется благодаря той же памяти, позволяющей создать представления о возможном, и потому также виртуально;

– «Мир 2» – это совокупность индивидов как носителей памяти, которые воспринимают «Мир 1». Но мы всегда имеем дело лишь с собственным восприятием, потому «другой – это возможный мир»: восприятия других людей существуют лишь как возможные, ведь мы их лишь представляем, исходя из знания о себе. «Мир 2» – это возможные миры, т. е. другие восприятия и точки зрения на «Мир 1»;

– «Мир 3» – это совокупность знаний, возникающих на пересечениях двух других «Миров»: с одной стороны, это записи на материальных носителях («Мир 1»), с другой – это представления, возникающие при их прочтении («Мир 2»). Тем самым, два других «Ми-

ра» выступают как материя «Мира 3». Отличие от других «Миров» заключается не в материи, но в функционировании. Его существование гарантируется коммуникацией, т. е. постоянной передачей от одного индивида к другому, а также от одного поколения к последующим.

Проведя анализ представления о «Мире 3», мы отделили эпистемологию от онтологии. Делезианское понимание онтологии заключается в том, что реальность – это всегда реальный опыт индивида. Такой взгляд представляется наиболее реалистическим, поскольку позволяет отказаться от всех метафизических предпосылок о существовании мира-вне-нас, и при этом, как это было показано, позволяет заново ввести концепцию «трех миров» Карла Поппера, но уже не как онтологическое представление, с которым её часто смешивали (Поппер, Левин), но как теоретический конструкт, которым она в действительности всегда и была.

Выделив «Мир 3» в качестве конструкта, мы тем самым открываем путь для дальнейшей концептуализации принимаемых им форм и их развития – от мировой сети Интернет до Ноосферы [9; 10]. Рассмотрению новых форм, которые «Мир 3» принял, и тех, к которым он стремится, будут посвящены дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост.: Д. Г. Лахути, В. Н. Садовский, В. К. Финн. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.
2. Поппер К. Эпистемология без познающего субъекта // Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 439–495.
3. Делёз Ж. Бергсонизм // Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: пер. с франц. М.: ПЕР СЭ, 2001.
4. Левин Г. Д. Проблема «Третьего мира» в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 39, № 1. С. 96–109.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Актуальное и виртуальное [Электронный ресурс] // Альманах «Восток». 2006. N 3 (39). URL: www.situation.ru/app/j_art_1124.htm (дата обращения: 20.11.2017).
6. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делёза: материалы «круглого стола» / О. В. Аронсон, В. И. Аршинов, В. Г. Буданов [и др.] // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 2. С. 149–181.
7. Тулмин Ст. История, практика и «третий мир» (трудности методологии Лакатоса) // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. М.: ИФ РАН, 1999. С. 246–257.
8. Дойдж Н. Пластичность мозга: Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М.: Эксмо, 2010. 539. с.
9. Буданов В.Г. Концептуальная модель социо-антропологических проекций конвергирующих NBICS-технологий // Социо-антропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации: сб. науч. ст. / отв. ред. И. А. Асеева. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 24–34.
10. Каменский Е. Г. «Киберфизическое» общество: Субъектность. Ценности. Коммуникация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 4 (21). С. 224–233.

Поступила в редакцию 22.12.17

UDC 165.82

I. N. Belonogov, Post-Graduate Student, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia) (e-mail: endy-addams@rambler.ru)

KARL POPPER'S THREE WORLDS TOWARDS REALISM. ONTOLOGICAL STATUS OF WORLD THREE

The evolutionary epistemology was established by Karl Popper as a part of the philosophy of science focused on the changes in the human knowledge. Over the course of its lifespan, under strong criticism, the evolutionary epistemology has undergone considerable modifications and changes. At the heart of the evolutionary epistemology is the 'Three Worlds' theory, where the main innovation and one of the core concepts is the 'World 3' concept defined as a sum total of the knowledge gained by the cultural humanity throughout its history. Definition of this concept made it possible to keep track of knowledge raise, augmentation and development. However, many researchers conflate the 'Three Worlds' concept with the ontological distinction between 'matter' and 'consciousness', thus bringing the 'World 3' status into a question. To clarify this misconception, this paper addresses the 'World 3' concept, translating it within the framework of the modern realism, in this particular case, the Deleuzian one. Other theories generally set 'virtual' in opposition to 'actual', meaning that the 'virtual reality' concept has its inherent contradiction. By contrast, the Deleuzian realism subdivides the perceptible world, in an ontological sense, into a virtual and actual domains, each representing a reality. That way, one can avoid a misleading interpretation of 'virtual' as 'subjective' or 'unreal'. Moreover, this approach makes it possible for the evolutionary epistemology to consider virtual reality objects. In terms of the ontological basics, the 'World 3' status is defined as a theoretical construct, thus providing path for further interpretation of the Internet and the Noosphere as a material realization of 'World 3'.

Key words: evolutionary epistemology, World 3, realism, ontology, virtual, actual.

For citation: Belonogov I. N. Karl Popper's Three Worlds Towards Realism. Ontological Status of World Three. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 199–205 (in Russ.).

References

1. Ehvolucionnaya ehpistemologiya. Ehvolucionnaya ehpistemologiya i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki; ed. by D. G. Lahuti, V. N. Sadovskij, V. K. Finn. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 2000, pp. 57–74.

2. Popper K. Ehpistemologiya bez poznayushchego sub"ekta. Logika i rost nauchnogo znaniya. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 439–495.

3. Delyoz Zh. Bergsonizm. Ehmpirizm i sub"ektivnost': opyt o chelovecheskoj prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyah. Bergsonizm. Spinoza. Moscow, PER SEH Publ., 2001.

4. Levin G. D. Problema "Tret'ego mira" v ehpistemologii. Ehpistemologiya i filosofiya nauki, 2014, vol. 39, no. 1, pp. 96–109.

5. Delez Zh., Gvattari F. Aktual'noe i virtual'noe. Al'manah "Vostok". 2006, no. 3 (39). URL: www.situation.ru/app/j_art_1124.htm (accessed 20.11.2017).

6. Aronson O. V., Arshinov V. I., Budanov V. G., eds. Paradigma slozhnosti v perspektive filosofskoj strategii Zhilya

Delyoza: materialy "kruglogo stola". Filosofiya nauki i tekhniki, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 149–181.

7. Tulmin St. Istoriya, praktika i "tretij mir" (trudnosti metodologii Lakatos). Filosofiya nauki. Vol. 5: Filosofiya nauki v poiskah novyh putej. Moscow, IF RAN Publ., 1999, pp. 246–257.

8. Dojdz N. Plastichnost' mozga: Potryasayushchie fakty o tom, kak mysli sposobny menyat' strukturu i funkicii nashego mozga. Moscow, Ehksmo Publ., 2010. 539 p.

9. Budanov V. G. Konceptual'naya model' socio-antropologicheskikh proekcij konvergiruyushchih NBICS-tehnologij. Socio-antropologicheskie resursy transdisciplinarnyh issledovanij v kontekste innovacionnoj civilizacii: sb. nauch. st.; otv. red. I. A. Aseeva. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2015, pp. 24–34.

10. Kamenskij E. G. "Kiberfizicheskoe" obshchestvo: Sub"ektnost'. Cennosti. Kommunikaciya. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2016, no. 4 (21), pp. 224–233.

УДК 338.242.4

Е. Е. Сучкова, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Россия) (e-mail: sttsuch@gmail.com)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРСОНАЛА

В статье выявлены основополагающие коммуникации, возникающие в некоммерческих организациях при управлении персоналом. Раскрыты объект, предмет, цели, задачи и условия, позволяющие осуществлять коммуникационный процесс при управлении персоналом некоммерческой организации, используя основные теоретические и практические аспекты антикризисного управления. Представленные суждения дают основание считать, что стоимость затраченного труда в некоммерческих организациях и получаемого социального эффекта сопоставимы с современными концепциями по стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости капитала, с учетом, того что «риск инвестора» в коммерческих организациях заменяется «риском получения социального эффекта» в некоммерческих организациях. Антикризисное управление в данном случае представляет собой управленческий инструментарий с целью перераспределения усилий, трудовых затрат и нематериальных активов для получения максимального социального эффекта в некоммерческих организациях. Также в статье обосновывается двойственность, содержащаяся в категории «труд», с точки зрения человеческого капитала и прилагаемых усилий, то есть перераспределения добавочной стоимости с реально производимого продукта на создание социальной значимости услуги посредством трансформации стоимости труда и возмещение его в нематериальной форме. Основная концепция статьи заключается в том, что происходит превращение в некоммерческих организациях натурально-вещественной формы предмета и нематериальных активов в «живой» труд, преобразуемый в социально значимый продукт. Таким образом, процесс трансформации материальных и трудовых ресурсов в продукт производства в коммерческих организациях можно рассматривать как применение живого труда, направленное на создание коммуникационного взаимодействия в некоммерческих организациях с целью получения социального эффекта.

Ключевые слова: управление персоналом, антикризисное управление, управление организации, коммуникационное взаимодействие.

Ссылка для цитирования: Сучкова Е. Е. Использование инструментов антикризисного управления для совершенствования коммуникационного взаимодействия персонала // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 206–211.

В общем виде роль коммуникационного взаимодействия в управлении персоналом может быть определена как деятельность профессиональной направленности, нацеленная на получение результативного управления как внутри организации, так и между организацией и ее внешней средой на основе формирования устойчивых прямых и обратных связей с целью получения максимального эффекта [1]. Если же достичь результативности при применении традиционных методов, применяемых в управлении персоналом, не представляется возможным в силу сложившихся объективных и субъективных обстоятельств, возникает необходимость рассмотреть вопрос о применении некоторых аспектов антикризисного управления.

По сути, антикризисный менеджмент представляет собой управление, перераспределение и трансформацию капитала во всех его материальных и нематериальных формах в условиях постоянного воздействия внутренней и внешней среды с целью получения максимального эффекта. Согласно концепции Маркса, «капитал – это самовозрастающая стоимость, то есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость путем эксплуатации рабочей силы» [2]. В контексте данной статьи следует привести высказывание Ф. Энгельса: «Всё миропонимание Маркса – это не доктрина, а метод. Оно даёт не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [3, с. 352]. Поэтому, используя отправные теоретические по-

ложения К. Маркса о труде и капитале, истинность которых подтверждена многолетним практическим применением для коммерческих организаций, мы предлагаем их трансформацию для некоммерческих организаций.

В классическом виде разница между стоимостью товара «труд» и стоимостью товара «рабочая сила» формирует непосредственно прибавочную стоимость, которая и является главной целью коммерческой организации, т. е. ее прибылью. В свою очередь, Д. М. Кейнс в своей теории определил, что «прибавочная стоимость – это оплата инвестору за риск потерять деньги от их производственного использования» [4, с. 142]. Действительно, использование материального капитала в производственном процессе представляется в математическом выражении как функция со многими неизвестными. В ходе превращения материальных и трудовых ресурсов в товар могут произойти изменения первоначальных условий (изменение спроса и предложения, изменение законодательных и нормативных актов, появление новых конкурентов и др.). Это и есть риск, о котором говорил Д. М. Кейнс. Представленные суждения дают основание считать, что стоимость затраченного труда в некоммерческих организациях и получаемого социального эффекта сопоставимы с современными концепциями по стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости капитала, с учетом, что «риск инвестора» в коммерческих организациях заменяется «риском получения социального эффекта» в некоммерческих организациях.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить стоимости, которая отражается категориями «труд» и «рабочая сила». Некоторые ученые отождествляют эти понятия, в частности утверждение И. Т. Балабанова: «Определение К. Маркса, что капитал – это стоимость, которая посредством эксплуатации рабочей силы приносит прибавочную стоимость, базируется на предположении, что стоимость труда как товара всегда выше затрат на

его приобретение и не дает инструментария для исследований финансовых моделей современной экономики» [5], не учитывает, что К. Маркс в своих исследованиях оперировал только «понятием рабочая сила», а не «стоимостью (ценой) труда». Стоимость труда и стоимость рабочей силы, на наш взгляд, не идентичны.

Здесь следует согласиться с Т. В. Игнатовой, которая указывает: «Рабочая сила в производственном процессе превращается в стоимость в натурально-вещественной форме, то есть в момент окончания производства, а труд оценивается по приобретенным товарам, то есть при реализации. Таким образом, стоимость приращенного “живого” труда происходит на рынке только в момент купли-продажи произведенного продукта. Вот здесь и может появиться сам факт, что производство неэффективно» [6]. Именно когда появляется понятие неэффективности труда, мы должны обратиться к антикризисному управлению.

Если рассматривать управленческий процесс в коммерческих организациях, то управление происходит совокупностью материальных и трудовых ресурсов, а в некоммерческих организациях первостепенным (а в некоторых случаях) единственным объектом управления является трудовой ресурс [7]. В данном случае именно понятие «труд», а не понятие «рабочая сила», с точки зрения эффективности управленческого процесса играет решающую роль. Организация, планирование и управление с целью получения социального эффекта, прежде всего, связано с нематериальными активами и категорией «труд».

Теперь следует заметить, что весь управленческий процесс коммерческих организаций направлен на приращение стоимости, т. е. создания добавленной стоимости, т. е. выполнения главной цели – получения прибыли [8]. В некоммерческих организациях главная цель иная, а именно получение социального эффекта, значит и приращение должно быть направлено не на увеличение стои-

мости, а непосредственно на приращение самого «живого» труда, таким приращением, на наш взгляд, является создание коммуникаций, позволяющих получить социальный эффект [9]. И здесь, как и в коммерческих организациях, на конечном этапе во многих случаях может проявиться неэффективность деятельности. Соответственно, необходимо будет использовать инструментарий антикризисного менеджмента.

Теперь мы постараемся ответить на главный вопрос, а что же является в данном случае объектом антикризисного

управления? В привычных условиях коммерческих организаций объектом антикризисного управления является капитал, а вот в условиях некоммерческих организаций, как считает большинство ученых, является труд. Но на наш взгляд, это не так! Мы считаем, что объектом управления должны быть коммуникации, возникающие в процессе трудовой деятельности с целью получения социального эффекта. Именно коммуникации трансформируют потребности общества и его социальные ожидания в социальный эффект [10] (рис.1).

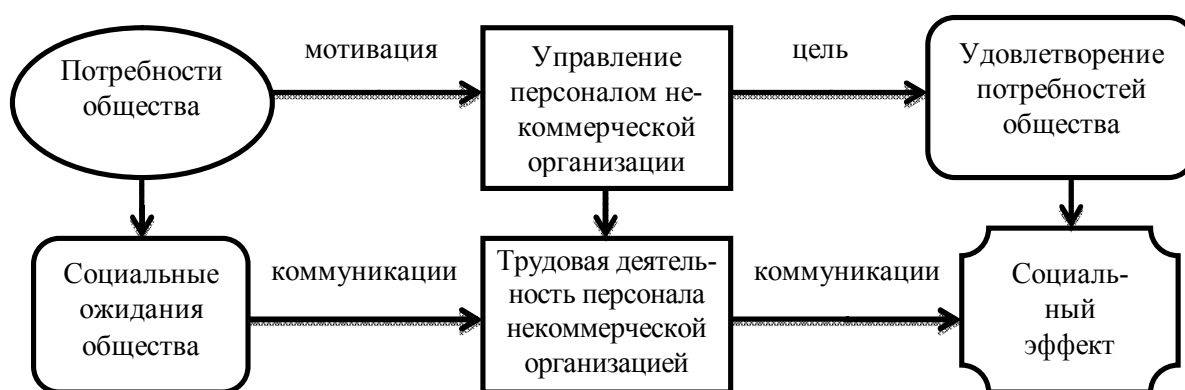

Рис. 1. Схема взаимосвязи потребностей общества и управления персоналом некоммерческой организации посредством коммуникаций

Таким образом, объектом управления персоналом в некоммерческой организации являются коммуникации, возникающие в процессе трудовой деятельности, направленные на максимальное удовлетворение потребностей общества [11]. В свою очередь, субъектом будут выступать социально-экономические и управленческие отношения в некоммерческих организациях, образующиеся в ходе формирования и реализации деятельности, на основе применения принципов коммуникационного менеджмента. В ходе управления персоналом основная роль коммуникаций – это устранение неопределенности в процессе управления. Коммуникации дают возможность систематизировать управленческие процессы и скоординировать их с внешней средой и внутренними ресурсами организации [12].

В то же время коммуникации могут быть построены неправильно, или персон

нал некоммерческой организации не обладает необходимыми профессиональными навыками [13] и не владеет приемами и методами коммуникационного менеджмента, тогда необходимо применение инструментария антикризисного управления (рис. 2).

По мнению Р. А. Попова, «в классической теории антикризисного управления можно выделить три составные части: реструктуризация организации, реорганизация организации и реформирование персонала» [14, с. 289]. Эти три составные части включают большое количество инструментов и методов оздоровления предприятий. В некоммерческих организациях, на наш взгляд, логичнее всего применять только тот инструментарий антикризисного управления, который взаимосвязан с коммуникационным менеджментом.

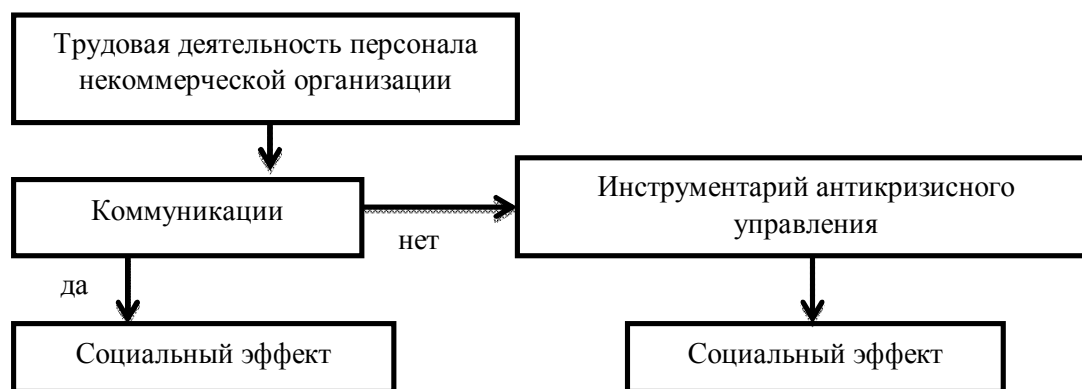

Рис. 2. Алгоритм применения инструментария антикризисного управления в деятельности некоммерческих организаций

Наиболее целесообразными в контексте коммуникаций управления персоналом некоммерческой организацией мы полагаем, что следует применять следующие формы из антикризисного управления:

1) переоценка ценностей – это изменение в системе ценностей некоммерческой организации, организационной культуре, организационном поведении, социальных проблемах и ожиданиях общества [15, с. 108];

2) переориентация – это изменения направления деятельности в соответствии с изменением общественных условий;

3) преобразование – это изменения в деятельности некоммерческой организации в соответствии с изменением законодательных и нормативных документов и чрезвычайными обстоятельствами;

4) обновление – это преобразования в области стиля управления персоналом, поведения руководителей, перераспределение и делегирование полномочий, расширение сфер ответственности отдельных работников [16];

5) реструктуризация – изменение организационной структуры, иерархии управления, модернизация системы сбора и обработки информации, изменение полномочий структурных подразделений;

6) реформирование – это введение внешнего руководства, передача определенных функций на аутсорсинг, изменение трудовых отношений с работниками [17].

Это далеко не полный перечень инструментов антикризисного управления,

направленных на создание оптимальных коммуникаций в управлении персоналом некоммерческой организации, но, на наш взгляд, они основополагающие. Антикризисное управление в данном случае представляет собой управленческий инструментарий с целью перераспределения усилий, трудозатрат и нематериальных активов для получения максимального социального эффекта в некоммерческих организациях.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Ланкина М. Ю. Теоретико-методические аспекты исследования компетентности организации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 2 (59). С. 75–83.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат, 1957. 428 с.
3. Энгельс Ф. Вернеру Зомбарту в Берлин // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 39. М.: Политиздат, 1957. 482 с.
4. Кейнс Д. М. Общая теория занятости процента и денег = The General Theory of Employment, Interest and Money. М.: Гелиос АРВ, 2015. 678 с.
5. Основы финансового менеджмента / под ред. И. Т. Балабанова. М.: Финансы и статистика, 1998. 356 с.
6. Игнатова Т. В., Полянин А. В. Управление факторами «труд» и «предпринимательство» в целях повышения конкурентоспособности муниципалитетов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 24–27.

7. Крыжановская О. А., Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Формирование региональной системы управления трудовым потенциалом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 1. С. 229–244.

8. Докукина И. А. Развитие концептуальных аспектов менеджмента современной организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 4. С. 106–111.

9. Оценка компетентности участников инновационного проекта на основе правил нечеткого вывода / Ю. С. Сербулов, Е. Н. Десятирикова, О. Ю. Лавлинская [и др.] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2013. № 1. С. 106–111.

10. Коргина О. А., Полянин А. В. Профессиональная адаптация в управлении персоналом организации // Результаты фундаментальных и прикладных исследований в России и за рубежом: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2017. С. 67–69.

11. Суровнева А. А., Полянин А. В., Головина Т. А. Особенности менеджмента некоммерческих организаций // Труд и

социальные отношения. 2017. № 4. С. 33–48.

12. Ершова И. Г., Вертакова Ю. В. Исследование методов прогнозирования потребности в кадрах // Вестник ОрелГИЭТ. 2010. № 2 (12). С. 117–122.

13. Ершова И. Г., Вертакова Ю. В. Систематизация подходов к прогнозированию потребности в трудовых ресурсах // Регион: системы, экономика, управление. 2010. Т. 8, № 1. С. 53–60.

14. Попов Р. А. Антикризисное управление. М.: Высшее образование, 2009. 305 с.

15. Анненкова А. А., Горбова И. Н. Совершенствование инструментария государственного антикризисного управления: монография. Орёл: Среднерус. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2016. 252 с.

16. Лытнева Н. А., Кыштымова Е. А., Парушина Н. В. Современные концепции управления трудовыми ресурсами предприятий // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 4 (34). С. 49–55.

17. Парушина Н. В., Микитуха А. А. Структурные элементы аналитической системы антикризисного управления предприятием // Научные записки ОрелГИЭТ. 2014. № 1 (9). С. 13–23.

Поступила в редакцию 20.01.18

UDC 338.242.4

E. E. Suchkova, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of management – branch of Russian presidential Academy of national economy and state service under the RF President (Orel, Russia) (e-mail: sttsuch@gmail.com)

USE OF INSTRUMENTS OF CRISIS MANAGEMENT FOR ENHANCEMENT OF COMMUNICATION INTERACTION OF PERSONNEL

The article reveals the fundamental communications arising in non-profit organizations in personnel management. The object, object, objectives, tasks and conditions allowing to carry out communication process at personnel management of non-profit organization using the basic theoretical and practical aspects of crisis management are opened. The presented judgments give reason to believe that the cost of labor spent in non-profit organizations and the resulting social effect are comparable to modern concepts on the cost of labor and the added value of capital, taking into account that the "investor risk" in commercial organizations is replaced by the "risk of social effect" in non-profit organizations. Crisis management in this case is a management tool with the goal of redistribution of effort, labor, and intangible assets for maximum social impact in nonprofit organizations. The article also substantiates the duality contained in the category of "labor" from the point of view of human capital and efforts, that is, the redistribution of added value from the actual product to the creation of social value of services through the transformation of labor cost and compensation in the non-material form. The main concept of the article is that there is a transformation in non-profit organizations of the natural-material form of the subject and intangible assets in the "living" work transformed into a socially significant product. Thus, the process of transformation of material and labor

resources into the product of production in commercial organizations can be considered as the use of live labor aimed at creating communication interaction in non-profit organizations in order to obtain a social effect.

Key words: personnel management, crisis management, organization management, communication interaction.

For citation: Suchkova E. E. Use of instruments of crisis management for enhancement of communication interaction of personnel. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 206–211 (in Russ.).

References

1. Vertakova Yu. V., Lankina M. Yu. Teoretiko-metodicheskie aspekty issledovaniya kompetentnosti organizatsii. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 2 (59), pp. 75–83.
2. Marks K., Ehngel's F. Sochineniya. Vol. 23. Moscow, Politizdat Publ., 1957. 428 p.
3. Ehngel's F. Verneru Zombartu v Berlin. Sochineniya. Vol. 39. Moscow, Politizdat Publ., 1957. 482 p.
4. Kejns D. M. Obshchaya teoriya zanyatosti procenta i deneg: [The General Theory of Employment, Interest and Money, 1936]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2015. 678 p.
5. Osnovy finansovogo menedzhmenta; ed. by I. T. Balabanov. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1998. 356 p.
6. Ignatova T. V., Polyanin A. V. Upravlenie faktorami “trud” i “predprinimatel'stvo” v celyah povysheniya konkurentosposobnosti municipalitetov. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 2017, no. 9 (88), pp. 24–27.
7. Kryzhanovskaya O. A., Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S. Formirovanie regional'noj sistemy upravleniya trudovym potencialom. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2013, no. 1, pp. 229–244.
8. Dokukina I. A. Razvitie konceptual'nyh aspektov menedzhmenta sovremennoj organizatsii. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta, 2014, no. 4, pp. 106–111.
9. Serbulov Yu. S., Desyatirikova E. N., Lavlinskaya O. Yu., eds. Ocenka kompetentnosti uchastnikov innovatsionnogo proekta na osnove pravil nechetkogo vyvoda. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sistemnyy analiz i informatsionnye tekhnologii, 2013, no. 1, pp. 106–111.
10. Korgina O. A., Polyanin A. V. Professional'naya adaptatsiya v upravlenii personalom organizatsii. Rezultaty fundamental'nyh i prikladnyh issledovaniy v Rossii i za rubezhom: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Samara: OOO “Povolzhskaya nauchnaya korporatsiya”, 2017, pp. 67–69.
11. Surovneva A. A., Polyanin A. V., Golovina T. A. Osobennosti menedzhmenta nekommercheskikh organizatsij. Trud i social'nye otnosheniya, 2017, no. 4, pp. 33–48.
12. Ershova I. G., Vertakova Yu. V. Issledovanie metodov prognozirovaniya potrebnosti v kadrah. Vestnik Orel-GIEHT, 2010, no. 2 (12), pp. 117–122.
13. Ershova I. G., Vertakova Yu. V. Sistematizatsiya podhodov k prognozirovaniyu potrebnosti v trudovykh resursakh. Region: sistemy, ehkonomika, upravlenie, 2010, vol. 8, no. 1, pp. 53–60.
14. Popov R. A. Antikrizisnoe upravlenie. Moscow, Vysshee obrazovanie, 2009. 305 p.
15. Annenkova A. A., Gorbova I. N. Sovershenstvovanie instrumentariya gosudarstvennogo antikrizisnogo upravleniya. Oryol, Srednerus. in-t upravleniya – filial RANHiGS, 2016. 252 p.
16. Lytneva N. A., Kyshtymova E. A., Parushina N. V. Sovremennye konceptii upravleniya trudovymi resursami predpriyatij. Vestnik Orel-GIEHT, 2015, no. 4 (34), pp. 49–55.
17. Parushina N. V., Mikituhov A. A. Strukturnye ehlementy analiticheskoy sistemy antikrizisnogo upravleniya predpriyatiem. Nauchnye zapiski Orel-GIEHT, 2014, no. 1 (9), pp. 13–23.

УДК 14

Н. А. Петяев, аспирант, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия)
(e-mail: n.petyaev@gmail.com)

ЦИКЛИЧЕСКОЕ, ЛИНЕЙНОЕ И СЕТЕВОЕ ВРЕМЯ

В статье рассмотрены три вида субъективно воспринимаемого времени: циклическое, линейное и сетевое. Подчеркивается, что понятие времени носит субъективно ориентированное измерение и, согласно постулатам системно-синергетического (междисциплинарного) подхода, зависит от темпорального измерения субъекта как активного участника самого процесса порождения временного порядка событий. На основании анализа практик повседневности человеческой деятельности циклическое время интерпретируется как естественный конструкт. Линейное время определяется как рефлексивное, то есть связанное со специфической личностной функцией рациональной обработки информации, почерпнутой из письменных источников. Показано, что за последние десятилетия информационной эпохи в индивидуальном и коллективном сознании произошли значимые трансформации в восприятии времени. Предложена новая концепция « сетевого (информационного) времени », являющегося, с точки зрения автора, синтезом циклического и линейного времени, возникновение которого было возможно только в традиции европейской технокультурной парадигмы развития цивилизации. Описаны основные характеристики деятельности субъекта (актора) сети в пространстве информационного времени, способы обработки поступающей к нему информации и бессознательной защиты сознания индивида сетевого времени от перманентно воздействующего потока информационного « белого шума ». Даны краткие характеристики таких явлений, как « клиповое мышление » субъекта сетевого времени и способность актора сети к генерации нового вида знаний в сетевой коммуникации. Динамическое проникновение разных образов времени друг в друга сопоставлено с феноменологической концепцией существования чистых структур сознания Э. Гуссерля. Делаются выводы относительно необходимости изменения в дидактических подходах опережающего образования взрослых.

Ключевые слова: сетевая эпоха, циклическое, линейное, сетевое время, интенция, ретенция, протенция, опережающее образование.

Ссылка для цитирования: Петяев Н. А. Циклическое, линейное и сетевое время // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 212–221.

Проблема восприятия времени в социальном контексте

Методологи приходят к выводу, что «проблема времени одна из самых труднейших в философии» [1], ведь «человек... тождественен времени» [2, с. 76], и он «не просто осознает время, но сам есть темпоральность» [3]. Данные выводы также находят поддержку в естественно-научной среде. Согласно С. Ф. Тимашеву, введение таких временных понятий, как «здесь» и «теперь» («Now»), «...соответствующих необратимым эволюционным “перескокам” системы на различных пространственно-временных уровнях иерархии этой системы, носит чисто субъективный характер...» [4]. Понятие «время» «носит субъективно ориентированные измерения» [5, с. 24], согласно постулатам системно-синергетического (междисциплинарного) подхода,

оно напрямую зависит от «темпорального измерения субъекта, понимаемого, как не только внешнего наблюдателя, определяющего временной порядок событий, но и как активного участника самого процесса их порождения» [Там же]. В рамках данной работы мы сконцентрируемся исключительно на анализе субъективного восприятия времени как «условии сосуществования и смены ощущений и других психических актов» [6] у человека. Термин «восприятие» мы будем использовать в феноменологическом значении как основной модус сознания, как бы базовое условие возможности всех других модусов, поскольку именно в восприятии непосредственно открывается бытие предмета [7, с. 357].

На наш взгляд, именно от того, как человек или сообщество субъективно воспринимают время при ежедневной

совместной деятельности, а именно то, как человек или люди выстраивают «ряд ощущений времени, становящихся для них шкалой, в которой располагаются остальные качества наших ощущений» [8, с. 410], так в этой группе людей и будут выстраиваться взаимоотношения с социальной реальностью, частью которой в том числе является и интересующая нас необходимость участвовать в опережающем образовательном процессе в течение жизни каждого человека.

«...Человеческий организм – это часы со многими стрелками (единая система синхронизирующихся ритмов)» [1]. В своем сознании человек, синхронизируясь с различными ритмами объективной реальности, активизирует разные модусы времени. Восприятие времени – это «первичная интуиция относительно сознания» [9, с. 103]. Для последующего анализа возникновения и развития феномена опережающего образования в информационную эпоху нас будут интересовать лишь три понятия времени, доминирующих в современном обществе, а именно понятия циклического, линейного и сетевого времени.

Мы отдаем себе отчет в том, что предложенный анализ интересующих нас субъективно воспринимаемых человеком и сообществом людей образов времени будет психологичен и, следовательно, пронизан высокой долей оценочного суждения, но в контексте нашей статьи оценочный подход является приемлемым. Как писал Карл Ясперс, в области духовных (субъективных) явлений фактической данностью может быть только понимание смысла. А понимание же по своей природе всегда связано с оценкой...» [10, с. 40].

Циклическое (естественное) время

Циклическое восприятие времени является природным и, как убедительно показал Мирча Элиадэ в своей работе [11], еще и самым древним для каждого

человека и общества. Время воспринимается как совокупность разных циклов, в первую очередь связанных с необходимостью постоянного выживания и удовлетворением естественных потребностей: «пришло время поесть», «пора спать», «пришли холода», «скоро лето» и т. д. Циклическое время является многоплановым, иерархически выстроенным, отражением в сознании человека биологически детерминированных циклов собственного организма, коррелирующих в эмпирическом опыте с природными циклами.

В когнитивном аспекте, чтобы быть эффективным и достаточно «образованным» членом своего сообщества, живущего в циклическом времени, индивид непрерывно развивает наблюдательность и память – умение запоминать мелкие детали. Чем лучше у человека или группы людей развиты навыки наблюдательности и быстрого ассоциативного выстраивания циклических закономерностей, тем более эффективным будет его или их деятельность в момент времени «здесь-и-теперь». При принятии любого решения самым главным фактором для таких людей становится «чувственная наглядность и наглядная достоверность» [12].

Жизнь в циклическом времени заставляет человека искать регулярные подтверждения своему чувственному опыту, что со временем приводит к выделению постоянно повторяющихся закономерностей и их прямой ассоциации с фиксацией в приметах того, что будет следовать за этим событием. Но «то, что следует» в картине мира этих людей не есть «будущее». Максимально чувственно-когнитивное вовлечение в момент времени «здесь-и-теперь» и ориентация лишь на эмпирический опыт формируют исключительно статичные, циклически замкнутые представления об ожидаемых изменениях при помощи выражений «было-стало». Люди, воспринимающие время циклично, под «будущим» понимают: «это также как было, только еще не

стало, потому что, вот, произошло то событие, которое является наглядным подтверждением того, что так уже было до этого». Или, проще говоря, «нет ничего нового под Луной». Циклическое время является одним из оснований для формирования в сознании символической картины мира.

Для эффективной совместной деятельности в обществе циклического времени должны быть развиты такие навыки, которые позволяют монотонно и при этом эффективно выполнять определенную работу, резко активизирующуюся в благоприятном цикле и практически полностью «замирающую» во время прохождения неблагоприятного цикла. На наш взгляд, предметно-осмысленное телеологическо-деятельностное коллективное существование намеренно блокирует возможность развития индивидуальной способности абстрактно мыслить как акта переосмысления собственных действий вне их связи с чувствами и эмпирическим опытом индивида. Тем же людям, кто не мог по разным причинам «тормозить» свои интеллектуальные способности, традиция циклического времени всегда отводила место изгоев. Но при этом эти «изгои» всегда были востребованы, когда происходил разрыв размеренной цикличности жизни сообщества. И именно к ним всегда обращались с запросом на помощь в возврате жизни «на круги своя». Другими словами, десятки тысяч лет большинство людей, живущих в циклическом времени, обращалось и, конечно же, продолжает обращаться к возможностям более развитого, но с их точки зрения «неправильного» сознания, только в тот момент, когда у них происходит столкновение с непреодолимым личностным конфликтом, проистекающим из резких изменений в обыденных циклических процессах.

Основным источником знаний в обществе циклического времени являлись традиционные мифы, ритуалы. Непосредственно передаваемый опыт, сохра-

ненный в памяти старейших его членов, передавался через аналогии, причем, как точно заметил Ги Дебор, в обществе циклического времени «миф – это тоталитарная и целостная мыслительная структура, которая оправдывает существующий строй эфемерным космическим порядком» [2, с. 77]. На основе передаваемых из уст в уста «мифов-деспотов» человек получал знания о неизбежно действующей в его обществе социальной иерархии, на основе ритуалов получал социально-одобряемое право вести определенный образ жизни, а на основе аналогий обучался конкретным и, обязательно, утилитарным навыкам. Поскольку деятельность человека зависела от временного цикла и была достаточно примитивной, то обучение различным, умственно затратным навыкам прекращалось достаточно быстро, а вся когнитивно-деятельностная энергия сознания людей направлялась старшим поколением на запоминание мифов посредством фольклора (самых способных), на участие в ритуалах или в ремесло (всех остальных). На наш взгляд, вследствие разрастания общества циклического времени, для сохранения неизбежности традиционной модели поведения и существовавшей социальной иерархии в этом обществе происходило возникновение института религии как следующей стадии традиционного мифологически-контролируемого общественного уклада [13; 14].

Общество с циклическим восприятием времени, очевидно, являлось активным субъектом, но невозможность воспринимать непредсказуемость будущего и ориентация на сохранение существующего традиционного уклада делало и делает его существование замкнутым на самое себя [10, с. 34]. Назовем это состояние моно-субъектным (Mono-S) отношением с реальностью.

Активную направленность сознания человека на предметную сущность, т. е. на нечто иное, чем само сознание, которая ярко проявляется в жизнедеятельности

тельности людей циклического времени, Э. Гуссерль обозначал термином «интенциональность». Конечно, его определение интенциональности касалось исключительно «закрепленных» в сознании человека базовых структур «восприятия чего-то, какой-то вещи» [7, с. 363]. Но мы считаем, что именно архаическая жизнь человечества в циклическом времени на протяжении десятков тысяч лет и произвела эволюционное закрепление механизма интенции у всех представителей нашего вида.

Линейное (рефлексивное) время

Десятки тысяч лет человечество упорно выживало, отвоевывая у других видов право на существование. В процессе этой борьбы был выработан один очень важный инструмент, позволявший передавать знания от одного поколения другому, при этом сохраняя стройную смысловую преемственность. Этот инструментарий назывался письменность. Приблизительно шесть тысяч лет назад [15, р. 19] человек научился мыслить не просто в визуальных образах, посредством настенных рисунков, но и через письменные знаки (клинопись, иероглифы, символы), смысловое содержание которых для посвященных было намного богаче, чем чтение рисунков. Именно с этого периода начинается постепенное проявление нового способа мышления у «человека-читающего», а именно рефлексии. Для того чтобы безошибочно прочитать или написать текст, человеку необходимо, во-первых, отстраниться от личностных переживаний и своего опыта, сосредоточившись на том, чтобы при помощи особых теоретических навыков расшифровать или, наоборот, зашифровать в знаках нужную информационную последовательность, а во-вторых, непрерывно удерживать в своем сознании запечатленное в знаках содержание до непосредственного окончания процесса чтения или написания. Иначе читающий

не будет понимать, что он читает, а пишущий не будет понимать, что же он написал. Хотя до изобретения печатного станка именно в таком состоянии «рефлексивного непонимания» находились большинство переписчиков текстов, приводившее к столь огромному количеству ошибок при переписывании книг, фактически письменность эксплицировала то, что Э. Гуссерль назвал ретенцией – основной рефлексивности сознания.

Такие авторы, как Роберт Дарнтон (Robert Darnton), считают, что изобретение клинописи и иероглифов являлось началом первой Информационной Эпохи человечества [15, р. 19]. Оставалось только ждать, когда умеющие читать и писать посредством рефлексивного чтения и письма создадут соответствующие условия, при которых у людей появилась бы возможность активировать в своем сознании другое восприятие времени. По мнению Карла Ясперса, это произошло спустя три с половиной тысячи лет. Между восьмисотым и двухсотыми годами до н. э. «...мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец...» [10, с. 33]. Обладая возможностями письменно передавать мифы, сакральные знания и традиционный уклад, человечество на самом деле создало идеальный инструмент для реструктуризации существующей десятки тысяч лет своей естественной связи с глобальными природными циклами. Когнитивно-деятельностное (рефлексивное) исследование собственного опыта и возможность письменной фиксации мысли изменило само восприятие времени. Восприятие времени в мифологизированных схемах «было» (прошлое) – «стало» (настоящее) – «то же, что и было, но еще не стало» (будущее) перестало соответствовать новому восприятию времени, репрезентированному в письменных источниках. Письменность разомкнула статичное циклическое время и оно «потекло» из прошлого через настоящее в совершенно новое, рефлексивно осмысляемое и переживаемое

неопределенное будущее. Ведь то, как поведет себя в ближайшем будущем рефлексивно мыслящий, умеющий читать и писать человек, определяли уже рациональные аргументы, почерпнутые в текстах и, переосмысленные на основе этого общеизвестные и общепринятые факты. Таким образом, «общество письменности» создало для себя условия, в которых оно обособилось от прямого воздействия природных циклов и затем постепенно перешло к избирательному виду социального развития в силу открытия таких понятий, как «разум» и «личность» [1, с. 35].

Мифы и ритуалы по-прежнему остаются крайне важными атрибутами знания, но через освоение письменности следующим поколениям негласно передавалось право создавать то, чего не было у предков. Любой текст, написанный учеником, осмысляющим знания, полученные им от учителя, являлся непредопределенным и уникальным творческим актом. Другими словами, достаточно широкое применение письменности, открытость к неопределенному будущему «надломили» один из культурных столпов предыдущей эпохи – обучение «по аналогии». Можно констатировать тот факт, что при активации линейного восприятия времени, когда будущее обретает рационально-спекулятивную реальность, значение индивидуальных свойств сознания человека возрастает взрывным образом.

В обществах, где произошла активация линейного восприятия времени, зарождаются новые социальные институты учителей, тех, кто учил мышлению и поиску несоответствий в существующем порядке вещей. В Греции это были софисты и философы, в Индии – шаманы и аскеты, в Китае – отшельники и странствующие мыслители. С тех пор вот уже более 2500 лет в разных человеческих сообществах можно наблюдать непрерывное противостояние между теми, кто защищает традицию цикличного восприя-

тия времени, ориентирующей человека на архаико-мифологическое прошлое и предельно предсказуемое, жестко-ритуализированное настоящее, и теми, кто, воспринимая время линейно, стремится развить в человеке чувство любопытства перед будущим. В результате такого противостояния через две тысячи лет в Европе возник научный метод, позволивший рефлексивно мыслящему человеку окончательно обособить свой разум от наблюдаемой и изменяемой им природы вещей. Назовем такое состояние субъект-объектным (S-O) отношением с реальностью.

Сетевое (информационное) время

Социально одобряемая возможность свободно моделировать в сознании свое и чужое вероятное будущее, а тем более создавать его собственными руками, привели к тому, что в течение последних пяти столетий европейская цивилизация втянулась в массовую активность, назовем ее «рефлексивная игра». В этой «игре» «игроку», т. е. рефлексивно мыслящему человеку, было необходимо публично и как можно реалистичнее трансформировать будущее. Победителем в этой «игре с будущим» признавался тот «игрок», который смог не просто создать новую ветвь неизвестного будущего, но и повлиять своими идеями на коллективное сознание общества, тем самым направив их желания в сторону реализации его идей. Одним из первых таких «визионеров-победителей» в игре с линейным временем был еще Леонардо да Винчи, за которым последовали утописты эпохи Возрождения, а через пару столетий, уже во времена Просвещения, «эстафету игры с будущим» приняли во Франции и в немецкоязычных странах. Но, бесспорно, вторым после Леонардо в этой «игре со временем» стал немецкий философ-критик Карл Маркс, который так и постулировал, «что задача философов – не столько объяснить преемственность

между прошлым и будущим, сколько помочь сделать будущее отличным от прошлого» [16].

Но после того, как в 1858 г. вышел в свет труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов...», где он уже методологически обосновал механистический метод эволюционного отбора, на первый план в «игре со временем» вышли уже не философы-утописты, педагоги-просветители или ученые-естествоиспытатели, а талантливые писатели-фантасты, порождавшие в своем богатом образном мышлении бесконечное количество различных вариантов будущего. Уже к концу XIX в., благодаря бурному развитию печатной промышленности и запросу общества на новые произведения в жанре фантастики, вся европейская цивилизация (включая, конечно, и США с Россией) была охвачена этой «игрой». Также выяснилось, что многим людям интересны не только альтернативные варианты будущего, но и альтернативные варианты прошлого, особенно на фоне поисков европейцами собственной «национальной идеи» и в свете постоянных открытий в области истории, археологии и антропологии. А непрерывные, все более ужасные по своим последствиям войны первой половины XX в. сделали только сильнее желание людей искать прибежище в совершенно новой для них виртуальной реальности «ветвящегося времени» [1] с его «непрестанным порождением нового» [7, с. 14].

В итоге технологии, разработанные во время противостояния Англии совместно с США «Германскому Третьему Рейху» – настоящей массовой галлюцинации самой развитой и рефлексивно мыслящей нации Европы, «заигравшейся» в многолетнюю ретроальтернативистскую «игру» под названием «Великая Германия и древнейшая арийская раса», позволили английским ученым создать первую электронно-вычислительную машину, а затем уже в середине пятидесятых годов создать компьютерный прототип нейронной сети человеческого мозга

(персептрон). В конце шестидесятых годов XX века в США создается первая сетевая структура (Arpanet), связавшая всего несколько компьютеров, но уже через двадцать лет непрерывного развития информационных технологий в Европе и США приведшая к рождению всемирной компьютерной сети.

Постоянно растущая экономическая выгода, получаемая от любого вида товара, так или иначе касающегося информационных технологий, привели к тому, что уже через пятьдесят лет после появления первых компьютеров весь мир стал одной большой информационной сетью. И человечество вступило в новую Информационную Эпоху, в которой в очередной раз произошло изменение восприятия времени. Назовем данный вид сетевым или информационным временем. Появившись как социальный феномен лишь в начале XXI в., сетевое восприятие времени очень быстро стало захватывать сознание людей, выросших в рефлексивной реальности научно-фантастических или альтернативно-исторических произведений и прорывных технологических открытий, причем вопрос активировать или нет сетевое восприятие времени у современных людей не стоит, это просто неизбежность, ибо если у человека, активно использующего информационные технологии в своей повседневной жизни, все еще активировано линейное (пусть даже в его «ветвящейся» вариации) восприятие времени, мировая информационная сеть его просто «раздавит» невыносимым объемом и силой потока информации, непрерывно поступающим в его сознание.

Как же происходит активация сетевого (информационного) времени? Во-первых, развиваясь в определенной среде, при сетевом восприятии времени человек выходит из под влияния символов его культуры, а выполнение ритуальной деятельности перестает играть связующую роль между ним и обществом, поскольку все его существование сосредоточено в безопасной для его физического и соци-

ального существования виртуальной реальности. Ведь миф и ритуальная деятельность являются практиками, которые помогают сохранять бытие человека от опасностей внешнего, неизвестного ему мира. Но если внешний мир хорошо известен, что как раз характерно для современной информационной эпохи, то мифы и ритуалы общества предыдущих эпох воспринимаются человеком сетевого времени как бесполезные рудименты. Ожидаем появление мифов и ритуалов сетевого времени, которые непременно возникнут в массовом порядке уже в ближайшие десятилетия. А во-вторых, актуально-востребованные (не базовые) социальные навыки и умения грамотный человек получает уже не только, и даже не столько на основе метода прямой аналогии («от отца к сыну») или метода личностного развития («от учителя к ученику»), сколько на основе свободного доступа к любой информации, которую он черпает из открытых информационных источников. Информационно-цифровой процесс получения, обработки и использования новой информации без «цензурирования» статусными представителями общества, но одновременно манипулируемый теми неявными акторами сети, кто контролирует сетевой трафик (провайдеры, поисковые системы, рекламодатели, политические интересанты и др.), с целью получения выгоды и управления социумом, совершенно изменяет восприятие человеком как самого себя, так и окружающей его реальности.

Человек с сетевым восприятием времени начинает жить в другом пространстве мер. Фактически, он использует структурированный сетью стимул – реакционный способ временного отсчета, принятый в циклическом восприятии времени, но наложенный на бессознательное восприятие альтернативных возможностей развития будущего, актуальный в линейном восприятии времени. Поскольку человек сетевого времени живет в суперперегруженном информацией

мире, то для того чтобы отстраниться от негативного воздействия информационного «белого шума», в его сознании заблокировано чувство ожидания начала и окончания того или иного действия или события. Люди «сети» в подавляющем большинстве не умеют ждать. Говоря языком Гуссерля, блокировка происходит посредством растворения «дрейфующего» внимания в «...потенциальном горизонте... “пассивной” предварительной данности (*Vorgegebenheit*)» [7, с. 364–365]. Аналогичное состояние характерно для сознания циклически воспринимающего время человека, находящегося в «анабиозе рефлексии» негативного цикла и взаимодействующего с реальностью посредством чувственно-эмпатического мира своего «Я».

«Благоприятный цикл – неблагоприятный цикл» циклического времени можно отождествить с состоянием «есть информационный сигнал от ситуации – нет сигнала от ситуации» в сетевом времени. Вследствие этого человек и общество сетевого времени находятся в единственно для них значимой реальности момента «здесь-и-теперь» («*NOW*»). При прохождении неблагоприятного цикла в циклическом времени сознание человека вынуждено «замирать» или «дрейфовать», стремясь не производить при этом никаких энергозатратных действий. В сетевом времени при «ожидании следующего активирующего сигнала» сознание переключает внимание с одного информационного потока на другой или само становится информационным сигналом, создавая новые знания для других участников сети, «дрейфуя» в безвременьи океана *Vorgegebenheit* между этими двумя видами активности. Структуру сознания, предвосхищающую поступающие в сознание сигналы и одновременно «конституирующую пустоту» отсутствия информации через создание новых видов знания, Э. Гуссерль назвал «протенцией». В литературе постоянная смена направленности поверхностных информационных

потоков, поступающих «в» и «от» сознания человека информационной эпохи, получила название «клиповой реальности». Доминирующая протенциональность, воздействующая на сознание человека и на активность сетевого общества, и является единоличным властителем сознательной деятельности каждого человека сетевого времени. До некоторой степени эта технология характерна и для сетевого общества в целом.

Другим важным отличием сетевого восприятия времени от двух предыдущих является обособление сознания индивида от чувственно-ощуяемого пространственного восприятия реальности. Для рефлексивно-мыслящего человека сетевого времени приоритетно не то, откуда пришел интересующий его информационный импульс, а непротиворечивость, достоверность, полнота, актуальность, что называется ценностью информации. В книге самопризнаний «Опыты», впервые изданной в 1580 г., Мишель Монтень охарактеризовывал противоположное явление в обществе циклического времени примерно в таком виде: «Обычно я вижу, что, когда люди сталкиваются с фактами, их больше занимает происхождение этих фактов, чем их суть». Человек и сообщества сетевого времени (назовем их акторами сети) ищут взаимного доверия для того, чтобы иметь возможность максимально свободного доступа и передачи необходимой им качественной информации, являющейся для них главным и самым ценным ресурсом. Назовем подобное восприятие времени субъект-субъектным (S-S) отношением с реальностью. Каждый актер в реальности сетевого времени негласно признает равноценность друг-друга в сети («гетерархичность соотношений» [17]), что приводит к повышению ценности отношений между актерами, проявляющихся через аккуратное выстраивание личностных границ во время взаимодействия. В случае же, если право на субъектность бывает нарушено, т. е. субъект сетевого взаимодей-

ствия переходит в S-O отношения с сетью, стремясь занять главенствующую позицию, то такой актер-манипулятор неизбежно лишается всех ценных для него входящих информационных потоков (сеть в течение определенного временного периода перенастраивает каналы передачи информации) и обнаруживает себя в моносубъектном Mono(S) пространстве циклического восприятия времени. Субъект-манипулятор отрывается от равноценного взаимодействия с информационной сетью, но при этом продолжает быть окруженным, непрерывно воздействующим на него «белым шумом» бесконечного информационного потока сообщества сетевого времени.

В заключение данной статьи необходимо обратить внимание на следующий феномен активности людей современного общества. Интенция, ретенция и протенция являются базовыми атрибутами сознания любого психически сохранного человека. Несмотря на то, что любой человек способен переключаться в сознании на разное восприятие времени и действовать релевантно контексту складывающейся вокруг него ситуации, только личностные качества его сознания и умение манипулировать ими дают человеку возможность активировать нужное восприятие времени. Эти базовые умения и являются той предметной областью, на которой должно быть сфокусировано внимание дидактической системы опережающего (предвосхищающего) образования в сетевой эпохе.

Список литературы

1. Герасимова И. А. Рисуем время (О роли визуализации в учебном процессе) // Эпистемология и философия науки. 2007. № 4. С. 216–231.
2. Дебор Ги. Общество спектакля / [пер. с фр. С. Офертас и М. Якубови]. М.: Логос, 2000. 184 с.
3. Иванова А. С. Влияние феноменологического проекта Э. Гуссерля на соци-

альную теорию. Ч. 2 // Философия науки и техники. 2017. № 2. С. 136–147.

4. Тимашев С. Ф. Время в естественных науках [Электронный ресурс]. URL: http://ligis.ru/librari_2/075.htm (дата обращения: 01.03.2018).

5. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Квантово-сложностная парадигма. Междисциплинарный контекст. Курск: Университетская книга, 2015. 136 с.

6. Герасимова И. А. Пространство и время // Эпистемология и философия науки. 2004. № 1. С. 166–174.

7. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

8. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2003. 456 с.

9. Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. 456 с.

10. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

11. Eliade Mircea Myth and Reality. New York: Harper & Row Publ., 1963. 204 p.

12. Лобастов Г. В. Философия и личность // Педагогическое мышление: направления, проблемы, риски. М.: Русское слово, 2015. С. 10–39.

13. Johnston S. A. Religion, Myth, and Magic: The Anthropology of Religion. Recorder Books, LLC, 2009. 81 p.

14. Eller J. D. Introducing Anthropology of Religion Culture to the Ultimate. New York, London: Routledge, 2007. 368 p.

15. Davidson C. N., Goldberg D. T. The future of learning institutions in a digital age // MIT. 2009. P. 67.

16. Рорти Р. Философия и будущее / [пер. с англ. Т. Н. Благовой] // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29–34.

17. Аршинов В. И., Алексеева И. Ю. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: ИФ РАН, 2016. 196 с.

Поступила в редакцию 15.02.18

UDC 14

N. A. Petyaev, Post-Graduate Student, Institute of Philosophy Russian Academy Sciences (Moscow, Russia) (e-mail: n.petyaev@gmail.com)

CYCLIC, LINEAR AND NETWORK TIME

The article examines three types of subjectively perceived time: cyclical, linear and network. The author stresses that the notion of time has a subject-oriented dimension and, according to the systemic or synergetic (interdisciplinary) approach, depends on the temporal dimension of the subject as an active participant of the process of creating the temporal order of events. Based on analysis of everyday human practice allows the cyclical time may be interpreted as a natural construct. Linear time may be defined as reflexive, that is linked to the specific personal function of rational processing of information received from written sources. The author shows that the perception of time in individual and collective consciousness has drastically changed over the last decades. He proposes a new concept of "network (informational) time", which is a synthesis of cyclical and linear time possible only within the tradition of the European technocultural paradigm of civilizational development. The author then describes in main features the activity of network subjects (actors) within the framework of informational time, as well as the practices they use to process the received information and to unconsciously protect themselves from the permanent influence of the informational "white noise". Short characteristics are given to such phenomena as the "clip thinking" of subjects in network time and the ability of network actors to generate new types of knowledge in network communication. The dynamic interaction of different images of time can be explained in Edmund Husserl's phenomenological framework of pure structures of consciousness, with implications for the didactic approaches to the anticipatory education of adults.

Key words: network age, cyclical, linear and network time, intention, retention and protention, anticipatory education.

For citation: Petyaev N. A. Cyclic, linear and network time. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 212–221 (in Russ.).

References

1. Gerasimova I. A. Risuem vremya (O roli vizualizacii v uchebnom processe). *Ehpistemologiya i filosofiya nauki*, 2007, no. 4, pp. 216–231.
2. Debor Gi. *Obshchestvo spektaklya*. Moscow, Logos Publ., 2000. 184 p.
3. Ivanova A. S. Vliyanie fenomenologicheskogo proekta Eh. Gusserlya na social'nuyu teoriyu. Pt. 2. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2017, no. 2, pp. 136–147.
4. Timashev S. F. *Vremya v estestvennyh naukah*. URL: http://ligis.ru/librari_2/075.htm (accessed 01.03.2018).
5. Arshinov V. I., Budanov V. G. *Kvantovo-slozhnostnaya paradigma. Mezhdisciplinarnyj kontekst*. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2015. 136 p.
6. Gerasimova I. A. *Prostranstvo i vremya*. *Ehpistemologiya i filosofiya nauki*, 2004, no. 1, pp. 166–174.
7. Gajdenko P. P. *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2006. 464 p.
8. Mah Eh. *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psihologii issledovaniya*. Moscow, BINOM, Laboratoriya znaniy Publ., 2003. 456 p.
9. Molchanov V. I. *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2007. 456 p.
10. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p.
11. Eliade Mircea *Myth and Reality*. New York, Harper & Row Publ., 1963. 204 p.
12. Lobastov G. V. *Filosofiya i lichnost'*. *Pedagogicheskoe myshlenie: napravleniya, problemy, riski*. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2015, pp. 10–39.
13. Johnston S. A. *Religion, Myth, and Magic: The Anthropology of Religion*. Recorder Books, LLC, 2009. 81 p.
14. Eller J. D. *Introducing Anthropology of Religion Culture to the Ultimate*. New York, London, Routledge Publ., 2007. 368 p.
15. Davidson C. N., Goldberg D. T. *The future of learning institutions in a digital age*. MIT, 2009, p. 67.
16. Rorti R. *Filosofiya i budushchee*. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 6, pp. 29–34.
17. Arshinov V. I., Alekseeva I. Yu. *Informacionnoe obshchestvo i NBIKS-revoluciya*. Moscow, IF RAN, 2016. 196 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- рецензию специалиста по соответствующему направлению;
- рекомендацию кафедры или научно-исследовательского отдела учреждения, в котором выполнена данная работа;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа (обязательно для статей по техническим специальностям, по экономическим – по требованию редколлегии);
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- электронный носитель (CD-диск).

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

7. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

8. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200–250 слов), отражающая содержание статьи.

Например:

УДК 004.9:519.8

А.Л. Иванов, канд. техн. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск)
(e-mail: ivanov@gmail.com)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

Ключевые слова: агентное моделирование, градообразующее предприятие, событие.

9. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

10. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

Необходимо учитывать, что **полоса набора – 75 мм**. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. **Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!**

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций ($\sin$, $\cos$, $\tg$ и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

11. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

12. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются**.

13. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристайные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

14. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.: (4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/index.php>.